

**ВОЙНА
И ВОИНСКИЕ ТРАДИЦИИ
В КУЛЬТУРАХ НАРОДОВ
ЮГА РОССИИ**

VIII ТОКАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ИЗДАЕТСЯ ФОНДОМ
ИМ. СВЯЩЕННИКА ИЛИИ ПОПОВА

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
ФГАОУ ВО «ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ ЮНЕСКО
ПО ИЗУЧЕНИЮ КОЧЕВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
ПРАВИТЕЛЬСТВО РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ
МИРОВОЙ ЭТНОСПОРТ (ОБЩЕСТВО)
АССОЦИАЦИЯ (СОЮЗ) СОДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ФЕСТИВАЛЯ
КАЗАЧЬИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВИДОВ СПОРТА
И НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА «ШЕРМИЦИИ»
ВОЙСКОВОЕ КАЗАЧЬЕ ОБЩЕСТВО «ВСЕВЕЛИКОЕ ВОЙСКО ДОНСКОЕ»
ФОНД ИМЕНИ СВЯЩЕННИКА ИЛИИ ПОПОВА

ВОИНА И ВОИНСКИЕ ТРАДИЦИИ В КУЛЬТУРАХ НАРОДОВ ЮГА РОССИИ

VIII ТОКАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-
ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

г. Ростов-на-Дону
2019 г.

ББК 68,3+71.1
УДК 355.01
В-65

Редакционная коллегия:

Бойко А.Л., к.и.н., доцент кафедры археологии и истории древнего мира ИИМО ЮФУ;

Черницын С.В., к.и.н., доцент кафедры истории и культурологии ДГТУ;

Шалак М.Е., к.и.н., доцент кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения ИИМО ЮФУ;

Яровой А.В., д.ф.н., доцент кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков Азово-Черноморского инженерного института Донского государственного аграрного университета в г. Зернограде.

В-65 **Война и воинские традиции в культурах народов Юга России**
(VIII Токаревские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 17-18 мая 2019 г.) / Отв. ред. к.и.н. А.Л. Бойко, д.ф.н. А.В. Яровой. – Ростов н/Д.: Изд-во «Альтаир», 2019. -266 с.

ISBN 978-5-91951-578-4

В сборник включены материалы Всероссийской научно-практической конференции «Война и воинские традиции в культурах народов Юга России» (VIII Токаревские чтения), проходившей 17-18 мая 2019 г. на базе Института истории и международных отношений ЮФУ.

Конференция посвящена памяти выдающегося отечественного конструктора-оружейника Ф.В. Токарева, родившегося на Дону в 1871 г. Доклады конференции освещают темы войны и воинских традиций в истории народов Юга России и ряда сопредельных территорий.

Сборник предназначен для специалистов в области военной истории, культурологии, социологии и археологии. В качестве учебного пособия может быть использован студентами гуманитарных факультетов вузов.

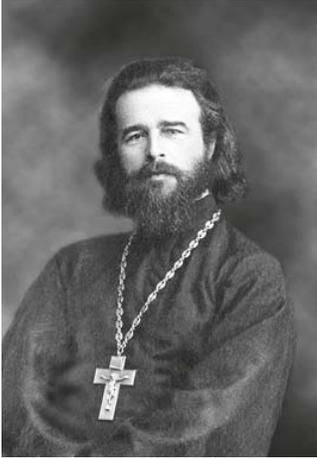
Для оформления обложки использована украинская народная картина «Казак-мамай» из собрания Государственного музея украинского изобразительного искусства (г. Киев), представленная в комплекте открыток «Украинские народные картины «"Кзаки-мамаи"» серии «Хранится в музеях СССР». Ленинград, Изд-во «Аврора», 1975.

**Дирекция ИИМО ЮФУ благодарит Фонд
имени священника Илии Попова
за финансовую помощь в создании сборника**

ISBN 978-5-91951-578-4

© ИИМО ЮФУ, составление, 2019

© Авторы статей, 2019

Священник Илия Попов 1871–1937

Священник Илия Попов, сын, внук, правнук, праправнук и прапраправнук донских священно- и церковнослужителей, служил в храмах станиц трёх округов Области Войска Донского, с 1916 года – в станице Великокняжеской (с 1925 года – станица Пролетарская). После закрытия 16 декабря 1935 года последнего в районе храма Мучеников Флора и Лавра продолжал духовное окормление паствы. Арестован в станице Пролетарской 24 сентября 1937 года. Расстрелян в День Покрова Пресвятой Богородицы 14 октября 1937 года.

В настоящее время материалы к канонизации священника Илии Попова в лике новомучеников и исповедников Церкви Русской находятся на рассмотрении в Комиссии по канонизации святых Донской митрополии.

*Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное
(Мф. 5:10)*

ФОНД ИМЕНИ СВЯЩЕННИКА ИЛИИ ПОПОВА
WWW.POPOVFOUNDATION.ORG

В 2013 году была создана Донская региональная благотворительная общественная организация имени священника Илии Попова, которая осуществляет научную, культурно-просветительскую, благотворительную деятельность, способствующую прославлению подвига новомучеников.

**РАЗДЕЛ I.
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОСЕДЛЫХ И КОЧЕВЫХ
КУЛЬТУР В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ЮГА РОССИИ**

А.К. Амирханова (Махачкала)

**КОЧЕВЫЕ ТРАДИЦИИ В ИСТОРИИ НОГАЙЦЕВ
(ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Ногайцы (самоназвание «ногъай») – один из многочисленных тюркоязычных народов Северного Кавказа. Говорят ногайцы на языке, который относится к кипчакской подгруппе тюркской группы алтайской семьи языков, внутри которой вместе с каракалпакским и казахским образует кипчакско-ногайскую подгруппу [3, с. 165]. Ногайцы принадлежат к южносибирской (туранской) переходной расе (промежуточной между европеоидной и монголоидной расами). При этом некоторые группы ногайцев вследствие сильного смешения с местными кавказскими народами включают в себя и чисто европеоидные типы (кубанские и кумские ногайцы) [22, с. 4]. Как народность оформилась во второй половине XV века на землях между Волгой и рекой Урал. До этого отдельные племена, вошедшие позже в их состав, кочевали и на Предкавказской равнине [4, с. 6-7]. «Разумеется, при рассмотрении вопроса о формировании ногайского народа следует обратиться к истории Ногайской Орды, в которой происходили сложные процессы складывания этноса» [12, с. 29.] В северокавказских степях и на северо-восточной территории современного Дагестана, данный этнос появляется после распада Ногайской орды во второй половине XVI в. на два улуса – Большая и Малая Ногайская орды [8, с. 113].

В XV–XVI вв. ногайцы вели кочевой образ жизни. Кочевые традиции и связанные с ними природно-географические условия ареала обитания повлияли на хозяйственную деятельность, традиции и быт народа. Как известно, любая проблема, связанная с историей хозяйства, будь это скотоводство, земледелие, в целом хозяйственно-культурный тип требует увязки с вопросом о природно-географических условиях [16, с. 35]. Разведение крупного рогатого скота, который веками привыкал к кочевничеству, являлось основной хозяйственной деятельностью ногайцев. Описание ногайцев Северного Причерноморья в начале XVII в. мы находим у Жана де Люка: «Скота у них очень много. Когда я был в Балюткое... меня позвал в дом Демир. У него я спросил, сколько голов скота в его стаде пасется вокруг его кибитки? Из ответа оказалось, что более 400000 голов скота. Вот почему они никогда не остаются на одном месте, а беспрестан-

но переходят, обыскивая новые пастбища» [6, с. 490]. В течение веков у ногайцев сложились три основных типа скотоводства: кочевое, полукочевое и оседлое [8, с. 61].

Занимались ногайцы и коневодством. Как отмечал Д. Шлаттер, ногайская порода лошадей среднего роста, шея у нее крутая, ноги тонкие и мягкие, копыта прочные, грудь широкая [23, с. 277].

Путешественник Э. Челеби писал о разведении верблюдов ногайцами: «Во время кочевок шатры из войлока нагружают, подобно башням, на верблюдов и верблюжьи повозки и кочуют. Все ногайские татары обрабатывают землю с помощью верблюдов» [21, с. 53]. От верблюдов получали и молоко, шерсть, мясо. «Особенно ценилась зимняя верблюжья шерсть из-за ее мягкости и эластичности. Из нее изготовляли войлоки для пеленания грудных детей в холодное время года» [8, с. 65]. В конце XIX в. только у караногайцев было зарегистрировано 2557 верблюдов [9, с. 51]. Осетины и черкесы, живя по соседству с ногайцами «восприняли от них навыки содержания этих животных, широко используя их в хозяйстве для выполнения различных работ» [10, с. 25].

Разведение овец имело меньшее значение там, где преобладали дальние кочевки. Использовали их, в основном, как меновой товар.

Со временем ногайцы все больше отходят от традиционного для них разведения верблюдов и овец, переключаясь на земледелие и рыболовство. Однако периодически повторяющиеся передвижения кочевников вместе со скотом и нашествия завоевателей становились большим препятствием для роста хозяйства. Исследователи отмечали, что «ногайцы не долго живут на одном месте. Несколько дольше остаются они только там, где засеяли поля, но по окончании жатвы всегда перекочевывают в другие места» [13, с. 25]. И, хотя с начала XIX в. характер кочевания ногайцев меняется, тем не менее, в хозяйстве их оставались кочевые традиции. Земледелие занимало незначительное место в жизни народа. Однако отдельные этнические группы ногайцев довольно рано начали заниматься земледелием, хотя и продолжали вести кочевой образ жизни. О существовании земледелия у них еще в XV–XVI вв. свидетельствуют сообщения средневековых путешественников. Так, например, в грамоте ногайского князя XVI в. написано: «А пашню Сарайчукскую вода взяла... и ты бы нам прислал на семена судно хлеба...» [11, с. 23–24]. И. Шильтбергер, отмечал, что жители «Великой Татарии» (туда входила и Ногайская орда) из хлебных растений «сеют одно только просо (prein) [17, с. 55].

В октябре-ноябре ногайцы собирались на зимних стоянках, где в процессе оседания и перехода к оседлости строились турлучные или саманные дома. Здесь же вблизи от зимних поселений располагались поля, где сеяли просо, овес, ячмень, пшеницу, выращивали различные бахчевые культуры [7, с. 497-498].

Как отмечал Н. Семенов «Костековские и аксаевские ногайцы ост-

ро ощущали недостаток в пастбищах. Это вынудило их широко заняться земледелием, а также и отхожими промыслами. В конце XIX века хлебопашеством у них занималось 850 семейств, ежегодно засевавших 250 чувалов пшеницы и 150 чувалов проса...» [18, с. 369]. Процесс полного перехода ногайцев к оседлости происходил постепенно и роль земледелия значительно повышалась. Кубанские ногайцы, начиная с XVIII в. вели оседлый образ жизни и занимались земледелием, а во второй половине XIX в. земледелием начали заниматься и ногайцы Ачикулакского приставства. Окончательный переход завершился только во время проведения земельно-водной реформы (1927–1934 гг.) [7, с. 498].

С развитием товарно-денежных отношений ногайцы стали выменивать зерно и муку на скот, масло, шерсть у своих соседей кумыков, русских, чеченцев, кабардинцев. Обмен происходил у самих ногайцев в степи и на городских рынках.

Кочевой образ жизни отразился и на типах жилищ ногайцев. Жили они в селениях, которые состояли из нескольких групп кибиток. «Настоящее кибиточное ногайское селение называется куйп. Куйп состоит из нескольких групп кибиток, расположенных одна от другой на расстоянии от версты до двух. В каждой группе насчитывается от 40 до 60 кибиток» [20, с. 64]. «Зимую кибитки огораживаются с запада, севера и востока стенами из бурьяна для защиты от холодных ветров; такие стены делаются для загона скота, овец и лошадей во время буранов и метелей. Те аулы, в которых встречаются подобные бурьяновые изгороди, называются по-ногайски кышлав, что в переводе значит зимовка. В зимовках ногайцы живут только зимою, а с наступлением весны перекочевывают в другое место; с наступлением же следующей зимы они опять возвращаются в эти зимовки» [19, с. 14]. Меняя свое место жительства во время перекочевок, ногайцы перевозили с собой всё: скот, жилища. Основным жилищем являлись юрты. Зимой юрту утепляли кусками войлока, циновкой, коврами. В центре жилища располагался очаг, на котором стоял железный треножник. Выходцы из одной большой семьи сооружали юрты рядами, которые образовывала аул. В центре такого аула всегда располагалась кибитка старшего главы рода. Построенные таким образом юрты, создавали небольшое родственное поселение. Однако «поскольку ногайцы кочевали на огромной территории в Нижнем Поволжье, в степях Северного Кавказа и Северного Причерноморья, на Кубани... они настолько перемешались между собой, что к концу XIX – началу XX вв. уже было трудно найти крупный аул, населённый одним родовым подразделением» [15].

Для молодоженов обычно ставили новую юрту или кибитку, которую им дарил отец невесты. Рожать женщины ходили в дом своих родителей за пару месяцев до родов, там же оставались и до исполнения ребенку 40 дней. «При родах присутствовали мать, и ее енге (сноха). Роль аку-

шерки выполняла опытная бабка – повитуха» [5, с. 111]. Рожали в тяжелых, антисанитарных условиях. Часто религиозно-магические обряды заменяли медицинскую помощь.

Система питания ногайцев была построена на строгом балансе молочных и мясных продуктов, которые, в незначительной мере дополнялись и продуктами растительного происхождения [1]. Исследователи о ногайцах писали: «Пекут хлеба и приготавливают мучное кушанье, как вареное, так и жареное лошадиное, баранье и говяжье мясо, азиатскую кашу, плов называемую, кисель, мучное кушанье попросту лапша именуемую, тонкий пшеничный хлеб, чурек называемый, а особливо любят чай» [4, с. 214].

Выпечку хлеба в жаре (с золой) считают одним из самых древних способов выпечки хлеба. Этот способ дольше всех бытовал у ногайцев. Такой хлеб пекли, зарыв «тесто непосредственно в горячую золу, либо на чугунной сковороде, накрыв ее сверху второй сковородой или какой-нибудь другой крышкой. Сначала тесто помещали прямо в жар на камень и лишь со временем тесто стали прикрывать листом железа или сковородой; следующий этап – замена камня сковородой или котлом, или двумя сковородами. Последнее особенно практиковалось в тех случаях, когда в качестве топлива использовали не дрова, а кизяк» [16, с. 218]. У дагестанских ногайцев со времени перехода на оседлость для выпечки хлеба стали сооружать печи кумыкского типа. Ачикулакские ногайцы к тому же пользовались русскими печами и соответственно выпекали хлеб в виде караваев.

Пшеничную муку ногайцы в основном использовали при приготовлении праздничных блюд [8, с. 216], а хлеб для повседневного употребления они готовили чаще из проса, позднее – из кукурузной муки и очень редко из пшеничной. Также выпекали хлеб из ржаной и просяной муки в смеси с ячменной или пшеничной. Вместо хлеба часто употребляли круто сваренную на воде или на молоке, сыворотке кашу из просяной крупы или муки – «туый баста», «уьйре». Лишь изредка они выпекали хлеб «обтпек» из этой же просяной муки [4, с. 200-201]. Тесто разделявали на выделанных бараньих шкурах, в которых чаще всего оно и подходило [2, с.72].

Не смотря на то, что усиление торгово-экономических и этнокультурных связей с другими народами, многоотраслевое хозяйство, рост культурного уровня и материального благосостояния народа способствовали появлению в их быту новых блюд, всё же и в наши дни традиционная система питания ногайцев сохраняет свои этнические особенности, а национальные блюда продолжают занимать доминирующее положение в ногайской кухне [1].

Кухонная утварь ногайцев в основном изготавливалась из дерева, камня, из сушеной тыквы изготавливали чаши, из кожи изготавливали ведерки для воды и т.д. Использовали также металлические казаны для приготовления пищи на костре. Вся эта посуда была удобной и для перевозки во время перекочевок. Фарфоровую посуду могли себе позволить купить только богатые.

Так как ногайцы, будучи воинами-степняками, большую часть времени проводили на коне, то и одежда их отражала особенности кочевого образа жизни. Так, сапоги имели высокие голенища, штаны были широкого кроя для удобства верховой езды, капталы и шепкены были с запахом и с открытой грудью, различные виды головных уборов учитывали климатические особенности летнего и зимнего времени года. Мужскую одежду дополняли оружие и воинские доспехи: лук и стрелы, топор, копье, кольчуга, кинжал, шашка. [14].

Ткани для шитья одежды ввозили или изготавливали сами, а также приобретали на рынках путем меновой торговли. В пору расцвета Ногайской Орды, из Москвы получали сукно. Через существующий в Бухаре ногайский караван-сарай поступали китайский, индийский шелка и другие ткани [8, с. 120]. Шили одежду тоже сами. Зачастую, легкое одевание в ненастную погоду в условиях кочевого быта становилось причиной лихорадок, простуд, смертоносных эпидемий. Не всем удавалось спастись от опасных заболеваний лишаяющих жизни, особенно детям.

Переход от кочевой жизни к оседлости, а также взаимовлияния, происходящие между соседними народами стали причиной изменений традиционного костюма ногайцев. Однако в основе современного национального костюма присутствуют традиционные элементы одежды древних кочевников. В повседневной жизни традиционный наряд современные ногайцы не носят.

По последним данным Всероссийской переписи 2010 года в России проживает 103660 ногайцев. Большинство их на Северном Кавказе, в том числе в Дагестане – 40407 человек, в Ставропольском крае – 22006, в Карачаево-Черкесии – 15654, в Астраханской области – 7589, Ханты-Мансийский автономный округ Югра – 5323, Ямало-Ненецкий автономный округ – 3479; Чеченская Республика – 3444.

Ныне территория Ногайской степи разделена на административно-территориальные границы внутри Российской Федерации. Так, в Карачаево-Черкесской республике действует центр ногайской научно-исследовательской деятельности, а также действует ногайское отделение Института гуманитарных исследований КЧР. В 2007 году там же появилось муниципальное образование «Ногайский район».

Также после реабилитации чеченцев и ингушей и восстановления их республики, Указом ПВС РСФСР № 721/4 от 9 января 1957 года Шелковской район передали в состав восстановленной Чечено-Ингушетии, а Нефтекумский район в состав Ставропольского края. Ногайский, Кизлярский и Тарумовский районы вошли в состав Дагестана. Последствиями этих реорганизаций стало изменение этнодемографической ситуации в районах проживания ногайцев, а также сильное сокращение поголовья скота и падение сельхозпроизводства. Лишь в Дагестане ногайцы составляют 1,3% всего населения республики Дагестан [24] и имеют статус одного из коренных народов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Алимova Б.М. Приоритеты ногайской пищи [Электронный текст] URL <https://etnokconf.astrobl.ru/section/nogayskaya-kuhnya>. (Дата обращения: 15.06.2019).
2. Амирханова А.К. Хлеб в народной культуре тюркоязычных народов Дагестана. Махачкала, 2018.
3. Баскаков Н.А. Тюркские языки. М., 1960.
4. Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. М., 1976.
5. Гаджиева С.Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев в XIX – нач. XX вв. М., 1979 г.
6. Жан де Люк. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, менгрелов и грузин. 1625 г. // ЗООИД. 1879. Т. XI.
7. Ибрагимов М.-Р.А., Аджиев А.М., Кельдасов Р.Б. Ногайцы // Народы Дагестана. М., 2002.
8. Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Ногайцы. Черкесск, 1988.
9. Капельгородский Ф.И. Караногай // ЗТОЛКС, 1914. №10.
10. Кидирниязов Д.С. Взаимодействие ногайцев с народами Северного Кавказа в хозяйственной и культурной сфере в XVI-XIX вв. // ВИАЭ, 2005, №4.
11. Кидирниязов Д.С. Ногайцы Северного Кавказа и их взаимоотношения с Россией в XVIII веке. Махачкала, 2000.
12. Кидирниязов Д.С. Ногайцы в XV-XVIII вв. (Проблемы политических, экономических, и культурных взаимоотношений с сопредельными странами и народами). Махачкала, 2000.
13. Мошков В. А. Материалы для характеристики музыкального творчества инородцев Волжско-Камского края. Мелодии оренбургских и ногайских татар. // ИОАИЭ. 1895. Т. XIX, Вып. 1-2.
14. Ногайцы. [Электронный текст] URL <https://ru.wikipedia.org/wiki/Ногайцы>. (Дата обращения: 22.06.2019).
15. Ногайский этнос. Прошлое и настоящее. [Электронный текст] URL <http://mirznanii.com/a/129344-2/nogayskiy-etnos-proshloe-i-nastoyashchee-2> (Дата обращения: 22.06.2019).
16. Османов М.О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана. Махачкала, 1996.
17. Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 год // ЗИНУ. 1867, Т. I. Вып. 1-2.
18. Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895.
19. Фарфоровский С.В. Ногайцы Ставропольской губернии. Историко-этнографический очерк, Тифлис. 1909.
20. Федеров Я.А. Историческая этнография Северного Кавказа. М., 1983.

21. Челеби Э. Книга пугешествия. Вып. 2. М., 1979.
22. Ярлыкапов А. Ногайцы // ЖР. 2007. № 3.
23. Schlatter D. Bruhstucke aus einigt Reisen nach det sudlichen Russland in den Yahren 1822 bis 1828. St.-Gallen; Bern, 1836.
24. Всероссийская перепись населения–2010 [Электронный текст] URL <http://www.gks.ru> ВПН – 2010 (Дата обращения: 23.01.2017)

А.В. Яровой (Зерноград)

**«ГЛАВНОЮ ПРУЖИНОЮ ИХ ДЕЯНИЙ СЛУЖАТ
БРАННОСТНЫЕ ВОИНСТВЕННЫЕ
УПРАЖНЕНИЯ»: ВОЕННАЯ ИГРА XVIII В.
В ОКРЕСТНОСТЯХ СТАРОЧЕРКАССКА**

Воинственность как свойство «бранелюбивого, готового на бой» человека [4, с. 231], была неотъемлемой чертой характера старых донцов. Эта черта развивалась всем образом жизни донца XVIII столетия, полного военных походов, набегов на беспокойных соседей и службой российской короне. Воинственность воспитывалась разными культурными механизмами, которые были сформированы природными условиями, хозяйственным бытом и мировоззренческими установками народа. Все это выражалось в обрядовой культуре, одной из составляющей которой были детские игры. Рассмотрим значение одной из военных игр донских казаков, описание которой сохранилось в литературных источниках XIX века, в частности в работах В. Сухорукова, В. Броневского, К. Абазы. Эту игру устраивали казачата в окрестностях Старого Черкасска. В.Д. Сухоруков так описывает ее, повествуя о быте казаков в правление атамана Данилы Ефремова: [21, с.48]: «В другом месте около палисадника – большая толпа малюток, разделенная на две партии, разбила лагерь из камыша. Вся – в воинских доспехах. В бумажных шапках и лядунках, с лубочными саблями, с маленькими деревянными пиками. В каждой партии – свой предводитель. Знамена из окрашенной бумаги, трещотки, бубны и тарелки для торжественных песней. По данному знаку обе партии снимаются с лагерь, сходятся, сражаются. Победители преследуют побежденных, отбивают знамена, берут в плен людей и торжественно, с трофеями своих подвигов, при звуке бубнов и тарелок, входят в город, чтобы принять от стариков похвалу» [21, с. 51].

Попутно заметим, что В. Сухоруков приурочивает игру к праздни-

ному дню, в который молодежь выходила к палисаднику или в сады, и устраивала стрельбу из ружей и луков. В такой стрельбе метой служили не только мишени для стрельбы, но и яйцо, что указывает на обрядовый характер состязания [21, с. 50].

К. Абаза вносит уточнение в описание этой игры. Он пишет, что «партии детей строили камышовые городки. В бумажных шапках и лядунках, с бумажными знаменами и хлопушками, верхом на палочках, противники сходились, высылая стрелцов или наездников-забияк и, нападая, сражались с таким азартом, что не жалели носов; рубились лубочными саблями, кололись камышовыми пиками, отбивали знамена, хватали пленных. Победители под музыку из дудок и гребней, с трещотками или тазами, возвращались торжественно в город, сзади, заливаясь слезами, и понуриив от стыда головы, шли пленные» [1, с. 24]. В. Броневский привязывает эту игру к майскому смотру Войска, когда вся старшина, во главе с атаманом выходила за город, на непотопляемые места, разбивали лагерь и творили суд [2, с. 156]. «В продолжении смотра Войску, мальчики выходили из города целыми легионами: они разделялись на две армии, выбирали себе предводителей и близ палисадника строили лагерь из камыша. В бумажных шапках и лядунках, с бумажными знаменами и хлопушками, на палочках верхом, сходились, высылали стрелков и наездников-забияк, нападали, сражались, рубились лубочными саблями, кололи друг друга легкими тросточками, отбивали знамена, брали в плен; и с трофеями победы, при звуке трещоток, тазов, сковород, с песнями и гребешковую и дудочную музыку, торжественно возвращались в город. Старики и сам атаман подзывали к себе проворнейших, ласкали их, и в награду дарили лакомства [2, с. 158-159].

Современные исследователи упоминают эту игру в связи с рассмотрением казачьих игр как особого этнопсихологического феномена (А. Черная), в контексте социализации подрастающего поколения (М. Рыблова). Так, А.Черная относит эту игру, к такому типу игр, в которых прямо или косвенно отражались особенности военного быта взрослых. «Они складывались под влиянием впечатлений, навеянных рассказами взрослых казаков об их воинских походах. Традиции постоянного совместного взаимодействия пронизывали гражданскую и военную жизнь казачьей общины... Участие рядом со взрослыми во всех важных станичных делах... носило для юношей, подростком, детей младшего возраста иницирующий характер» [23, с.26]. Иницирующий характер этой игры отмечал и Б. Проценко, который приводил ее, ссылаясь на К. Абазу, в качестве примера финала подростковой инициации, называя «потешным сражением». Он отмечал, что «испытательность этого обряда очевидна. Пройдя через «потешное» сражение, подросток затем полностью посвящал себя подготовке к службе в армии, что свидетельствует о поговором характере обряда... Заключение часть подростковой

инициации постепенно стала элементом сословной культуры, сведя эту инициацию к испытанию качеств казака-воина» [17, с. 70]. М. Рыблова, ссылаясь на Сухорукова, почему-то указывая, что это были забавы новочеркасской детворы, также говорит об этой игре, как о подготовке к будущей службе, в контексте социализации будущих воинов [19, с. 102].

Целью нашей работы будет являться рассмотрение военной игры детей Черкаска, как явления отражающего старинный обряд традиционной культуры донских казаков. Здесь методологическое основание нашего исследования базируется на концепции ритуального происхождения игры, согласно которой ритуал в процессе эволюции последовательно проходит стадии драматизированного действия, молодежного игрища и детской игры [12, 70; 3, с. 87]. В качестве метода исследования будет использоваться ретроспективный метод, поскольку обрядовое действие, однажды возникнув, со временем претерпевает определенные трансформации, меняет свою функциональность, вырождаясь в игру, доступную нам в поздних источниках и этнографических записях. Как писал Д. Зеленин, при использовании ретроспективного метода, «мы идем не от старого к новому, а от нового, нам современного и более нам близкого, – к старому, исчезнувшему, пятясь, так сказать, раком в глубь истории» [7, с. 38]. Современный взгляд на оперирование этим методом высказал Н.И. Толстой: «проделав путь от «нового» к «старому», от «современности» (XIX–XX вв.) к древности, установив перспективную эволюционную последовательность в обратном порядке, можно и нужно «перевернуть» этот порядок, возвращая всему процессу развитие его исторической последовательности. Таков... способ исследования, который условно можно назвать методом рытья туннеля с двух сторон. Последовательное продвижение «из глубины» подкрепляется сравнительно-историческим методом, фактами родственных индоевропейских культурных традиций» [22, с. 19–20].

Обращаясь к структурным элементам детской военной игры, выделим следующие акциональные действия: 1) выдвигание участников за палисадник или в сады, 2) строительство камышового лагеря, 3) разделение участников на две партии, 4) выборы предводителей партий, 5) сражение, 6) триумфальное возвращение победителей в город, 7) награждение отличившихся по мнению стариков участников. Предметный код акцентирует внимание на вооружении партий, наличии у них знамен, музыкальных инструментов, лубочных сабель и камышовых копий, элементов защитного доспеха и проч. Вербальный код заключается в военных командах, боевых песнях, о содержании которых мы можем только догадываться. Выдвигание участников за палисадник, в сады, предполагает устройство игры за границей города, в местах пограничных, священных, связанных с событиями казачьей истории. Строительство камышового лагеря предполагает устройство полевого лагеря, места

стана, центра юрта, состоящего из юртообразных помещений, о которых писал де Романо [5]. Камыш являлся не только самым ходовым строительным материалом, но и имел мифопоэтическое значение: «казаки из камышов вышли». Разделение участников игры на две партии происходило по правилам угадывания двумя избранными «матками» загадок участников, которые таким образом конались друг с другом (загадывали загадки, перехватывали палку руками). Выборы предводителей партий, видимо, напоминали выборы ясавулов.

Военная игра старочеркасских детей инсценирует сражение, в котором отмечаются тактические действия конных казаков: «поодаль маневрировали толпы мальчиков, заводя противную партию в засады или стараясь схватить удобный случай для нечаянного нападения; старейшины отдавали первенство той или другой стороне» [21, с. 58]. На первый взгляд игра содержит в себе элементы тактической игры взрослых, которые проводились казаками на местах связанных с каким либо историческим событием. Эта игра включала в себя коллективные действия и состязания в стрельбе, скачке, наездничестве. Однако, при рассмотрении времени и места проведения игры, становится очевидным ее обрядовый характер. Темпоральный код отмечает проведение этой игры в праздничный день, связывая его с началом весны – масленицей или майскими сборами на возвышенностях, возле Старочеркасска, в период разливов Дона. Локативный код фиксирует нам такие места: выше Старочеркасска, возле реки Варгунка, там где находились старочеркасские сады и ниже Старочеркасска, там где располагалось Монастырское урочище (яр, остров). В. Броневский отмечал, что подобные обряды «сохраняют на себе отпечаток древних обычаев. Обряды сии совершаются на местах битв, ознаменованных победою; на кладбищах близ церкви, или на местах злодеянием, или каким-либо несчастьем памятных» [2, с. 190].

С XVII века в документах становятся известны сборы казаков на Монастырском острове, неподалеку от современного Старочеркасска. На этих сборах решались важные вопросы внутренней жизни войсковых юртов, на них выявлялись самые лучшие всадники, стрелки, борцы. Сборы происходили с начала весны и до Петрова дня. Здесь на яру проводились войсковые смотры. Как писал А.С. Казаченко: «Общевойсковые сборы и были тем единственным действием, которое происходило на Яру. Яр не в переносном, а в прямом смысле был сценическим войсковым местом. За отсутствием амфитеатра, театральное войсковое сооружение было чрезвычайно примитивно, но все же это был самый настоящий театр. К назначенному сроку на Яр собиралось все войско. Словно в сказке, из ничего выстраивался «амфитеатр», хотя и не каменный, но с признаками той же правильной геометрии круга» [5, с. 39]. Это место иногда именовалось «Казачьим островом», оно было запрещено для чужаков. В 1635 г. после нападения кафинского паши с крымцами и азовцами, 31 человек нападав-

ших попали в плен, которые были казнены, так как по обычаю казачьего войска, «тем людям спуску не бывает» и на выкуп, захваченных на острове не отдавали [13, с. 239]. В последствие на Монастырском урочище была организована войсковая панихида по героям Азовского осадного сидения, которая просуществовала до первой половины XX века [16]. В описаниях В.Д.Сухорукова в мае, когда главное войско собиралось всеми юртами, вторая половина дня посвящалась забавам и играм, который суть борьба, стрельба из ружей и луков в цель, конные маневры [21, с. 66]

В более позднее время места связанные с историей, казаки использовали в качестве мест сборов на праздники [2, с. 189], на таких местах атаманы назначали смотр малолетков. Такими местами выступали также границы юртовых угодий, куда съезжались на состязания казаки из ближайших станиц. Например, в 1818 г. есаул Евлампий Котельников писал применительно к станице Верхне-Курмоярской, что «Торжественные станичные компании были на Троицын день и на Масленицу. Соседние станицы при своих атаманах и стариках, со знамёнами, съезжались верхи на рубеж с общественной сиушкой. Там делали шермиции и кулачные бои» [8, с. 35].

Отметим, что содержательная сторона была практически идентична во всех местах, она отразилась и в детских играх [1, с. 126; 2, с. 138; 11, с. 310; 14, с. 317]. Эта игра повторяет шермицию, которую уже в конном виде устраивали взрослые казаки. На определенное место казаки съезжались при атамане и стариках, на лучших конях, в полном вооружении – с пиками, длинными ружьями, шашками, боршнями, луками и проч. Обширный лагерь разбивался посреди ровной долины, на которой недели по две и по месяцу, в присутствии войскового атамана, продолжались военные игры. Одна толпа юношей пробовала скачкою быстроту лошадей. Другая на всем скаку стреляла в цель. Там удалцы, перекинув через седло стремяна, стоя, неслись во весь опор на диких лошадях, отбиваясь шашкою или целясь ружьем. Либо, разослав на землю бурку и бросив на нее плеть, монету и т.п. хватили их на всем скаку. Выезжали охотники поединчества и, раскакавши друг на друга, начинали бой плетьюми. Затем открывалось новое зрелище. Большая часть воинов в полном вооружении неслась толпою к реке и на все лету, бросившись в воду, переплывала на другой берег... С наступлением вечера производились кулачные бои» [21, с. 66].

В первой половине XIX века, генерал И.И. Краснов, размышляя о боевых качествах казаков, упоминает и их упражнения, которые они производили по праздникам. Он писал, что «все казаки, где бы они ни жили, пред каждым воскресным и праздничным днем, стекались в станицы, по большей части верхами, так, что верховая езда и в домашнем быту была неизбежною потребностью казака, и каждый приучался к ней с самого младенчества... Наслушавшись разных повестей из военной жизни, молодые люди садились на лошадей и выезжали за станицу, где старались представить в действии рассказанное им, и разделяясь на две стороны,

делали пример сражения. Очень нередко присоединялись к ним и служащие казаки, которые делали им со своей стороны наставления. Эти домашние маневры часто соединялись со стрельбою в цель, с лошади и пешком, и с другими воинственными упражнениями; они бывали не только в воскресные дни, после станичных сборов, но повторялись всегда, как только казаки съезжались вместе, особенно верхами...» [10, с. 23–24]

В описаниях английского путешественника начала XIX века эта игра выглядела следующим образом: «казаки упражнялись в маневрах, рассеиваясь по степи, заманивая противника в засаду, в конце были устроены состязания с оружием и джигитовкой» [25, р. 146–147.] На Монастырском урочище в описании А. Ригельмана в XVIII веке, казаки Черкаска «всякий год на оное кладбище в субботу сырной недели поминовение по убитым делают, куда почти все, исключая самых старых и малых, выезжают и по отслужению над оными усопшими панихиды едят и пьют, поют и потом бегают и скачут на конях и делают из того для экзеции своей настояще рыстание, в который случай и не без убийства нечаянного от скачек тех бывает [18, с. 45].

Можно видеть, что содержательной стороной состязаний были скачки на длинные дистанции, скачка на целик (мишень), шермиции – конная игра, напоминающая маневры, пешие фехтовальные игры детей и молодежи, состязания в стрельбе из лука и ружья, во владении оружием, прежде всего пикой. Состязания носили обрядовый характер. Вот как, например, описывает скачку на мишень В. Сухоруков: «На открытом месте стояла мишень – пучок камыша, перпендикулярно поставленный, а в саженях 200 от него назначался пункт, от которого надлежало скакать. Начиналась скачка. Первый несется стрелой седой старец. Бросив у самого пуга поводья, прикладывает он коротким своим ружьем, и пук зажжен. За ним летит юноша, который на все скаку спрыгнув с лошади и держась одной рукой за гриву, выхватывает другой из-за пояса пистолет, стреляет в пук и в миг – на лошади. Другие по следам перепрыгивают через огонь [21, с. 67].

Все эти состязания имели обрядовую природу и составляли важную часть праздника. Наиболее древними из них были весенние праздники, которые слились с Масленицей; обряды поминовения предков, которые в разных станицах проходили на старых городках, погостах; сборы казаков на престольные праздники.

С развитием Войсковой организации происходит отрыв некоторых состязаний в скачке и целевой стрельбе, которые организуются как завершающий этап подготовки казаков к службе или ежегодных лагерей [24]. Положение об управлении Войском Донским 1835 г. регламентировало многие вопросы быта и подготовки казаков, превращая их в замкнутое военное сословие [15], с другой стороны происходила консервация воинских умений и навыков, которые стремительно исчезали из культуры дон-

цов, с приходом нового, земледельческого быта.

Символический смысл состязаний, проводимых над могилами погибших казаков, закодирован и выражается указанными вербальными, акциональными и предметными средствами. Здесь следует также учитывать и то, что после Азовского сидения сместились акценты ритуала – с календарного до политического. В календарном плане состязание выступало элементом сражения, результатом которого явилось рождение нового мира (вспомним весеннее празднование Нового года, например, навруза у кочевников). Всадники прыгали через огонь, зажженный выстрелом; метой для стрельбы служило яйцо; конные и пешие инсценировали сражение, а лучшие наездники показывали удал в владении оружием и конем. При этом лучшие воины прославляли свои юрты умением, из них избирали есаулов и предводителей отрядов. Рождение нового мира, приход на этот свет умерших предков являлись основанием для их поминовения, возможно в древности им приносились жертвы. Всадники устраивали скачку на длинные дистанции, к какому-нибудь кургану, разыгрывали настоящие сражения и состязались в конном и пешем виде, выявляя сильнейших [11, с. 227]. Сильнейшие батыры, отваги, как называли их на Дону, отвечали за благополучие казачьих общин, ими гордились, они несли особый, казачий стереотип поведения, который донцами назывался «донская развязка» или «чагоманская хватка». Описывая ее, информаторы обращали внимание на посадку казака на коне, на манеру держаться в седле, на походку, на умение владеть оружием, собственным телом и конем. В культурах евразийских кочевников подобный праздник претерпел изменений от родового жертвоприношения в честь духа-хозяина местности и предков рода, до отбора воинов в дружины нойонов, для чего собственно, и устраивались военные смотры [6, с. 71]. В средней Азии в дни Науруза молодежь собиралась на традиционный праздник из разных кишлаков, со своими (байраками) знаменами, музыкой и песнями, на обширной площади строили юрты, и устраивали соревнования за честь своих общин [20, с. 178]. Подобные аналогии корректны, если вспомнить полукочевой образ жизни ранних казачьих юртов.

Таким образом, в детской военной игре, которая проводилась в окрестностях Старочеркаска в XVIII – XIX веках, можно видеть отражение ритуальных действий донцов более раннего периода, их обрядов поминовения предков, которые связывались с состязаниями конных и пеших воинов. Подобные обряды проводились в священных для донских казаков местах, связанных с реальной или мифологической историей. «Потешное сражение» несомненно имеющее практическое значение для военного образа жизни казаков, консервирующее тактические схемы сражения, обладала и мифологическим значением, связанным с представлением казаков о первопроднике, о загробном мире и влиянии

судьбы на жизнь народа. При рассмотрении обрядовых действий исследователю следует опираться не только на восточнославянский материал, но и на знание обычаев и традиций евразийских кочевых народов, которые имели в этногенезе и культурогенезе донских казаков не последнее значение.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Абаза К.К. Казаки: Донцы, уральцы, кубанцы, терцы: Очерки из истории и стародавнего казачьего быта. СПб., 1890.
2. Броневский В. История донского войска, описание Донской земли и Кавказских минеральных вод. СПб., 1834. Т.3.
3. Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 2003.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1. СПб., 1996.
5. Де-Романо. Черкасск и Войско донское в 1802 году по описанию Де-Романо. Новочеркасск, 1896.
6. Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии. М., 2002.
7. Зеленин Очерки русской мифологии. М., 1995.
8. Кательников Е. Были донской станицы // Донские казаки в походе и дома. Ростов н/Д., 1991.
9. Казаченко А.С. Пространственная культура казаков Нижнего Дона конца XVI – XVII вв. Ростов н/Д., 2000.
10. Краснов И.И. О донской казачьей службе. СПб., 1852.
11. Краснов П.Н. История войска Донского. Картины былого Тихого Дона. М., 2007.
12. Любимова Г.В. Обрядовые игры с переходной семантикой в русской традиционной культуре //ЭО. 1998. №4.
13. Новосельский А.А. Борьба Московского царства с татарами в XVII в. М.-Л., 1948.
14. Номикосов С.Ф. Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1884.
15. Положение об управлении Донского войска. Ч.1-3. СПб., 1835.
16. Попов Х.И. Историческая панихида на Монастырском урочище // ДЦС. 1906. Вып.1.
17. Проценко Б.Н. Инициальные обряды как элемент духовной культуры донских казаков // ИВУЗСКРОН. 1996. №1.
18. Ригельман А. История о донских казаках. М., 1846.
19. Рыблова М.А. Стать воином. Традиции социализации юношей и подготовки воинов в донской казачьей общине. Ростов н/Д., 2016.
20. Снесарев Г.П. Традиция мужских союзов в ее позднейшем варианте у народов Средней Азии // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958-1961 гг. Т.2. Памятники средневекового времени. Этно-

- графические работы. М., 1963.
21. Сухоруков В.Д. Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях. Новочеркасск, 1892.
  22. Толстой Н.И. «Очерки русской мифологии» Д.К.Зеленина и развитие русской мифологической науки // Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии. М., 1995.
  23. Черная А.В. Традиционные игры Дона: этнопсихологический феномен. Ростов н/Д., 2003.
  24. Яровой А.В. Система обучения владению шашкой в культуре донских казаков // ИО. 2017/2018. №5-6.
  25. The story of a wanderer; founded upon his recollections of incidents in Russian and Cossack scenes, by Robert Dyer. London. 1826.

А.Л. Бойко, И.В. Толочко (Ростов-на-Дону)

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ НИЖНЕДОНСКИХ КАЗАЧЬИХ ГОРОДКОВ¹

В сложном вопросе исторической характеристики казачества и, прежде всего, его определении как этнокультурной группы в составе русского народа важную роль играют памятники материальной культуры (археологические находки). История формирования донского казачества сегодня рассматривается как сложный процесс этнических и культурных взаимодействий на межконтинентальном рубеже, фронтире «Дикого Поля». Северо-Восточное Приазовье, как его составная часть, всегда выделялось высокой интенсивностью этнокультурных контактов на протяжении длительного времени.

На протяжении многих тысячелетий на обширных пространствах Приазовья складывался и получал импульс, до настоящего времени, особый вариант межэтнических отношений. Здесь вступали во многомерные взаимодействия несколько этно-культурных массивов, в том числе и занимающих изначально диаметрально противоположные эколого-хозяйствен-

---

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации ПФИ Президиума РАН № 20 «Новые вызовы климатической системы Земли», № гр. проекта АААА-А18-118011990322-1

ные позиции: земледельцы и кочевники. Чрезвычайная сложность, но одновременно и исключительная плодотворность долгой цепи различных контактов порождали феномен постоянной полиэтничности и культурно-бытового симбиоза. Эти вопросы уже несколько столетий находятся под пристальным наблюдением как профессиональных историков, так и самых широких слоев общественности.

С точки зрения археолога, вопрос об истории донского казачества, которая прослеживается от второй трети XVI в. [17, с. 22] – это вопрос о существовании тождественных памятников материальной культуры, имеющих зримые отличия от материальной культуры населения османского Азова или южнорусских «украин» в эпоху развитого феодализма (позднего средневековья, раннего Нового времени, поздних периодов истории). Отсюда – проблема индикаторов, оригинальных черт в материальной культуре населения Нижнего Дона, которые должны отражать специфику казачества как этносоциальной общности (в крайнем проявлении – «казачьего народа»), ставшей к XVIII в. служилым сословием, частью многоликого мира Российской империи.

Этот вопрос – проблема выявления и идентификации надежно дазируемого круга археологических памятников, отражающих историю донского казачества XVI–XVII вв., не получил на сегодняшний день однозначной оценки. Основной причиной этого зачастую считается отсутствие широкомасштабных раскопок территорий компактного расселения донского казачества в указанный период, их вероятная труднодоступность (чаще всего, из-за расположения на пойменной, низинной части долины Дона) или полное изменение исторического ландшафта и физическое исчезновение объектов поиска. Последнее дает основание безапелляционно использовать неподтвержденную информацию или искусственно препарировать существующие данные, выделяя слой памятников «казачьей» археологии XVI–XVII вв. Ведь данным письменных источников, действительно много сообщавших о деятельности донского казачества, должны соответствовать другие типы исторических источников, определяемых для конкретного времени. Но насколько исследованы известные исторической традиции памятники компактного расселения донского казачества – «городки»? Комплексное изучение поселенческого материала, соотносимого с ранними страницами истории донского казачества позволит однозначно ответить на этот вопрос.

Сегодня не существует «искусственных разделителей» комплекса памятников материальной культуры, которые существовали, например, в XIX и начале XX вв. На I Археологическом съезде в Москве был определен рубеж «древности», исходя из буквального толкования понятия «археология» – «наука о древности». Славянофил М.П. Погодин фактически отождествил «русскую археологию» с древней отечественной историей, которая закончилась 1 сентября 1700 г. с активной фазой петровских преобра-

зований. Это, во многом искусственное разделение, разрушало единый комплекс находок и практически выводило все известные находки в сферу этнографии либо церковной старины. Такое положение вещей сохранялось вплоть до сравнительно недавнего времени («...комплексы позднего времени... находятся как бы между археологией и этнографией, почему обычно выпадают из поля зрения обеих групп исследователей.» [32, с.65]).

После 2005 г., когда редакцией и редколлегией журнала «Российская археология» был проведен круглый стол по теме «Археология позднего периода истории» ситуация коренным образом изменилась [2]. Не случайно, что именно на восстановленных после длительного перерыва Всероссийских Археологических съездах стала постоянно действовать секция, посвященная археологии позднего российского средневековья – раннего Нового времени. Резко выросло не только количество публикаций археологических материалов этого времени, но и повсеместно утвердился практика изучения этого типа памятников при многочисленных новостроечных раскопках [подробнее: 4]. Количество таких работ выросло в разы и на территории Северо-Восточного Приазовья, затрагивая как городские территории (города Ростов-на-Дону, Таганрог и Азов – бывшие русскими военными укреплениями в эпоху войн с Турцией в XVII–XIX вв.), так и сельские поселения (станция Старочеркасская – бывшая до начала XIX в. столицей донского казачества). Итоги этих работ, как правило, частные наблюдения над археологическим материалом и конкретные исторические выводы, касающиеся определенного памятника [1, 3, 14 и др.]².

Применительно к тематике изучения материальной культуры донского казачества в ранние периоды его истории (XVI–XVIII вв.), наиболее актуальными являются следующие вопросы:

1. Определение времени начала научного изучения памятников материальной культуры донского казачества научно-обоснованными методами (археологические наблюдения и раскопки).

2. Выделение горизонта надежно датированных археологическими источниками («закрытыми археологическими комплексами») памятников казачества XVII в.

3. Предположение о сосуществовании нескольких культурных групп в составе донского казачества, представленных «верховым» и «низовым» казачеством. В данном случае речь идет не о хорошо известном по этнографическим данным XIX – начала XX вв. различии станичников Верхнего и Нижнего Дона, а о связи заселения верховий Дона (вплоть до Малой излучины Дона) в ходе очередной волны русской колонизации «Дикого Поля», со стабилизацией политической ситуации в Московском

---

² Отметим учебный курс «Археология поздних периодов истории», читавшийся магистрантам Южного федерального университета в 2009–2018 гг.

царстве в XVII в. и усилением феодального гнета.

Решение этих вопросов предполагает обширные ретроспективные исследования, целью которых должно стать возвращение в научный оборот материалов ряда исследований XIX–XX вв., сегодня практически забытых (или существующих в виде «дежурных ссылок»). Ценность их заключается, прежде всего, в возможности наблюдения за относительно хорошо сохранившимися (на момент первичных наблюдений) остатками укреплений и поселений XVII–XVIII вв. и практике вскрытия большими площадями территории казачьих поселений Нижнего Дона. Степень антропогенного воздействия на эти группы памятников столь велика, что многие из них сегодня перестали существовать физически или находятся на грани исчезновения. Накопленные уникальные материалы, хранящиеся в фондах музеев Ростовской области, редко используются специалистами в силу особенностей фондового хранения и отсутствия сводных каталогов по памятникам «поздних периодов истории Дона».

Для комплексного решения поставленных исследовательских задач необходимо рассмотреть сложившуюся историографическую традицию изучения памятников материальной культуры донского казачества как ряд последовательных периодов, каждый из которых характеризовался спецификой решаемых исследовательских задач и привлекаемых источников. Можно предложить следующую периодизацию:

I Период. Начало XIX в. – 1869 г. Первичный сбор данных по материальной культуре донского казачества в ранние периоды его истории, локализации ряда поселений.

II Период. 1869–1950 гг. Сбор данных по истории и географии донских казачьих городков в рамках исследовательских программ Археологических съездов. Донские казачьи городки как памятники истории на археологической карте Дона.

III Период. 1950–1970 гг. Начало археологического изучения памятников истории донского казачества. Основное событие – поиски Кагальницкого казачьего городка.

IV Период. 1970–2005 г. Изучение памятников материальной культуры казачества XVII–XVIII вв. в контексте археологических раскопок фортификационных сооружений эпохи русско-турецких войн. Создание профильных музеев-заповедников (Старочеркасского, Азовского, Таганрогского, Вешенского, Раздорского).

V Период. С 2005 г. Материальная культура казачества как составляющая «археологии поздних периодов истории» Дона. Комплексные исследования памятников Азова, Ростова-на-Дону, Старочеркаска. Проблемы создания хронологических шкал для точной датировки памятников.

Точные хронологические границы между выделяемыми периодами во многом являются условными и отражают общие тенденции в механизмах накопления и интерпретации данных источников. Значительная часть

подобной работы была проведена В.Н. Королевым [18]. Однако, надо учитывать, что Владимир Николаевич собственно археологические источники рассматривал только в контексте подтверждения/опровержения конкретной литературной традиции или картографических данных. Поэтому, на наш взгляд, значительный интерес сегодня представляет изучение материалов **3 периода (1950–1970 гг.)** – времени, когда данные письменных источников стало возможным соотнести с археологическими находками, выявленными в ходе планомерных исследований. По объему проведенных в то время работ, характеру обработки коллекций и публикации материалов они могут являться примером широко задуманного научного мероприятия. Не менее важным представляется проследить и формирование преемственности между различными исследователями в плане постановки научно-исследовательских задач и попытки их комплексного решения. Для этого необходимо рассматривать процесс накопления данных во всей возможной совокупности источников.

Первым исследователем, который рассматривал памятники в комплексе исторической и доступной (на начало XIX в.) археологической информации был В.С. Сухоруков. Стремлением объединить противоречивые тенденции в накоплении данных о донской истории, сложившиеся к началу 20-х гг. XIX в. проникнута его работа «Записка о достопримечательностях в Донской области» [36], опубликованная в 1825 г. Избрав форму географического описания «Земли Донских казаков» будущий декабрист, используя свои многочисленные наблюдения, сделанные во время служебных командировок, предложил определенный маршрут П.П. Свиныну (издателю «Отечественных записок»), необходимый для совершения «археологического путешествия». Сам В.Д. Сухоруков имел возможность посетить рекомендуемые им памятники будучи офицером особых поручений при войсковом атамане, в чьи обязанности входило собирание сведений о военной истории казаков, осуществлявшиеся в 1821–1824 гг.

Специфика поисковой деятельности В.Д. Сухорукова заключалась в попытке привлечь все возможные данные по древней истории Дона и осмыслить их в контексте истории донского казачества. При необходимости могли привлекаться данные как визуального осмотра, так и непосредственно раскопки. В определении этнографического типа населения Дона (сам В.Д. Сухоруков был уроженцем с. Старочеркасской, т.е. «низовым казаком») важным представлялось выделить черты, объединяющие донцов с велико- и малороссами и татарами – этническими компонентами сложения казачества (откуда «азиатская физиогномия, живой и пламенный характер людей»). Определяя границу расселения «татар» на землях Войска Донского, историк не только дает описание ряда поселений древности, расположенных в междуречье Сала и Медведицы, но и предлагает их классификацию: 1) «аулы», 2) «мечети», 3) «кладовые или гробницы» [36, с.29]. Основное внимание автор уделяет крупным поселениям, первое

место среди которых занимает Цимлянское (Левобережное) городище, и таким памятникам как Тишанское и Рыгинское городища. Необходимо отметить, что практически все пункты указанные В.Д. Сухоруковым позднее обследовались донскими археологами второй половины XIX и начала XX вв., а Цимлянское (Левобережное) городище было отождествлено с летописным Саркелом (Белой Вежей). Известны самостоятельные раскопки В.Д. Сухорукова в Хоперском округе и многочисленные топографические съемки местности [26, с. 37-39]. Имеют значительный интерес данные и о деятельности А.К. Кушнарера, выпускника Новочеркасской войсковой гимназии, проводившего раскопки Недвиговского городища в 1824 г. В 1821 г., он будучи помощником В.Д. Сухорукова, после посещения Кагальницкой станицы отмечал в рапорте интерес станичников к месту старого разинского лагеря, которые «отыскивают на нем многие вещи, как то: сабли, пули, подсвечники и другие вещи, принадлежащие к домашней утвари» [31, с. 84].

Однако большинство материалов собранных В.Д. Сухоруковым и его помощниками было депортировано либо утрачено, оставшаяся часть их была использована позднее В.М. Пудавовым.

Применительно к Нижнему Дону В.Д. Сухоруков первое упоминание памятников XVII–XVIII вв. относит к записи о переносе столицы казачества из Раздорского городка в Черкасский, при этом в тексте описываются и другие синхронные или более поздние сооружения. Некоторые из них представляют несколько иной круг памятников, отличный от казачьих городков – русские фортификационные сооружения: траншемент (Ретраншемент) и крепость св. Анны [36, с. 43-45].

И в дальнейшем наблюдения донских археологов четко не разграничивают понятий, распространенных в археологической литературе XIX в.: «город», «крепостца», «городок», «шанец» или даже «окоп» и более поздняя «батарея». Это соответствовало логике разработанной И.П. Сахаровым в «Записке о русских древностях», где среди памятников, суммарно датированных XI–XVII вв. (временем «допетровской православной Руси») отдельно рассматривались «8. Побоища» и «9. Земляные валы». Кроме них, объектами наблюдений археолога могли быть «насыпные укрепления и сторожевые городки» [33, с. 12-13]. Среди исследовательских задач, сформулированных на I Археологическом съезде в Москве в 1869 г. предлагалось исследовать и эти памятники «русской археологии» (отмечены под № 38, 40 и др.) [12, с. XX].

Этот подход демонстрирует Х.И. Попов в известном сообщении, представленном I Археологическому съезду в 1869 г. Среди разнообразных памятников Дона им выделяются крупные древние городища (Недвиговское и др.) надежно атрибутированные с помощью различных письменных источников и значительное количество более мелких по размерам поселений, которые могут описываться не только как городища, но как

«шанцы» – термином, которым обозначались обособленные земляные укрепления. При этом в сводке Х.И. Попова сами казачьи городки, как отдельный тип памятников, пока не упоминаются (Например: «...вверх по реке Тишань, на левом скате горы, видны следы каких-то окопов; в народе они называются *шанцами*; в них нет никакого правильного расположения...От этого места, верстах в девяти выше... находится один холм с плоскою вершиной... он называется *городищем*» [27, с. 174]).

Учитывая характер занятий и историю населения Области войска Донского, в военном характере подобных сооружений сомневаться не приходится. Самым важным в дореволюционный период мероприятием по учету памятников археологии Дона стали работы, имевшие общероссийское значение и вошедшие в историю науки как «Анкета Самоквасова» [38, с.255-258 и др.]. Анкета включала 12 основных вопросов, ряд из которых прямо соответствовал визуальной характеристике памятников «поздних периодов истории»:

«1) Имеются ли в волости древние земляные насыпи, или окопы, или батареи, которые называются народом городищами или городками...

6) С каких сторон городище или городок окружено оврагами, спусками, выкопанными рвами и насыпными валами?» [35, с. 1-2].

В самом подробном списке памятников археологии Дона, составленном на основе «Анкеты Самоквасова» донским археологом А.Л. Крыловым, с точной атрибуцией указаны остатки только одного памятника XVIII в. – Аннинской крепости [19, с.35]. Список же «городищ» (отмеченных по течению Дона в пределах Черкасского, Первого и Второго Донского округов) значителен:

Черкасский округ

«П. *Багаевская станица*. В юрту этой станицы находятся:

1) Городище – «Старый городок» – за рекою «Старым Доном», в луговом месте... Говорят, что здесь когда-то жили казаки...

III. *Гниловская станица*. В юрту станицы есть городища:

1) Одно городище находится близ станицы...

2) Другое городище, тоже без названия, находится близ хутора Смерникова... на верху городища площадка. На этом месте был городок, предохранявший от татар.

3) «Лютинское городище» находится в 20 верстах от станицы, против хутора Хоперского, на юго-западе; имеет форму четырехугольника, каждая сторона которого имеет от 20 до 30 саж.; городище окружено валами, которые, впрочем, посмыты водою; здесь находили пули и гробы покойников. По преданию, городок был основан казаками, которыми командовал Лютинский. Отсюда казаки пускались в Азов к туркам...

Первый Донской округ

VI. *Усть-Быстрианская станица*

1) Городища: «Старая станица»; на том месте, где стояла церковь

находится часовня (каплица); место это находится на расстоянии одной версты от станицы...

Второй Донской округ.

IV. *Иловлинская станица.* В юрту этой станицы находится городище, имеющее название «Старая станица»...

VII. *Потемкинская станица.* В юрту этой станицы находится городище «Старый городок»... На этом месте до Пугачевского бунта был Зимовейский городок... рвы и валы на этом городище окружают, как говорят, место жительства казака Емельяна Пугачева. Место это было наказано кнутом через палача и проклято» [19, с.20-76].

Следующим шагом по изучению казачьих городков Нижнего Дона стало массовое анкетирование и частичное картографирование памятников в рамках работы Донского отделения Предварительного комитета по устроению XII Археологического съезда в Харькове (1902 г.). 17 июня 1900 г. на первом заседании Донского отделения, профессор Д.И. Багaley (руководитель Харьковского Предварительного комитета) поставил перед ним конкретные исследовательские задачи. Важнейшая из них вновь заключалась в сборе информации о городищах и других археологических памятниках в пределах Области Войска Донского с нанесением их на археологическую карту. Предшествующий опросник, «анкета Самоквасова», обрабатывался несколько десятков лет и не завершился созданием археологической карты Дона. В новых условиях (площадь Области войска Донского в конце XIX в. увеличилась, за счет включения в его состав городов Ростова и Нахичевани-на-Дону, Таганрога и посада Азов с прилегающими землями) необходимо было вновь обозначить городища, курганы, наличие каменных баб и места проведения прежних раскопок. Предварительный комитет съезда разослал 6 различных анкет, две из которых непосредственно относились к вопросу о казачьих городках. В состав анкеты по археологической проблематике был включен вопрос №8: «Имеются ли в местности древние земляные насыпи или окопы, которые называются городищами или городками и если таковые имеются, то где именно» [30, с. 1-3].

Новшество заключалось в том, что вместе с этой анкетой распространялись и другие опросники: по древностям историческим и церковным, различным этнографическим данным. Складывалась уникальная возможность свести воедино информацию о расположении различных станиц и хуторов Дона, неоднократно переносившихся с одного места на другое, с видимыми остатками археологических памятников (городищами или городками). Эту информацию существенно могли дополнить сведения о первых церквях на Дону. Собран был большой массив анкет, но их обработка так и не была завершена, археологическая карта Дона не была составлена. Более того, вплоть до середины XX в. работа А.Л. Крылова со сводной информацией по «анкете Самоквасова» была наиболее информативным источником по памятникам археологии Дона.

Но именно здесь, на XII Археологическом съезде Х.И. Попов, на заседании секции «Быт домашний, хозяйственный, общественный, юридический и военный», выступил с кратким очерком, посвященным истории казачьих поселений на Дону [16, с. 38]. Появление первых поселений «русских людей» на Дону и Хопре он относил к XIII в. Докладчик отметил неоднородный этнический состав донского казачества. Ссылаясь на письменные источники XVI в., которые позволяли проанализировать состав Вольного Донского казачества, Х.И. Попов определил, что в него входили казаки «рязанские, мецкерские, волжские, черкесы запорожские и частью новгородцы». Среди них доминировали «великороссы», а потому представители других этносов утрачивали свои особенности. В этот период казачьи территории простирались по Дону почти до Воронежа, а на северо-востоке – до Шацка. Далее докладчиком рассматривались боевая жизнь донского казачества почти до конца XVIII в., основание казаками станиц, современное расположение казацких поселений, отношение к ним правительства и т.д.

Эта информация дополнялась данными, которые предполагалось представить в виде доклада на секции по церковной старине. Однако отведенного съездом времени на это не хватило, а в трудах съезда были опубликованы несколько работ Х.И. Попова, посвященных истории некоторых монастырей существовавших на Дону. Основная часть последней, третьей, заметки Х.И. Попова была посвящена истории Старочеркасского Ефремовского женского монастыря, который был основан в 1837 г. на южной окраине Старочеркасской станицы. Эта работа, помимо информации по церковным древностям, содержала отдельные факты о «городке Черкасском», который в середине XVII в. имел свою систему укреплений – ров, земляной вал с деревянными башнями. Со временем укрепления были дополнены двойным дубовым частоколом [28, с. 170]. Позднее эти сведения были существенно дополнены и преобразованы в работу «Город Черкасск (исторический очерк)», включенную в состав I тома трудов Ростовского-на-Дону общества истории, древностей и природы [29, с.95-104]. Помимо указания на 1650 г., как время строительства укреплений Черкасского городка, было сделано и их предварительное описание с учетом реконструкций XVIII в. Отдельно были описаны древности Монастырского урочища и крепость св. Анны.

По мнению Н.Б. Скворцова, именно в дореволюционной и эмигрантской историографии донского казачества был поставлен вопрос о различиях между городками и станицами [34]. Значительное количество наблюдений и описаний требовало проверки проведением специально организованных археологических раскопок. События революции и гражданской войны, административно-территориальные преобразования Области войска Донского надолго прервали накопление данных по памятникам ранней истории казачества. Достаточно сказать, что в списки па-

мятников археологии, предназначенных к постановке на государственную охрану (1934–1939 гг.), какие-либо памятники XVII–XVIII вв. не включались (исключение было сделано для ряда крепостных сооружений г. Азова, которые учитывались как памятники истории либо архитектурные сооружения прошлого).

Это, в целом, соответствовало ряду исторических концепций советских историков 20–30-х гг. XX в. (Н.Л. Янчевский и др.), в которых казачеству (в т.ч. и донскому), в ранний период истории, отводилась роль наемного военного отряда «торгового капитала Московского государства» [24, с.26]. Данная точка зрения была распространена не только на донское казачество, а касалась казачества вообще, как историко-культурного феномена российской государственности (Ср.: у А.А. Формозова об А.П. Окладникове: «В 1937 году он выпустил книгу по истории Бурятии. Здесь есть все, что полагалось в ту пору: колониальная политика царизма, погром бурятской земли гнусными захватчиками-казаками, отчаянное сопротивление вольнолюбивого народа и т. д.» [37, с. 97]).

С конца 30-х гг., а особенно в годы Великой Отечественной войны, отношение к казачеству, а соответственно и его истории резко изменилось. Помимо антифеодальной борьбы (крестьянские войны под предводительством С. Разина и Е. Пугачева, восстание К. Булавина) получили новое освещение в научной и научно-популярной литературе события ранней истории донского казачества: участие в событиях Смутного времени, Азовское осадное сидение и эпопея многовековых войн с Турцией и Крымом: «Казачи стяжали себе славу стойких и бескорыстных защитников русской земли от турецко-татарской экспансии в XVI–XVII вв.» [23, с. 168]. Соответствующее указание обнаружилось и в трудах «гения научного коммунизма» К. Маркса, который впервые отметил «донское казачество» в «Хронологических записках» под 1557 г. [22, с. 164. и др.].

Признанное исторически, донское казачество в середине XX в., как оказалось, не имело своих памятников ранней истории. Принятое 14.10.1948 г. Постановление Совета министров СССР «О мерах по улучшению охраны памятников культуры», обязывало в течение 1948-1949 гг. советские учреждения культуры произвести «учет всех выявленных до настоящего времени памятников, подлежащих внесению в государственные списки памятников культуры». Эти работы регламентировались Постановлением Совмина РСФСР от 28.05.1949 за № 373 «Об утверждении Инструкции о порядке учета, регистрации и содержания археологических и исторических памятников на территории РСФСР». Согласно этим документам, к 7 февраля 1950 г. был составлен «Список исторических и археологических памятников Ростовской области всесоюзного значения» (См. **Таблица 1**), аккумулировавший все учетные к 1950 г. данные. К памятникам, иллюстрирующим историю XVI–XVII вв., в этом документе

были отнесены:

Таблица 1.

Памятники XVI–XVII вв. по «Списку исторических и археологических памятников Ростовской области»

№ п/п	Наименование памятника	Краткое описание памятника, дата, сохранность	На чьей территории или в чьем пользовании находится памятник	Адрес
34	Турецкий вал* «Крестовая Гора»	Земляной вал длиной 300 м. в значительной мере размыт водой. Осталось несколько раз единенных частей вала XVI–XVII в.в.	На территории Богаевского района.	20–25 км. от ст. Богаевской.
35	Городище «Старый городок» (Старая казачья ст. Богаевская)	Ширина городища 0,5 км., длина 1,5 км. Стоит табличка, поставленная 120 лет тому назад.	На территории Богаевского района.	3 км. на Ю-З от ст. Богаевской на правой стороне Дона.
64	Городище «Старые Чиганак»	У излучины старицы Дона, по преданию, находилось старое селение казаков, которое Петр I сжег, а жителей изгнал за нападение на царские барки, проходившие мимо, XVI–XVII в.в.	На территории Антиповского сельсовета.	Вешенский район.
141	Городище «Старый Городок»	Место старинного казачьего укрепленного городка. В значительной части распаханно. Находится неда-	На территории колхоза «Политотделец».	Х. Красный Яр, Калитвенского сельсовета, Ка-

		леко от берега р. Сев. Донец. XVI век.		менского района.
--	--	--	--	------------------

(* в терминологии и орфографии составителей)

Сводка 1950 года, за одним исключением, не содержала данных о казачьих городках собственно Нижнего Дона в его географических границах и стройная концепция донской истории «провисала» в крайне важном для советской идеологии месте: оценке антикрепостнической крестьянской войны под руководством донского казака С.Т. Разина. При этом были практически неизвестны важнейшие центры этих событий и прежде всего Кагальницкий городок – один из центров восстания на Дону и место пленения легендарного атамана.

Это хорошо понимал С.М. Марков, советский общественный деятель и ученый-краевед, по роду деятельности прямо связанный с инвентаризацией памятников археологии Дона и позднее написавший очерк изучения их в 1945–1961 гг. [21, с. 22–39]. Можно с большой уверенностью предположить, что широкомасштабные разведочные раскопки донских казачьих городков, предпринятые работающими на Дону археологами в 1950–1970 гг. были проведены (первые экспедиции, по крайней мере) по его инициативе и проходили при его непосредственном участии. Работы были изначально организованы сотрудниками Ростовского государственного университета и Новочеркасского музея истории донского казачества.

Первые из экспедиций такого рода были проведены доцентом университета З.А. Витковым в 1950 г. Из числа археологов, в то время находившихся на Дону, он был наиболее подготовлен теоретически и практически, имел ученую степень и необходимый опыт работ [13, с. 186-188]. В качестве первого объекта полевых исследований был выбран «Раздорский казачий городок», известный по письменным источникам как одна из столиц «низового казачества». Учитывая прежнюю специализацию З.А. Виткова по античной археологии и истории, важным представляется участие в работах августа 1950 г. директора Новочеркасского музея истории донского казачества Н.П. Федотовой (имевшей опыт самостоятельных раскопок и отчетности по ним) и самого С.М. Маркова, бывшего тогда инспектором по охране памятников истории и культуры Ростоблисполкома [5, л.2].

Разведочные работы велись на о. Поречный, расположенном напротив современной станицы Раздорской. В качестве основного ориентира для определения границ раскопа сотрудники экспедиции первое время были заняты поисками места установления «большого каменного креста», которым было в старину обозначено расположение «старой станицы» и разрушенного паводком 1917 г. Позднее, были заложены четыре шурфа (скорее шурфовочных траншей, учитывая их прямоугольную форму и пропорции), которые в итоге не дали «культурных отложений» или одно-

значных находок, относящихся к времени существования летописного Раздорского городка XVI–XVII вв.

В ходе рекогносцировочных работ на острове были открыты остатки памятников более раннего времени – «стоянка срубной культуры и следы от поселения античного времени». Невыразительность находок, по мнению З.А. Виткова, компенсировалась наблюдениями на местности: «Работы экспедиции подтвердили существование на острове казачьего городка, определив его границы и оборонительные сооружения... максимум того, что можно достичь разведочными работами» [5, л.25].

В следующем, 1951 г., была организована новая экспедиция [6, л.2], объектом изучения которой стал Нижне-Кундрюченский казачий городок, хорошо известный по письменным источникам с 1639 г. Существенным отличием от работ предшествующего года стала более серьезная подготовка экспедиции с точки зрения выбора места раскопок. Данный район (совр. станица Нижне-Кундрюченская) неоднократно исследовался археологами, так на песчаных массивах вел работы в июле 1900 г. В.А. Харламов (вместе с И.М. Сулиным) [15, с.579-582]. По данным М.А. Миллера, приведенным в тексте его диссертации: «В 1929 г. по нижней части Донецко-Кундрюческого песчаного массива прошла разведкой Волго-Донская экспедиция ГАИМК» [23, л.37]. Археологические работы в районе Нижне-Кундрюченской вел и сам М.А. Миллер в середине 30-х гг. XX в., не оставив официального отчета о своих рекогносцировках, но разместивший в тексте диссертации значительные по объему фрагменты полевых записей.

Общая обстановка 1951 г. способствовала продуктивной работе археологов, которые могли в полной мере использовать и сведения местных информаторов о расположении «старых городищ» (в материалах З.А. Виткова приводятся данные, добытые опросом как у школьников, так и глубоких стариков, помнивших реалии конца XIX в.). Предполагаемое место казачьего городка было определено путем тщательного ретроспективного геолого-гидрографического анализа всех имеющихся данных. Было выдвинуто предположение о том, что теперь это место современного слияния рек Северский Донец и Кундрючья, отделенное пересыхающим протоком Прорва [6, л.15]. Был изменен и сам метод поиска древнего поселения. Несмотря на значительные сборы с исследуемой площади, содержащей многочисленные разнотипные находки (в том числе и нумизматику XVIII в.), объектом работ стали обнажения («осыпи») культурного слоя на южном берегу протока Прорва.

Всего вертикальной зачисткой 1951 г. было исследовано 148 линейных метров береговой линии (раскоп №1), где зафиксирован слой культурных отложений на протяжении 143 м, мощностью от 0,63 до 1,82 м [6, л.28]. Далее работы были перенесены южнее, так же вдоль берега Прорвы. Помимо ставшей традиционной вертикальной зачистки «осыпи» протяженностью 9 м был вскрыт и небольшой участок поселения площадью в 9 кв. м

(раскоп № 2), непосредственно примыкающий к береговому обнажению культурного слоя. Мощность его была зафиксирована в 0,27–1,05 м. Как и в ходе предшествующей зачистки, культурный слой характеризовался как «однородный». В силу обнаружения различных «скоплений культурных остатков» или «мусора» [6, л.37] к раскопу были сделаны прирезки и его площадь увеличена почти до 20 кв.м. Из-за отсутствия полноценной графической части «Отчета», складывается впечатление, что З.А. Витков и его сотрудники не смогли определить в насыщенном и быстро пересыхающем в условиях жаркого лета культурном слое контуры хозяйственных ям / природных углублений, заполненных строительным мусором.

Позднее, для определения границ культурного слоя, была предпринята шурфовка по всей видимой территории поселения. В заложенных 5 шурфах («три на острове и два – к северу от Прорвы») так же был выявлен культурный слой значительной мощности (более 0,5 м), а в шурфе № 5 и со значительным количеством древесного угля и др. бытовых остатков. Этот шурф был расширен до площади 9 кв.м и получил обозначение раскоп №3. Выявленный в раскопах №1-3 массовый керамический материал приведен в **Таблице 2**. Подобный принцип классификации керамики использовался и в дальнейших работах.

Таблица 2.

Распределение керамики из раскопок 1951 г. по типам

Тип керамики	Раскоп № 1	Раскоп № 2	Раскоп № 3
по З.А. Виткову			
Сероглиняная	X (отмечено наличие без указания количества)	28	452
Красноглиняная	X (отмечено наличие без указания количества)	32	157
Желтоглиняная	X (отмечено наличие без указания количества)	–	30
С поливным покрытием	–	3	–
Всего	–	63	629

Помимо раскопок на территории поселения были предприняты работы и на известном местному населению древнем грунтовом могильнике, расположенном у возвышенности под названием «Камень». В 1950 г. учащимися местной школы здесь был открыт ряд грунтовых погребений в древесных колодах, разрушенные остатки которых обследовали участники экспедиции. Так же, здесь был заложен небольшой раскоп площадью порядка 21 кв. м, в котором были обнаружены 3 погребения,

одно из которых (№1) было совершено в дощатом гробу и содержало инвентарь в виде медного крестика и округлой подвески (образок ?) и два других (№ 2 и 3), совершенных в деревянных колодах и не содержащие погребального инвентаря [6, л.61-65].

Материалы раскопок этой части грунтового могильника, отнесенного З.А. Витковым к летописному Нижне-Кундрюченскому казачьему городку позволили сделать определенные хронологические наблюдения, крайне спорные на сегодняшний день не только излишней прямолинейностью историко-культурной атрибуции, но и крайне незначительным количеством выявленных памятников. Отсутствие в погребениях, обнаруженных в деревянных (дубовых) колодах, погребального инвентаря, позволило З.А. Виткову отнести их к времени церковного раскола, а следовательно и к второй половине XVII в. Это была, в известной степени, вынужденная мера, поскольку материалы поселения давали дату в пределах только XVIII в. и «тяготели» к середине и даже второй половине (Прежде всего многочисленные образцы печных изразцов – 264 определяемых фрагмента. Любопытно то, что З.А. Витков внимательно изучал окружающие архитектурные памятники и нашел в г. Ростове-на-Дону сходные с изразцами изображения на фасадах зданий, фотографии которых поместил в научном Отчете.).

Малочисленные погребения позволили выделить «хронологические горизонты» и сделать заключение, что «Нижне-Кундрюченский казачий городок был основан не ранее второй половины XVII века и просуществовал до второй половины XVIII века» [6, л. 67]. Эти выводы, как и информация обо всех этапах раскопок в отредактированном виде (уточненные ссылки и обширные цитаты из письменных источников, более полные описания открытых материалов) были опубликованы в виде отдельной статьи опубликованной уже в г. Мурманск [9].

Ее основное содержание не противоречило тексту отчета (прежде всего датировка памятника второй половиной XVII – первой половиной XVIII вв.) и констатировало, что «Нижне-Кундрюченский казачий городок не может быть отнесен к числу древнейших поселений казаков на донской земле» [9, с.18], но это не умаляет его исторического значения как военного форпоста на пути «татаро-турецкой агрессии». Обращает на себя внимание ряд предположений З.А. Виткова, высказанных в очень осторожной форме, которые касались центров производства керамики в рассматриваемый период и характера построек изученного поселения. Поскольку ни один закрытый комплекс (жилище), с точки зрения автора раскопок, выявлен не был, то был сделан общий вывод относительно применения различных материалов (камень, кирпич, изразцы) и использования в постройках высоких фундаментов [9, с.12]. Все датировки находок, используемые З.А. Витковым, устанавливались по аналогиям из работ, описывающих синхронные древности из центральных

районов Российского государства (прежде всего Москвы).

Работы З.А. Виткова в 1950–1951 гг. стали, безусловно, плодотворным началом научного изучения материальной культуры донского казачества в процессе планомерных археологических раскопок и наблюдений. Коллекции находок, прежде всего Нижне-Кундрюченского поселения, подробно описаны и сданы на хранение в Новочеркасский музей истории донского казачества, что и по сей день является редкостью для памятников «поздних периодов истории». Эти материалы могут являться своеобразным эталоном по обработке подобных коллекций и представляют интерес с точки зрения возможного экспонирования.

Проблему, и не только чисто исследовательскую, вероятно, представлял факт отсутствия четких хронологических маркеров и ярких находок XVII в. Это требовало раскопок того объекта, который удовлетворял бы исходным условиям поиска – заведомо содержал находки XVII века и мог быть связан с разинским восстанием.

Таким памятником мог стать Кагальницкий городок, один из центров второго этапа восстания С.Т. Разина и местом его пленения казачьей старшиной 14 (24) апреля 1671 г. Самые масштабные работы, экспедиции под руководством З.А. Виткова, были проведены именно на этом памятнике и могут быть разделены на два этапа – по значимости и мере введения в научный оборот материалов и степени востребованности их современными специалистами.

Первый этап: работы 50-х гг. XX в., данные о которых были сразу оперативно опубликованы в местном научном сборнике [8] и, в обобщенном виде, вошедшие в итоговую публикацию, результирующую итоги четырех первых полевых сезонов (1950–1954 гг.) [10]. Данные исследования можно назвать классическими, в ряду работ по археологии поздних периодов истории на всем Юге России.

Второй этап занятий З.А. Виткова казачьими древностями Дона охватывает время с 1958 по 1970 гг. В данном случае мы учитываем реальную полевую работу ученого, так как известна его достаточно поздняя статья (1970 г.), вновь возвращающаяся к вопросу о локализации исторического Кагальницкого казачьего городка [11]. А в биографической публикации о творчестве З.А. Виткова содержатся данные о работе над рукописью «Материальная культура донского казачества до середины XVIII века», которая так и не увидела свет [27, с. 201]

Но не только итоги работ 60-х гг. противоречивы. Определенные вопросы и, соответственно, различную оценку вызывает скорее не научная, а административно-правовая и этическая практика проведения этих работ. Складывается впечатление, что исследователь стремился во что бы то ни стало достичь определенного результата своих работ, используя все возможности для этого. И речь идет здесь не о собственных силах и эмоциях ученого, а о привлечении к ним всех, кто в той или иной степени

был с ним связан, видел в нем наставника или старшего товарища.

Работы на Кагальницком казачьем городке (а именно такое обозначение чаще всего употребляется в научной литературе) велись несколькими исследователями, но под общим руководством З.А. Виткова. В качестве основных участников работ выступали различные учебные организации, в которых в тот момент работал исследователь (Ростовский государственный университет, Ростовский государственный педагогический институт, Орловский государственный педагогический институт), обеспечившие участие студентов-практикантов в качестве сотрудников экспедиций. Организатором работ выступал Новочеркасский музей истории донского казачества, от имени которого заказывались Открытые листы, проводилось прямое финансирование и где по сей день хранятся находки. На протяжении почти полутора десятков лет (1952–1965 гг.) основным объектом работ являлся Кагальницкий казачий городок, но, зачастую, авторами работ могли быть и другие исследователи, из числа участников более ранних экспедиций З.А. Виткова.

Надо отметить и другой, менее известный факт: часть работ велась, хотя и по всем существующим правилам (вплоть до подготовки научного Отчета о раскопках, сдачи коллекций в музей и широко освещения итогов раскопок в научной и периодической печати), но без получения Открытого листа. Это привело к отсутствию в Научно-производственном архиве Института археологии АН СССР (ныне ИА РАН РФ) ряда Отчетов, они сегодня имеются лишь в архиве Новочеркасского музея истории донского казачества. В **Таблице 3** показано реальное соотношение между объектами работ, временем их проведения официальными авторами раскопок (это касается, прежде всего, раскопок проведенных в 1965 г.) и местом хранения Отчетов об этих работах:

Таблица 3.

Работы на Кагальницком казачьем городке в 50–70-е гг. XX в.

I	II	III	IV	V	
				Va	Vб
1952	Витков З.А.	«Городище Степана Разина», окрестности г. Константиновска (близ речного поста № 225), Старый Кагальницкий городок, урочище «Поповские бугры», остров «Жилой», Константиновский район	+	Объединен как Отчет за 1952–1953 гг.	–
1953	Витков З.А.	Маршрутная разведка по Дону от	–		–

		ст. Констан-тиновской до ст. Романовской, «Городище Степана Разина», окрестности г. Константиновска (близ речного поста № 225), Константиновский район			
1963	Ефанов Ю.П.	Остров «Жилой», окрестности г. Константиновска; Константиновский район; «Сады» и «Блошиный бугор», станица Задоно-Кагальницкая. Цимлянский район	+	+	+
1964	Витков З.А.	«Блошиный бугор», станица Задоно-Кагаль-ницкая. Цимлянский район	-	-	+
1965	Новак Л.А.	«Городище Степана Разина», окрестности г. Константиновска (близ речного поста № 225), Константиновский район.	+	+	
1970	Савченко Е.И.	«Городище Степана Разина», окрестности г. Константиновска (близ речного поста № 225), Константиновский район	+	+	+

Цифровое обозначение названий столбцов таблицы:

- I.** – Год проведения работ;
- II.** – Автор Отчета о раскопках;
- III.** – Объект работ;
- IV.** – Наличие Открытого листа;
- V.** – Наличие научного отчета о раскопках;
- Va.** – Архив ИА РАН;
- Vб.** – Архив НМИДК.

Первый этап исследований начался в августе 1952 г., когда по приказу за № 145 от 5.07.1952 г. для участия в работах археологической экспедиции были направлены 14 студентов Ростовского государственного университета под руководством З.А. Виткова, бывшего с сентября 1951 г. штатным сотрудником педагогического института. Обращает на себя внимание и ряд особенностей данной экспедиции: 1) работы велись по теме №80 «Раскопки Гниловского городища и казачьих городков», т.е. существовало дополнительное финансирование работ, вне собственно командировочных расходов учебных заведений; 2) позднее, с 25 июля

1952 г. в состав экспедиции был включен и преподаватель от университета, работающий совместителем-почасовиком Г.А. Иноземцев, причем в приказе было определено его положение как «руководителя работ» экспедиции. В Отчете же З.А. Виткова этот факт, да и вообще упоминание об Г.А. Иноземцеве отсутствуют. Эти события, данные дают известное объяснения той скорости, с которой З.А. Витков покинул Ростовский университет (где незадолго до этого был включен в очередной наградной список, медаль «За трудовое отличие»).

Итоговый Отчет о раскопках Кагальницкого казачьего городка был сдан в Институт археологии в 1955 г. и, практически полностью, соответствует позднейшей публикации 1956 г. [7]. В ходе масштабных работ были заложены многочисленные шурфы, шурфовочные траншеи и раскопы на месте предполагаемого памятника, которые дали значительный материал, традиционно датированный второй половиной XVII – началом XVIII вв. Участки полевых работ последовательно были расположены на трех пунктах: «Поповском урочище», «Упраздно-Кагальницком казачьем городке» и «Городке Степана Разина». З.А. Витков разместил их в Отчете в этой последовательности, соответствующей его предположениям о хронологии поселений. «Городище Степана Разина» признавалось синхронным деятельности эпонима.

На участке, расположенном близ речного поста № 225 (важнейший топографический ориентир в той местности) всего было заложено 6 раскопов, 2 разведочные траншеи и один шурф, общей площадью 320 кв. м, что приблизительно равнялось 1,5% всей площади поселения, определенной в 23 000 кв.м. [7, л.16-18]. Находки были представлены как в мощном культурном слое, так и в нескольких закрытых комплексах (остатках жилища и хозяйственных ямах). Материал достаточно полно, для своего времени, опубликован, внимания заслуживает система выборки и описание массовых керамических находок, которые были изучены с большой тщательностью (объем выборки составил более чем 7000 фрагментов керамики). З.А. Витков, как и ранее, выделяет группы керамики по характеру теста и обжигу (белоглиняная, сероглиняная, красноглиняная и поливная керамика), описывает наиболее распространенные формы и особенности декора сосудов. Общее заключение – керамический комплекс «Городища Степана Разина» полностью аналогичен находкам 1951 г., сделанным при раскопках Нижне-Кундрюченского казачьего городка [8, с.43]. Особенно это касается многочисленных находок изразцов.

Совпадают и сделанные датировки: нижняя дата в пределах последней трети XVII в. Но если в 1951 г. основанием для подобной хронологии были различия в выявленном погребальном обряде (два «горизонта погребений»), то теперь доказательства были иные, учитывая значительное количество нумизматических находок. Поскольку ни одной монетной на-

ходки ранее 1705 г. сделано не было, З.А. Витков предложил следующую логическую конструкцию: поскольку монеты XVIII в. были найдены в верхней части культурного слоя мощностью 0,30,4 м, то его «нижняя» часть, той же мощности, вполне может относиться к более раннему времени [8, с.44]. Следует отметить противоречивый, как и ранее, характер предоставленной в Отчете информации. Масштабный альбом иллюстраций имеет тщательно подобранные полевые фотографии хорошего качества, подробную фотосъемку и зарисовку находок. Полевые же чертежи сведены к малоинформативным зарисовкам раскопанного жилища (причем без масштаба) и топографическим планам. Эту особенность научных «Отчетов» З.А. Виткова отмечали и все рецензенты. Недостатки «инструментальной» части, если не компенсировались, то во многом объяснялись масштабом работ. В ходе раскопок были сделаны наблюдения и за более ранним археологическим материалом. Так, на раскопах №1 и 2 «Городка Степана Разина» были зафиксированы слои и находки более раннего времени, от предметов салтовского облика VIII–IX вв. до материалов позднего неолита [25, с.34-36]. Вообще, разведочная деятельность экспедиций под руководством З.А. Виткова, особенно в окрестностях Константиновска, не получила еще должной оценки в специальных исследованиях, поскольку речь идет о целом цикле мероприятий («Маршрутная разведка по Дону»), проводившихся в 1952–1953 гг.

Относительно итогов работ 1952–1953 гг. верным может считаться суждение З.А. Виткова, высказанное в 1956 г. о том, что: «Найти Кагальницкий городок, выяснить его расположение и устройство, а может быть, обнаружить какие-либо вещественные следы, связанные с пребыванием там разинцев, было бы весьма заманчиво. Но и без этого Кагальницкий городок, как одно из древнейших поселений казаков на Дону, мог дать интересные материалы по истории донского казачества» [8, с.28]. По его наблюдениям, достаточно многочисленные письменные источники по истории казачества XVI–XVII вв. носят «слишком общий характер» и именно археологические наблюдения и раскопки могут проследить культуру и быт «раннего казачества». Для выполнения этой программы были проведены раскопки Раздорского, Нижне-Кундрюченского и Кагальницкого казачьих городков (в данном случае указывается название только искомого памятника, поскольку объектами исследований были несколько географических пунктов) и разведки с целью определения местоположения Багаевского, Семикаракорского, Кочетовского и Бабского городков. Широкомасштабные разведки предполагали не только возможность глазомерной съемки и полевых сборов подъемного археологического материала, но и шурфовку предполагаемых мест локализации памятников. На всех пунктах были открыты интересные памятники самобытной культуры донского казачества, однако вопрос об их датировке оставался сложным, что признавал и сам автор

раскопок. Достаточно сказать, что участвуя в последующих раскопках памятников Дона, в том числе и Кагальницкого казачьего городка, исследователь обращался к материалам именно 1952 г. Они являлись наиболее масштабными с точки зрения многообразия выявленных типов керамики и корреляции их с нумизматическими данными.

Это многообразие выявленных материалов отражено не только в известных публикациях З.А. Виткова, но и в статистических данных его научных Отчетов. Они являются важным источником для решения вопроса о разнице в материальной культуре низовых и верховых казачьих городков. Его решение позволит ответить и на другой вековой вопрос – о последовательности возникновения этих поселений.

Однако здесь существовало и определенное, нерешенное на этом этапе противоречие (проблема является открытой и сегодня), связанное с отсутствием четко датированных закрытых комплексов XVII в. Все материалы были отнесены к этому времени по чисто логическим основаниям, учитывающим, однако, такие спорные показатели как гипотетическая скорость роста культурного слоя на территории казачьих поселений, различия в погребальном обряде (на материалах крайне незначительного количества раскопанных комплексов) или датировку керамических изразцов, которые на Дону чаще всего использовались вторично.

Пути к решению проблем хронологии стали отчетливо видны лишь в 70-90-е гг. XX в. – следующем периоде изучения памятников донского казачества. Эти работы во многом способствовали формированию устойчивого научного интереса к материальной и духовной культуре казачества XVI–XVII вв. и сыграли важную роль в создании Старочеркасского историко-архитектурного музея-заповедника. Именно в этот период были проведены масштабные раскопки русских военных укреплений эпохи русско-турецких войн в Приазовье (суммарно: 1695–1773 гг.), которые позволили изучить комплекс датирующих материалов в пределах XVIII в., характерных именно для Северо-Восточного Приазовья. Но это – уже тема следующей научной работы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Аваков П.А., Гусач И.Р., Дедюлькин А.В. На границе империй: османские и российские укрепления Северо-Восточного Приазовья по данным археологии // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVII – XVIII вв.: материалы науч. конф. М.-Вологда, 2016. С. 379-397.
2. Археология позднего периода истории. Материалы Круглого стола, проведенного редакцией и редколлекцией журнала «Российская археология» // РА. 2005. №1. С. 81-99.
3. Бойко А.Л. Археологическое изучение южнорусского провинциаль-

- ного города XVIII–нач. XX вв.: основные направления исследований // Периферийный город и горожанин в пространственно-временной ретроспективе: особенности национальной идентичности: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 20–21 октября 2016 г.) / [отв. ред. канд. ист. наук М. А. Пономарева, канд. ист. наук Р. С. Айриян]. Ростов н/Д., 2016. С.3-8.
4. Бойко А.Л., Дедюлькин А.В. Учебно-методический комплекс специального курса для магистров «Археология поздних периодов истории». Ростова н/Д: ЮФУ, 2009.
  5. Витков З.А. Отчет об археологической разведке Раздорского казачьего городка. 1950 г. // Научный архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 479. 48 л., 14 ил.
  6. Витков З.А. Археологическая разведка Нижне-Кундрюченского казачьего городка. 1951 г. // Научный архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 547. 91 л., 11 ил.; № 548 - Альбом иллюстраций к отчету. 20 л., 60 ил.
  7. Витков З.А. Археологическая разведка Кагальницкого казачьего городка. 1952-1953 гг. // Научный архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1013. 62 л., 19 ил.; № 1013а - Альбом иллюстраций б.ф. к отчету. 31 л.; № 1013б - чертежи. 19 экз.
  8. Витков З.А. Кагальницкий казачий городок // Из истории Дона: Сб. ст. под ред. К.А. Хмелевского. Ростов н/Д., 1956. С. 27-50.
  9. Витков З.А. Археологическая разведка Нижне-Кундрюченского казачьего городка // УЗ МГПИ, 1957. Т.1. С. 3-21.
  10. Витков З.А. К вопросу о местоположении нижнедонских казачьих городков и их культуре (В связи с археологической разведкой) // УЗ МГПИ, 1958. Т.II. С.151-178.
  11. Витков З.А. Еще раз о Кагальницком казачьем городке // УЗ КГПИ. Т. 58 «Вопросы истории». Орел, 1970. С. 298 – 325.
  12. Вопросы предложенные к обсуждению на съезде...// Труды Первого археологического съезда в Москве. 1869. [Т.] I (изданы под ред. гр. А.С.Уварова). М., 1871, С. XV-XXVI.
  13. Гелда Т.Н., Казаров С.С., Климов О.Ю. Забытое имя // Актуальные проблемы всеобщей истории: [межвуз. сб. науч. ст.] Под ред А. А. Егорова. Ростов н/Д., Вып. 4. 2005, С. 185-205.
  14. Дедюлькин А.В. Археология поздних периодов истории (XVIII век) на Нижнем Дону // ИВУЗ СКР ОН, 2010, № 1. С. 51-55.
  15. Доклад В.А. Харламова об археологических изысканиях в Первом Донском и Донецком округах // Труды XII Археологического съезда. Т.2., М., 1905, С. 576-582.
  16. Известия XII Археологического съезда в Харькове 15-27 августа 1902 года. Харьков, 1902.
  17. История донского казачества: учебник / А.И. Агафонов, А.В. Венков, Н.А. Мининков, Л.В. Табунщикова, Н.А. Трапш, В.П. Трут, М.Е. Ша-лак. 2-изд. Ростов н/Д., 2010.

18. Королев В.Н. Донские казацки городки. Новочеркасск, 2011.
19. Крылов А.Л. О старине Донской области // Труды VI Археологического съезда. Т. IV. Одесса, 1889. С.26-73.
20. Лунин Б.В. Очерки истории Подонья-Приазовья. Кн.1. От древнейших времен до XVII столетия. Ростов н/Д., 1949.
21. Марков С.М. Археологические раскопки на Дону в послевоенный период // Археологические раскопки на Дону. Ростов н/Д., 1962. С.22–39.
22. Маркс К. Хронологические выписки. Тетрадь четвертая // Архив Маркса и Энгельса. М., 1946. Т. VIII. С.3-408.
23. Миллер М.А. Из истории Нижнего Дона (доскифский период). Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук // Рукописный архив ИИМК РАН, Ф.24. Оп.1. Д.150.
24. Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д., 1998, 512 с.
25. Озеров А.А. Поселение эпохи неолита у г. Константиновска //ТД областного научно-практического семинара «Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе». Донецк. 1987. С.34-36.
26. Описания городища, находящегося Войска Донского ведомства 2 Донского Начальства в юрту Цимлянкой станицы // Дон. войсковые ведомости. Часть неофиц. 1865. 9 февр. № 6. С. 37-39.
27. Попов Х.И. Сведения о древних памятниках находящихся в земле войска Донского извлеченные из разновременных описаний и частных записок и собранные лично действительным членом донского войскового статистического комитета Х.И. Поповым // Труды Первого археологического съезда в Москве. 1869. [Т. I] (изданы под ред. гр. А.С.Уварова). М., 1871, С. 166-183.
28. Попов Х.И. Старочеркасский Ефремовский женский монастырь // Труды XII Археологического съезда в Харькове. 1902. Т. 3. М., 1905. С. 168-170.
29. Попов Х.И. Город Черкасск (исторический очерк) // ЗРОИДП. 1912. Т.1. С.95-104.
30. Программа для собирания сведений по первобытным древностям для XII Археологического съезда в Харькове // Труды Донского отделения Предварительного Комитета по устройству XII Археологического съезда в Харькове. Новочеркасск, 1900. С.1-3.
31. Рапорт А.К. Кушнарера // Цит. по Королев В.Н. Донские казацки городки. Новочеркасск, 2011. с.84
32. Рогудеев В.В. Комплексы и отдельные находки XVIII–XIX веков // АЗ. Вып.5. Ростов н/Д., 2007. С.65-81.
33. Сахаров И.П. Записка для обозрения русских древностей. М., 1851.
34. Скворцов Н.Б. Городки донских казаков Малой излучины Дона как часть культурного наследия Волгоградской области. Автореф. дисс... к.и.н. 2014, Волгоград // URL: <https://www.dissercat.com/content/gorodki-donskikh-kazakov-maloi-izluchiny-dona-kak-chast-kulturnogo>

- naslediya-volgogradskoi-o (время обращения 18.12.2019; 17.31).
35. Спицын А.А. Сведения 1873 г. о городищах и курганах // ИРАО, Вып.5, СПб., 1903, с.1-2.
  36. Сухоруков В.Д. Записка о достопримечательностях в Донской области // Северный архив. 1825. №17. С.29-49.
  37. Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историко-графические очерки. М., 2004.
  38. Щавелёв С.П. Первый опыт массового учета археологических памятников в России (анкета Д.Я. Самоквасова 1872–1873 гг. и ее результаты) // СА. 1992. №1. С.255-258.

**РАЗДЕЛ II.
ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО ЮГА
РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

О.В. Матвеев (Краснодар)

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОЙ, ГОРСКОЙ И
КОЧЕВЫХ КУЛЬТУР В ИСТОРИИ КУБАНСКО-
ЛАБИНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ
(НА МАТЕРИАЛАХ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ)**

На протяжении тысячелетий междуручье Лабы и Кубани в границах современного Усть-Лабинского района Краснодарского края выступало территорией, где взаимодействовали культуры и цивилизации, кочевники и земледельцы, иранский, кавказский, тюркский и славянский миры, накапливался уникальный опыт взаимопознания и взаимодействия народов. Меоты и сарматы, адыгские и тюркские сообщества, русские казаки и закубанские горцы умели находить общий язык и создавали традиции доброго сотрудничества. Этот опыт востребован в плане популяризации особенностей формирования единого этнокультурного пространства и становления многонационального Российского государства в целом.

В IV–V вв. в результате так называемого «великого переселения народов» многовековое преобладание иранцев, тесно взаимодействовавших с оседлым населением Кубанско-Лабинского междуручья, сменилось господством тюркских народов. Вторгнувшиеся в степи Предкавказья орды гуннов, булгар, хазар включили в свой состав значительную часть местных племён. Это открывало пути к интеграции пришельцев и местных народов [6, с. 17]. Хазары Западное Закубанье заселили касогами – племенами, которые явились одними из предков адыгов. Самым известным вождём касогов был князь Инал. Иналом тюрки VI–VIII вв. называли сына женщины из ханского рода и человека более низкого по сравнению с ней социального положения [5, с. 211]. Касоги верно служили хазарам, принимали участие в их войнах и удерживали другие протоадыгские племена от набегов на земли каганата. Тысячелетие спустя титул потомков «князя из князей» Инала сохранял за собой род князей Болотоковых, сосредоточивший свою власть над жившими в бассейнах рек Белой и Лабы темиргоевцами.

В результате блистательного похода русских дружин под предводительством князя Святослава Хазарский каганат прекратил своё существование. Русские дружины сокрушили каганат в союзе с гузами и печенегами – тюркскими кочевыми племенами, для которых война была одной из главных статей существования [18, с. 100]. В конце XI – начале XII в.

печенеги и гузы были вытеснены на правобережье Кубани новыми тюркоязычными кочевыми племенами – половцами. Усть-Лабинская земля явилась одним из центров половецких кочевий [8, с. 12]. Кыпчакские курганы исследованы у станиц Ладожской и Усть-Лабинской, в соседней станице Тбилисской [10, с. 101]. Поскольку в кыпчакских захоронениях найдена кружальная посуда, изготовленная адыгскими мастерами, а в адыгских захоронениях встречаются кочевнические украшения, отношения половцев и адыгов, по-видимому, были мирными. Это, очевидно, позволяло адыгам возвращаться на известные с древности места междуречья Лабы и Кубани. В преданиях адыгов, записанных Н.Л. Каменевым в 1860-х гг., говорится о том, что в период появления абадзехов горцы «двигались за князьями от гор к равнинам Лабы и Кубани» [13].

В середине XII в. арабский географ Ал-Идриси упомянул в своём сочинении города Чёрная Кумания и Белая Кумания: «Этот город называется Чёрной Куманией потому, что близ него протекает река, которая [сперва] приходит в его землю, затем спускается вниз, в ущелье этих гор, а затем впадает в море. Её вода чёрного цвета, словно дым. Это хорошо известно и не отрицается [никем]. От города Чёрная Кумания до города Матлука, который называется [также] Белой Куманией, пятьдесят миль. Белая Кумания – большой цветущий город» [14, с. 117–118]. Обычно эти города связывают с половцами, поскольку куманы – одно из наименований последних, встречающееся в византийских и древнерусских источниках. В «Повести временных лет» среди перечисляемых тюркских народов под 1096 г. отмечено: «куманы, то есть половцы» [19, с. 158]. Река Чёрная соотносится современными исследователями с Кубанью, а Матлука – с Тмутороканью [14, с. 220]. Поскольку арабская миля составляет примерно 2 км, получается, что Чёрная Кумания находилась в районе современного Славянска-на-Кубани. Но большую часть сведений о расстояниях арабские географы записывали по слухам, за достоверность которых ручаться сложно. Ал-Идриси мог неверно перевести и название города, связав его с тюркским «Каракуман». В основе этого названия могут лежать не половцы-куманы, а известная по источникам XIV–XV вв. в. страна Каремук (Кремук). В адыгейской топонимии встречается слово Къарэмькьо, в котором къарэ соотносится с тюркским чёрный, кьо – сын [17, с. 88].

Отдельные исследователи считают, что восточная граница Тмутороканского княжества простиралась до среднего течения Кубани [1, с. 55]. Если это так, то становится вполне объяснимой надпись на свинцовой печати конца XI– начала XII вв. из коллекции Берлинского университета: «Господи, помоги Михаилу, архонту Матрахи, Зихии и всей Хазарии» [7, с. 68]. Границы «Зихии и всей Хазарии» охватывали, по-видимому, районы Кубанско-Лабинского междуречья, которые контролировал тмутороканский князь Олег Святославич, в крещении Михаил. С половцами, кочевавшими в этом районе, Олег Святославич не раз приходил на Русь,

заслужив у автора «Слова о полку Игореве» чёрную славу «Гориславича». Однако Олег Святославич был в этом отношении не первым и не единственным: уже до него древнерусские князья часто использовали печенегов, а затем половцев в междоусобицах [9, с. 28]. Олег Святославич сумел отстоять в конце XI в. самостоятельность Тмутороканского княжества, способствовал его экономическому подъёму. Этого можно было достигнуть только на основе прочных государственных взаимоотношений с тюркскими и адыгскими народами, обитавшими на территории княжества и по соседству. Абу Абдаллах Мухаммад Ал-Идриси, написавший свой труд «География» в 1153 г., подчёркивал знатность, силу, твёрдость, и воинственность правителя Тмуторокани (у Ал-Идриси – Матархи), которые проявляются в «господстве над соседями». Возможно, через союзных половцев Олег Святославич контролировал упоминаемый Ал-Идриси город Каракуман [14, с. 119].

Если эти места были известны русским с X в., то становится объяснимым и эпизод, связанный с пребыванием у половцев сына Андрея Боголюбского князя Юрия (Георгия) Андреевича. В 1176 г. юный княжич скрылся от преследований врагов в Половецкой степи в кочевьях своих родственников по отцу: Андрей Боголюбский был сыном половецкой хатунни дочери хана Аспы [5, с. 334]. Грузинский средневековый автор XIII в. в сочинении «История и восхваление венценосцев» привёл речь эмира Абу-салана, в которой рассказывалось о судьбе Юрия: «Тогда выступило одно из главных влиятельных лиц Тбилиси, взысканный царями эмир Картлийский и Тбилисский, по имени Абуласан, который сказал: “Я знаю царевича, сына великого князя русского Андрея; он остался малолетним после отца и, преследуемый дядею своим Савалатом, удалился в чужую страну, теперь находится в городе Кипчакского царя Севенджа”» [11, с. 40].

Половецкий хан Севендж не известен русским источникам, но он имел несомненные контакты с Русью и, по-видимому, состоял с русскими князьями в родственных отношениях [5, с. 334]. Об этом свидетельствует имя его брата Савалат, т.е. Всеволод, который упоминается в этой рукописи как предводитель отряда «новых кыпчаков», поступивших на службу к грузинским царям.

Где находился город «Кипчакского царя Севенджа»? Выдающийся исследователь кавказских древностей А.В. Гадло считал, что князь Юрий жил в 1184 г. в Тмуторокани, поскольку «другого города в пределах половецких владений в предкавказской степи в XII в. не было» [5, с. 335]. Но Тмуторокань в 1184 г. находилась под контролем кочевий половецкого хана Кобяка. Об этом упоминал автор «Слова о полку Игореве», который специально отметил, что Кобяк был «из луку моря» (лукоморья). В средневековом географическом понятие Лукоморья входила территория азовского и восточночерноморского побережья, напоминающая на картах контуры натянутого лука [4, с. 10] и включающая бывшую Тмуторокань.

Логичнее предположить, что в грузинском источнике речь опять идёт об упоминаемой Ал-Идриси Чёрной Кумании, находившейся где-то в междуречье Кубани и Лабы. Интересно, что в 30 км от станицы Некрасовской располагается аул Уляп. Кустарники на северо-восточной окраине аула Уляп адыги называли Соне имэз – «лес Соне» [17, с. 180]. Это название могло хранить память о временах управления этими местами ханом Севенджем, трансформированного в адыгского Сониимэза.

Правда, владикавказский археолог В.А. Кузнецов на основании такого же отдалённого созвучия предполагает, что город, где скрывался Юрий, находился на реке Сунже [16, с. 209]. Однако в грузинском источнике идёт речь об имени кыпчакского хана Севендж, которое было распространено у половецкой знати [5, с. 340]. По-видимому, связь князя Юрия с половецким миром явилась важным фактором в выборе его грузинским двором на роль жениха царицы Тамар. Став мужем и соправителем грузинской царицы, князь возглавил её войско и одержал ряд побед.

В 1223 г. на край обрушились монголо-татары, которые, по-видимому, смели Каракуман. Русская летопись сообщала под этим годом: «Многие страны попленили, ясов, обезов, касогов и половцев многих перебили, а иных загнали, и так погибали, убиваемые гневом Божьим и пречистой его Матери» [19, с. 100]. Татары перебили половецкую аристократию – со второй половины XIII в. русские летописи не упоминают ни одного имени половецкого хана. Но многие рядовые кыпчаки, остатки болгар и других народностей, говоривших на тюркских языках, продолжали кочевать в степях Предкавказья, положив начало в орбите монгольской государственности новому этническому образованию – ногайцам. В то же время в междуречье Лабы и Кубани вновь сложились условия для взаимодействия кочевого тюркского и оседлого адыгского населения.

Венецианский купец Иосафат Барбаро в сочинении «Путешествие в Тану» в середине XV в. писал: «Если ехать из Таны вдоль берега упомянутого моря, то через 3 дня пути вглубь от побережья встретится область, называемая Кремук. Правитель её носит имя Биберди, что значит «Богом данный». Он был сыном Кертибея, что значит «истинный господин». Под его властью много селений, которые по мере надобности могут поставить 2 тыс. конников. Там прекрасные степи, много хороших лесов, много рек» [2, с. 22]. В три дня можно вполне было проделать путь верхом от Таны (в районе современного Азова) до междуречья Кубани и Лабы. Подходит и сочетание ландшафта: степи, леса и реки. Происхождение местного князька увязывается с властью тюркского правителя – «истинного господина». Появление страны Кремух стало, по-видимому, результатом взаимовыгодного взаимодействия народов.

На карте итальянского картографа Якова Гастальдо 1548 г. мы видим Кремух на правом берегу Кубани в её среднем течении, причём Кремух обозначен значком, символизирующим город с башнями [15, с. 209].

Если укрепления Кремуха, подобно древней Успе, были земляными, нет ничего невозможного в их возобновлении. На более поздних турецких картах в районе современной станицы Некрасовской известен ногайский городок Керменчик [21, с. 273]. Его переводят с турецкого как «маленькая крепость», но возможно, это искажённое «Каремук». На территории станицы Некрасовской известны находки предметов материальной культуры средневековых адыгов [10, с. 111]. Через *Чёрную Куманию* Ал Идриси, город Кыпчакского царя *Севинджа*, *Кремук* И. Барбаро, *Кремух* Я. Гастальдо, ногайский Керменчик выстраивается заманчивая преемственность в локализации центра тюркско-адыгского взаимодействия в XI–XVI вв.

Контакты русских людей с междуречьем, вероятно, имели место и после установления владычества монголо-татар. Из ханского плена сюда уходило немало храбрцев, связанных своими корнями. Проведя тягостные годы в ордынском плену, эти люди сберегли последнюю память о Родине – христианские наперсные (нательные) кресты. Находки этих крестов в долинах Большого и Малого Зеленчуков говорят о постоянном пополнении этими пришельцами окрестностей Средней Кубани [3, с. 69].

В конце XVII в., опасаясь расправы, на Кубань перебрались небольшие группы донских казаков-старообрядцев под началом атаманов Савелия Пахомова и Льва Маноцкого. Переселенцы получили в 1693 г. у крымского хана Селим-Гирея I разрешение возвести «городок на острове меж Кубань реки и реки Лаба». Под руководством ханского наместника Кубек-аги, с помощью местных ногайцев [20, с. 174], казаки заняли валы древнего городища, известного на турецких картах под именем Керменчик. Они заново спланировали оборонительный ров, подсыпали вал, сделав его неприступным со стороны степи [21, с. 272]. В 1697 г. казачья община в Керменчике состояла из полутораста человек [12, с. 11]. Но уже в октябре 1698 г., как показал на допросе в Азове один из захваченных казаков, «ахреян» на Кубани насчитывалось «человек с пятьсот» [20, с. 175]. Видимо, войско значительно пополнилось выходцами с Дона. Вряд ли казаки удержались бы в Керменчике без мирного взаимодействия не только с ногайцами и с татарами, но и с ближайшими соседями – воинственными адыггами-темиргоевцами. Правда, в начале XVIII в. Керменчик-на-Лабе прекратил своё существование [20, с. 190]: хан, по-видимому, решил держать казаков поближе, чтобы их было легче контролировать. Однако старообрядцы объединенного пахомовско-некрасовского войска и впоследствии продолжали взаимодействовать с адыгскими народами.

Таким образом, средневековая эпоха представляет яркие страницы сложных исторических и культурных взаимодействий народов, обитавших на протяжении тысячелетий в бассейне Кубанско-Лабинском междуречье. Здесь оформляются своеобразные контактные зоны, позволявшие сосуществовать славянам, тюркам и адыгам, закладывая уже в далёком прошлом основы единого этнокультурного пространства.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Е.П. Вопросы взаимосвязей народов Северного Кавказа с русскими в X–XV вв. в отечественной исторической науке. Черкесск, 1992.
2. Барбаро И. Путешествие в Тану // Кавказ: европейские дневники XIII – XVIII веков / Сост. В. Аталиков. Нальчик, 2010. Вып. III.
3. Виноградов В.Б. Средняя Кубань: земляки и соседи. Армавир, 1995.
4. Виноградов В.Б. Пушкинская Кубань (историко-литературные этюды). Армавир, 1999.
5. Гадло А.В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб., 2004.
6. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV –X вв. Л., 1979.
7. Захаров В.А. Тмутараканское княжество // СРИО. Т. 4 (152). От Тмутороканя до Тамани / Под ред. В.А. Захарова. М., 2002.
8. Зеленский Ю.В. Половцы на Кубани в XII–XIV вв. // КС. Т. V (26) / под ред. О.В. Матвеева, Г.В. Кокунько. Краснодар, 2014.
9. Зеленский Ю.В., Пьянков А.В. Тмутараканские князья: исторические портреты // КС. Т. I (22) / Научн. ред, сост. О.В. Матвеев. Краснодар, 2006.
10. История Адыгеи с древнейших времён до начала XX в. В 2-х т. Т. I. Майкоп, 2009.
11. История и восхваление венценосцев / Грузинский текст, пр., предисл, прим. К.С. Кекелидзе / Под ред. А.Г. Барамидзе. Тбилиси 1954.
12. История кубанского казачества / Под ред. проф. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 2013.
13. Каменев Н.Л. Бассейн Псекупса // КВВ. 1867. № 5. 4 февраля.
14. Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, перевод, комментарий. М., 2006.
15. Кузнецов В.А. Забытый Кремух // СРИО. Т. 4 (152). От Тмутороканя до Тамани / Под ред. В.А. Захарова. М., 2002.
16. Кузнецов В. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992.
17. Меретуков К.Х. Адыгейский топонимический словарь. М., 1990.
18. Очерки истории Кубани с древнейших времён до 1920 г. / Под общей ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 1996.
19. Се повести временных лет (Лаврентьевская летопись) / В переводе А.Г. Кузьмина. Арзамас, 1993.
20. Сень Д.В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII – начало XVIII в.). Ростов н/Д., 2009.
21. Соловьёв В.А. По следам Суворова (Записки краеведа). Краснодар, 2004.

РУССКИЙ ПОСОЛ В АЗОВЕ В 1592 ГОДУ

История дипломатических отношений Российского государства и Османской империи с момента их возникновения в 1492 г. связана с турецкой крепостью Азак (Азов) в устье Дона. Пограничный Азов был пунктом, через который эти связи осуществлялись. В 1592 г. Русское правительство отправило в Турцию посольство во главе с Григорием Нашокиным и подьячим Андреем Ивановым. Нашокину было поручено убедить султанское правительство в дружеских чувствах, не смотря на связь России с Ираном. Посол должен был объявить, что царь отказал Ирану в военной помощи против турок [2, с. 140]. Статейный список Нашокина содержит редкие и значительные сведения о ходе посольства в Азове и даже о приёме послов у Азовского пашы.

Азов-первый турецкий город на пути посольства. Здесь предстояло собрать максимальную информацию о международных делах, оперативно решить необходимые вопросы и отправиться дальше. Помимо грамот Султану, Визирю, ответственным лицам Османской империи, послы везли грамоту царя Фёдора Иоанновича Азовскому паше, – «Брата Нашего Мурат-Султанову слуге Серджевану–князю Азовскому». Князю предлагалось принять, отпустить и проводить посланника «не издерживая .А м ы вперёд к тебе жалованье своё хотим держати». Послам подробно расписывалось, что и как делать в Азове: узнать в Азове всё, что можно и отписать Великому Государю. Азовскому князю послать от себя 40 соболей. Грамоту от Государя князю не посылать, чтоб не обнаружилось, что от государя посланы грамота и поминки(жалованье).Только если Азовский князь будет упрямитесь, без государевых грамот не пропустит, тогда грамоту отдать. Свидеться с князем в судной избе, или на пристани, на подворье к князю не ехать. Если князь откажется, – ехать на подворье. Будет приглашать откушать, – есть для любви, а не для государева дела. Позвать к себе князя и угощать его. О больших делах с Азовским князем не говорить. Просить, чтоб дал корабли и провожанье. Будет подарки дарить – взять и от себя подарить. Из Азова казаков с вестями послать [1, с. 20–22].

В реальности послам в Азове пришлось действовать по обстановке. На Дону было неспокойно. Казаки были во враждебных отношениях с Азовом. Во время пребывания у казаков произошёл конфликт из-за процедуры встречи посла, предъявления царских грамот, царского жалованья, его количества. Положение осложнилось тем, что казаки взяли знатных пленников и требовали за них громадный выкуп. За несколько дней до этого из Азова отряд во главе с Досмагметом Азовским, а с ним все азовские воинские люди пошли войной на русские укрaines. За неделю до

прибытия Нащокина в Азов назначили нового правителя. Алей – ага прибыл в крепость в сопровождении 100 янычар. Новый азовский князь, кадий, янычарский ага и азовские городовые люди прислали послам, оставившимся у казаков, грамоту с приглашением в Азов. Продукты из Азова не прислали. Когда послы прибыли к Каланче, на разменное место, из Азова им прислали две свежие белуги и севрюгу.

12 июня 1592 г. русское посольство прибыло к Азову. Встретили их Алей – князь и азовцев 300 человек с лукам и пищалями. С крепостных стен стреляли, приветствуя гостей. На пристани Алей-ага и 10 азовских приказных людей приняли послов за руки из судов, спрашивали о здоровье. Азовцы привели послам по аргамаку. Как сели на лошадей, снова раздалась стрельба. Послы ехали верхом до подворья, перед ними янычары и приказные люди шли пешком. Послов разместили в Топрак-кале – западной части крепости. Оставили сторожей у подворья. Корма снова не дали. На следующий день азовский князь прислал пристава Усейн-Челибея спросить о здоровье, с ним и корм прислали: голову сахару, 3 прута рыбы вяленой, блюдо винных ягод – изюму и хлебцов. Сказали, что лучше корму в Азове нет. Послы сразу попросили корабль, чтоб уехать в Константинополь. Азовский князь прислал корабельного реиза и хозяина корабля, чтоб послы наняли его и заплатили деньги из посольской казны. Послы отказались нанимать суда: «Прежде корабли давали без найма. Русский Государь даёт и корабли и подводы без найма. И мы нанимать не будем. Пусть Азовский князь наймёт у корабельщиков корабль, или даром возьмёт. Мы по государеву делу едем». Принципиальность послов возымела действие. Азовский князь поговорил с корабельщиком и дал послам корабль без найма. Послы отослали Азовскому князю 40 соболей с татарином. Князь принял, поблагодарил [1, л. 104–105об.]. Приезжих купцов в Азове не было, зато было много пленных, – азовцы привели их из прошлого похода.

Послы намеревались встретиться с Азовским князем в судной избе или на пристани, – они подойдут к кораблю и князь. Но пристав Усейн-Челибей сказал, что прежде такого не бывало, чтоб князь к послам выезжал за город, езжайте к Азовскому князю на подворье. А судных изб в Азове нет, судит князь всякие дела у себя на дворе. Визит к Азовскому паше был обставлен серьёзно. К Нащокину и Иванову пришёл от Азовского князя янычарский ага Магмут, азовский дьяк, два приказчика городовых и 20 янычар. Привели две лошади, поехали к князю. Впереди шли ага, янычары, приказные люди, Приехали к княжьим палатам. Дворец Азовского паши располагался в центральной части крепости – Орта-Хиссар. У передней палаты в дверях послов встретили азовские приказные люди – 3 человека и шли перед ними. Послы пришли в палаты князя. Он встретил их посередине палаты, около рундука, пожал им руки, спрашивал о здоровье. «Слава Богу, до Азова доехали здорово», – сказал Нащокин. Князь велел сесть на скамье

против себя, сам сел напротив на стуле. По обе стороны сидели кругом азовские приказные люди, 30 человек. Нащокин говорил по государеву указу, чтоб дал корабли. Князь сказал: дам, отпущу вскоре. «Азов-место убогое, яз у государя своего слуга наименьший. И в чём будет у вас недостаток, вы на меня не обижайтесь. Азов-место украинное. Донские казаки затворили дороги к нам, и теперь торговые люди с товарами не ездят. И какие поедут, казаки тех грабят. И городovým людям тесноту чинят великую. Оттого здешнее место оскудело» [1, л. 106-108].

Нащокин, как велено было в Москве, говорил, что на Дону живут казаки-воры, а от государства нашего бегают, конфликтуют с азовскими людьми без государева ведома. А вот Досмагмет-ага с товарищами и со своими казаками живут в Азове, на русские земли ходят, русских людей захватывают. Этим летом Досмагмет дважды ходил на наши земли, и то недобро. Азовский князь заявил: если б царь велел свести казаков с Дона, ни один бы человек из Азова на русской окраине не был. Нащокин отвечал, что Государь велел казакам азовцев не трогать. Азовский князь просил послов поговорить с донским агаманом, который приехал в Азов сопровождать послов, чтоб казаки с Азовом помирились. Азовский князь отпустил послов на подворье, проводил до выхода из зала. До подворья перед ними шли Азовский дьяк и два султанских посланца из Константинополя, которые приехали в Азов забирать казну, что идёт из Азова султану. 23 июня Нащокин послал татарина к Азовскому князю корм просить, вместо корма князь возмущился, – почему царь не велел послам забрать пленных чеуша и князей у казаков. На подворье к Нащокину и Иванову пришли Уссейн-Челибей и янычарский ага Магмут и заверили, что если царь уберёт казаков от Азова, они лично запретят азовским людям нападения.

Главная обязанность посла в Азове – собрать информацию о международных и региональных событиях. До Константинополя, где можно было узнать сведения более глубокого уровня, было далеко, поэтому вести, из Азова были быстрым и важным источником. Нащокин в Азове узнал, что Турецкий султан не в миру с франками. Приходили франки морем, Синанпаша собирается на них идти, уже готовят 500 каторг, весной начнут поход. Султан не мирит с Литовским князем, и Крым с ним тоже не мирит. На Крымские улусы ходил князь Михаил Ружицкий со многими черкасами и с шестью пушками. Воевал улусы до Перекопа, взял полона 10 тысяч, а Арасланова улуса – 2 тысячи. Ногаем от днепровских казаков горе великое. Хотят перекочевать сюда, наДон, в Казыев улус. Крымские татары, что ездят в Азов, сказали послам, что крымские царевичи пришли из похода на Русь и готовятся идти опять. Азовские пленники утверждают, что крымцы, ногаи и азовские люди собираются на Русь. Крымский царь пошёл в Черкесские земли, к Темрюку, на Таван, а перед тем терских казаков взяли 600 человек близко Темрюка. И черкесы на их приходили, убили 100 человек и отошли к крепости. Иран с Турцией мирит, и с Бухарским князем мирит. В

Казыев улус приезжали из Астрахани русские посланцы, чтоб они шли кочевать к Астрахани. Казыевцы пойдут. Крымский царевич поехал в Царьград к султану [1, л. 110–111об.]. Послы указали своего информатора – это торговый челевек, бухарец Учем. Живёт в Азове давно, прежде бывал на Москве. С вестями из Азова Нащокин отправил станичника Андрея Невзорова, 7 августа эту информацию уже читали в Москве.

Послы выкупили в Азове четырёх русских пленников: Матвея Вельяминова, Ивана Крюкова, Петра Дурова, Семёна Тютчева, заплатили 200 рублей, отпустили к Государю. «Поклались мы в корабли и ждём ветру, – писал Нащокин, – а корм дают скуден, отговариваются, что место убогое, купить нечего». Приезжали в Азов от казаков два атамана, – Семён Воейков и Смирной Фёдоров, – мирный договор учинили и крест целовали за всех казаков. Азовский князь прислал к казакам азовских людей и греческого священника тот мир закреплять по прежнему обычаю. Атаманы и казаки того мира не закрепили, мириться с азовскими людьми не захотели. Положение усложнилось с обострением ситуации с пленными князьями в войске. Казаки одного пленника казнили, требовали у Азовского князя выкуп за остальных пленников, угрожая казнить их. Азовский князь упрекал послов, отказался отпускать их из Азова в Кафу, обещал послать султану письмо об издевательствах казаков. «А вам пока быть в Азове, и с корабля нашу рухлядь велел выметать и корму нам не давать». Послы неоднократно писали к казакам, чтоб с Азовом помирились. За то, что казаки не хотели мириться с Азовом, Нащокина и его людей держали в Азове пять дней. «Пять дней не давали еды, отказывали, – пришли вы не с добрым делом, с войною, и корма давать вам не за что». Из Азова прислали за пленников выкуп. Наконец, 5 июля, казаки с Азовом мир укрепили. Вскоре Нащокин с посольством отправился в Кафу. Перед отъездом посол вновь просил Азовского князя, чтоб Досмагмет с азовскими людьми на русские земли не ходил. Азовский князь отвечал, что «от казаков в Азове торговля порушилась, и казна, котора я раньше шла с Азова, ныне перелелась, а прежде с Азова султану была казна великая, – до 80 тысяч золотых. За это султан велит ходить войной на русские украинны» [1, л. 116]. Нащокин в отчёте отметил твёрдую позицию Азовского пашы по укреплению мира между казаками и Азовом и требование от послов мер по поддержанию мира казаками. Вскоре Нащокин отправился в Кафу. Как только посол отбыл из Азова, вновь началось «розмирье».

Григорий Нащокин привёз исключительно важный отчёт о пребывании в Турции, где очень подробно и добросовестно изложил внутреннее и международное положение Османской империи конца XVI века. Информация, собранная Нащокиным в Азове, была оперативной, ценной и позволяла Посольскому Приказу иметь подробные сведения о ситуации в Азово-Черноморском регионе и сопредельных государствах. Проблемы и конфликты в пограничном Азове русские послы решали профессионально и обстоятельно, заботясь об интересах Российского государства.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Российский Государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф.98. Оп.1. Д.3.
2. Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. // УЗ МГУ. 1946. Вып. 96. Т.1.

Р.Н. Евдокимов, И.Ю. Юрченко (Москва)

**СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ
ТЕРМИНА «КАЗАКИ» В МОСКОВСКОМ ЦАРСТВЕ
(НА ПРИМЕРЕ ИСТОЧНИКОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.)**

В современной историографии существует довольно много «белых пятен», связанных с историей казачества Допетровской России [см. напр. 7, 20–23]. Трудность в их раскрытии задаёт проблема источников в отношении их интерпретации и верификации. Во многом она связана с общими терминологическими трудностями в определениях «казаки», «казачество» и, в свою очередь, разнообразных, производных понятий, таких как «казаки служилые», «казаки вольные», «казаки воровские», «ордынские казаки», «азовские казаки» и т. д., которые применялись в реалиях российской государственной системы указанного периода [см. напр. 3–6].

Наиболее острый характер проблема применения термина «казаки» приняла в условиях общего кризиса Смутного времени. В его событиях казачество принимало живейшее участие, успевая к своей желаемой выгоде выступать на стороне всех без исключения возможных претендентов на московский престол.

Сразу после соборного избрания в 1613 г. царя Михаила Фёдоровича перед его правительством с очевидной остротой встала задача сплочения всех активных общественных сил вокруг престола, способных прекратить гражданскую войну, умиротворить враждующие стороны и ликвидировать противоречия, вызвавшие Смуту. Несомненно, к таким силам относилось и казачество, являвшееся самой на тот момент энергичной, боеспособной частью российского народа, чьи действия стали, пожалуй, главным фактором в развитии процессов Смутного времени. Кроме того, именно казаки сыграли едва ли не решающую роль в выдвижении и избрании на царство первого государя из династии Романовых [19]. Такое влияние казачество смогло получить по причине того, что при анархии, господствовавшей в российском обществе, «старинные» казачьи сообщества – войска, к примеру, Донское или Яицкое, имели постоянный приток в свой состав большого количества пассионариев – всевозможных беглецов и авантюристов. Кроме того, на большей части территории страны во множестве появляются

вооружённые формирования, относившие себя к казакам, природа которых, однако, была либо неясна, либо весьма далека от «традиционной» казачьей организации, – в условиях кризиса казаками себя могли называть любые деклассированные элементы, пытавшиеся выжить путём грабежей и насилия или просто использовать сложившуюся ситуацию в свою пользу. Принимая на себя название «казаки», они тем самым как бы «узаконивали» свои организации в глазах общества и, окончательно отделяясь от прежней жизни, относили себя к военной профессии [19].

Для обуздания всей этой разношёрстной казачьей вольницы, государственная власть старалась расположить казаков к себе, привлекая их на свою службу всевозможными способами, для чего применялась практика предоставления амнистий, свобод и пожалований, наделения льготами и правами. В то же время, в обмен на предоставляемые преференции государство постепенно, планомерно, но и столь же настойчиво и неуклонно, навязывало казакам круг неотъемлемых обязанностей, – сначала через простые договорные обязательства и присяги на верность, а затем – и через отношения подданства [2, 19].

Здесь следует учесть, что в условиях перманентной политической нестабильности сами казаки имели возможности для широкого маневрирования между российскими, польско-литовскими, османскими и пр. «группами интересов». В этих непростых условиях привлечение различных казачьих образований на службу могло диктоваться не только военными, но и политическими интересами, в том числе «проецирования власти» суверена на сообщества вольного казачества и обозначения желаемых пределов «своих земель» во внешнеполитическом дискурсе [2].

Организационно-институциональные потребности тогдашнего Московского государства настоятельно требовали определённого упорядочивания взаимоотношений с казачеством и определения статусов его отдельных категорий и групп – сословного, военно-служебного, социально-экономического и др., которые позволяли бы включить казаков в государственную систему, превратить их в полноценных служилых людей. При этом российское правительство в те годы действовало в своеобразном режиме прецедентного права и государственного управления по типу «вызов – ответ», который реализовался в итоге в известной приказной системе с характерным для неё многократным пересечением и дублированием функций отраслевого управления. Всё это привело к складыванию в среде казачества довольно обширной, разнообразной и, нередко, запутанной организационной структуры, часто переплетавшейся с другими разрядами населения России.

В то же время современники рассматриваемого периода чётко различали все эти многочисленные категории казачества и, делая о них упоминания в документах, всегда имели в виду вполне конкретные их черты и характер. Таким образом, с одной стороны, в отечественных источниках практически не имеется точного определения, кто такие казаки вообще, как и описа-

ния общей истории появления казаков на московской службе. Исключением здесь является только весьма неоднозначное свидетельство Г.К. Котошихина [11], составленного по заказу и в интересах шведской короны. С другой стороны, для этого периода крайне скудны источники собственно казачьего происхождения. Главным образом они представляют собой фольклорные произведения – предания, былины и, особенно, песни [напр., 12]

К сожалению, до настоящего времени не дошли старинные казачьи войсковые архивы. Мы не знаем ни одной казачьей летописи, а отдельные источники имеют эпизодический, прецедентный характер, то есть повествуют об отдельном историческом событии, как например «Повесть об Азовском осадном сидении» [13].

Тем не менее, огромный пласт сведений о российском казачестве 1-й пол. XVII в., в том числе и о его структуре и организации, сохраняют многочисленные так называемые приказные документы, раскрывающие содержание делопроизводства учреждений государственной власти и представленные разнообразными видами источников: сметными, сторожевыми и разрядными книгами, десятнями и раздаточными книгами, крестоприводными книгами, писцовыми, дозорными и переписными книгами, челобитными и пр. [1]. Однако, в силу определённой трудности систематизации их содержания, часто пространности и объёмности изложения и т. п., они требуют от исследователя довольно значительной усидчивости и терпения, в связи с чем практически никто из историков не изучил их в общем контексте для освещения указанного вопроса в масштабах всего Российского царства. Исключением здесь, пожалуй, является А. Л. Станиславский [19].

Данная ситуация привела к тому, что сегодня в историографии устоялась унаследованная от первых научных классических работ XVIII–XIX вв., освещавших казачество, традиция разделять его по двум основным факторам: во-первых, по зависимости от государства – на казаков вольных и служилых, называемых ещё городовыми; и, во-вторых, по этнической принадлежности – на казаков русских и украинских (они же – малороссийские) [напр., 9–10, 14, 18].

Однако, как показывают источники рассматриваемого периода, разделение казаков по первому фактору было весьма условным и отражало лишь формальное, но далеко не всегда фактическое, их отношение к государственной службе. Сами казаки могли свободно и по несколько раз уходить и вновь поступать на службу государю России, а то и уходить служить к иноземному правителю, каковым являлся чаще всего король Речи Посполитой [2, 15–16]. Разделение по второму – этническому – фактору также, согласно источникам, не отражает реальной картины, чему свидетельствует, к примеру, тот факт, что термин «украинские казаки» в отношении казачества Малороссии в российских документах не используется вообще, – к нему в 1-й пол. XVII в. используется только название «черкасы». Более того, в социально-правовой системе Московского царства чер-

касы и казаки совершенно не считались идентичным друг другу понятием, чётко проводя между ними границу [8, 15–16].

Согласно историческим источникам, и исключительно им, в первой пол. XVII в. в России казачество было представлено двумя совершенно обособленными сообществами. Первым из них являлись собственно казаки, к которым причисляли исключительно «русских людей». Они были приписаны к городским сообществам служилых людей, частью приравняваясь к детям боярским, – поместные казаки, частью, – к стрельцам – беломестные и кормовые казаки. Также ещё выделялись казаки полковые. Среди казаков особое положение занимали две категории – белозёрцы и поместные атаманы. В данный разряд включали и записавшихся на государеву службу выходцев из вольных казачьих сообществ – донских, волжских, яицких и гребенских. Особенное место тут занимали казаки терские и гребенские, считавшиеся вольными, но включавшиеся при этом в гарнизон царского города Терки [15, 16].

Вторым сообществом в России являлось так называемое «иноземское» казачество, которое входило в состав общего иноземского разряда, составляя, вместе с другими его представителями, отдельную общественную категорию, которая соединяла в себе различные этносоциальные группы – немцев, гречан, волошан, сербян, поляков, литву и т.д. Общей чертой «иноземского» казачества была связь с Речью Посполитой, происхождение отсюда или официальная служба этому государству. Организационно оно разделялось на два типа. К первому из них причислялись черкасы как коренные жители Малой Руси. Ко второму, весьма немногочисленному, типу относились уже казаки как таковые, включавшие в себя, например, казаков днепровских и смоленских [15–16].

Подводя итоги, мы можем видеть отражённую в источниках нестабильную ситуацию, при которой существуют и сосуществуют, появляются и исчезают самые разнообразные как бы «категории» казачества, которые, в свою очередь, представляют собой, по-видимому, отдельные и вероятно разнородные группы казаков и не-казаков, но приравненных к таковым, в различных условиях и в разное время вступившие во взаимоотношения с государственными структурами, приходившие на государеву службу, уходившие с неё и т.п. Таким образом, на наш взгляд, можно полагать, что указанные «категории», первоначально таковыми не являлись, а служили отдельными «единицами», образовавшимися по прецедентному принципу. И лишь позднее, при первых Романовых, по мере определённого упорядочивания государственных институтов и институций, зафиксированных в Соборном уложении царя Алексея Михайловича [17], окончательно оформилась сословно-разрядная организация казачества в отношении государственной власти, и были окончательно стандартизированы в типологическом смысле правовые статусы его различных сообществ и групп.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Документы Разрядного приказа / Под ред. Пестова А.С., Шереметевского В.В., Шимко И.И. // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции / Под ред. Пестова А.С., Шимко И.И. Кн. 9. Под ред. Шимко И.И. Кн. 10, 11. Под ред. Шереметевского В.В. Кн. 12-19, 20 (1 пол.). М., 1894–1921.
2. Донские дела / Под ред. В.Г. Дружинина. Кн. 1–4 // РИБ. Т. XXIV, XXVI, XVIII, XXIX. Спб. 1898, 1906, 1909, 1913.
3. Евдокимов Р.Н. Днепровские казаки Тулы в первой половине XVII столетия: особая группа служилых людей Московского государства // РИ. 2015. № 5.
4. Евдокимов Р.Н. Корпорация белозёрцев как пример решения проблемы привлечения казачества к государственной службе Московского царства в период преодоления последствий Смутного времени (20-40-е гг. XVII в.) // Казачество России в бунтах, смутах и революциях (к столетию событий 1917 года): мат-лы Всерос. науч. конф. Ростов н/Д., 2017.
5. Евдокимов Р.Н. Смоленские казаки в 30–50-е гг. XVII в. // ВИ. 2016. № 9.
6. Евдокимов Р.Н. Соотношение казаков и черкасов в разрядной структуре Московского царства (по данным материалов 1-й пол. XVII в.) // Гармонизация межнациональных отношений. Исторические судьбы казачества: II Всерос. научн.-практ. конф. Сб. науч. ст. Ростов н/Д.-Таганрог, 2018.
7. Евдокимов Р.Н., Юрченко И.Ю. Казаки в смутах, бунтах и крестьянских войнах XVII–XVIII вв.: историографическое переосмысление в годы Великой Русской революции и установления Советской власти // ВНМСПВ. 2018. № 12 (12).
8. Записные книги Московского стола / Под ред. А.И. Тимофеева // РИБ. Т. IX. 1884; Записные книги Московского стола 1636–1663 гг. / Под ред. А.И. Тимофеева // РИБ. Т. X. 1886.
9. Ключевский В.О. История сословий в России // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. VI. М., 1989.
10. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. 6-е изд. Т. I, II. Спб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1912.
11. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000.
12. Листопадов А.М. Песни донских казаков. Т. I. Ч. 2. М., 1949.
13. Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков // Воинские повести древней Руси / Под ред. Н.В. Поньрко. М.-Л., 1985.
14. Покровский М.Н. Русская история с древнейших времён. Т. I–II. // Покровский М.Н. Избранные произведения в четырёх книгах. Кн. 1. М. 1966.
15. Смета военных сил Московского государства на 1632 год. («Сметной список 140-го году») / Под ред. Е.Д. Сташевского // ВИВ. 1910. № 9–10.
16. «Сметный список» военных сил России 1651 г. / Под ред. Н.К.Крымовой, Г.А. Пиняевой // Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVII – первая половина XVIII в. / Под ред. Е.И. Индовой. М., 1989.

17. Соборное уложение 1649 года /Текст, комм. Под ред. А.Г. Манькова. Л., 1987.
18. Соловьёв С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. М., Кн. IV-V. 1989-1990.
19. Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990.
20. Юрченко И.Ю. Взаимодействие государства и казачества и проблема социальной и этнической идентификации казаков в современной историографии // Государственная служба казачества: история, современность, перспективы: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Старый Оскол, 30 марта 2010 г.) / Под ред. Г.О. Мациевского. Стар. Оскол, 2010.
21. Юрченко И.Ю. История изучения казачества в отечественной и эмигрантской историографии XV–XX столетий: Историография казачества. Кн. 1. М., 2013.
22. Юрченко И.Ю. Казачество в допетровской историографии и источниках Московской Руси XV–XVII вв. // Наше Отечество. Страницы истории: Сб. науч. ст. Вып. IX. / Под ред. В.С.Порохно. М., 2013.
23. Юрченко И.Ю. Проблема этносоциальной идентификации казаков и эволюция трактовки феномена казачества в российской историографической традиции XVII–XXI вв. // ESSJ European Social Science Journal. 2012. № 10-1(26).

С.С. Козлов (Ростов-на-Дону)

КАЗАКИ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ г. НАХИЧЕВАНИ-НА-ДОНУ

Города Юга России, образовавшиеся в результате удачной внешней политики и территориальных приобретений Юга России, имели свою уникальную черту. Это были города нового типа, которые образовывались как торгово-промышленные, ремесленные центры. Новые населенные пункты основывались на побережьях Черного и Азовского морей. Города нового типа отличали многонациональный характер, где селились, русские, малороссы, греки, армяне и т.д. Не стала исключением и Донская земля. В XVIII в. Российское правительство чтобы урегулировать торговлю на юге на границе с Турцией в 1749 г. в низовьях Дона основывает Темерницкую таможенную. В 1761–1763 гг. рядом с таможенной основывается крепость Дмитрия Ростовского. После русско-турецкой войны 1778–1779 гг. и заключения Кучук-Кайнаджирского мирного договора на Дон переселяются крымские армяне и основывают 14 ноября 1779 г. город Нор-Нахичеван (с 1836 г. Нахичевань-на-Дону). Нахичеванские армяне занимались торговлей, ремеслами, строили заводы, фабрики.

Несмотря на довольно активную коммерческую деятельность нахичеванцы довольно долгое время, были замкнутой этно-конфессиональной группой на Дону, и Нахичевань была городом с моноэтническим населением.

ем, несмотря на то, что находилась посреди казачьих земель и имела близкое соседство со станицами Александровской, Аксайской, а также граничила с городом Ростовом-на-Дону. Тем не менее, уже во второй половине XIX в., а особенно после отмены крепостного права в России 19 февраля 1861 г., в Нахичевани появляется русское, а затем и казачье население, приезжавшие в крупные города в поисках заработка. В 1889 г. города Ростов-на-Дону, Нахичевань-на-Дону, Азов и Таганрог из Екатеринославской губернии переводятся в управление Области Войска Донского. Но, тем не менее, в литературе по истории и культуре Нахичевани казачье и русское население или упоминается кратко или, же о нем умалчивается совсем.

За недостаточностью исторических источников по истории Нахичевани первой половины XIX очень трудно проследить процесс интеграции казаков и русских в городскую жизнь города. Очень интересны замечания художника М.С. Сарьяна по этому поводу: «В Новой Нахичевани стало расти русское и украинское население. Некоторые, долго прожив по соседству с армянскими семьями, породнились с ними. Было немало случаев, когда жившие в Нахичевани русские и украинцы овладевали языком своих добрых соседей, и вообще все перенимали друг от друга много полезного» [8, с.28].

Так, например, известно о том что азовский мещанин Федор Гаврилович Воронцов в 1861 г. купил у своей тещи Каяне Каприловны Текеджиевой участок земли с большим подворьем в 3-м участке города Нахичевани [3, л. 51]. По соседству с ним, помимо коренного нахичеванца Аракела Лохманова, жил ростовский мещанин Спиридон Евграфович Шелковников [3, л. 51]. Вообще факт смешанных браков в Нахичевани, по-видимому, уже не был чем-то необычным и из ряда вон выходящим. Вот что по этому поводу написал в своих воспоминаниях художник Мартирос Сарьян: «Украинско-русская свадьба в этих местах представляла собой следующее зрелище. По улице проходила празднично-нарядная процессия, женщины пели хором песни, славивли невесту и жениха, неся в руках подарки и приданое невесты: зеркала, самовар, подушки, а тяжёлые предметы, такие, как кровать, шкаф, стол, стулья, везли на повозках. Грива и дуга лошади были украшены пёстрыми платками. Процессию сопровождали органист, дудочники и барабанщик. Пение завершалось бурной пляской, во время которой подзвучки «Барыни» подбрасывались в воздух предметы приданого. Любопытно, что «Барыню» играли и армянские зурначи, и органисты» [8, с.28-29].

Павел Петрович Филевский, живший в Нахичевани в 1860-е гг., будучи сыном секретаря нахичеванского магистрата, так писал о русскоязычном населении города: «В то время Нахичевань был еще совершенно армянским городом. Все русские говорили по-армянски, а некоторые русские так плохо говорили по-русски, что их не всегда можно было понимать..... Чиновники магистрата были все русские древние старожилы города. Русская колония жила в одном месте в саду Чорчопова, где ныне завод «Аксай», в противоположную сторону от Ростова. Отец жил и с

русским чиновничеством, которое совершенно не смешивалось с армянами. Прислуга была исключительно русская, прекрасно оплачивалась и была избалована донельзя, потому что ее трудно было нанять...» [10]. Так же он упомянул об отношениях между армянским и русским населением: «Моя мать часто сердилась на отца, что он приходит с вечеров выпивши, он не оправдывался, но говорил, что у армян иначе бывать нельзя и, чтобы избежать выпивки, надо вовсе не ходить, что он согласен делать, но ему не хочется портить отношений» [10]. Есть у него и довольно противоречивая характеристика: «Меня в городе скоро все знали, потому что ходил всегда с Леонтием, и встречавшиеся армяне никогда не преминули громко заметить: «секлетарев сын». А провожал меня всегда Леонтий потому, что армянские мальчики побили меня, причем приговаривали: «хазах», т.е. оскорбительно «русский»: может быть искаженное «казак» [10].

Имеются также свидетельства более раннего появления русскоязычного населения Нахичевани. Так, нахичеванская помещанка Анна Степановна Курдова, в 1874 г. писала прошение в городскую управу на подтверждение права собственности на имение, которое она выкупила в 1850 г., у нахичеванского помещанина Арутюна Чеботарева. Купчая крепость у нее была утрачена, поэтому просила управу сделать новую и выдать ее казаку Петру Тимофеевичу Карташеву [3, л. 59].

Занимались представители русскоязычного населения Нахичевани ремеслами и торговлей. В.Б. Бархударян в своей монографии «История армянской колонии Новая Нахичевань» пишет, что общее число ремесленников в Нахичевани составляло 23% от общего населения [1, с. 166]. В дальнейшем наблюдается тенденция к сокращению ремесленников, особенно сильно это наблюдается на рубеже XIX–XX вв. Е.О. Шахазиз по этому поводу отмечал: «Старинные ремесла, как ковка лошадей, кузнечное дело, выделка оружия, сбивание войлока, шапочное дело, плотничество, портняжничество, золотых и серебряных дел мастерство, лужение, выделка черепицы, пекарство, выделка вьючных седел, и другие, почти прекратились или близки к прекращению, так что можно смело сказать, что в настоящее время у нахичеванцев нет ни ремесел, ни ремесленников» [9, с. 141]. Если число армянских ремесленников сокращалось, то русскоязычные наоборот росли. Так, в списке ремесленных мастерских датированным 1907 г., из 68 ремесленных заведений только 13 были армянскими, остальные принадлежали русским [6, л. 44]. Главной причиной упадка ремесленного производства, можно назвать развитие фабрично-заводской промышленности [7, с. 22].

В купеческом сословии г. Нахичевани-на-Дону так же присутствовали русское и казачье население. Самыми известными представителями были братья Парамоновы. Торговый дом братьев Александра, Ивана (младшего) и Федора Парамоновых в 1903 г. выкупает у Ликвидационной комиссии по делам ликвидируемого товарищества Нахичеванской-на-Дону южной паровой вальцевой мукомольной мельницы принадлежащую ей кирпичную

паровую вальцевую мукомольную мельницу находящиеся в г.Нахичевани-на-Дону на берегу Дона по 29 линии дом № 70 [5, л. 2]. Ранее эта мельница принадлежала товариществу «Магдесиев и Балабановы», но в 1898 году была куплена Товариществом Нахичеванской-на-Дону южной паровой вальцевой мукомольной мельницы [5, л. 2]. Братья Парамоновы выкупили мельницу за 35.000 р. со всеми прочими постройками, мебелью и землей, общей площадью в 1110 кв.саженей, состоящим из двух частей, а именно: первая часть в ширину по берегу 15,5 саж. В длину от края, где добывался камень, вплоть до набережной-за исключением земли отошедшей под полотно железной дороги, половина, по длине дороги, 15,5 саженой и в ширину 5 саж и другой – по берегу – три сажени и в гору от бивуака до нагорного склона 54 саж [5, л. 2]. Купчую крепость оформили у знаменитого нахичеванского нотариуса Г.Х. Чалхушьяна 8 ноября 1903 г. [5, л. 2]. По свершению сделки ввиду того что границы были не очень четко обозначены «Торговый дом братьев Парамоновых» просит нахичеванскую управу помочь с определением границ купленного участка [5, л. 1]. Управа поручила разметку границы городскому архитектору Н.Н. Дурбаху, который в своем донесении написал: «Честь имею донести до сведения городской управы, что усадебный участок «Братьев Парамоновых» (бывш. торг. дома «Балабанов и К.») находится на углу 29-й линии и набережной реки Дона с северной стороны железнодорожного полотна в г.Нахичевани-на-Дону. По измерениям моим в ноябре имеет размер-в оговоренной части: с востока на запад 18,5 саж., а с юга на север – 48 саж., и в неоговоренной каменоломни: примыкающий к вышеназванному участку с северной ея стороны: с востока на запад 18,5 саж., и с юга на север 12 саж. А всего в обоих участках находится земли 1110 кв.саж.» [5, л. 5], из чего следует что земли купленной братьями Парамоновыми за Юго-Восточной дорогой нет [5, л. 6].

Проживали в Нахичевани и представители служилого казачества. Это были казаки не только нижних чинов, но и офицеры. Об этом свидетельствует представление нахичеванского городского головы Арутюна Халибова в нахичеванскую городскую управу от 23 сентября 1873 г. Вот что А. Халибов писал в прошении: «Из официальных газет узнали, что в будущем 1873 г. будет взиматься в городах за исключением только некоторых, в виде временной меры квартирные повинности для генералов и обер-офицерских чинов по 40 коп сер. с каждого дома вносимого городскими жителями государственного налога с недвижимых имений, но так как городу Нахичевану по Высочайшему дарованию здешнему обществу грамоте освобождало от постоя, следовательно от всякой квартирной повинности и не включен теперь в число городов подлежащих новому налогу. Так же не находит ли Городская дума нужным поручить Городской Управе войти теперь же с ходатайством в высшее начальство об изъятии нашего города от этого нового налога» [2, л. 1]. Следовательно,

здесь проживали не отставные, а действующие офицеры, если городу придется платить налог за их проживание на территории Нахичевани.

В разное время городу приходилось оплачивать простой войск. Как например в 1892 [4, л. 2] и в 1897 г. во время эпидемий холеры, для поддержания порядков Нахичеванская управа выделила 1000 рублей на содержание расквартированных в Ростове воинских частей [4, л. 27], в том числе 5 казачьих сотен [4, л. 2]. В августе 1903 г. Войсковой наказной атаман по ходатайству Ростовского городского головы, предписал Нахичеванской управе принять участие в довольствии войск стоявших в Ростове-на-Дону. В состав войск входили: 1) управление военного начальника и местной команды; 2) Второй отдельной казачьей сотни; 3) второго батальона 134 пехотного Феодосийского полка; г) конвойной команды и 5) управление помощника начальника областного жандармского управления [4, л. 2]. На содержание такого количества войск ежегодно Ростов тратил 45.295 р.68 коп, из которых за счет казны компенсировалось 16.673 р. и за счет Нахичевани 1000 р., но сумма в 27.612 р.68 коп, для Ростова так же оказалась велика, потому и решается произвести данное ходатайство [4, л. 2]. В конце 1902 – начале 1903 года во время беспорядков среди рабочих Главных паровозоремонтных мастерских Владикавказской железной дороги расход на довольствие войск был увеличен на 5.422 р.31 к. из которых казной была компенсирована только сумма в 962 р. 81 к., а так же переоборудованы казармы на сумму 4.785 р.25 к. Управление Ростова посчитало это несправедливым так как: «Ростовский гарнизон несет службу по охране не одного Ростова, а равным образом смежного г. Нахичевани-на-Дону, полосу отчуждения с мастерскими Владикавказской железной дороги и отчасти ст. Гниловской. Между тем за исключение 1000 р. получаемых г.Ростовом, как средств г. Нахичевани, вся выплата на квартирное довольствие войск в виде приведенной сумме 27.612 р.18 к. производиться из средств одного Ростова» [4, л. 2]. Нахичеванская городская управа проведя заседания поэтому вопросу пришла к заключению что такое «положение вещей едва ли можно признать нормальным, тем более что выгодами от пребывания воинских частей в городе будут пользоваться исключительно население г.Ростова. Поэтому городская управа признает окончательное обсуждение вопроса об участии г.Нахичевани в расходах, производимых г.Ростовом на квартирное довольствие постоянно расположенных в названном городе войск при настоящих условиях преждевременными» [4, л. 4]. Нахичеванская управа активно противилась повышению выплаты, мотивируя это участием в содержании жандармских чинов и тем что дополнительные части вызвались для охраны Владикавказской железной дороги и западных окраин города Ростова, т.е. Нахичевань они практически и не касались [4, л. 7].

В начале 1905 г., в связи с началом беспорядков, жители Ростова и Нахичевани направили ходатайство ростовскому градоначальнику Зво-

рыкину, по распоряжению которого в данные города были направлены дополнительные части 20-й сотни Новочеркасской местной команды и 1-й отдельной конной казачьей сотни. Дополнительные части расквартировывались в Ростове-на-Дону, на их содержание выделялось 2109 р.25 коп, суточных в период с 16 по 28 февраля. При этом ростовский голова снова просил Нахичеванскую управу принять участие в расходах и даже просил градоначальника принудить Нахичевань к участию в расходах [4, л. 18]. Ввиду этого Нахичеванская управа была вынуждена уступить и внесла в бюджет на 1906 год смету расхода на 1000 р. для выплаты г. Ростову для расквартированных войск [4, л. 25]. Затем это решение было изменено, так как в Нахичевани расквартировали казачью сотню и выплату Ростову сократили на 500 р. [4, л. 27].

Итак, Нахичевань-на-Дону, в конце XVIII–первой половине XIX вв. бывшая по преимуществу мононациональным армянским городом с середины столетия начинает терять статус армянского по преимуществу города. В Нахичевани начинают покупать дома и участки ростовские и азовские мещане, донские казаки, в том числе и служилые офицеры. И конечно же ведут активную здесь жизнь, заключают браки, работают не только в качестве слуг и дешевой рабочей силы, но так же в конторах, в том числе в Нахичеванском городском магистрате, занимались ремеслами и также вели активную предпринимательскую деятельность. Естественно заключались и межэтнические браки. И если роль иногороднего населения в Нахичевани было если не главным, то довольно значительным в экономике и социальной жизни города.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударян В.Б. История армянской колонии Новая Нахичевань (1779-1917)/ Ред. С.Дароян, В.Хачатурян; Пер. с арм. Н.Григорова. Ереван, 1996.
2. Государственный архив Ростовской Области (далее – ГАРО) Ф. 91. О. 1. Д. 4.
3. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д.99.
4. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д.1183.
5. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д.1196.
6. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д.1318.
7. Казаров С.С. Нахичеванское купечество (конец XVIII – начало XX вв.). Ростов н/Д., 2012.
8. Сарьян М. С. Из моей жизни / Под ред. Ш. Г. Хачатряна. М., 1990.
9. Шахазиз Е.О. Новый Нахичеван и новонахичеванцы. Монастырь Сурб Хач Нового Нахичавана. Ростов н/Д., 2005.
10. Филевский П.П. Нахичевань и нахичеванцы: из воспоминаний о детстве. Быт, обычаи, традиции донских армян – 1860-е годы // Донской временник [Электронный ресурс]. URL: / http://www.donvrem.dspl.ru//Files/article/m2/2/art.aspx?art_id=86 (Дата обращения 15.03.2019).

А.О. Андреев (Краснодар)

**О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАХОШЕВСКОГО МЕНОВОГО
ДВОРА ГЛАВНОГО ПОПЕЧИТЕЛЯ КАВКАЗСКИХ МЕНОВЫХ
СНОШЕНИЙ С ГОРЦАМИ ЗА 1846–1853 ГГ.,
ПО ДОКУМЕНТАМ ГАКК (С КРАТКОЙ
АРХЕОГРАФИЕЙ ФОНДА)**

Меновая торговля началась вскоре после переселения Черноморских казачков на Кубань с продажи соли горскому населению в обмен на местные товары и первоначально проводилась без определенных правил, нерегулярно, в основном на карантинных и таможенных постах. Первые отрывочные сведения о товарооборотах, созданных в Черномории меновых дворов, прежде всего Екатеринодарском и Богоявленском относятся к 1796–1799 гг., а также отдельные данные о торговле в различных пунктах побережья Кубани, на четырехсотверстном её протяжении от устья до Усть-Лабинской крепости [1, 10, 12].

Кроме того, по замечанию профессора М.В. Покровского, в конце XVIII – начале XIX века, при отсутствии официальной регламентации торговли, в широких масштабах происходила торговля контрабандная в которую были вовлечены с русской стороны нахичеванские торговцы, а со стороны горцев не меньшую роль в контрабандном провозе товаров через Кубань «играли также и владельцы дворянских адыгейских хуторов, находившихся на правом берегу р. Кубани. Пользуясь своим привилегированным положением, они развернули оживленную коммерческую деятельность, вступив в тесный контакт с закубанскими купцами». Борьба с контрабандой долгое время велась нерешительно, так как администрация «за определенную мзду» часто предпочитала закрывать на неё глаза [10].

Вопрос об учреждении на Северном Кавказе системы меновых дворов был поднят еще в конце XVIII века, но лишь в июле 1810 г. состоялось решение Комитета министров, в котором было постановлено «приступить к меновому торгу с горцами». Во исполнение этого решения было издано «Наставление смотрителю над меновым торгом с горскими народами от 19 апреля 1811 г.» . Ассортимент менового торга был ограничен: разрешалось обменивать у горцев только хлеб и соль. Помещики имели право продавать хлеб горцам за деньги или обменивать по обоюдному соглашению на привезенные горцами воск, мед, масло, металлические изделия и скот. Руководство меновыми дворами осуществляли смотрители над меновым торгом, разъяснявшие условия и правила торга и следившие за их соблюдением. Общее руководство меновой торговлей с горцами было возложено на Главного смотрителя меновых дворов на Кавказской линии, вступившего в должность в начале августа 1815 г. в г. Ставрополе [8, 11].

В 1811 г. за счет казны на Кавказской линии были открыты 6 меновых дворов: Прохладненский (фактически возник ещё в 1809 г.), Наурский, Лашуринский, Прочноокопский и Константиногорский и Усть-Лабинский. Впоследствии число меновых дворов все возрастало. На Западном Кавказе в 1813-1820-х гг. официально открыли еще 8 таких дворов: Ново-Екатериновский (1813), Екатеринодарский и Редутский (фактически с перерывами существовали с 1799 г.), Велико- и Мало-лагерные (с 1823 г.), Константиновский (1821), Тенгинский и Темиргоевский. В 1827–1830 гг. возник Славянский меновой двор. Надзор за торговлей осуществляли приставы или назначенные русской администрацией чиновники. Только после соответствующего карантинного «очищения», продолжавшегося до 40 дней, местные жители могли продавать или обменивать свои товары. Закубанские черкесы выменивали коров и быков на «войсковую соль», получая за корову 12 пудов соли, а за быка или вола – 21 пуд. Горским народам разрешалось вывозить продукты земледелия и животноводства, ремесленные изделия, ткани [2, 11].

9 февраля 1846 г. было принято «Положение о меновой торговле с горцами на Кавказской линии» – в соответствии с положением все меновые дворы подчинялись Главному попечителю Кавказских меновых сношений с горцами, который подчинялся наместнику на Кавказе [9].

В соответствии с «Положением о меновой торговле с горцами на Кавказской линии» меновая торговля с горцами приобрела характер постоянных отношений. Ассортимент товаров, предназначенных к продаже или обмену был расширен: кроме хлеба и соли, к торгу допускались все товары и вещи, дозволенные горцами к привозу из России с одной стороны, и все товары, производимые горцами, допускавшиеся в Россию беспоплавно. После утверждения Положения на Кавказской линии было открыто много новых меновых дворов при карантинах. Обязанности смотрителей меновых дворов первоначально были возложены на карантинных комиссаров, а впоследствии назначались специальные чиновники. Государственный меновой торг входил в систему Министерства внутренних дел. На Кавказской линии ряд меновых дворов просуществовал до следующего 1855 г. К этому времени меновая торговля с горцами, исчерпавшая свои возможности, была окончательно прекращена. Вместо меновых дворов были открыты постоянные базары для взаимных торговых отношений с горским населением [8, 12].

Махошевский меновой двор был открыт в 1846 г. на основании положения от 9 февраля 1846 г. по инициативе начальника Кавказской области генерал-лейтенанта Заводовского его распоряжением от 19 февраля 1846 г. № 359 с подчинением Общему управлению Кавказской области и Главному попечителю кавказских меновых сношений с горцами [3].

Организационный период занял несколько месяцев. К обустройству самого двора и постройке соляного амбара приступили в июне-июле ме-

сяце. Общее управление Кавказской области к организации Махошевского менового двора привлекло комиссаров карантинных застав и одновременно смотрителей меновых дворов Усть-Лабинского титулярного советника А.Г. Сулова и Прочноокопского титулярного советника И.Т. Сапунова, которые выделяли соль для менового торга и участвовали в его обустройстве. Для наблюдения за ходом строительства и организации работы на месте распоряжением Общего управления от 01 июня 1846 г. № 1272 временным исполняющим обязанности смотрителя Махошевского менового двора был назначен помощник комиссара Прочноокопской карантинной конторы капитан Перишин, а в сентябре в качестве переводчика казак «знающий азиатский язык» [3].

В полную меру Махошевский меновой двор начал работать в 1847–1848 гг., когда был назначен постоянный смотритель двора титулярный советник Николай Павлович Крутьев, постоянный переводчик из вольнонаемных Андрей Косинович Коган и караул из казаков Кавказского линейного казачьего войска. После смерти Н.П. Крутьева в начале мая 1850 г., на его место 28 мая того же года был назначен писец 3-го разряда Иван Дмитриевич Лобас, вскоре произведенный в чин коллежского регистратора. И.Д. Лобас исполнял должность смотрителя в 1850–1853 гг. [4, 13].

В связи с постепенным упадком торговли солью с горцами с одобрения наместника на Кавказе с 01 июля 1853 г. разработка и продажа соли в Ставропольской губернии стали передаваться в откупное содержание Пятигорскому купцу 1-й гильдии Крупицкому. Согласно рапорту смотрителя Махошевского менового двора И.Д. Лобаса от 14 декабря 1853 г. на имя Главного попечителя Кавказских меновых сношений с горцами, Махошевский меновой двор со всем казенным имуществом, был им передан в откупное содержание купцу 1-й гильдии Крупицкому. Вскоре в 1854–1855 гг. меновая торговля на Кавказе, как исчерпавшая свои возможности была свернута. Проследить более точную дату прекращения деятельности Махошевского менового двора, находившегося уже в частном откупном содержании по документам фонда, не представляется возможным. Документы фонда Главного попечителя Кавказских меновых сношений с горцами откладывались в архиве наместника на Кавказе в городе Тифлисе (Тбилиси) [5, 7– 8].

Документы Махошевского менового двора годы поступили на государственное хранение 19 августа 1936 г. в Исторический архив Ворошиловского отделения Северо-Кавказского краевого архивного управления. Впоследствии исторический архив Орджоникидзевского (с 1943 г. Ставропольского) края в г. Ворошиловске (с 1943 г. Ставрополе).

В ноябре 1950 г. архивный фонд «Махошевский меновой двор» был передан на государственное хранение из Государственного архива Ставропольского края в Государственный архив Краснодарского края в количестве 75 ед.хр. В составе фонда отложились следующие документы:

- документы об учреждении Махошевского менового двора, о приеме и передаче менового двора;
- рапорты и отчеты, предоставленные в Кавказскую казенную палату о приходе и расходе соли и вырученных за соль денежных сумм Махашевским меновым двором, о состоянии соляного магазина, о казенном имуществе и строениях менового двора, об отпуске соли другим меновым дворам и казакам соседних станиц;
- сведения о назначении в Махошевский меновой двор смотрителя менового двора, переводчика и прочих чинов, выплате им денежного жалования и прочих видов довольствия;
- входящие и исходящие регистры Махошевского менового двора [6].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК) Ф.249. Оп.1. Д.379.
2. ГАКК.Ф.249. Оп.1.Д. 650, 945, 1513, 1803.
3. ГАКК.Ф.688.Оп.1.Д. 2, 3, 4.
4. ГАКК.Ф.688.Оп.1.Д. 13, 18, 21, 33, 39, 40, 50.
5. ГАКК.Ф.688.Оп.1.Д.70–75.
6. ГАКК.Ф.688.Оп.1. Дело фонда; Лист фонда.
7. ГАКК.Ф.687.Оп.1.Д.363, 364.
8. Государственный архив Ставропольского края (далее ГАСК). Ф. 21. Историческая справка к фонду.
9. ПСЗРЛ. Собр.2-е.1846. Т.XXI. СПб, 1847. Ст.19708.
10. Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII– первой половине XIX века. Очерк третий. Торговые связи адыгов с русским населением Прикубанья и экономическое проникновение России на Западный Кавказ. Русско-адыгейская торговля и регламентация ее царизмом. Краснодар, 1989.
11. Казиев М., Карпеев И.В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. М., 2003.
12. Шамрай В.С. Краткий очерк меновых (торговых) сношений по Черноморской кордонной и береговой линии с Закубанскими горскими народами с 1792 по 1864 год. Кубанский сборник. Екатеринодар, 1902. Т.8.
13. Кавказский календарь на 1851 год. Тифлис, 1850.
14. Кавказский календарь на 1852 год. Тифлис, 1851.

А.Ю. Перетьяко (Ростов-на-Дону)

ОСОБЕННОСТИ ДОНСКОЙ СТАТИСТИКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ¹

В 1899 г. на заседании одной из донских правительственных комиссий произошел следующий любопытный эпизод. После заслушивания доклада, основанного на личных наблюдениях одного из местных чиновников, слово попросил представитель Военного Министерства И.М. Жеромский, заявивший, «что он, как представитель центрального административного учреждения, считает для себя обязательным для тех или иных выводов руководствоваться данными, собранными и представленными официальным путем, раз эти цифровые данные не будут таковыми же данными опровергнуты» [5, с. 156]. Однако большинство комиссии категорически не согласилось с ним, и член комиссии, избранный от станичных обществ Усть-Медведицкого округа, К.А. Каргушин, выступил в ответ со следующей развернутой отповедью: «Всякого рода цифровые сведения, собираемые станичными и хуторскими правлениями по приказанию начальства, в особенности, если срок для их представления не велик, не имеют действительной статистической ценности, и во всяком случае не могут служить основанием для решающих выводов серьезных экономических вопросов.<...>. Ему, как человеку, близко знающему канцелярские порядки станичных правлений и трудность, даже невозможность для станичных правителей, отвечая на многочисленные со стороны начальства запросы статистического характера, представить данные, отвечающие действительному положению вещей, хорошо известно, что эти данные не только не собираются по какой-либо рациональной программе, а нередко измышляются, представляя лишь видоизменения уже имеющихся под руками такой же ценности и происхождения данных» [5, с. 156].

Мысль о крайней неточности большей части статистики, связанной с донским казачеством, красной нитью проходит через статистические описания Дона второй половины XIX в. Пожалуй, наиболее убедителен в этом отношении был автор первого из подобных описаний, Н.И. Краснов, просто указавший, что по сведениям духовной консистории на территории Земли Войска Донского проживало 790 425 человек, а по сведениям сыскных начальств – 923 868 человек [3, с. 209]. Однако при этом духовная консистория указывала значительно большее число рождений, из чего Н.И. Краснов делал вывод, что реальное население Дона на сотни тысячителей превы-

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-39-00009.

шает указанное официальной статистикой [3, с. 208-209]. Через двадцать лет секретарь Донского статистического комитета С.Ф. Номикосов в предисловии к своему статистическому описанию Области Войска Донского, меньше вдаваясь в детали, выразил свое отношение к разным группам официальных источников следующим образом: «Если страдают неточностью данные всеподданнейших отчетов, то еще более можно упрекнуть в том сведения, собираемые для Центрального Статистического Комитета, сосредоточивающиеся в Областном статистическом комитете и здесь обрабатываемые в форме тринадцати таблиц. Еще менее заслуживают веры сведения, сообщаемые земскими учреждениями о посевах и урожае хлебов» [4, с. 5]. Столь же малополезными С.Ф. Номикосов находил и околостатистические статьи в периодической печати, из которых «можно извлечь подчас только две-три цифры, да и те противоречат одна другой» [4, с. 5].

Крайне любопытен выход из сложившейся ситуации, который предлагал секретарь Донского статистического комитета. С его точки зрения, наибольшей точностью отличались сведения специальных статистических исследований, выходивших за рамки обычной статистической работы местных научных и административных органов. В этой связи С.Ф. Номикосов особенно выделял деятельность помощника донского атамана по гражданской части Н.А. Маслаковца, который, собирая статистические сведения для решения текущих вопросов, в дальнейшем часто публиковал их. Приведем отзывы С.Ф. Номикосова о публикациях его современника. «Физическое и статистическое описание кочевья донских калмыков»: «Труд в высшей степени серьезный, до мельчайших подробностей тщательно обработанный. Подобные образцовые труды крайне желательны и по отношению к другим местностям области» [4, с. 6]. «Взгляд на положение северо-восточной полосы области войска Донского в сельскохозяйственном отношении»: «Небольшая по объему, статья эта весьма богата статистическим содержанием, в особенности по расценке земель» [4, с. 6]. «Объяснительная записка по вопросу о применении к Области Войска Донского земской реформы»: «С большим знанием дела и весьма талантливо написана» [4, с. 7]. Все эти работы Н.А. Маслаковца известны историкам, но обычно не рассматриваются как статистические: так, его «Объяснительная записка» о земствах обычно используется при объяснении причин упразднения земств на Дону [1, с. 196–213]. Между тем, по мнению одного из крупнейших донских статистиков XIX в., публикации Н.А. Маслаковца обладали именно статистической ценностью, и приводившиеся в них сведения были точнее официальной статистики.

Подводя итог этой части нашей статьи, мы можем констатировать, что те статистические данные о Области Войска Донского в 1860-1890 гг., которые нам известны, создают в основном только иллюзию информированности. В лучшем случае они могут использоваться как оценочные, да и то не всегда. В частности, уже упоминавшийся нами Н.И. Краснов отме-

чал, что, исходя из его личных наблюдений и международного статистического опыта, долю людей до 20 лет на Дону следует считать приблизительно равной 50 %; между тем по официальной статистике в некоторых станицах таких людей было всего 6 %, чего не могло быть в принципе, с учетом быстрого роста населения в регионе [2, л. 302об]. Еще хуже обстояло дело со статистикой экономической: при том, что фактически наблюдавшийся в некоторые годы урожай составлял сам-4, из официальных бумаг следовало, что он достиг сам-10 и даже сам-15 [2, л. 303]! Дело доходило до того, что отдельные энтузиасты писали в Донской статистический комитет, призывая пересмотреть принципы сбора статистических сведений из-за их явной абсурдности [2, л. 233–234].

И действительно, немногочисленные попытки проверить, как велся сбор статистических сведений на Дону, демонстрировали крайне печальную картину. Под особенно острой критикой попадали священники, очевидно не всегда понимающие значение и особенности статистической работы. В частности, имели место случаи, когда указывались браки, заключенные во время великого поста, чего не могло быть в принципе [2, л. 208об]. Еще хуже фиксировалась рождаемость: поскольку соответствующая графа в статистических таблицах называлась «всего рождений», в некоторых приходах записывали не число младенцев, но число родов, считая двойни и тройни за одно рождение [2, л. 209–210]. И уж вовсе не точной была статистика по смертям. Дадим слово священнику Иоанну Пашинскому, составившему целое письмо с объяснениями причин неточности представленных им сведений: «Прихожане большей части церковью моего благочиния без ведома причтов погребают сами младенцев и взрослых до 10 и 15 лет» [2, л. 210об]. Жаловался на это и член Статистического комитета Я.Л. Тетеревятников: «Из моих совещаний со многими из священников и одним благочинным я заключил, что показанные ими сведения об умерших значительно меньше истинных, потому что, как сказал я выше, повсеместно распространенный здесь обычай похоронять умерших и преимущественно младенцев до 7–10 лет не всегда со священником не дает возможности определить верность этих сведений» [2, л. 210об–211].

Та же помесь халатного отношения к непрофильной работе, невозможности добыть необходимые сведения и почти анекдотического непонимания официальных формулировок была характерна и для статистических «изысканий» низовых светских властей. Наиболее вопиющий из известных нам случаев произошел в одной из крестьянских волостей, в которой «все 200 крестьянских хат были показаны общественными домами, а частных зданий вовсе нет» [2, л. 221об]. На попытку прояснить ситуацию, волостное правление ответило, что «владельцы 200 хат составляют из себя общество, почему и должны быть их 200 хат названы общественными зданиями» [2, л. 221об]. Между тем имперские власти, вместо того, чтобы упростить формулировки и облегчить сбор статистических сведе-

ний, добавляли новые, все менее понятные графы. Статистический комитет в 1860 г. жаловался, например, что новые формы предполагают указывать число разночинцев, проживающих в станицах, но не дают определения понятия «разночинец»; а запрос к нескольким юристам с целью определения данного термина окончился тем, что каждый из них прислал «совершенно особенное отличное толкование, кого понимать под разночинцами» [2, л. 221]. Члены комитета задавались вопросом, как можно требовать от людей, не понимающих, что такое частная собственность, указывать число представителей сословной группы, о сущности которой еще не сложилось единого мнения [2, л. 221об].

И окончательно доводило ситуацию до катастрофы то, что получить статистические сведения от станичных и волостных властей желало множество инстанций. Снова дадим слово членам Донского статистического комитета: «От станичных правлений требуют статистических сведений управления отделов, сыскные начальники и действительные члены Комитета (статистического – *А.П.*), а от волостных правлений просят иногда те же чины и требуют мировые посредники и дворянские депутаты» [2, л. 220об]. В этих условиях станичные и волостные правления часто посылали из года в год одни и те же стандартные отчеты, сообщая в них, очевидно, то, что желало услышать начальство и не думая, как эти отчеты соотносятся между собой. В качестве примера Статистический комитет приводил ответы Лысогорского волостного правления на запросы о народной нравственности и о хлебопашестве, состоящие из «следующих повторяемых из года в год фраз»: «Народная нравственность выражает следующие свойства или качества жителей: встречается везде трудолюбие, трезвость, покорность и воздержание ими от хлебопашества»; «Оно (хлебопашество – *А.П.*) в Лысогорской волости со стороны хозяев увеличивается, увеличение хлебопашества побуждает хозяев к большему интересу при сбыте хлеба» [2, л. 223]. Дело доходило до того, что запросы о крушениях судов посылались в волости «где нет даже и речки» [2, л. 223].

Неточность имеющихся статистических сведений о Доне нередко оказывала влияние и на правительственную политику. Ограничимся одним значимым примером. Когда в 1870 г. началась разработка военной реформы казачества, встала необходимость соотнести предполагаемый штат донских частей с численностью казаков строевого разряда. Однако местные чиновники обратили внимание на то, что «в полевом разряде состоят, по спискам, урядники и казаки, не способные к полевой службе по болезням, но, по незаявлению о том начальству, оставшиеся неперечисленными в соответствующий род службы» [6, л. 2–2об]. В итоге Военное Министерство занялось высчитыванием предполагаемого числа призывников вплоть до 1889 г., и пришлось к выводу о необходимости держать донские части в уменьшенном составе [2, л. 40]. Однако высчитанные Военным Министерством цифры не имели ничего общего с теми, которые

содержались в отчетах войскового атамана, и согласно которым уже к 1881 г. стало возможным восстановить нормальный штат донских частей [4, с. 345]. А ведь речь в данном случае идет о численности населения, а не о более неоднозначных и сложно учитываемых факторах вроде его зажиточности или уровня доходов! Фактически, во второй половине XIX в. Военное Министерство на Дону проводило свою политику в условиях отсутствия полноценной обратной связи, и неудивительно, что многие из принятых им решений оказались неудачными.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Волвенко А.А. Правительственная политика, местная власть и земская реформа в Области войска Донского (1864-1882 гг.) // Казачество России: прошлое и настоящее. Сборник научных статей. Вып.2. Ростов н/Д., 2008.
2. Государственный архив Ростовской области. Ф. 353. Оп. 1. Д. 1
3. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863.
4. Номикосов С.Ф. Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1884.
5. Протоколы Комиссии по исследованию нужд казачьего населения Донской области. Б.м., 1899.
6. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 330. Оп. 61. Д. 1937.

В.Н. Кальниченко (Ростов-на-Дону)

МИССИОНЕРСКАЯ РАБОТА ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ РАСКОЛА НА ТЕРРИТОРИИ ДОНСКОЙ ЕПАРХИИ В 1890-1900 ГГ.

Фактическое положение донских старообрядцев было далеко неоднозначным с момента появления на Донской территории староверов и их взаимоотношений с пореформенной церковью. Проводимая политика официальной Православной церкви выстраивала далеко идущие цели по преодолению раскола в Донской епархии и «завлечение» в свою паству донских калмыков.

Организация новой епархии обуславливалась несколькими субъективными и объективными факторами. Первая – отдаленность от духовного центра. Напомним, что ранее, с 1718 г., Земля Войска Донского в религиозном отношении подчинялась Воронежской епархии, а после несколь-

ких реорганизаций и административно-территориальных корректировок Донская и Новочеркасская епархии с 1842 г. стали локально охватывать всю Донскую территорию. И вторая причина, по замечанию фактически главного лица донской религиозной газеты – Донских епархиальных ведомостей А.А. Кириллова, «ближайшей причиной к открытию Донской епархии послужило умножение раскола» [7, с. 51].

Хронологическая казуальность нашего исследования объясняется усилением активности Донской Духовной консистории по решению вопроса с «раскольниками», поэтому миссионерство в Донском регионе было наиболее актуально и являлось серьезной проблемой, которая всегда тесно переплеталась с общеполитической деятельностью католической церкви.

Обращая взгляд на механизмы «обработки» иных конфессий и религиозных групп, отметим альтернативность инструментария по решению данного вопроса. Например, в начале XIX в. создается «заманчивый» для приверженцев древлеправославия религиозный феномен – Единоверие (старообрядчество в официальной церкви). На этот счет существует несколько исследовательских точек зрения. Дореволюционный богослов Н.В. Лысогорский в своей работе «Единоверие на Дону в XVIII и XIX в. (по 1883 г.)» отмечает, что единоверие имело широкое распространение на донских старообрядцев [8]. Напротив, современный исследователь А.С. Палкин, хотя в его географический охват не входит Земля Войска Донского (т.к. не было отдельной единоверческой епархии), заключает, что «...крошечные островки единоверия в море раскола...не оказывали значительного влияния на старообрядчество» [9, с. 114].

Постепенно открывая для себя новые механизмы работы с «раскольниками», православная церковь во второй половине XIX в. вводит новые способы для преодоления раскола. Отдельным этапом этой деятельности является вторая половина XIX в. и в частности исследуемый нами период.

Созданная «Ведомость о состоянии раскола по округам в Донской области» за 1890–1891 гг., «Ведомость о состоянии раскола по благочиниям в Донской области» 1895 г. и «Отчет о состоянии Донской епархии» за 1900 г. – свидетельствует нам о подвижных взаимосвязях между «раскольниками» и греко-российской церковью. Для понимания этих отношений обратимся к информации вышеизложенных отчетных документов. В первую очередь, стоит выделить механизмы воздействия на «инакомыслящих».

1. Устное общение местного священника: «...можно указать на священника Манычской станицы Константина Евфимьева, который часто устраивает частные с раскольниками беседы и ведет их умело и со знанием своего дела. Беседы его благотворно действуют на раскольников: некоторые из них поколебались в своих религиозных убеждениях и многие относятся к нему с добрым расположением» [1, л. 62.];

Например, наблюдается и другая тенденция в результативности бесед местного духовенства – «уклонившуюся из Православия в раскол... и она, осознав свое заблуждение, чистосердечно раскаялась...» [3, с. 1–2].

2. В широком распространении полемические письма и брошюры. «По борьбе с расколом священники, кроме устных бесед, при удачных случаях распространяли противораскольнические брошюры и сочинения» [2, л. 4об.].

На данном этапе рассмотрения стоит сделать важное замечание: в использованных документах понятие «раскольник» напрямую относится к старообрядчеству, не взирая, на различие в толках и согласиях, а иногда и совсем иные религиозные группы подвержены такому уничижительному определению.

Наряду с доброжелательным отношением старообрядцев к православному духовенству встречается порой резкое непринятие и традиционный изоляционизм. «Раскольники нередко уклоняются от этих собеседований, особенно из них беспоповцы враждебно относятся к православному духовенству. ...Поповского толка имеют к православному духовенству более миролюбивое отношение» [1, л. 22-23].

У старообрядцев-беспоповцев наблюдается общая характерность к недоброжелательному отношению к собеседованиям и православному духовенству, тем самым высказывая свою прямую конфронтацию и позицию духовной несообщенности.

Старообрядцы Новониколаевского благочиния имеют обратную особенность. «Глаголемые старообрядцы перестали относиться враждебно к православным...» [2, л. 78.], перестали считать их еретиками.

В Усть-Медведицком благочинии в 1895 г. отмечены соседские отношения. «Бывают случаи посещения раскольниками православного храма при богослужениях; при совершении православных браков и погребений; а в некоторых приходах раскольники принимают св. иконы в свои дома, во время хождения и служения молебнов и участвовали в молебствии» [1, л. 90].

Т.е. на приведенных примерах можно заметить пестроту их взаимоотношений, но эти взаимоотношения зависели напрямую от исторически сложившихся отношений друг с другом и деятельностью православной миссии.

Не менее сложным процессом являлось выяснение истоков проблемы и почему «раскол» существует в Донской епархии. Выделяются следующие причины.

1. Невежество и фанатичная вера. «Раскольники в своих религиозных верованиях могут быть охарактеризованы так: крайне упорны, фанатичны, безотчетно устойчивы, строго держатся буквы и обряд ставят выше догмата, «...более всего способствует их умственная слепота».

При этом другое благочиние показывает иное положение. «Приятном положении, т.е. без усиления раскола и без вредного его воздействия на православные приходы. К православному населению раскол относится без вреда и фанатизма» [2, л. 25].

2. Приверженность к традициям и вере предков. «Раскол существовал в приходах цимлянского благочиния с давних времен; причина существования раскола заключается в том, что раскольники по невежеству своему привержены к мнимой старине и привыкли жить и веровать так, как жили и веровали их отцы и деды» [2, л. 22].

3. С момента раскола в Русской церкви. «Раскол в округе Глазуновского благочиния, по словам самих раскольников, существует со времен исправления богослужебных книг при патриархе Никоне» [1, л. 27].

Причем эти причины наблюдаются во всех благочиниях Донской епархии, но действенного эффекта православного миссионерства не замечается.

По вопросу о статистических сведениях в Донской области нельзя не согласиться с мнением А.Ю. Перетягко, который заключает, что статистика совсем несостоятельна и велась попросту халатно. Присовокупив статистический учет старообрядцев и иных религиозных групп, также является лишь условным компонентом.

Например, в отчете за 1890–1891 г. в Черкасском округе численность «раскольников» равняется 5188 чел., а по данным Донских епархиальных ведомостей за 1890 г. в том же округе «раскольников» 5314 чел. Такая же разность цифр встречается и в Донецком округе – 9413 [1, л. 84], к 8342 – человек [1, с. 52].

Необходимо обратить внимание на общее количество старообрядцев в Донской епархии. Их численность составляет 104 813 человек [4, с. 244], а в 1895 г. староверов было 112 690 человек [3, л. 71]. По результатам Первой Всеобщей переписи 1897 г. с формулировкой «старообрядцы и уклонившиеся от православия» насчитывалось 130 450 человек [10, с. 5].

Из вышеприведенного мы замечаем несогласованность отчетных сведений Донской духовной консистории и периодической печати. При этом наблюдается положительная динамика численности старообрядчества.

Касаясь миссионерской деятельности по преодолению раскола, мы также видим довольно противоречивые сведения о результативности этой работы. В употребляемых нами документах, в самом конце отчетов выдвинулось обобщающее «Примечание», где: а) сообщалось об общем положении раскола; б) об успешности миссионерского служения.

«Раскол...существует издавна и в одинаковом положении» [2, л. 90] и «трудами духовенства и миссии обращены к православию в течение 1890 г. 493 раскольника» [2, л. 87], а в 1895 г. – 101 человек [1]. Если мы сравним общее количество староверов и миссионерскую деятельность, то эта работа выглядит довольно блекло. Из вернувшихся в лоно официальной были не только старообрядцы, но и «просвещены Св. крещением 1 молокан и 1 еврейка» [2, л. 58].

Донские епархиальные ведомости практически в каждом своем номере сообщают о религиозных беседах с «раскольниками». Также, должным образом приводится, «эффективность» собеседований, где пофамильно

перечисляется список людей, вернувшихся в лоно Греко-российской кафедральной церкви. Но ни в одном номере не подводится численная составляющая присоединенных, благодаря которой можно было бы довериться, хотя и с долей осторожности. Необходимо упомянуть, что со стороны «присоединившихся» было немало случаев возврата в старообрядчество.

Последним пунктом неэффективности миссионерской деятельности по решению раскола являются данные Донской духовной консистории за 1900 г. Во-первых, духовенство отправляется на дополнительное обучение – «Кирилло-Мефодиевской церкви ... священники упомянутой церкви прослушали двухгодичные миссионерские курсы при Казанской академии» и, во-вторых, «...11 мая были переведены тропари: «Христос воскрес»...» для калмыков [2, л.14]. Следовательно, пастыри получают дополнительные знания, происходит переориентирование деятельности духовенства, переводятся отдельные богослужебные тексты для обращения в Православие донских калмыков. Никаких сведений о деятельности в отношении староверов.

Таким образом, из использованных нами отчетных документов по религиозному состоянию на территории Донской епархии мы наблюдаем неоднородность положения и вариативность взаимоотношений между православной паствой и старообрядцами. Не смотря на различные «уловки» и изменяемые механизмы работы миссии духовенство фактически не улучшило ситуацию. Необходимо подчеркнуть, что на территории Области войска Донского встречаются довольно разные религиозные группы, на которых существовал ярлык «раскольников» и порой отделить старообрядчество от иных религиозных групп не представлялось возможным. Несмотря на условность общей статистики «раскольников», мы наблюдаем довольно порядочный рост количества старообрядчества, хотя фактическая цифра их пока так и остается загадкой.

В материалах Донской духовной консистории и религиозной периодической печати мы не замечаем объективной взаимодополняемости сведений в источниках, а отмечаем противоречивость информации.

Обобщая все вышеизложенное, миссионерская работа по преодолению раскола не была эффективной ни в количественном, ни в качественном отношении.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 226. Оп. 19. Д. 75 а.
2. ГАРО. Ф. 226. Оп. 19. Д. 76.
3. ДЕВ. 1890. № 6.
4. ГАРО. Ф. 226. Оп. 19. Д. 60.
5. Кальниченко В.Н. Миссионерская деятельность на территории Донской епархии во второй половине XIX века. Материалы Международ-

- ного молодежного научного форума «Ломоносов-2019» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. М., 2019.
6. Кальниченко В.Н. Миссионерство на территории Донской епархии во второй половине XIX в. // Вклад молодых ученых Южного макрорегиона в реализацию Стратегии развития Российской Федерации: цели, задачи, результаты»: ТД (г. Ростов-на-Дону, 15–26 апреля 2019 г.). Ростов н/Д., 2019.
  7. Кириллов А.А. Часовни, церкви и монастыри на Дону от начала их появления до конца XIX века // СОВДСК. Вып. 7. Новочеркасск, 1907.
  8. Лысогорский Н.В. Единоверие на Дону в XVIII и XIX в. (по 1883 г.) Сергиев Посад, 1915.
  9. Палкин А.С. Единоверие с середины XVIII – начале XX в.: общероссийский контекст и региональная специфика. Екатеринбург, 2016.
  10. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. 12: Область Войска Донского. СПб., 1905.

И.Ю. Юрченко (Москва)

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА КАЗАЧЕСТВА: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИИ В ИСТОРИОГРАФИИ И НАУКАХ О КАЗАЧЕСТВЕ

Казачество как сложный, комплексный исторический и этнокультурный феномен возникло и несколько столетий развивалось на степном межцивилизационном фронтире «Дикого Поля» между взаимодействующими оседлыми земледельческими и кочевыми скотоводческими общностями. История накопления источников, а затем изучения казачьих сообществ и казачества как явления насчитывает уже несколько столетий. Однако и по сей день не утихают споры политиков и дискуссии ученых специалистов – историков, лингвистов, юристов, этнографов, социологов, культурологов, философов – о самой природе казачества как исторического феномена и этнического и общественного явления.

Актуальность изучения данной проблемы проявляется в неясности формулировок, принадлежащих в числе прочих и главе государства. Так, В.В. Путин, в своей программной статье, посвященной военной политике России, сказав, что казаки были фактически подвергнуты геноциду, назвал сегодняшних казаков «сословием», к которому «себя относят миллионы наших граждан» [6]. В то же время ныне действующий в России закон «О реабилитации репрессированных народов» прямо называет казачество (как культурно-этническую общность) в числе народов России, подвергнувшихся политике клеветы и геноцида (ст. 2).

Большой разницей дают количественные оценки численности российского казачества. Так, по данным Союза казаков России в 2008 г. в его рядах насчитывалось около трех миллионов человек в России и странах СНГ [5, с. 543]. А по сообщению государственного телеканала России «Вести» от 07.12.2011 г. в связи с вручением знамен войсковым казачьим обществам Д.А. Медведевым «Казаками в России считают себя около 7 миллионов человек, в войсковых казачьих обществах служат около 700 тысяч человек» [4]. Неоднозначные результаты дали и две последние переписи населения. Перепись 2002 г. зафиксировала 140 тысяч казаков по национальности, а в итоговых материалах переписи 2010 г. казаков, в качестве субэтноса русских, насчитывалось уже только 67 573 человека. Вполне понятно и закономерно, что при этом как у специалистов, так и среди казачьей общественности, возникали различные вопросы и претензии к методике проведения переписи и интерпретации ее результатов в части определения принадлежности к казачеству. Заметим здесь, что по действующей Конституции каждый гражданин сам вправе определять свою национальную принадлежность.

Не добавляет ясности в вопрос и неопределенность юридического, социального и этнокультурного статуса современного казачества. Очевидно, что во всех приведенных, как и во многих других подобных случаях, мы имеем дело с явными пробелами в определении казачества, как исторического, политического, этнического и этнографического, культурного и социального явления. И столь же очевидно, что решение этой терминологической проблемы невозможно вне исторического и историографического контекста.

Прежде всего надо сказать, что само слово «казачество» имеет, по видимому, довольно позднее происхождение. Во всяком случае автору не встречалось его упоминание в источниках, относящихся к периоду до XIX в. Хотя этот вопрос еще нуждается в специальном лингвистическом и историко-филологическом исследовании. Первые достоверные упоминания казаков в исторических источниках относятся еще к русским средневековым летописям периода господства Золотой Орды. В летописях упоминаются некие ордынские казаки. К этому же периоду относятся и наиболее ранние казачьи предания в фольклорной устной и песенной традиции. Однако эти первые летописные упоминания не позволяют ни однозначно идентифицировать казаков, ни судить об их происхождении и этнической принадлежности, ни четко определить этимологию и само содержание того понятия, которое средневековые летописцы вкладывали в это слово. Несомненно только то, что эта проблема нуждается в самом серьезном специальном исследовании и расширении круга первоисточников.

Только во время складывания русского централизованного государства и особенно в период Московского царства сообщения источников приобретают более определенный характер, позволяющий, тем не менее, исследователям строить самые различные предположения о сущности явления и содержании понятия «казачество» применительно к XV–XVII вв.

Подавляющее большинство специалистов сегодня не сомневаются в тюркско-татарской этимологии слова «казак» и понятия «казачество». К примеру крупнейший российский специалист в области изучения истории Золотой Орды и степных народов В.В. Трепавлов, говоря о «казачестве» Кучумовичей, имеет в виду их образ жизни. Исследователь четко разделяет два понятия «казак»: с одной стороны, «русских служилых казаков – как вольных, так и состоявших на государственной~государевой службе» и, с другой стороны, «изгоев-татар», к которым он относит и Кучумовичей после разгрома Сибирского ханства [7, с. 141]. По мнению Трепавлова, казак – это тюркское слово, которым «на Востоке первоначально обозначали людей, которые по разным причинам теряли связь со своим родом или общиной и вели жизнь бесприютных скитальцев, зачастую добывая средства для существования грабежами и разбоями. Позднее понятие “казак” приобрело и другие значения, в том числе и в русском языке» [там же].

Не менее сложной проблемой остаются источники о казаках периода Смуты и правления первых Романовых. Новейшие исследования показывают большое разнообразие категорий «казаков» для источников этого периода [см., напр. 2, 3]. Причем сегодня исследователи, такие как, например, Р.Н. Евдокимов, отмечают несоответствие имеющихся и вновь открытых источников традиционной картине четкого разделения казаков на «воровских», «вольных» и «служилых».

Проведенные автором исследование и анализ всего комплекса историографических источников о казачестве [см.: 1, 8–10 и др.], позволяют выделить целый ряд возможных определений казачества, сделанных по различным основаниям анализа этого исторического феномена. Следует заметить при этом, что в историографии, а особенно в казачьей публицистике, не говоря уже о «фолк-истори», существует и большое количество маргинальных, околонаучных, псевдонаучных и откровенно не научных трактовок понятия казачество. Мы в данном случае ограничимся только научно-обоснованными формулировками.

Казачество это:

– служилое сословие (близкое по феодальному статусу к дворянам-однодворцам, стоящее после (т.е. ниже) дворянства. Однако здесь следует отметить, что в традиционном, архаичном казачьем самовосприятии казак мыслится принципиально выше дворянина, который воспринимался как «царский слуга», «царский холоп», а вольный казак царю – «союзник», «воин», даже наемник, но никак не слуга. Подобные «крамольные» настроения среди рядовых казаков фиксировались царской администрацией даже в XVIII в.);

– форма найма вольного человека на службу, выполнение каких-либо работ (в период средневековья, характерно для Северо-Западной Руси, где «казаками» документы могли называть и неких, видимо зависимых людей, близких по положению к бобылям);

- воинское мастерство, искусство, форма ведения боя (находит свое выражение в таких оборотах, как «воевать по казачьи», «строиться по казачьи», «биться казацким боем» и т.п.);
- часть воинов «Золотой Орды» (пока что не вполне ясно, кого именно называли «ордынскими казаками», но они упоминаются в русских летописях);
- форма наемничества, вольные степные воины, утратившие связь с племенной организацией (преимущественно у тюркских народов);
- разновидность легкой кавалерии (аналогично изначально венгерским «гусарам», в этом значении использовалось это название, к примеру, в Пруссии, где в ходе наполеоновских войн был создан казачий полк, или в России при организации некоторых «казачьих» полков, таких как полк казаков, сформированный из ямщиков при Екатерине II для участия в войне со шведами);
- форма сторожевой («станичной») пограничной службы (в период Московского царства, когда речь идет о городских, служилых казаках, относящихся к аналогу стрелецкого сословия);
- восточная разновидность пиратства, форма жизни грабежом и наемничеством (в период позднего средневековья распространялась в бассейнах Азовского, Черного и Каспийского морей);
- социокультурная группа (демографическая флуктуация, аналогично диалекту как лингвистической флуктуации);
- этнокультурная группа (или субэтнос в составе русского народа);
- классовая группа (прослойка зажиточного крестьянства – кулачья, мелкобуржуазная, первоначально казаки, наоборот, были авангардом беднейшего крестьянства в антифеодальной борьбе против крепостничества, вооруженным путем отстояв «волну», казаки позднее были инкорпорированы феодальным государством в свою структуру путем условного (за несение военной службы) предоставления полуфеодальных иммунитетных прав);
- исторический феномен (особенное явление русской, или, правильнее, восточноевропейской, или, возможно, евразийской истории);
- геополитическое явление (на стыке кочевой и земледельческой цивилизаций восточноевропейской лесостепи);
- социальный (поведенческий) стереотип (у самих казаков в этом понятии выступали термины-кальки «молодечество» и «джигитовка» (от тюркского «джигит», точнее «йегет» – молодец), т. е. «казаковать» – это вести себя как настоящий казак – смело, весело, азартно, авантюрно, демонстративно показывать свою удаль, бесстрашие и т. п.);
- специфическое демографическое и культурное явление – фронтальная зона аккультурации и ассимиляции различных народов;
- лимнологическое явление специфического пограничного населения, полувоенной культуры и быта (аналогичное австрийским «граничарам»);

– хозяйственная форма ведения традиционного полукочевого отгонного скотоводства (в значении «казаковать», как «степовать» у казаков, т. е. жить в степи со стадом, отарой или табуном);

– форма народного военно-спортивного конного искусства («казаковать» в значении «джигитовать», т. е. показывать акробатические трюки на лошади и без нее, в том числе с оружием);

– юридическая (правовая) форма несения государственной службы;

– теократически-прозелитическая форма религиозного служения, подвижничества («православное рыцарство», аналогично орденам крестоносцев у католиков);

– политическое (патриотическое, консервативно-охранительное, в пределе – национал-шовинистическое, антикоммунистическое) движение граждан;

– народ, как исторически сложившаяся общность людей (так трактует казачество, действующий в РФ закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов»);

– этнос (самобытный народ, имеющий общие этногенетические корни, языковые, культурные и генографические отличия от других этносов); по преобладающим источникам происхождения: а) славянский (от русских, украинцев, восточных славян или даже отдельная ветвь славянства); б) степной (татарский, или, более точно, тюркского происхождения); в) горский (северокавказский автохтонный народ или часть кумык, «черных клобуков», «ясов и касогов», и даже чеченцев, но сегодня встречаются и гораздо более экзотические варианты); г) комплексного этногенетического.

– субэтнос, как органическая, но самостоятельная часть большой этнической общности (славянской, русско-украинской, тюркской или даже отдельной казачьей – в последнем случае казачество в целом рассматривается как один народ, а донцы, терцы, кубанцы, уральцы – как субэтноты);

– национальность (реже – нация), как исторически сложившийся народ, осознающий себя единым целым, имеющий собственные язык (или диалект), этнополитическую, правовую и государственную субъектность, суверенитет и юрисдикцию – «Присуд», как сферу казачьего права (в таком значении трактуют казачество «самостийники», «автономисты» и «националисты» из так называемых «потомственных казаков»);

– нация, как отдельный самостоятельный народ, имеющий право на самоопределение, в пределе – все население некогда независимой страны – мифической «Казакии» (в таком значении трактуют казачество закон США «О поработенных народах» и так называемые «казакийцы», то есть национал-сепаратисты, добивающиеся создания суверенного казачьего государства).

Конечно, следует оговориться, что мы не можем претендовать на исчерпывающую полноту приведенного перечня возможных оснований дефиниции понятия казачество в этом небольшом сообщении, особенно учитывая тот факт, что число новых публикаций одних только научных статей по казачьей проблематике в рецензируемых научных журналах,

индексированных в РИНЦ, измеряется сотнями в год. Однако, как представляется, предлагаемая классификация этих определений позволяет сделать некоторые выводы. Можно видеть, что казачество в целом представляет собой сложное многоплановое и многоуровневое историческое явление, которое нужно рассматривать как своеобразный феномен, нуждающийся в комплексном исследовании с привлечением разнородных источников и данных, полученных различными науками – историей, социологией, филологией, лингвистикой, экологией, политологией, философией и другими дисциплинами. Только на основе такого, комплексного подхода к проблеме, с учетом результатов анализа феномена казачества в различных дисциплинах, можно, как представляется, прийти к итоговому синтезу в понимании сущности казачества как сложного и многоаспектного феномена отечественной истории.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Юрченко И.Ю. Историография казачества: в 2-х кн. М., 2013.: Он же. Изучение казачества в новейшей отечественной историографии, 1981–2012 гг. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. Реферативный журнал. 2015. № 1.
2. Евдокимов Р.Н.Днепровские казаки Тулы в первой половине XVII столетия: особая группа служилых людей Московского государства // РИ. 2015. № 5. С. 26-42.
3. Евдокимов Р.Н. Смоленские казаки в 30–50-е гг. XVII в. // Вопросы истории. 2016. № 9. С. 144-149.
4. Казаки получили знамена из рук президента // Вести от 07.12.2011/20:29 (Москва) / Вести.Ру: [сайт]. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=653961> (дата обращения: 03.07.2018).
5. Казачество: Энциклопедия / Редкол.: А.П. Федотов (гл. ред.) и др. М., 2008.
6. Путин В.В. Быть сильными: гарантия национальной безопасности России // РГ– Столичный выпуск. 2012. № 5708 (35). 20 февраля. № 35.
7. Трепавлов В.В. «Казачество» Кучумовичей: жизнь в скитаниях // СТГГ. 2011. № 3.
8. Юрченко И.Ю. Изучение казачества в новейшей отечественной историографии, 1981–2012 гг. Кн. 2. М., 2013.
9. Юрченко И.Ю. История изучения казачества в отечественной и эмигрантской историографии XV–XX столетий: Историография казачества. Кн. 1. М., 2013.
10. Юрченко И.Ю. Инновационные методы анализа научных диссертаций (на примере статистического анализа историографии казачества). М., 2013.

РАЗДЕЛ III. ВОЙНЫ В ИСТОРИИ ЮГА РОССИИ

В.С. Великанов (Москва)

МЕРОПРИЯТИЯ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ЮЖНЫХ РУБЕЖЕЙ ОСЕНЬЮ 1674 Г.

Борьба за Правобережную Украину в 1670-х гг. до сих пор недостаточно изучена в отечественной историографии, в частности, подробно не исследованы события осени 1674 г., следовавшие за отступлением войск кн. Г.Г. Ромодановского от Чигирина [7, с. 130; 8, с. 80-82]. Ввод в научный оборот дополнительных источников и анализ опубликованных материалов позволяют более детально рассказать об этих событиях.

17 марта 1674 г. (здесь и далее все даты даны по старому стилю) старшина и казаки правобережных полков на раде в Переяславле принесли присягу на верность царю и избрали гетманом «обоих сторон Днепра» левобережного гетмана Ивана Самойловича Самойловича. Однако правобережный гетман Петр Дорофеевич Дорошенко ожидаемо не признал этого решения, надеясь на помощь своего сюзерена, турецкого султана Мехмеда IV, и его вассала, крымского хана Селим-Гирея. Весной 1674 г. российское правительство воздерживалось от активных действий против П.Д. Дорошенко, рассчитывая склонить его на свою сторону в ходе переговоров, а также ожидая, как поведут себя турки: параллельно шла война между Турцией и Речью Посполитой, и было неясно, куда именно летом 1674 г. направят свой удар турецко-татарские войска. В конце июня, получив сообщения о том, что в 1674 г. турки планируют наступление в Подолии, российское командование приняло решение отправить войска к Чигирину, для того, чтобы силой принудить гетмана П.Д. Дорошенко признать царскую власть. В походе должны были принять участие войска Белгородского и Севского разрядных полков под общим командованием князя Григория Григорьевича Ромодановского (общей списочной численностью 34,5 тыс. чел.) [6, л. 1324об.], а также казаки левобережных полков И.С. Самойловича (около 15-20 тыс. чел.). Царские войска подошли к Чигирину 23 июля, и, соорудив шанцы, начали бомбардировку города и замка. Однако осада протекала довольно вяло: кн. Г.Г. Ромодановский надеялся, что недостаток продовольствия и воды вскоре вынудит П.Д. Дорошенко сдать Чигирин без штурма и особых потерь при осаде.

В свою очередь турки в начале июля получили сообщения от П.Д. Дорошенко о том, что царские войска планируют летом 1674 г. идти к Чигирину. На военном совете 10 июля с участием самого султана Мехмеда IV крымскому хану Селим-Гирею удалось убедить турецкое командование изменить свои первоначальные планы, и вместо наступления ко

Львову, двинуть войска на Правобережье [3, с. 131; 9, s. 60]. Кн. Г.Г. Ромодановский узнал об этом 30 июля, и в тот же день отправил гонцов в Москву, однако продолжил осаду, надеясь на скорое падение Чигирина.

9 августа в осадном лагере под Чигирином стало известно о приближении крымских татар во главе с ханом Селим-Гиреем, за которыми следуют турецкие войска. Не дожидаясь подхода основных сил противника кн. Г.Г. Ромодановский снял осаду, и «огородясь табором» начал отход к Черкаскам, куда прибыл 12 августа «безо всякого неприятельского насильства, в целости». В тот же день хан соединился под Чигирином с П.Д. Дорошенко и также выступил к Черкаскам, надеясь перехватить отступающие царские войска на переправе через Днепр. 14 августа крымские татары численностью около 5 тыс. чел. подошли к Черкаскам, но убедившись, что лагерь кн. Г.Г. Ромодановского и И.С. Самойловича хороши укреплены, отказались от атаки, ограничившись несколькими стычками в поле. На следующий день, 15 августа, хан с П.Д. Дорошенко ушли обратно к Чигирину, а царские войска начали переправу на левый берег Днепра и стали укрепленным лагерем напротив Черкасс [1, стлб. 636-637].

При получении первых известий о развороте турецкой армии с Подолии к Днепру и ее походе к Чигирину (гонец, выехавший из-под Чигирина 31 июля, прибыл в Москву 14 августа), российское правительство приняло решение о развертывании дополнительных войск под общим командованием кн. Юрия Алексеевича Долгорукова в Севске и Путивле для прикрытия российских рубежей. Находившемуся в столице польскому посланнику С. Венславскому уже 18 августа сообщили, что «всего своего государства ратным людем указал великий государь к своему государскому походу быть готовым» [8, с. 81]. Также о планируемой посылке на Правобережье значительных дополнительных сил во главе с кн. Ю.А. Долгоруковым и отправке в рейд на крымские улусы кн. Каспулата Муцаловича Черкасского с калмыками сообщалось в грамоте, направленной 26 августа белоцерковскому полковнику С. Бутенко [1, стлб. 645-647]. Однако фактические распоряжения о сборе войск были сделаны лишь в начале сентября после получения подтверждения от кн. Г.Г. Ромодановского о приходе крымских татар к Днепру.

Переправившись на левый берег Днепра кн. Г.Г. Ромодановский с царскими ратными людьми встал лагерем между Переяславлем и Черкасками. Гетман И.С. Самойлович с 5 левобережными полками (Киевский, Нежинский, Черниговский, Прилуцкий и Стародубовский полки – всего около 10 тыс. чел.) встал лагерем напротив Черкасс [1, стлб. 654, 659]. Еще три полка гетман расставил вдоль Днепра у место возможных переправ: в Кременчуге – Полтавский, в Чигириной Дубраве – Миргородский, в Еремеевке – Лубенский [1, стлб. 659]. На Правобережье у Канева остался наказной гетман переяславский полковник Д. Райч со своим Переяславским полком и несколькими тысячами выборных казаков левобережных полков и

казаками 4 правобережных полков (Каневского, Черкасского, Корсуньского и Кальницкого) [1, стлб. 656]. Кроме этого, в Каневе с царским воеводой Алексея Колтовским находился московский стрелецкий приказ Александра Карандеева (по состоянию на 2 августа у него в приказе насчитывалось 398 стрельцов, в т.ч. 15 больных) [1, Стлб. 568], в Черкассах – кн. Иван Иванович Вердеревский с московским стрелецким приказом Максима Лупандина.

В конце августа появились дополнительные известия о том, что крымский хан вместе с П.Д. Дорошенко планируют пойти в поход на Левобережье, а турецкие войска – к Киеву (эти сообщения были доставлены в Москву в начале сентября). В действительно, хан вместе с гетманом от Чигирина ушел к Умани, а затем в султанскую ставку под Ладыжин. Необходимо отметить, что еще в начале августа турецкое командование фактически приняло решение отказаться от широкомасштабного похода на Правобережье, ограничившись локальными операциями для восстановления власти «своего» гетмана П.Д. Дорошенко. В дополнение к отправке крымского хана к Чигирину турецкий корпус под командованием каймакана Кара Мустафы-паши (по разным оценкам 10-20 тыс. чел.) был послан к Умани, ближайшему к Ладыжину полковому центру, все еще поддерживавшему И.С. Самойловича. 25 августа Умань после 10-дневной осады была взята, и турки отошли к основным силам. На военном совете в конце августа крымский хан и П.Д. Дорошенко пытались убедить султана продолжить поход на царские владения, однако турецкое командование считало задачу защиты своего вассала П.Д. Дорошенко выполненной, и кроме этого в конце августа, по мнению везиря, уже было поздно начинать широкомасштабные боевые действия [3, с. 159-160].

Однако в Москве об этом не знали, и 4 сентября был объявлен царский указ о сборе армии кн. Ю.А. Долгорукова. В ее состав должны были войти московские чины, 8 рейтарских полков (полковников Венедикта Змеева, Григория Тарбеева, Федора Андреевича Зыкова, Степана Зубова, Федора Тимофеевича Зыкова, Василия Челюсткина, Василия Волжинского и Андрея Чубарова), 6 московских стрелецких приказов (голов Федора Головленкова, Федора Александрова, Никифора Колобова, Тимофея Полтева, Петра Лопухина и Федора Ермолова), а также оба Московских выборных солдатских полка Аггея Шепелева и Матвея Кровкова. Товарищем (заместителем) Ю.А. Долгорукова был назначен окольничий князь Володимир Дмитриевич Долгоруков, сходными воеводами (т.е. командирами подчиненных корпусов) – окольничий князь Константин Осипович Щербатов и окольничий князь Григорий Афанасьевич Козловский, артиллерию (Большой Наряд) ведал окольничий князь Иван Петрович Барятинский [5, к. 697-969; 2, стлб. 990-991]. Местом сбора войск Ю.А. Долгорукова был назначен Путивль.

В полк кн. К.О. Щербатова в Севске были назначены ратные люди Севского и Новгородского разрядных полков, а также городовые дворяне и дети боярские Владимира, Смоленска и Белой. При этом севские ратные

люди находились в армии кн. Г.Г. Ромодановского под Переяславлем, а новгородцев еще требовалось мобилизовать и перебросить на юг.

Кн. Г.А. Козловский должен был принять в Рьльске полк кн. Федора Григорьевича Ромодановского, который был еще весной назначен на службу, и должен был играть роль оперативного резерва для армии своего младшего брата кн. Г.Г. Ромодановского. По спискам этот полк должен был насчитывать 4649 дворян и детей боярских украинских, резанских, заоцких и северских городов [4, л. 8–10], однако фактически к этому моменту в полку имелось всего 1784 чел., остальные либо уже разбежались по домам (505 чел.), либо так и не явились на службу (2270 чел.) [5, л. 982]. Царский указ о назначении кн. Г.А. Козловского на место кн. Ф.Г. Ромодановского был отправлен 15 сентября, но уже 3 октября это решение было отменено [5, л. 62].

Таким образом, всего в сентябре 1674 г. на Украину планировалось мобилизовать и отправить дополнительно не менее 30–35 тыс. чел. Несмотря на всю спешку со сбором ратных людей (воеводы были «у царской руки» уже 7 сентября, и после этого сразу же выехали к войскам), на их мобилизацию требовалось не менее месяца, и за это время ситуация успела измениться.

5 сентября кн. Ф.Г. Ромодановскому был отправлен царский указ о немедленном походе к Переяславлю, где находился небольшой царский гарнизон кн. Владимира Ивановича Волконского, состоявший всего из 300 с небольшим человек (слабый жилой солдатский полк Роберта Мейера и жилой стрелецкий приказ Родиона Яцына). Воевода получил его 15 сентября и немедленно запросил у И.С. Самойловича подводы для перевозки полкового имущества, на что гетман ответил, что не видит смысла в переброске его войск, т.к. «хан крымский с ордою пошли в Крым, а Дорошенко в Чигирин и вестей де о воинских людях никаких нет» [5, Л. 1–6].

Тем временем, в начале сентября (по разным источникам 8–10 сентября) турецкие войска начали обратную переправу через Буг, и двинулись к Днестру, через который основные силы турецкой армии во главе с султаном и везирем переправились 23–25 сентября [3, с. 160, 162–163]. Гонец от кн. Г.Г. Ромодановского с извещением об отходе турецко-татарских войск прибыл в Москву 19 сентября, и уже 24 сентября был объявлен царский указ о смотре явившихся на службу ратных людей армии кн. Ю.А. Долгорукова и роспуске их по домам [2, стлб. 1037, 1043–1044]. В тот же день, 24 сентября, в Москву из Рьльска был отозван кн. Ф.Г. Ромодановский и его товарищ стольник Иван Иванович Ляпунов, свои войска они должны были передать под команду кн. Г.Г. Ромодановского и П.Д. Скуратова [2, стлб. 1044]. Таким образом, получив подтверждение об отходе турецко-татарских войск от Днепра, российское правительство посчитало угрозу южным рубежам устраненной, и отменило мобилизацию и отправку на Украину дополнительных подкреплений, а имевшиеся войска армии кн. Г.Г. Ромодановского были отведены на «зимние квартиры» в великороссийские пределы.

Для прикрытия южных рубежей на случай рейда крымских татар в Рыльске был временно оставлен полк кн. Ф.Г. Ромодановского, который 5 октября было принято усилить рейтарским полком Федора Тимофеевича Зыкова, комарицким драгунским полком Юрия Инглиса и двумя приказами московских стрельцов Ф. Александрова и Т. Полтева из Севска [5, л. 68]. Назначенные на службу войска прибывали со значительными задержками, в частности, стрелецкие приказы пришли 19 октября, а рейтары Зыкова – 22 октября, при этом в полку насчитывалось всего 17 начальных людей, 10 рейтар и 89 драгун. Полк Ю. Инглиса к 22 октября в Рыльск так и не прибыл [5, л. 4]. К этому моменту опасность турецко-татарского наступления на Левобережье окончательно миновала, и 20 октября к кн. Ф.Г. Ромодановскому был отправлен царский указ провести смотр ратных людей и распустить их по домам, оставив в Севске на службе лишь драгун Инглиса [5, л. 60]. Получив царский указ, воевода, проведя 31 октября итоговый смотр, отпустил оставшихся со службы.

Кн. К.О. Щербатов получил царский указ провести смотр своих ратных людей и отпустить их со службы лишь 26 октября. По состоянию на 27 октября в Новгородского разрядном полку в наличии имелось около 10,9 тыс. чел.: московских дворян 18, городских дворян и детей боярских и казаков полковой службы 1107, начальных людей 170, гусар 417, копейщиков 388, рейтар 3136, солдат 2169. Городовые дворяне и дети боярские Владимира, Смоленска и Белой насчитывали 167 чел. (356 в «не-тях»). Ратные люди Севского полка насчитывали 2952 чел.: начальных людей 115, городских дворян и детей боярских и казаков полковой службы 1075, копейщиков 148, рейтар 793, драгун 821 [5, л. 16-19].

После отхода российских войск на левый берег Днепра и ухода турецко-татарских войск, на Правобережье фактически возник вакуум власти, которым тут же воспользовались поляки, занявшие западные районы Брацлавского и Киевского воеводств. [8, с. 82]. Под контролем верных царю казаков оставались Канев, Черкассы и Корсунь с окрестностями, и фактически Дорошенко контролировал к концу 1674 г. только Чигирин, Павлолочь, Умань и несколько менее значимых городов.

Таким образом, события августа-октября 1674 г. показали, что российское государство в случае внезапного изменения военной обстановки было в состоянии в короткие сроки провести сбор дополнительных ратных людей для защиты южных рубежей. В тоже время российское командование старалось избегать прямых столкновений с турецко-татарскими войсками и не вмешиваться в продолжавшуюся польско-турецкую войну, надеясь дипломатическими методами и силовым давлением добиться принятия правобережным казачеством и гетманом П.Д. Дорошенко российского подданства.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 11 (1672-1674). СПб., 1879.
2. Дворцовые разряды. Т. 3. (С 1645 по 1676 г.). СПб: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1852 г.
3. Крикун М. Турецкий похід у Правобережну Україну 1674 року // ВЛУ. Серія історична. Випуск 34. Львів, 1999.
4. Российский Государственный Архив Древних Актов (далее – РГАДА). Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола. № 475.
5. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Севского стола. № 288.
6. РГАДА. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 2. № 24.
7. Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI-XVII вв. Т. 2. М, 1946.
8. Флоря Б.Н. Россия, Речь Посполитая и Правобережная Украина в последние годы гетманства П. Дорошенко (1673–1677 г.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 3 (65).
9. Wagner M. Wojna polsko turecka w latach 1672-1676. Т. 2. Zabrze, 2009.

А.А. Шейхумеров (Симферополь)

О МАСШТАБАХ МОБИЛИЗАЦИОННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В КРЫМСКОМ ХАНСТВЕ

Для определения численности войск Крымского ханства следует определить масштаб проводимых в этом государствомобилизационных мероприятий. В рамках данного исследования мы используем нарративные источники и сравним их с информацией о нормах призыва в других военных системах, опирающихся на степную традицию, не затрагивая при этом количественный фактор (т.е. сколько именно призывали в войско ополченцев).

Современники Крымского ханства нередко отмечали частичный, а не тотальный, характер мобилизаций. Боплан считал, что далеко не все крымские татары выступают на войну: «Те, которые совсем не ходят на войну, питаются сообразно времени года» [5, с. 225]. По мнению Эвлии Челеби обычно в походы шло 40 тыс. крымских татар, 80 тыс. шло по желанию хана, всего же крымско-татарское войско насчитывало 126 тыс. [26, с. 100]. Пейсонель утверждал, что крымские татары выставляли 1 воина от 2-5 домов: «Вассалы, свободные или вольноотпущенные, обязаны идти на войну с их господином, который берет по желанию одного человека с двух, трех, четырех или пяти домов, сообразно требованиям

случая и постановления частного совещания хана. Оставшиеся вассалы обязаны одевать, снаряжать, вооружать и давать лошадь на их счет обязанным идти на войну» [14, с. 31]. Хусейн Хезарфен отмечал: «Если его величеству хану нужно послать войско в какое-то место, то каждые семь человек выставляют одного и выделяют пару лошадей. Знают, сколько пар лошадей поставляют от каждой деревни, и в соответствии с этим собирают сога» [13, с. 268].

Русские источники также различали всеобщее ополчение крымских татар и собственно войско. Согласно статейному списку царского посланника в Крыму В. Айтемирова, в 1693 г., мобилизация происходила следующим образом: «салтаны, ханские дети, взяв с собой, кто при них служат и с семенями не со многими людьми побежали к Перекопи».

А в Бахчисарае по базару кликали делялы, и во все стороны Крыма розослано, чтоб все мурзы и татаровя ехали для обороны Казыкерменской, и не токмо военные, но и все и кто имеет коней и руже, но и безконные б и безоружные все бежали к Перекопи» [6, с. 203].

Осенью 1694 г. в Крыму была объявлена мобилизация, проходившая в несколько этапов. 18–19 сентября в Бахчисарае был оглашен приказ нуреддин-султана, «чтобы все воинские люди шли наскоро к нурадыну салтану в Перекоп». Через некоторое время, 3 октября, «прислано из Перекопи от нурадына в Бахчисарай для высылки татар, которые есть и пятнадцать лет и ниже чтоб только смог кто хотя по нужде конем владеть» [6, с. 247]. Из приведенных цитат следует, что существовало деление крымских татар на «военных», «ратных» людей, мобилизованных первыми и «всех, кто может сесть на коня».

Согласно данным, приведенным крымско-татарским хронистом Хурреми Челеби и обобщенным Н. Сейтягъевым, «накануне сбора войск в стране проводилась перепись населения (таххир). Набор производился с условием, что те дома (хане), с которых набор не производился, должны будут помогать воину (сеферлю), который был призван в войско. Например, если один воин призывался с пяти домов, то 4 дома, в которых мужчины остались, должны были помогать ему» [18, с. 59].

По всей видимости, мобилизации 1 человека от 5 домов были частым явлением. Для участия в ирано-турецкой войне в Крыму в 1744 г. «сперва предполагалось сделать набор по одному человеку с пятнадцати домов; а усердный Селим-Герай собрал по человеку с пяти домов» [22, с. 72]. В 1754 г. «зо всего Криму приказаль хань от пяти хать одному человеку оружейному и конному по пароконно въ походь на Черкеси готовится» [2, с. 768]. В 1761 г. хан Крым I Гирей планировал нападение на черкесов, «и для того походу с пятого дому по одному человеку уже и наряд учинил» [7, с. 316].

Есть также сообщения и об иных нормах призыва. В 1695 г., в ответ на угрозу казацкого вторжения в Крым, калга-султан Саадет Гирей прика-

зал набрать по одному человеку с дома для защиты Перекопа [21, с. 653]. Позже, в августе того же года, он велел собрать по 2 человека с дома для защиты Азак-кале [21, с. 659]. В 1709 г. хан Каплан I Гирей приказал собрать по 1 человек с дома [22, с. 9]. В 1744 г., после ухода войск на иранский фронт, калга-султан Шахин Гирей провел набор по 1 человеку с 3 домов и с собранными силами пошел за ясырем в Черкесию [22, с. 72]. В 1761 г. Крым I Гирей приказал ногайцам выставить по 1 воину от 2 семей (казанов) [14, с. 77]. В 1769 г. он же собирал для похода на Новую Сербию по 3 человека от 8 домов [9, с. 155].

В тоже время в некоторых случаях мобилизации имели более ограниченный характер. Ведь решение задач, которые должны были выполнять крымские войска, не всегда требовало крупных призывов. Весной 1733 г. для похода на Кавказ собирали «со всего Крыма с мечета по одному человеку» [17, с. 409], а для похода к Белграду в 1698 г. – всего лишь 1 человеку от 20 семей [18, с. 60]. В обоих этих случаях войско предназначалось для поддержки османской армии, следовательно, оно должно было играть вспомогательную роль.

Напротив, слишком «плотная» мобилизация для действий на второстепенном театре военных действий практиковалась редко. Показательно, что крымскому населению показался чрезмерным сбор по 1 человеку от дома для черкесского похода 1708 г., так как Черкесия считалась окраинной провинцией ханства. Громадную армию, с точки зрения крымчан, следовало собирать для похода против мощного противника [1, с. 133].

Вполне логично, что войско формировалось благодаря делению мужской части общества на «снаряжающих» и «воюющих», так как не все жители ханства были столь богаты, чтобы содержать коней и иметь оружие, каждый год оставлять семью и хозяйство на длительное время и брать с собой запас провизии на несколько месяцев. Одежда могла прийти в негодность, конь – ранен или убит, оружие – выйти из строя. Постоянное несение таких расходов (а они были в любом случае, в отличие от добычи) привели бы к обнищанию населения [12, с. 27]. Известно, что частые походы крупных сил действительно приводили к обеднению крымских татар [23, с. 42]. Поэтому лишь часть мужчин участвовала в военных кампаниях. При этом власти, учитывая численность населения, знали (хотя бы приблизительно), сколько человек выходит на войну из того или иного населенного пункта, в случае же гибели или ранения жители села выбирали из своей среды замену выбывшему воину.

Всеобщее ополчение (в отличие от воинов), собиравшееся лишь в экстремальных условиях неприятельского вторжения, было в массе своей плохо вооружено. Когда в 1657 г. донские казаки грабили побережье Крыма, для борьбы с ними «Муртазе-бею с трудом удалось собрать 150–200 человек, многие оказались без оружия, на три-четыре человека имелась только одна сабля или лук» [16, с. 223]. Восставшие против Шахина-

Гирея в 1782 г. крымские татары были вооружены топорами, косами, пиками, сабля же была редкостью [8, с. 524]. Значительная часть мужского населения вообще не имела коней: в 1770-е гг. отряды крымского всеобщего ополчения нередко на 30-40% состояли из пехоты [10, с. 586, 606].

В пользу нашей точки зрения говорит сравнение крымской военной организации с военными системами других народов. В степных государствах тотальные призывы мужского населения не были обыденностью. В Монгольской империи, согласно Ясе Чингисхана, все мужчины в возрасте 15–70 лет считались воинами [25, с. 138], но реально для участия в походе отбирали лишь часть их, обычно от 1/5 до 1/3 всех военнообязанных [19, с. 164]. Например, в 1251 г., для похода Хулагу на Иран и Ирак собрали по 2 воина с десятка [25, с. 179]. В Золотой Орде мобилизации имели ограниченный характер: «В источниках неоднократно встречаются упоминания о ханских приказах выставить в войско по одному или два человека от каждого десятка» [24, с. 215]. В Халхе (Северной Монголии) в XVII в. на военную службу призывали 10-40% взрослых мужчин [4, с. 554]. В конце XVII в., на пике военной мощи Джунгарского ханства, «судя по данным письменных источников, джунгарские правители практически не прибегали к тотальной мобилизации мужского населения» [4, с. 571]. В Калмыцком ханстве стандартной была мобилизация 1 всадника от 2 семей, после 1771 г., по причине обеднения населения, призывали 1 от 3 или даже 5 семей [3, с. 167]. Юрюки (кочевники, расселяемые османскими властями на Балканах) делились на эшкинджи (уходящих) и ямаков (помощников), снаряжающих воина-эшкинджи [11, с. 27]. Главной задачей юрюков в глазах турецких властей было отбывание военной службы и все же их не призывали поголовно, считаясь с объективными обстоятельствами.

Трудно представить себе, чтобы крымское ополчение обладало уникальными возможностями для самообеспечения, превосходящим возможности любой армии в мире. Цена коня в Крыму в начале XVII в. была эквивалентна цене 10-30 овец или 2-4 быков [15, с. 195] – и это при том, что, судя по источникам, кони часто гибли и калечились в походах. Да и зачем крымским военачальникам, сведущим в военном деле людям, собирать для далекого похода, в том числе с целью дать бой врагу, большие плохо вооруженные толпы вместо меньшего численно «выборного» доброконного воинства, лучше управляемого и более опытного? Разумеется, это было бы совершенно непрактично.

Вместе с тем отметим, что в крымских источниках действительно упоминается всеобщее выступление в поход. В «Кадияскерских книгах» есть такая фраза: «Мухаммед Гирей султан призвал всех седлать коней в поход» [15, с. 74]. Однако и это не может служить свидетельством о реальном масштабе мобилизационных мероприятий, являясь скорее устойчивым канцелярским оборотом. Полагаем, что указание на «поголовность» мобилизации в источниках не обязательно отражало реальность. В

сентябре 1779 г. ногайские мурзы на Кубани постановили собрать по 1 человеку с кибитки для борьбы с черкесами, причем они объявили российскому командованию, что были вынуждены «поголовно вооружиться» [20, с. 370]. То есть с точки зрения ногайской знати подобный сбор был «поголовным», хотя, разумеется, это еще не был настоящий призыв вообще всех взрослых мужчин. Однако это дает нам повод задаться вопросом: если в источнике прямо не указана норма призыва, а лишь сообщается, что «весь Крым вышел» или «в Крыму остался лишь стар и млад», можем ли мы доверять подобным выражениям и понимать их буквально?

В качестве вывода отметим, что в Крымском ханстве мобилизации не были поголовными. Призывали, как правило, одного ополченца-сеферлю от нескольких семей (реже, в случае крупных походов – одного человека от одного дома). Тотальные мобилизации были редкостью и вызывались экстраординарными обстоятельствами (угроза неприятельского вторжения). Такой характер мобилизационных мероприятий был неизбежным ввиду обременительности продолжительного несения военной службы. Именно поэтому как в государстве Гиреев, так и в других степных политиях существовало разделение на «воюющих» и «снаряжающих», являющееся оптимальной моделью организации войска, позволяющей обществу нести груз расходов, связанных с затяжными войнами.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-ахбар. Книга 2. Перевод. Казань, 2018.
2. Архів Коша Нової Запорозької Січі. 1734–1775. Корпус документів. Том 3. Київ, 2003.
3. Батыров В.В. Вопросы военной организации и вооружения у калмыков во второй половине XVIII в. (по архивным материалам) // Материалы Всероссийской научной конференции «Участие народов России в Отечественной войне 1812 г.» (г. Элиста, 11-14 сентября 2012 г.). Элиста, 2012. С. 166-171.
4. Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV — первая половина XVIII в.) / Под ред. В. П. Никонорова. СПб., 2008.
5. Боплан Гийом Левассер де. Описание Украины. М., 2004.
6. Військо ві кампанії доби гетьмана Івана Мазепи в документах. Упорядник С. Павленко. К., 2009.
7. Джерела з історії Південної України. Том 7. Канцелярія Новосербського корпусу. Запоріжжя, 2005.
8. Дубровин Н. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. Том IV. 1781-1782 гг. СПб, 1889.

9. Записки барона Тотта о татарском набеге 1769 г. на Новосербию // КС. 1883. № 9-10. С. 135-198.
10. Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского. М., 2004.
11. Еремеев Д.Е. Происхождение юрюков и туркмен Турции и основные этапы их истории // Этнические процессы и состав населения в странах Передней Азии. М.-Л., 1963. С. 24-70.
12. Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма. Часть 10. СПб, 1875.
13. Османский источник второй половины XVII века о султанской власти и некоторых особенностях социальной структуры османского общества // Османская империя. Государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990.
14. Пейссонель Шарль Клод де. Записки о Малой Татарии. Днепропетровск, 2009.
15. Рустемов О. Кадиаскерские книги Крымского ханства: исследования, тексты и переводы. Симферополь, 2017.
16. Санин Г.А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М., 1987.
17. Сборник императорского русского исторического общества. Том 106. Бумаги кабинета министров Анны Иоанновны. 1731–1740 гг. Том II (1733). Юрьев, 1899
18. Сейтяг'яев Н. До питання про чисельність мусульманського тюркського населення у Кримському ханстві на прикінці XVIII ст. // Східний Світ. 2019. № 1. С. 53-72
19. Селезнёв Ю.В. Сколько всадников мог собрать Мамай? (К вопросу о системе комплектования ордынских войск) // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш. Марджани, 2011. С. 162-166.
20. Сенюткин М. Военные действия донцов против нагайских татар в 1777–1783 годах // ВС. 1860. № 8. С. 345-390.
21. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб, 1887.
22. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII веке. Одесса, 1889.
23. Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // УЗ МГУ. 1940. Вып 61. С. 3-71.
24. Трепавлов В.В. Степные империи Евразии: монголы и татары. М., 2015.
25. Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М., 2005.
26. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. Симферополь, 2008.

И.В. Торопицын (Астрахань)

НИЗОВАЯ РАТЬ: АСТРАХАНСКИЕ СТРЕЛЬЦЫ И ЮРТОВСКИЕ ТАТАРЫ В ВОЕННЫХ КАМПАНИЯХ РОССИИ XVII – НАЧАЛА XVIII ВВ.

Русское государство присоединило Нижнее Поволжье в середине XVI в. С этого времени местное население стало нести определенные повинности в пользу государства и выполнять служебные обязанности, в числе которых была военная служба [27, с. 37–41].

Рассматривая состав русского войска в XVII в., крупный специалист по истории русской армии И. Беляев, указывает, что в составе конницы служили «новокрещены, мурзы и князья татарские». «Этот отдел войска, – пишет он, – состоял из воинственных жителей покоренных татарских Царств Казанскаго, Астраханскаго и других». И. Беляев отмечает, что все эти лица, как «высшие, так и низшие» являлись на войну вооруженные «по Азиатски», каждый по своему, и подобно дворянам вели за собой своих вооруженных слуг [5, с. 16–17]. Наряду с этим в исторической науке присутствует точка зрения, что силы понизовых городов московские власти старались не привлекать к участию в дальних военных кампаниях. «Далекие понизовые и особенно сибирские города, находившиеся в ведении Казанского приказа, имели очень значительное количество служилых людей (по итогу сметы 38248 чл.), – пишет Е. Сташевский, – но их нельзя было использовать (за небольшими исключениями) ни в целях наступления против Польши, ни в целях обороны против нея и Крымских татар, армия Казанского дворца имела другое специальное назначение...» [22, с. 8].

Впрочем, специальных комплексных исследований по участию жителей Нижнего Поволжья в войнах России в XVII – начале XVIII вв. не проводилось. В трудах, посвященных истории Астраханского края, отсутствуют какие-либо подробности, связанные с военной службой местных стрельцов и других служилых людей. Так, в книге «Природа и история Астраханского края», вышедшей в 1996 г., можно прочитать лишь, что «Москва требовала от астраханских воевод по необходимости посылать ратных людей для усиления русских войск, занятых в Ливонской войне, для защиты от соседей дружественных России кавказских владельцев». В эти отряды, отмечается в издании, входили не только русские, но и ногайцы, черкесы, «служилые иноземцы». Последних, по мнению авторов книги, отправляли преимущественно на Кавказ. При этом исследователи пишут, что формирование таких военных отрядов сопровождалось определенными трудностями. «Особенность стрелецкой службы, пожизненной и наследственной, состояла в том, что в свободное от походов и караулов

время стрельцы жили дома.... Поскольку природные богатства края, его торговое значение способствовали успешному предпринимательству стрельцов, – делают вывод авторы, – они неохотно снаряжались «для государева дела» [16, с. 164]. В монографии «История Астраханского края», вышедшей в 2000 г. и остающейся до настоящего времени наиболее фундаментальным историческим исследованием краеведческого плана, участие астраханцев в войнах России XVII – начала XVIII вв. вообще не нашлось места.

Не лишним в этой связи будет заметить, что авторы книги «Природа и история Астраханского края» вольно пересказали сведения, изложенные П.Х. Хлебниковым в книге «Астрахань в старые годы», однако, допустили явный перегиб в оценке отношения стрельцов и других служилых людей Нижнего Поволжья к военной службе. П.Х. Хлебников, сообщая о том, что стрельцы «не всегда охотно оставляли дела и хозяйство и, несмотря на понуждения голов, снаряжались медленно и не полностью» относил это лишь на счет «обычного государева дела: посылки всяких, плавной службы, посольского провожания и т.п.», не уравнивая участие служилых людей в военных действиях в составе русской армии с другими видами служебной деятельности местных гарнизонов [33, с. 47-49].

В научной литературе встречаются упоминания об участии военных отрядов из Астрахани и других городов Поволжья, а также Терской крепости в походах русских войск на Кавказ и против Крымского ханства в XVII – начале XVIII вв. [1; 2; 4, с. 348-349; 12, с. 408-422; 15, с. 10-13; 21, с. 167]. Но, по сути, военная служба низовой рати в XVII – начале XVIII вв. длительное время оставалась белым пятном в истории населения Нижнего Поволжья. О стрельцах и других служилых категориях местного населения, вспоминали преимущественно в контексте социальных потрясений, затравивших Астрахань в период Смутного времени, Разинского (1670-1671 гг.) и Астраханского (1705-1706 гг.) восстаний. О ратной службе астраханцев в XVII – начале XVIII в. мало что неизвестно. А между тем они участвовали практически во всех военных кампаниях Московского государства.

Первым крупным предприятием, в котором довелось принять участие служилым людям Нижнего Поволжья в XVII в., стали военные действия на Северном Кавказе в 1604-1605 гг. Астраханские стрельцы вместе с юрговскими татарами были включены в состав объединенного войска под началом воевод И.М. Бутурлина и О.Т. Плещеева и участвовали в кампании 1604 г., итогом которой стало занятие главного кумыцкого селения Тарки. На зиму воеводы отпустили отряды из Астрахани и Терков в свои города на зимние квартиры. На обратном пути им пришлось вступить в сражение с кумыками, бой с которыми длился целый день. Кумыки вынуждены были отступить, оставив на поле боя три тысячи своих убитых воинов. Таким образом, в силу сложившихся обстоятельств астраханские стрельцы и юрговские татары смогли избежать печальной участи своих соратников по походу на Кавказ,

которые, как известно, перезимовав в крепостях в Дагестане, были вынуждены в 1605 г. оставить их и при отступлении из Дагестана на Терек подверглись разгрому со стороны восставших [31, с. 161-165].

С окончанием Смутного времени на Руси и воцарением Михаила Романова астраханские стрельцы вместе с юртовскими татарами стали вызываться в русскую армию для участия в войнах с внешними интервентами. Астраханские стрельцы и юртовские татары в течение пяти лет (с 1613 по 1618 гг.) принимали активное участие в войне с Речью Посполитой и Швецией в составе русских войск. Так, в 1615 г. астраханские юртовские татары приняли участие в отражении шведской агрессии против Московского государства. Трое юртовских табунных голов и 51 рядовой юртовец вошли в состав передового отряда, направленного из Москвы на помощь Пскову [6, с. 42]. По сведениям Г.А. Замятина, ратные люди, которые сидели в Пскове и «которые пришли ко Пскову... на помочь с воеводою с Иваном Плещеевым, свейского короля подо Псковом побили..., многих людей взяли, наряд поймали» [10, с. 195].

К числу наиболее ярких страниц военной биографии астраханских служилых людей в период русско-польской войны 1609-1618 гг. следует отнести преследование отряда А.Ю. Лисовского в 1615 г., Литовский поход 1616 г., сражения под Можайском в 1617-1618 гг., у Пафнутьева монастыря под Боровском в 1618 г. и участие в боях под Москвой в октябре 1618 г. [26]. Так, в 1616 г. в Литовский поход были призваны около полутора тысяч человек, в том числе 490 юртовских татар и 200 астраханских конных стрельцов [7, с. 55-56]. Возглавили это войско воеводы князь М.К. Тимбаев и Н.П. Лихарев, головой астраханских конных стрельцов был Алексей Шушерин. «И воеводы князь Михайло Канаев да Никита Лихарев с Москвы пришли на Белую, – сообщают Дворцовые разряды за 1615/1616 г., – а с Белой ходили воевать Литовскую землю к Сурожу, и к Витепску, и к Велижу и в иные места, и Литовскую землю воевали» [8, с. 228]. В начале октября 1616 г. мы уже встречаем упоминание о награждении участников этого похода «за Литовскую службу» [13, с. 227-229]. В ходе боев под Можайском в 1618 г. участвовал сводный астраханский отряд из стрельцов и юртовских татар под началом Курмаш-мурзы Урусова, перед которым была поставлена задача «промышлять над Литовскими людьми и над загонными людьми» [8, с. 331 – 332]. Согласно «Новому летописцу», после того, как князь Д.М. Пожарский поставил острог у Пафнутьева монастыря, к нему на подмогу пришли с Москвы «астраханский мурза Курмаш с юртовскими татарами да с стрельцами астраханскими». Из этого острога царские воеводы «посылали много отрядов под королевичевы таборы и литовских людей убивали, языков брали, и утеснение им делали великое» [34, с. 397].

Завершение активных военных действий на Западе и заключение перемирий со Швецией и Польшей развязало руки московскому правительству в отношении других направлений внешней политики. В 1622 г. по

просьбе князя С.Я. Черкасского для борьбы с его недругами из Астрахани был отправлен полуторатысячный отряд юртовских татар, «старых и новых едисанов» под началом головы юртовских татар Кураки Новокрещенова и 500 конных стрельцов. В 1630 г. астраханские воеводы отправили в поход на Кавказ аналогичный по численности сводный отряд для оказания военной поддержки князю П.К. Черкасскому [25, с. 30-31; 11, с. 129-131].

Имеются сведения, что в период Смоленской войны 1632-1634 гг. астраханские стрельцы и юртовские татары также вызывались в действующую армию. Дьяку И. Кондыреву удалось уговорить ногайских мурз выступить на войну, но они заявили, что им без русских ратных людей «идти нельзя некоторыми делами» [18, л. 55]. В итоге поход из Астрахани «на польского и литовского короля землю» выступили 29 ногайских и 18 джетисанских мурзам со своими людьми, юртовские татары под началом табунных голов, вместе с которыми отправились 700 астраханских конных стрельцов [18, л. 99]. План похода предусматривал движение по южным границам Московского государства, переход реки Дон ниже города Воронежа и движение к «литовским городам не заимую наших польских городов». Низовая рать должна была идти «смирно», не нанося обид подданным русского царя [18, л. 85-86]. В 1632 г. по царскому указу ногайцы и юртовские татары, «которым велено идти на государеву службу в Литовский поход», были отозваны из города Крапивны к Москве [19, л. 1].

Участвовала ли низовая рать в сражениях с поляками в период Смоленской войны еще предстоит выяснить. Но совершенно точно известно, что ее силы были использованы для военных действий в этот период на другом театре военных действий, тесно связанным с основными событиями, развернувшимися вокруг Смоленска. Дело в том, что в период Смоленской войны поляки и литовцы активно провоцировали запорожских казаков и крымских татар к нападениям на русские земли [23, с. 597]. По сведениям астраханских воевод Малые ногаи трижды участвовали в походах на русские земли в 1632 г. и захватили много пленных, чем сами и хвалились [14, с. 218].

В апреле 1633 г. в Астрахани стали готовиться к новому походу. Начальство над ратными людьми было поручено стольникам и воеводам князьям В.И. Туренину и П.Ф. Волконскому [9, с. 325-326]. Войско выступило в поход из Астрахани в начале июля. Его основу составили 685 астраханских конных стрельцов и около 570 служилых людей из понизовых городов. 3 августа на Можарском городище к ним присоединились ногайцы, джетисанцы и юртовские татары (8250 человек). Несколько позднее подошли ратные люди с Терской крепости и черкасские мурзы со своими людьми (до 350 человек). Нападение на малых ногаев («Казыев улус») произошло 20 августа недалеко от р. Кубы. Развивая успех, низовая рать двинулась к Черному морю, подвергая погрому в течение четырех суток ногайские улусы, находившиеся между р. Кубой и городом Азовом. «Татар побивали и забирали в полон, – пишет А.А. Новосельский, – русский полон освобожд-

дали, имущество, которое не могли забрать с собой, предавали огню». 27 августа на р. Челбаше отходившие войска кн. П.Ф. Волконского отразили нападение преследовавших их малых ногаев [14, с. 219].

В феврале 1646 г. стольнику С.Р. Пожарскому царским указом было велено выступить в поход с «государевыми ратными людьми» (астраханцами, терцами, царицынцами, черноряцами) «с русскими и с иноземцы, с князи и мурзы и с татары под Крым и на ногайских на урмаметевы и на уракмаметевы улусы, которые послушны крымскому царю, войною» за то, что в декабре 1645 г. приходили они «по крымского царя велению» и «повоевали рыльские и курские уезды» [20, л. 1]. Из Астрахани в поход на Крым выступило 1700 русских, включая 700 астраханских конных стрельцов, и 2350 тюркских воинов.

В ходе похода низовая рать совместно с донскими казаками погромила ногайские и азовские улусы в бассейне реки Ея, захватив богатую добычу. Затем уже силам С.Р. Пожарского пришлось выдержать ответное нападение превосходящего вражеского войска, состоящего из 7,5 тысяч крымских татар и ногайцев. Передовые части русского войска сошлись «на степи от реки Дону верстах в трех и учинили с крымским царевичем бой и бились жестоким свальным боем, и на бою друг у друга луки из рук вырывали, и было у них бою часа с четыре». В ходе него князь С.Р. Пожарский был ранен стрелою в правую руку, получили ранения стрелецкий голова А. Хрущев и джетисанский мурза Алей Урусов [20, л. 227-230]. Постепенно в бой втягивались новые силы. «Да к ним де на бой подоспели из-за Дону от наряду с станов достальные все государевы астраханские ратные русские люди и татаровя конные и учили с крымскими ратными людьми битца», – рассказывал в Астраханской приказной избе Салтанаш-мурза Аксак-Кельмаметев [20, л. 230]. Сражение закончилось разгромом крымско-ногайских войск. Однако в дальнейшем в стане низовой рати наступил раскол, часть тюркских подданных самовольно покинула стан русских войск и вернулась в Астрахань. За этот поступок, вызванный достаточно вескими причинами, ушедшие из войска С.Р. Пожарского были наказаны (провинившимся понизили оклады годового жалованья).

В 1651–1653 гг. астраханские стрельцы и юртовские татары были мобилизованы местными властями для защиты русских крепостей на Северном Кавказе в период конфликта с Персией. В разгар борьбы за Сунженский острог в конце зимы 1653 г. астраханские воеводы направили на Терек стрелецкий приказ во главе с головой Г. Жедринским, а также юртовских мурз и татар. В середине марта из Астрахани выступили на Терек дополнительные силы под началом письменного головы И.П. Долгова-Сабурова. Наряду с конными и пешими стрельцами в отряд вошли дворяне и дети боярские из Астрахани и других поволжских городов, а также 1500 астраханских татар со своими мурзами и табунными головами. Им приказали помочь защитникам Сунженского острога, однако, отстоять его русским силам не удалось. Острог

на Сунже был разрушен, но его защитники смогли пробиться в Терскую крепость. Опасаясь новой эскалации конфликта, астраханские воеводы сообщали в Москву, что «твоими государевыми астраханскими служивыми людьми Терскому городу больша того помочи учинить неким» [11, с. 317]. Но новых нападений со стороны Персии не последовало.

В середине XVII в. произошло историческое воссоединение Украины с Россией, что обусловило новую русско-польскую войну (1654–1667 гг.). С ее началом в 1654 г. из Астрахани в распоряжение царских воевод в Псков прибыл астраханский отряд, насчитывавший 372 юртовских татарина под началом юртовского мурзы Атманая Байтерекова и табунного головы Курманака Маркашева и несколько десятков астраханских стрельцов. Тюркские жители Нижнего Поволжья участвовали в 1654 г. в боях за Смоленск в составе полков Центральной русской армии, находившейся под командованием царя Алексея Михайловича, а также воевали на территории Белоруссии в составе полка С.Л. Стрешнева, входившего в состав Северо-западной армии В.П. Шереметева. При этом часть астраханских татар из Центральной русской армии под началом стряпчего М.П. Воейкова приняла участие в миссии по склонению жителей Могилева к добровольному присоединению к России [28, с. 152-157]. В царской грамоте, направленной астраханским воеводам 9 ноября 1654 г., была дана высокая оценка роли юртовских татар в военных действиях под Смоленском. В ней отмечалось, что юртовские татары «будучи на твоей Государеве службе... с Польскими и с Литовскими людьми бились, и полон многой, лошадей и животину и всякую рухлядь поимали» [3, с. 236].

В 1675 г. низовая рать участвовала в Крымском походе под командой князя К.М. Черкасского. Сборным пунктом для войска был назначен город Царицын. Князь К.М. Черкасский лично производил отбор воинов. В итоге в поход выступило 540 человек (астраханцев, саратовцев, уфимцев и терчан), включая 188 астраханских стрельцов, 40 гребенских казаков и других служилых людей, среди которых были 20 джетисанских и юртовских мурз, табунных голов и сотников вместе со 107 татарами. Вместе с низовой ратью в походе на Крым участвовали калмыки и запорожские казаки. В то время как запорожцы и калмыки участвовали в рейде на территорию Крыма 23 сентября 1675 г., основные русские силы ожидали их в лагере во главе с князем К.М. Черкасским вблизи Сиваша. Ответный удар крымские татары нанесли именно на эту часть русского войска. Нападение крымцев было успешно отбито: «тех салтанов и мурз и татар побили мало что не всех и одного из них мурзу Мансурова взяли раненого», – говорилось в донесении в Москву [17, л. 303-305об.].

В 1678 г. в Астрахани был сформирован очередной отряд для похода в Малороссию. В него наряду с «великого государя ратными людьми» вошли 27 мурз и юртовский табунный голова Б. Соломаков вместе со 135 татарами, а также калмыки и горские подданные. Войско насчитывало 3800 человек. Во

главе него с воеводой К. Козловым вновь был поставлен князь К.М. Черкасский. Прибывшее к городу Чигирину подкрепление с Нижнего Поволжья влилось в состав основных русских сил. По свидетельству очевидцев, в ходе наступления на вражеские позиции у отряда князя К.М. Черкасского «бой был великой... и неприятелей били и гоняли, орду и Турков, на пяти верстах, и погнали их на горы». В результате боя 3 августа 1678 г. русским силам удалось овладеть важною Стрельниковою горою, приблизившись к Чигирину. Однако снять осаду с этого города русской армии в ходе кампании 1678 г. не удалось. При отступлении русских сил к Днепру отряд князя К.М. Черкасского разделился: он с тюркскими подданными переправился через реку, а воевода К. Козлов с «астраханскими ратными русскими людьми» остался с основной частью русского войска. Между противниками в течение недели шли позиционные бои, в которых турки понесли большие потери и прекратили преследование русского войска. Подводя итоги боев за Чигирин, гетман И. Самойлович в донесении в Москву отмечал: «А во всех тех боях, отпорах, стравках и побоищах наших воинских, с неприятелями бывших, был нам великою помощью вашего царского пресветлого величества подданной, князь К.М. Черкасской, с мурзами и с людьми своими, с тайшами и с ордами калмыцкими, которые все против неприятелей бусурман, Турков и Татар, стояли с нами мужественно, как им воинская храбрость повелевая, и за то достойно суть похвалы» [29, с. 15-22].

В период Северной войны в составе русских войск под командованием фельдмаршала Б.П. Шереметева воевали 300 астраханских стрельцов и 473 юртовцев (мурз, табунных голов и татар) под началом стрелецкого головы Б. Керейтова. Астраханцы воевали в составе сводного отряда из служилых людей низовых городов, яицких казаков и уфимцев под командой стольника С. Бахметева. В 1701 г. эта низовая рать действовала на территории Прибалтики против небольших шведских отрядов, располагавшихся на мызах. Зимой 1701-1702 гг. низовая рать сражалась со шведами при мызе Эрестфере, где русскими войсками был разгромлен 8-митысячный корпус генерала Шлиппенбаха, в битве с противником при мызе Гуммельсгоф. В мае 1702 г. астраханские юртовские татары в составе войск генерал-майора Н. фон-Вердена участвовали в походе на город Ям (Ямбург).

Зиму 1703-1704 гг. низовые силы провели на станциях – опорных пунктах на границе русских владений в Прибалтике. Фельдмаршал Б.П. Шереметев высоко ценил астраханских служилых людей и просил царя объявить новый набор в армию из Астрахани. «Безмерно их похваляют, – писал он про астраханских стрельцов 29 сентября 1703 г. Петру I, – конны и ружье у них огненное...». В 1704 г. в Астрахани был сформирован новый отряд в составе 882 человек, который был отправлен в район военных действий против шведов. Низовые силы участвовали в обороне Санкт-Петербурга летом 1704 г. Зимой 1705 г. Д. Бахметьев с «низовыми конными» силами располагался на станциях на границе в районе Олонца. Ему

было приказано содержать разъезды для охраны русских рубежей, о чем ладожский воевода П.М. Апраксин докладывал государю [24, с. 8-12].

В 1708 г. астраханские стрельцы и юртовские татары были направлены на Северный Кавказ, где вспыхнуло восстание, направленное против российского военно-политического присутствия в регионе. Из Астрахани были отправлены «через море в судах с полковником 1200 человек салдат да с ними ж малолюдства ради татар юртовских 250; да степью по нужде, что русских конных нет, приведчи к шерти [присяге на верность] астраханских же мурз и татар послал что собрать мог, с 400». Этому отряду удалось к концу весны 1708 г. вместе с гарнизоном Терской крепости подавить сопротивление восставших и восстановить российское влияние на Северном Кавказе [30, с. 70-73].

Имеются данные и об участии астраханских юртовских татар в Хивинском походе русских войск под началом князя А. Бековича-Черкасского [32, с. 269].

Таким образом, можно видеть, что в XVII – первой четверти XVIII вв. сложилась устойчивая практика использования низовых сил в составе русской армии. В зависимости от масштаба военной кампании количество служилых людей из Астрахани и других подконтрольных местным воеводам территорий, вызывавшимся на войну, было разным – от нескольких сотен до нескольких тысяч человек. Как правило, астраханские стрельцы и юртовские татары воевали вместе в составе объединенных отрядов, которыми командовали царские воеводы. В качестве вознаграждения за службу участники походов получали жалованье, а тюркские подданные в дополнении к этому право распоряжаться захваченной добычей, включая пленных.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Абдусаламов М.-П.Б. Шамхальство Тарковское в политике России на Кавказе в конце XVI – первой половине XVII в. // ВКГУ, 2014. № 3-1 (59).
2. Аваков П.А. «Азовский поход» 1646 г. // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (VI Токаревские чтения). Ростов-на-Дону, 4–5 мая 2017 г. Материалы Всероссийской научной конференции. Ростов-на-Дону, 2017.
3. Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. Т. 4. СПб., 1842.
4. Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века. (Очерки социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XIX века). Элиста, 2002.
5. Беляев И. О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после его, до преобразований, сделанных Петром Великим. М., 1846.
6. Беляев И.Д. Разрядная книга 7123 года // Временник общества истории и древностей российских. Кн. 1. 1849.

В.Е. Мезенцев (Москва)

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И БОЕВЫХ ПОХОДОВ ДОНСКИХ КАЗАКОВ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

К началу XIX века донское казачество представляло собой довольно грозную боевую силу. К тому времени все население области Войска Донского составляло 400 тыс. человек, из них мужчин было 191 тыс. Среди них казаков – 116 тыс., остальные – крестьяне-переселенцы (в основном украинцы) и калмыки, которые не несли казачьих обязанностей [20, с. 30]. За вычетом малолеток-выростков и отставных ветеранов число взрослых казаков, годных к службе, составляло 44 тыс. человек [20, с. 30]. Поскольку по традиции в состав донского казачьего полка входило, как правило, вместе с офицерами чуть более 500 человек, из указанного общего числа казаков формировалось обычно 80 полков [20, с. 23].

По новому штатному расписанию от 31 августа 1803 г. численный состав донского полка был увеличен до 578 человек: 18 офицеров (1 полковник – командир полка, 5 есаулов – сотенных командиров, 5 сотников – их помощников, 5 хорунжих, 1 квартирмейстр и 1 писарь), 10 унтер-офицеров (урядников или пятидесятников) и 550 простых казаков, включая и десятников (капралов или приказных) [20, с. 37]. Впрочем, новые штаты на практике часто не выдерживались.

Донской казачий полк делился на пять сотен, каждая сотня – на две полусотни (пятидесятни), полусотня – на десятни (десятки). Отряд из нескольких донских полков на войне возглавлялся походным атаманом в чине генерал-майора (а иногда и полковника) [20, с. 15, 46, 237].

Комплектование донских полков до 1792 г. производилось по округам (сыскным начальствам) земли Войска Донского. Округа, находившиеся на верхнем Дону (Донецкий, Хоперский, Усть-Медведицкий), назывались верховыми, а те, что были на нижнем Дону (Донской, Сальский и пр.) – низовыми. Низовые казаки – первопоселенцы на Дону, на территории которых находилась и столица Донского войска г. Черкасск, были более зажиточны и более лояльны русскому правительству, выделяясь антропологически (темноволосые, с сильной примесью турецкой, татарской и черкесской крови) [5, с. 33–34, 45–49, 372–374, 391–394, 426–428, 433, 442].

Верховые казаки, переселившиеся на Дон позднее из южнорусских земель, – в основном бывшие беглые крестьяне и их потомки (преимущественно светловолосые) были довольно бедны, сохраняли бунтарский дух и нередко проявляли неповиновение царским властям, требуя сохранения былых демократических традиций и вольностей Тихого Дона [5, с. 33–34, 83, 87, 92, 372–374, 391–394].

Поэтому после подавления в 1792 г. с помощью низовых казаков очередного восстания казаков верховых (на Хопре) царское правительство, не желая больше иметь неблагонадежные полки, сформированные в верховых округах, приказало при отправке на службу перемешивать верховых казаков с низовыми, так чтобы последних в каждом донском полку было не меньше половины [20, с. 28]. С тех пор каждый донской полк формировался не со станиц определенного округа, а со всех округов Войска Донского.

Это повысило, конечно, политическую благонадежность донских полков, но понизило несколько их боеспособность, так как был ослаблен принцип землячества. Если прежде полк формировался из донцов нескольких соседних станиц, а иногда даже одной большой станицы, то теперь он составлялся из казаков нескольких десятков станиц со всех округов Войска Донского, и эти казаки совершенно не знали друг друга до службы [20, с. 28].

Из оружия любой донец имел обычно при себе пику («дротик»), шашку либо саблю, лук со стрелами или ружье, поясной нож, аркан, а иногда еще и боевой топор и 1–2 пистолета [20, с. 15, 17, 36, 39–40]. Пика была главным отличием и любимым оружием донского казака, что было отражено даже в поговорке: «Казак без пики, что девка без ожерелья». С пики начинали бой при столкновении и ею же, как правило, заканчивали при погоне за бегущим врагом, коля его в поясницу и ниже [24, с. 452].

Казачьи пики были несколько длиннее русских и польских уланских пик (2,85 метра) и позднейших (с 1811 г.) уланских пик французов (2,76 м). Строгую регламентацию донцы не устанавливали, но пик короче 3 метров у них не бывало. Обычно длина донских пик составляла 3–3,65 метра, но иногда она достигала 4,3 и даже 5,5 метра! [1, с. 97; 20, с. 40; 21, с. 157].

Ратовище (древко) пики донцы делали из липы или сосны и насаживали на него на трубке длиной 18 см 3–4-гранный наконечник. Чтобы враг не перерубил деревянное древко клинком (например, при штурме Измаила в 1790 г. турецкие янычары ятаганами обрубали порой казачьи пики), донцы обычно с конца XVIII в. оковывали железом прилегающую к металлическому наконечнику верхнюю часть пики [1, с. 97; 5, с. 169; 28, с. 35].

Впрочем, пересечь древко даже и там, где оно не было оковано железом, с одного удара сабли и тем более шашки было крайне трудно, а попасть второй раз по уже сделанной насечке было практически невозможно. Например, донской казак Степан Полунин из верховской Букановской станицы во время службы на Кавказской линии (1847 г.) отбился пикой от 20-ти налетевших на него конных чеченцев, причем древко пики было надрублено ударами шашек в 17-ти местах, но так и не сломалось! [7, с. 413].

Характерной особенностью донской казачьей пики был наличие «отреза» – двух острых железных лезвий, тянувшихся от наконечника вдоль древка на 70 см в длину. Отрез не позволял врагу схватиться за пику или отвести ее рукой в сторону, а также давал возможность использовать пику не только как колющее (при прямом ударе), но и рубящее оружие (при ударе

боком пики) [20, с. 40]. Кроме того, режущие лезвия отреза разрезали и расширяли колотую рану, нанесенную наконечником, что делало ее вдвойне опасной и часто смертельной, особенно при ранении в живот [8, р. 7].

Наличие отреза позволяло донцам, в отличие от улан, наносить удары пикией в полную силу и нередко пробивать противника насквозь, не боясь, что пика застрянет («завязнет») во вражеском теле. Лезвия отреза разрезали рану достаточно широко, чтобы можно было без особого труда выдернуть пику [20, с. 67–68]. Обычная донская пика весила около 2 кг и была легче уланской, но в гвардейском лейб-казацьем полку, куда отбирали самых высоких и сильных донцов, она была тяжелее, чем у улан, обладая зато повышенной убийной силой. В этом на собственном опыте убедился Фаддей Булгарин, служивший в 1806–1810 гг. в лейб-уланском полку [1, с. 97; 2, с. 232].

Примечательно, что сабли у донцов были, в основном, азиатских образцов (турецкого, татарского, персидского и отчасти среднеазиатского типов), в том числе много трофейных. Но большинство донцов предпочитало шашки кавказского типа, переятые ими у горцев, в основном, у черкесов, Казачья шашка той эпохи в среднем была длиной около 90 см, шириной приблизительно 3 см и весила почти 1 кг [1, с. 96].

Ружей у казаков было тогда очень мало, и даже в 1807 г. Платов сокрушался, что в донских полках ружья имеют лишь 5–6% казаков, причем самых разных калибров и типов [20, с. 39]. Остальные казаки были вооружены луками, которыми владели весьма искусно. Сам Платов был великолепным лучником и удивил в Тильзите самого Наполеона своей меткой стрельбой, подарив затем на память Бонапарту свой лук и стрелы [20, с. 232]. Характерно, что при Аустерлице некоторые французские солдаты были убиты и ранены казачьими стрелами [29, р. 145].

Любопытно, что по описаниям французов в составе русской армии при Аустерлице были калмыки и татары [29, р. 168]. Это вполне могло быть, так как в XVII–XVIII вв. в состав Донского Войска было принято несколько тысяч переселившихся на Дон калмыков и татар, которые жили отдельными станицами, сохраняя свою веру, язык и национальную одежду [5, с. 48, 51–53, 372, 400]. Прежде из них составлялись иногда отдельные донские полки, но после реформы комплектования 1792 года эти малочисленные калмыки и татары стали распределяться по разным донским полкам небольшими вкраплениями, до 30–40 чел. в полку.

Донцы в качестве оружия использовали при необходимости и нагайку, которой они погоняли своих коней, так как шпор у казаков не было. Удар нагайкой (плеткой) по силе равнялся удару тупой саблей [20, с. 36].

Агрессивная политика Наполеона в Центральной Европе и на Балканах, угрожавшая интересам России, вынудила Александра I в 1805 г. взяться за оружие и, как всегда, привлечь к борьбе верных донцов, столь страшных французам ее с суворовских времен.

По договоренности с союзниками – Англией и Австрией царь обязался выставить для войны с Францией не менее 180 тыс. солдат, разделенных на 6 армий и корпусов. В состав 50-тысячной Подольской армии М.И. Кутузова было назначено 6 донских казачьих полков: войсковых старшин П.Х. Кирсанова, Дмитрия Михайловича Киселева 2-го, Тимофея Дмитриевича Грекова 18-го, подполковников Алексея Гавриловича Сысоева 1-го и Василия Егоровича Ханженкова 1-го и полковника Алексея Евдокимовича Грекова 9-го. Последний был походным атаманом всего этого казачьего отряда [20, с. 44–45].

В 40-тысячную Волынскую армию генерала Ф.Ф. Буксгевдена было включено 4 донских казачьих полка (Денисова 14-го, Гордеева 1-го, Мелентьева 3-го и Андрианова 2-го). В состав других армий и корпусов было назначено 28,5 донских полка, но почти все они не успели принять участие в военных действиях [20, с. 44–45, 61–66, 221; 9, с. 534].

Для движения за границу Подольская армия в начале августа 1805 г. была разделена на 6 дивизий («колонн»), в каждую из которых было включено по одному казачьему полку [9, с. 37–38]. Однако 13 (25) августа 1805 г. в день выступления 1-й колонны Подольской армии за границу в пределы Австрии 3 донских казачьих полка (Грекова 9-го, Грекова 18-го и Кирсанова) внезапно были остановлены и получили приказ перейти в состав других русских армий. В итоге в Австрию в составе Подольской армии отправилось всего 3 казачьих полка: Ханженкова (ставшего и походным атаманом), Сысоева и Киселева [20, с. 46, 62].

В конце августа 1805 г. Александр I, вероятно, по просьбе союзной Австрии направил в состав Подольской армии еще один казачий донской полк – подполковника Аркадия Ивановича Исаева 3-го [4, с. 236–239; 20, с. 59, 61]. В боях с французами от Браунау до Кремса включительно весьма успешно участвовали донцы Киселева, действуя в конном строю обычно вместе с гусарами, а в пешем – совместно с егерями [3, с. 24; 4, с. 171, 6, с. 98; 9, с. 154–157; 11, с. 49, 55; 20, с. 50; 22, т. 1, с. 240; 15, д. 1175, л. 1–19; 16, д. 607, л.12 об.; 17, д. 15 л. 7]. В знаменитом Шенграбенском бою в отряде П.И. Багратиона действовало 3 донских полка (Исаева, Сысоева и Ханженкова), но поскольку полк Исаева был еще в начале легендарного боя отрезан от основных сил отряда и отступил другой дорогой, главная слава выпала на долю казаков Сысоева и Ханженкова, которые и получили за Шенграбен георгиевские знамена [16, д. 6, л. 14–15; д. 672, л. 1–2; 20, с. 47–49, 54; 23, с. 353–359].

В полку Сысоева особенно отличился в бою 44-летний есаул Е.А. Попов 19-й, воевавший в конце XVIII века неоднократно с кавказскими горцами и турками и, самое главное, бывший единственным в полку офицером, который участвовал в Итальянском и Альпийском походах Суворова в чине есаула же в составе казачьего полка генерал-майора С.И. Курнакова 1-го. Тогда Ефим Александрович особенно отличился в Альпах при разгроме французов

в Мутгентальской битве, где он был тяжело ранен в левое бедро пулей, которую врачи смогли извлечь только через пять лет [19, д. 3640, л. 3 об.–4].

При Шенграбене сысоевские казаки помогли черниговским драгунам в одной из схваток пленить французского подполковника [16, д. 670, л17, 20; д. 672, л. 106; д. 673, л. 11; 23, с. 365], когда французские пехотные стрелки у деревни Групп перерезали багратионовскому отряду путь отхода, Попов 19-й во главе трех казачьих сотен «с сильным стремлением ударил» на них в конном строю и, несмотря на темноту ночи и неудобную для действий кавалерии местность (кустарники и наполненные водою рвы), «обратил в бегство, очистив дорогу» [19, д. 3640, л. 4]. За свои шенграбенские подвиги донцы Сысоева были щедро награждены: пять офицеров (есаулы Е.А. Попов 19-й и Д.А. Быкадоров и хорунжие И.И. Жиров, Ф.С. Щучкин и Я.П. Мордовин) получили орден св. Анны 3 ст., а сам Сысоев 1-й – орден св. Владимира 4 ст. с бантом. Многие же из рядовых казаков были награждены солдатскими анненскими медалями (знаками отличия ордена св. Анны) [9, с. 172; 20, с. 49].

Отступая к Ольмюцу, кутузовская армия в районе Вишау-Ольшаны соединилась с корпусом Ф.Ф. Буксгевдена, в составе которого было еще 4 донских казачьих полка: полковника П.М. Гордеева 1-го, подполковника П.Г. Денисова 14-го и войсковых старшин Т.А. Малахова 1-го и Ф.Ф. Мелентьева 3-го. Из новоприбывших полк Малахова 1-го вместе с уже воевавшими прежде полками Киселева 2-го, Сысоева 1-го и Ханженкова 1-го приняли участие в бою с французским авангардом под командой знаменитого И. Мюрата у Раусница 8 (20) ноября 1805 г. [19, д. 3309, л. 2 об.; д. 3378, л. 2 об.; 20, с. 55–56, 61].

Особенно отличился в Раусницком бою снова полк Сысоева, взявший в плен 1 обер-офицера, 1 унтер-офицера и 29 рядовых французов. Из них 11 пленных захватил есаул Попов 19-й, посланный с сотней на левый фланг, где совместно с двумя эскадронами Санкт-Петербургских драгун под командой майора И.Ф. Гернгросса атаковал три эскадрона 11-го драгунского полка французов и опрокинул их. Вражеского унтер-офицера схватил урядник Степан Иванович Попов, а французского офицера пленил рядовой казак, имя и фамилию которого установить не удалось, но которому царь велел выдать от своего имени 150 рублей, что составляло 40(!) годовых окладов жалованья рядового казака [4, с. 182; 9, с. 187; 16, д. 670, л. 20; д. 3640, л. 42].

Местные моравские жители, симпатизировавшие русским, с восторгом вспоминали затем, как при Рауснице донцы при поддержке драгун и гусар почти полностью истребили 2 французских конных полка и так напугали врагов, что те всю ночь провели в тревоге, ожидая нового нападения казаков [10, р. 176].

После подхода русской гвардии союзники получили небольшое численное превосходство над армией Наполеона, и по настоянию Александра I перешли в контрнаступление, не дождавшись даже прибытия 12-тысячного

корпуса Эссена 1-го, в состав которого входило еще 3 донских казачьих полка: походного атамана подполковника Д.Р. Андропова, войскового старшины Х.П. Кирсанова и майора И.И. Андрианова 2-го [12, с. 156–158].

На другой день 16/28 ноября 1805 г. у Вишау (Вышкава) произошел бой между авангардами союзников (Багратион) и французов (Мюрат), в котором приняло участие 5 донских казачьих полков: Гордеева 1-го, Исаева 3-го, Киселева 2-го, Малахова 1-го и Сысоева 1-го. При поддержке пехоты русские гусары и казаки опрокинули противника и преследовали вражеских конных егерей, драгун и гусар до Раусница, захватив в плен 24 офицера и около 500 нижних чинов, из которых не менее половины взяли донцы [9, с. 215, 255; 14, д. 3131, л. 1; 16, д. 673, л. 26 об.–27; 20, с. 57; 22, т. 2, с. 13; 27, р. 89].

Наряду с сысоевцами в Вишауском бою особенно отличился донской полк Малахова, в котором есаул М.А. Капылков и сотник Е.Л. Семилетов (оба участники Итальянского и Альпийского походов Суворова) были награждены за искусные действия орденами св. Владимира с бантом. Три других офицера из малаховского полка – сотники Плетнев и Траилин и есаул Коротков получили орден св. Анны 3 ст. за удачную поддержку атаки эскадрона мариупольских гусар под командой полковника князя М.П. Долгорукова [20, с. 57].

В следующие 3 дня донцы, идя впереди наступающей австро-русской армии, часто вступали в стычки с передовыми отрядами неприятеля. Так уроженец Пятиизбянской станицы, хорунжий Д.Ф. Горин из полка Денисова 14-го во главе казачьей партии разбил 17 (25) ноября у Жданца встреченный отряд французских драгун и захватил в плен их командира – капитана Холанта. Его он лично доставил к Александру I, который наградил героя 75-ю рублями [17, д. 3378, л.7].

В неудачном сражении при Аустерлице донцы также сражались героически и часто сходились с противником врукопашную. В полку Сысоева хорунжий Жаров был «в правую щеку ранен саблею», хорунжий Щучкин «в левую щеку от рта по против уха саблей жестоко ранен и на левой руке большой палец отрублен». Еще чаще были ранения огнестрельным оружием: сам Сысоев 1-й и есаул Попов 19-й были контужены: первый – в левую ногу, второй – в голову. Хорунжие Усаче и Акинтьев ранены пулями в левую ногу, а урядник В.И. Мельников – в левую руку [17, д. 3640, л. 2, 4, 10, 14, 16, 18, 48].

В полку Денисова есаул Горин снова отличился. Вырвавшись вперед, он выбил из седла (вероятно ударом пики) вражеского офицера, который, правда, успел саблей легко ранить героя в левое плечо [17, д. 3378, л. 7]. «Сбил верхоконного француза» и урядник Белгородцев Федор Степанович из Каменской станицы, под урядником С.К. Лапиным был убит при атаке конь, а сам полевой командир подполковник П.Г. Денисов 14-й был «жестоко контужен» в левую ногу [17, д. 3378, л. 3, 39, 41].

В полку К.М. Гордеева сотник Ф.М. Телешов и урядник Ф.П. Мордовин были ранены пулями: первый – в левую ногу, а второй – в левую щеку. Урядник же Г.П. Меркулов был ранен в голову и левую руку саблею [17, д. 3309, л. 10, 26, 36].

Интересное ранение хорунжего Щучкина, у которого левая щека была глубоко разрублена ото рта до самого уха. Вероятно, французский кавалерист применил тут особый, «пилящий» удар, который позволял саблей шире и глубже входить в тело, доставляя человеку дополнительные страдания. Этот довольно варварский прием французы переняли от Мамелюков во время Египетского похода [17, д. 3640, л. 10, 14; 21, с. 209].

В Аустерлицкой битве 8 донских казачьих полков потерпели довольно большой урон: 190 чел. убитых и пропавших без вести, из которых только один казак (из полка Киселева) попал в плен. Кроме того гвардейский лейб-казачий полк потерял убитыми 22 чел. и один казак (Абашин) был пленен [9, с. 235; 16, д. 314, л. 587; 20, с. 61; 25, с. 100]. Столь большие потери произошли по вине союзных австрийцев, отступивших преждевременно, и из-за неудачного вмешательства в руководство битвой царя, в результате чего значительная часть левого фланга союзной армии попала в окружение, из которого пробилась с трудом.

Примечательно, что за всю войну 1805 года французам удалось пленить всего двух рядовых казаков (обоих при Аустерлице и обоих тяжело раненных), в то время как донцы в течение этой войны взяли в плен до 2 тыс. французов, в том числе не менее 20 офицеров. Уничтожили же казаки в 1805 году также не меньше 2 тыс. врагов, в то время как сами потеряли убитыми примерно в 10 раз меньше [4, с. 179–181; 9, с. 302–303, 339; 13, с. 309–312; 17, д. 3378. л. 15, 51; 19, с. 184; 20, с. 108, 109, 113, 121–122, 163, 234, 258; 26, с. 112].

Таким образом, несмотря на неудачный в целом исход войны 1805 года, донские казаки в этой кампании вновь подтвердили перед французами свою грозную боевую репутацию, приобретенную ими в 1799 году в Италии и Альпах.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бегунова А.И. Путь через века. М., 1988.
2. Булгарин Фаддей. Воспоминания. М., 2001.
3. Бутовский И.Г. Фельдмаршал князь Кутузов при конце и начале своего боевого поприща. Первая война императора Александра I с Наполеоном I в 1805 году. СПб., 1858.
4. Документы штаба М.И. Кутузова 1805–1806. Вильнюс, 1951.
5. Донские казаки в прошлом и настоящем. Ростов н/Д, 1998.
6. Из истории военной разведки. М., 1991.
7. Краснов П.Н. Картины былого Тихого Дона. СПб., 1909.

8. Краткие заметки и интересные факты о разном. Ч. 1 (О рыцарских копьях) // URL: <http://sword.com.ua/7/>
9. Кутузов М.И. Документы. Т.2. М., 1951.
10. Лейнар Юрий. Воспоминания горожанина Брно // *Bitva u Slavkova a valka roku 1805*. Trebic., 2005.
11. Маслинковский Т.И. Санитарное обеспечение русской армии в войну с французами 1805 г. М., 1954.
12. Мезенцев Е.В. Война России с наполеоновской Францией в 1805 году (действия русской армии в составе 3-й антифранцузской коалиции). М., 2008.
13. Партизан В.А. Прендель и медаль за Лейпцигскую победу // Рихтер В.Г. фон. Собрание трудов по русской военной медалистке и истории. Париж, 1972.
14. Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. Военно-учетный архив. Ф. 2. Оп.1.
15. РГВИА. Ф. 26. Оп.1.
16. РГВИА. Ф. 471. Оп.1
17. РГВИА. Ф. 489. Оп.1.
18. Савельев А.М. Трехсотлетие Войска Донского 1570–1870 г. Очерки из истории донских казаков. СПб., 1870.
19. Сапожников А.И. Войско Донское в наполеоновских войнах: кампании 1805–1807 гг. М., 2008.
20. Соколов О.В. Армия Наполеона. СПб., 1999.
21. Соколов О.В. Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа, 1799–1805 гг. Т. 1–2. М., 2006.
22. Сражение при Шенграбене: отрывок из походного журнала 1805 года // ОЗ, 1823. Ч. 13, март, № 35.
23. Суворов А.В. Документы. Т.1. М., 1949.
24. Хрещатицкий Б.Р. История Лейб-гвардии казачьего его величества полка, 1775–1813–1875–1913. СПб., 1913. Ч. 1.
25. Чуйкевич П.А. Подвиги казаков в Пруссии. СПб., 1810.
26. Amor S. Kutuzov a Napoleon na Morave. Praha, 1971.
27. Duffy Ch. Austerlitz, 1805. L., 1977.
28. Treti koalichi valka 1805 (jeji koreny-jeji pozadi). Trebic, 2004.

С.Г. Воскобойников (Ростов-на-Дону)

УЧАСТИЕ ДОНСКИХ КАЗАКОВ В СРАЖЕНИИ У КАЛИПЕТРИ 23 СЕНТЯБРЯ 1809 Г.

Участие донских казаков в сражении у с. Калипетри 23 сентября 1809 г. является одной из интереснейших страниц военной истории донского казачества. Его описание встречается в работах А.Ф. Ланжерона [4, с. 162-402], А.И. Михайловского-Данилевского [6, с. 147-149], А.Н. Пиво-

варова [7, с. 98-136], А.П. Мастеровой и А.П. Пронштейна [5, с. 71-89], М.П. Астапенко [1, с. 106], в которых авторы дают высокую оценку действий казаков в этом сражении.

Селение Калипетри в 1809 г. располагалось в 5 км от крепости Силистрия (известной в Отечественной истории как Доростол, в связи с героической обороной в 971 г. князя Святослава и его воинов, в настоящее время болгарский г. Силистра). Боевые действия разгорелись здесь во время осады крепости Силистрия осенью 1809 г. русскими войсками под командованием П.И. Багратиона. После победы под Рассеватом 4 сентября 1809 г. главнокомандующий с основными силами направился к Силистрии. 10 сентября он лично провел рекогносцировку. В этот день войсковой старшина В.Д. Иловайский, возглавив добровольцев (охотников) из полка Т.Д. Иловайского, переправился вплавь через один из «рукавов» Дуная, и несмотря на сильный огонь противника, захватил остров. Большинство турок было убито казаками, лишь немногие успели уплыть на лодках. Участник русско-турецкой войны 1806 – 1812 гг. граф А.Ф. Ланжерон отзывался о действиях донцов следующим образом: «Этот удивительный подвиг казаков доказывает, какую пользу приносит войско единственной нации, обладающей им. В самом деле, какую же кавалерию можно было заставить переплыть, таким образом, широкую и быструю реку?» [4, с. 162].

11 сентября казаки М.И. Платова вытеснили турок с возвышенности, из садов и виноградников у Силистрии. Отправленный им в помощь, 7^й егерский полк подошел лишь к концу операции, когда основное сопротивление было сломлено и противник скрылся за укреплениями крепости.

Осада не могла быть плотной, т.к. рельеф и нехватка войск не позволяли контролировать все пространство вокруг Силистрии. Поэтому П.И. Багратион расположил войска в стратегически важных местах. Самое опасное направление главнокомандующий доверил охранять казакам донского атамана М.И. Платова. Они находились в селении Калипетри по дороге на Разград. Матвей Иванович отправил разъезды казаков для контроля пространства до Туртукая, т.е. вдоль Дуная по дороге на Рушук. Таким образом, казаки стояли на всех дорогах и тропах, по которым могли подойти подкрепления к Силистрии. Этот город был мощной крепостью. Комендант Илик-Оглу располагал 130 орудиями и гарнизоном численностью в 11 тыс. чел. [6, с. 147]. 12 сентября турки сделали вылазку, которая была отбита казаками Атаманского полка под руководством С.Ф. Балабина [2, с. 137]. 14 сентября вновь отличилась группа донских казаков – охотников (добровольцев). Ночью на лодках они бесшумно прошли мимо крепости и высадились выше нее, по течению Дуная. Благодаря их действиям, в этом районе, доставка в Силистрию из Рушука всего необходимого была прекращена [1, с. 106].

Русская артиллерия усилила обстрел крепости, который причинял большие разрушения. Турки ответили вылазкой. 18 сентября около одной тысячи вражеских всадников вышли из Силистрии и двинулись по Турту-

кайской дороге. Донские казаки были начеку. Граф П.А. Строганов приказал полкам: генерал-майора Д.Е. Кутейникова, полковника О.В. Иловайского, подполковника В.И. Ефремова и Атаманскому С.Ф. Балабина – атаковать неприятеля. Казаки опрокинули противника и преследовали до стен крепости. Турки потеряли около 50 чел. [4, с. 402].

Великий визирь Юсуф-паша, имея около 50 тыс. чел., что почти втрое превышало силы П.И. Багратиона (на правом берегу Дуная), не осмеливался на решительные действия. Турки ограничивались лишь ударами по отдельным частям русской армии. При этом обязательным условием был их численный перевес [2, с. 139].

23 сентября Пегливан-паша и Махмуд-Тиран с отрядом численностью 3.700 чел. направились к лагерю М.И. Платова у селения Калипетри, чтобы провести рекогносцировку. Передовые казачьи посты своевременно сообщили о появлении противника. М.И. Платов вывел навстречу туркам свои войска. В авангарде шли казачьи полки: генерал-майоров Д.Е. Кутейникова, А.К. Денисова, Н.В. Иловайского, Атаманский подполковника С.Ф. Балабина, подполковника В.И. Ефремова и майора Ф.А. Барабанщикова [8, л. 247.]. Во второй линии наступали Чугуевские уланы и Дерптские драгуны под командованием генерал-майоров Г.И. Лисаневича и графа П.П. Палена. В третьей линии шли 4 батальона егерей генерал-майора князя В.С. Трубецкого. Рота донской конной артиллерии полковника А.А. Карпова двигалась позади кавалерии [6, с. 149].

Донской атаман сблизился с противником и атаковал его казачьими полками при поддержке улан и драгун. Неприятель не выдержал удара и бежал три версты. Здесь Пегливану удалось остановить своих беглецов и закрепиться с ними на возвышенности, кроме того, турки получили подкрепление из Туртукая. Но М.И. Платов возобновил атаку, в которой казачьи полки Д.Е. Кутейникова и В.И. Ефремова нанесли удар во фланг и тыл турок. К этому времени В.И. Ефремов был уже убит. Остальные казачьи полки совместно с уланами и драгунами громили противника с фронта. Турки вновь были опрокинуты и бежали. Русская пехота просто не успела принять участие в бою. Казаки и регулярная кавалерия преследовали врага на протяжении 15 верст. Только убитыми враг потерял около 1 тыс. чел. В плен сдались 108 чел., из них 38 офицеров, в том числе двух – бунчужный паша Махмуд-Тиран, получивший ранение. Русские потеряли убитыми более 50 чел. и среди них подполковника В.И. Ефремова, которого А.Ф. Ланжерон называет: «... умным и храбрым человеком» [4, с. 406].

П.И. Багратион поставил победу при Калипетри в один ряд с Рассеватом и Измаилом [3, с. 83]. Казаки получили заслуженные награды: Орден Святого Владимира IV степени – подполковник С.Ф. Балабин и сотник А.А. Кутейников [9, л. 2]; в подполковники были произведены Ф.А. Барабанщиков и М.Г. Власов; Монаршего благоволения – удостоены есаул М.В. Пантелеев, сотники И.К. Греков, П.Д. Ржев и М.Ф. Поброднов,

Знаком Отличия Военного Ордена были награждены урядники А.И. Егоров, И.З. Кононов и казак Е.А. Текутов [10, лл. 10-12]; особенно отличились урядники М.И. Колобродов и П.В. Семенцов [7, с. 98].

Сражение у с. Калипетри завершилось победой русской армии благодаря решительным и быстрым действиям кавалерии под умелым командованием М.И. Платова. Пехота просто не успевала за стремительно атакующими противника казаками при поддержке улан и драгун. Сформированный М.И. Платовым корпус, костяк которого составляли донские казачьи полки, в очередной раз продемонстрировал свою высокую эффективность.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Астапенко М.П. Атаман Платов. Ростов н/Д., 2003.
2. Воскобойников С.Г. Участие донских казаков в русско-турецкой войне 1806–1812 гг.: диссертация канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2006.
3. Генерал Багратион. Сборник документов и материалов. М., 1945.
4. Ланжерон А.Ф. Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // РС, 1908, Т. 135, кн. 8.
5. Мастерова А.П., Пронштейн А.П. П.И. Багратион и донское казачество в период русско-турецкой войны 1806 – 1812 гг. // Сборник. Из истории Дона (XVIII – XIX вв.). Вып. 1. Ростов н/Д., 1956.
6. Михайловский-Данилевский А.И. Описание Турецкой войны, с 1806 до 1812 года. // Полн. собр. соч. Т. III. СПб., 1849.
7. Пивоваров А.Н. Донские казаки. Новочеркасск, 1892.
8. Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 2887.
9. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3510.
10. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3516.

А.В. Захаревич (Ростов-на-Дону)

ПОХОДНЫЙ АТАМАН ДОНСКИХ ПОЛКОВ В ГРУЗИИ В 1806–1811 ГОДАХ ПОЛКОВНИК ПЕТР ТИМОФЕЕВИЧ ДЕНИСОВ 9-Й

Предлагаемый материал посвящен изложению событий, связанных с жизнью и служебной деятельностью шестого походного атамана на Кавказе, выявленного за период 1801–1816 гг. Предыдущие пять: генерал-майор Н.П. Кульбаков (1799–1802 гг.), полковник И.И. Кошкин 1-й (1802–1804 гг.), подполковник П.П. Попов 3-й (участок Военно-Грузинской дороги, 1803–1805 гг.), полковник В.А. Быхалов 1-й (1804–1809 гг.) и полковник Г.В. Греков 8-й (1809–1810 гг.) руководили

донцами на Кавказской линии. Их жизнь и служба уже были достаточно освещены, а вот судьба походного атамана в Закавказье в указанный период обозначается впервые.

Нельзя сказать, что о Петре Тимофеевиче Денисове 9-м отечественная историография не упоминала. Первым, кто это сделал, был Л.М. Савелов, «отец русской генеалогии». Но это буквально несколько абзацев, да и то на разных страницах его книги [8, с. 25, 33–35]. Мало того, о службе на Кавказе в 1806–1811 гг., а тем более о должности походного атамана у Леонида Михайловича не содержится никаких сведений.

Второй – это современный знаток донской генеалогии, москвич С.В. Корягин. Для информации о службе П.Т. Денисова 9-го он использует его послужной список за 1800 г. из фондов РГВИА, где естественно не сообщается о дальнейшей службе, а затем замыкает свой текст данными Л.М. Савелова [7, с. 30-31].

Третий – ныне покойный московский исследователь С.Е. Калинин, который, наконец, сообщил о боевых действиях полка Денисова 9-го в Закавказье в 1806-1811 гг., но так и не указал, что П.Т. Денисов был в этом регионе походным атаманом [6, с. 80].

Иногда нашего героя поминает в своих статьях А.И. Сапожников, но это фрагментарно и касается не боевой его службы, а возведению рода Денисовых в дворянство. Это, пожалуй, и вся историография вопроса. Имея данные послужного списка П.Т. Денисова за 1810 г., а также все зафиксированное предшественниками, попытаемся составить более полную биографическую справку о Петре Тимофеевиче.

Родился он в 1767 г. в ст. Пятиизбянской в семье полковника (затем генерал-майора) Тимофея Петровича и был родным старшим братом генерал-майора (1799 г.) Василия Тимофеевича, бывшего младшим в семье, и менее известного среднего брата, полковника Ивана Тимофеевича [8, с. 25]. Наш герой умел по-русски читать и писать и был по войсковым меркам хозяином «средней руки»: по 5-й ревизии по Войску Донскому за ним числилось 38 душ зависимых крестьян [3, л. 8 об.]. Женат был на штаб-офицерской дочери Прасковье Григорьевне и имел от нее 2-х сыновей: Владимира 10 лет и Ивана 6-ти и дочь 14 лет (на 1810 г.) [3, л. 15]. Все это можно воспринять за истину, но Л.М. Савелов пишет, что Дарья Петровна (старшая дочь, которой по документу 14 лет. – **А.З.**) родилась в 1817 г. [8, с. 34]. Это – ошибка корректуры набора книги, т.к. если посмотрим послужной список за 1800 г., приводимый С.В. Корягиным, то там указана дочь 5 лет [7, с. 31]. Никаких мальчиков еще нет!!! Получается, что родилась она где-то в 1795 г.

Эта истина порождает еще один вопрос, ибо и по послужному списку 1810 г., и по С.В. Корягину выходит, что в 1792–1797 гг. П.Т. Денисов командовал полком, находясь на польской границе по реке Синюхе [3, л. 8 об.- 15; 7, с. 30]. Получается чуть ли не снохачество Тимофея Петровича с Прасковьей Григорьевной??? Вещь достаточно возможная, т.к. отец нашего

героя, по данным сайта «RUSGENERAL», умирает в 1799 г., в возрасте 49 лет. Снохачество на верху Дона в те времена не считалось грехом и сын, вернувшись со службы, мог получившегося ребенка признать своим... Еще вопрос: когда же он женился, ибо по документам служба с 1782 по 1800 г. была непрерывной?! Только после этого, исключая Индийский поход 1801 г., в котором от тоже участвовал, у него до 1806 г. образовался промежуток, когда он состоял при Войске и появились на свет два его упомянутых сына. Но вопрос о дате свадьбы с первой женой пока не закрыт!

В службу он вступает казаком 1 мая 1782 г. в полк тогда еще полковника (впоследствии генерала от кавалерии) Василия Орлова, где служит по 1784 г., находясь на Кавказе. В апреле, мае и октябре 1783 г. сражается с горцами за Кубанью и Лабой. За отличие в боях 28 августа 1783 г. был произведен в сотники [3, л. 8 об. – 15; 7, с. 30]. С 20 мая 1785 г. переведен служить в полку генерал-майора Ф.П. Денисова, находившемся в Таврической губернии, где находился по 1788 г. 15 октября 1785 г. был произведен в есаулы [3, л. 8 об.]. С.В. Корягин делает его таковым за тем же числом, но в 1784 г. [7, с. 30]. В 1786 г. из состава полка был отряжен на Кубань, где во главе отдельных команд содержал по ее берегу посты. За отличие в этой службе 20 декабря 1786 г. был произведен в поручики (армейский чин, дававший права на дворянство – А.З.) [3, л. 8 об. – 15].

Из полка Денисова Петр Тимофеевич был переведен волонтером в Екатеринославское казачье войско и с 10 октября 1788 г. под командованием М.И. Платова участвует в войне с Турцией: 6 декабря во взятии штурмом Очакова, за что был награжден Золотым Знаком (Очаковским Крестом – А.З.) с выдачей открытого листа на преимущества по получению ордена Св. Георгия. Также 8 декабря был произведен в капитаны [3, л. 8 об.–15; 7, с. 30]. Непонятно почему, но С.В. Корягин штурм Очакова помечает 3 сентября 1789 г. [7, с. 30].

Далее Петр Тимофеевич участвует 30 сентября 1789 г. в бою у р. Ларги, где был тяжело ранен пулей в правую ногу ниже колена. После госпиталя, с 1 ноября 1789 г. он служит в отряде, которым командует тогда еще генерал-майор М.И. Кутузов. 6 февраля 1790 г. он был произведен в «донские полковники» [3, л. 8 об.], т.е., очевидно, не армейские, а по старинке, в «казачьи», со всеми выходящими отсюда последствиями. Но ему, с этого времени был вверен казачий полк, под его собственным командованием!

Находясь в составе отряда М.И. Кутузова, стоявшего под Измаилом, он участвует в стычках с турками под его стенами 2-го, 10-го, 20-го и 26 сентября, 10 октября, 21, 27 и 28 ноября, а 11 декабря 1790 г. – в знаменитом штурме и при овладении бастионом, которое описано во всех биографиях М.И. Кутузова, был ранен в левую ногу выше колена, в правый бок на вылет пулями и контужен ядром в спину [3, л. 8 об. – 15; 7, с. 30]. За все эти отличия был награжден Золотой медалью?! [3, л. 8 об. – 15].

Продолжая служить в отряде М.И. Кутузова с 1791 по 1792 гг., он 20 марта 1781 г., уже за Дунаем, участвует в сражениях под Мачином, 4 июня под Бабадагом и 28 июня в генеральном сражении под Мачином, где был ранен пулей в левый бок, но оставался в строю до конца битвы. За проявленную доблесть тогда же был произведен в премьер-майоры [3, л. 8 об.-15; 7, с. 30].

И вот здесь-то и наступает та пора (1792–1797 гг.), когда на свет появляется Дарья Петровна! Судите сами: он находился на р. Синюхе все это время, безвылазно. Если кого и отпускали на Дон, то только тех, кто был непосредственно в боях с поляками, а он стерег государственную границу, не имея права покинуть вверенную ему дистанцию... 4 ноября 1797 г. Петр Тимофеевич был произведен в подполковники [3, л. 8 об.].

С 15 мая 1798 г. под командованием генерал-майора Леонова, с верным полком, он участвует в походе 22-х донских полков до г. Пинска. Находясь уже в Пинске, 12 ноября Петр Тимофеевич был произведен в полковники [3, л. 8 об.]. В Белоруссии он находился до конца лета 1800 г. Затем наш герой во главе своего полка под командою генерал-майора Боккова участвует в Оренбургском (Индийском) походе, а после возвращения, до 1806 г. находился на «льготе» и состоял при Войске.

А в 1806 г. наступает время Петру Тимофеевичу выступить на очередную службу, причем, как выясняется, и не сразу в Грузию, как было намечено при выступлении с Дона. Еще Н.Ф. Дубровин, описывая Дагестанскую экспедицию 1806 г. под командованием Г.И. Глазенапа, в общем списке войск, участвовавших в ней (3000 чел. и 10 орудий), среди входящей в них конницы упоминает и 259 казаков Моздокского полка, и 137 Хоперского, и 157 Волгского, и 102 Кубанского казачьих полков, а также 128 Гребенского, 81 Терско-семейного, 32 Терско-кизлярского и 21 казака из Моздокской команды [5, с. 61-62], но не помянул и словом донцов! На самом деле они там были, что выясняется из дела ГАРО под названием «Рапорта, ведомости и отчеты о состоянии Войска Донского за 1806 год.» [1]. В ведомости «Подробное показание, где именно в раскомандирании состоя Войска Донского казачьи полки находились» обозначено: «Пять полков, выкомандированных под команду господина генерал-лейтенанта и кавалера Глазенапа: Денисова 9-го, Нечаева, Ильина, Петрова и Богачева...» [1, л. 6]. В силу этого можно заявить, что казаки, посчитанные Н.Ф. Дубровиным, относились к началу операции, когда «сосредоточенный у Кизляра отряд, переправившись 2 мая через оба Терека, старый и новый, остановился у Додручкова поста, где и простоял до июня месяца без всякой деятельности» [5, с. 62]. Пока Г.И. Глазенап стоял на месте, очевидно, к нему и подошли двигающиеся с Дона свежие пять донских полков, которые затем и приняли участие в общем «триумфальном шествии» отряда [4, с. 129], выразившемся в том, что 22 июня без боя был взят Дербент, затем Баку, но уже под командованием генерала от инфантерии С.А. Булгакова.

И если пехота, линейцы и терцы после окончания экспедиции вернулись на места своей постоянной дислокации, то донцы остались в составе гарнизонов в центрах вновь присоединенных территорий или же заняли свои места по границам Грузии. В данной статье мы прослеживаем из пяти обозначенных полков только полк Денисова 9-го. Наш герой об этом пишет: «С полком походным атаманом в Грузию под команду генерал-фельдмаршала графа Гудовича с 806 июня 15-го» [3, л. 8 об.]. Почему-то об этих событиях в его жизни не посчитали нужным сообщить ни Л.М. Савелов, ни С.В. Корягин, а они составляют русского оружия в ходе войн с Персией и Турцией, протекавших в это время.

По прибытии в Грузию, полк Денисова 9-го дислоцировался по берегу Арпачая [2, л. 3 об.], прикрывая ее границы со стороны Турции. Это была основная задача полка до осени 1808 г. Боями с лезгинами и дагестанцами занимались другие полки, входящие в подчинение П.Т. Денисову. Им будут посвящены отдельные статьи, а сейчас сосредоточим внимание на полку походного атамана, т.к. общее руководство исходило из него.

С 17 апреля по 24 сентября 1807 г. казаки полка Денисова 9-го участвуют в боях против турок в районе крепости Ахалкалаки. Наиболее крупные схватки в этот период: 5 мая был отброшен от Ахалкалак отряд турецкой конницы, а 9 мая – неудавшийся штурм Ахалкалаки; 11 мая полк сражается с турецкой конницей у моста Горишпорта, а по переходе в Карский пашалык Турции, 18 июня – в сражении у села Дигнис на Арпачае, где были разгромлены турецкие войска под предводительством Арзерумского сераскира Юсуф-паши. За отличие в этой битве П.Т. Денисов 9-й был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени [3, л. 8 об.-15].

С 26 сентября по 11 декабря 1808 г. в составе отряда генерала графа И.В. Гудовича Петр Тимофеевич с полком участвует в Эриванской экспедиции против персидских войск: 29 сентября сражается при Эчмиадзинском монастыре, 17 ноября при штурме крепости Эривань, окончившемся неудачей. 20 ноября, руководя ночными казачьими пикетами в охранной цепи лагеря, отразил нападение неприятеля, взяв в плен 3-х человек [3, л. 8 об.-15].

Не очень понятно, что означает фраза из послужного списка: «1809 года мая с 10 декабря по 9-е в походе по Грузии для недопущения неприятеля в наши пределы» [3, л. 8 об. – 15], но на ней наши данные о дальнейшей службе П.Т. Денисова в Грузии исчерпываются, т.к. это последние строки документа.

Командовал своим полком и был походным атаманом в Грузии Петр Тимофеевич до 14 декабря 1811 г., когда был отправлен в отставку с одновременно производством в генерал-майоры [6, с. 80; 86 с. 25]. В чем тут дело, сказать трудно, т.к. ему было в это время только 44 года и он был жив и здоров. С ним расстались гораздо лучше, чем с последним походным атаманом на Кавказской линии, полковником Г.В. Грековым 8-м, который сам ездил с Линии в Военное министерство выбивать себе отставку, одолевает

мый «подкопами» под него его соперником в ношении родового служебного номера «8-го», будущим героем Отечественной войны 1812 г., тогда еще тоже полковником, П.М. Грековым. После долгих мытарств с этой проблемой Г.В. Греков 8-й добился своего в марте 1810 г., но так покинул пост походного атамана на Кавказской линии, что о нем надолго забыли и в Войске Донском, и в отечественной историографии! П.Т. Денисов ушел гораздо лучше, был даже за все свои заслуги на Кавказе произведен в генерал-майоры, но тоже для историографии как-то забылся...

Все что мы знаем о нем после ухода в отставку – это те крупницы, которые запечатлел в своем труде Л.М. Савелов. Они следующие: оказавшись на Дону в грозную пору 1812 г. он становится начальником Хоперского сыскального начальства и энергично на этой должности формирует ополченческий полк [8, с. 25]. После окончания войны происходят перемены и в его семье. Развелся он или Прасковья Григорьевна умерла, но у него появляется новая жена, Татьяна Ивановна Кошкина. Время заключения брака установить пока не удалось, но брак был счастлив. Появляются сыновья: Петр (1822 г.), Дмитрий (1823 г.), Василий (1827 г.) и дочь Таисия (1825 г.) [8, с. 34-35]. Причем последнего сына, Василия, наш герой родил уже в 60 лет от роду. Что было потом и когда и где он нашел свое «окончательное успокоение», по документам пока установить не удалось.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 341. Оп. 1. Д. 358
2. ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 395
3. ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 504
4. Гапуров Ш.А., Абдурахманов Д.Б., Израйилов А.М. Дагестан в кавказской политике России в первой четверти XIX века. Нальчик, 2008
5. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. V. СПб., 1887
6. Калинин С.Е. Донское казачье войско в 1812-1814 гг. На правах рукописи. М., 2010.
7. Корягин С.В. Генеалогия и семейная история Донского казачества. Вып. 20: Денисовы и другие. М., 2001
8. Савелов Л.М. Донские дворянские роды. Вып. 1. М., 1902.

А.В. Венков (Ростов-на-Дону)

КОННЫЕ АТАКИ 6-Й ДОНСКОЙ ДИВИЗИИ В 1916 ГОДУ

Особенностью менталитета общества времен кризисных и предкризисных зачастую становится некое любование фактами бессмысленной, но красивой смерти. Такие образы стали появляться в европейской литературе в XIX веке, и первым, на наш взгляд стало произведение А. Теннисона «Атака легкой бригады», посвященное атаке английской кавалерии под Балаклавой в 1854 году во время Крымской войны.

Две мили, две мили
До русских высот,
Долиною смерти
Скакали шестьсот...

Такая же красивая, но трагически закончившаяся атака шотландской кавалерии показана в фильме С. Бондарчука «Ватерлоо».

Подобные приемы стали также визитной карточкой Первой мировой войны. Достаточно вспомнить роман «Тихий Дон», где описана «блестящая бесславием атака» русской кавалерии под вымышленным Шевелем, в основу которой положена победоносная атака русской кавалерии в 1916 году под местечком Язловец [3, с. 343]. Историки Первой мировой войны зачастую грешили тем же. А.А. Керсновский, историк-эмигрант, описывая бои лета 1916 года, отметил, что 17 июня на фронте 7-й армии под Олешвой были брошены в атаку в конном строю казаки 6-й Донской дивизии. «Геройская дивизия была расстреляна», – писал А.Керсновский [5, с. 59]. И позже, подводя итоги боевой работы частей русской армии в Первую мировую войну, о 6-й Донской дивизии он написал: «в Брусилловское наступление сражалась храбро, но не всегда успешно» [5, с. 226]. В основу данного утверждения, видимо, легла фраза из своеобразного календаря «Конные атаки российской императорской кавалерии в Первую мировую войну», составленного Ив. Рубцом и недавно переизданного в сборнике «Гроза 1914. Великая война в воспоминаниях очевидцев»: «17 июня – 6-я Донская казачья дивизия атакует под дер. Олешвой, для спасения своих частей. Геройская дивизия почти вся погибла» [4, с. 36].

Насколько вероятно такое событие в контексте героического и победоносного Брусилловского прорыва? Насколько частым было такое событие, как атака в конном строю целой конной дивизии? Ходили ли казаки в такие атаки?

Действительно, в 1912 г. вся регулярная кавалерия русской армии стала обучаться по прежним казачьим методам и приемам. Кавалеристов

обучали атаковать по-казацки, лавой. Но добиться «сработанности», какую имели казацки полки, не удалось.

Было некое препятствие психологического плана. По мнению А.И. Деникина, «как в пехоте «чувство локтя», так и в коннице «чувство стремени», понимаемое не в смысле моральной близости и поддержки, а в буквальном, приводило к предпочтению «ящиков» разомкнутым строям. Боем в спешенном строю и стрельбою пренебрегали. Не скоро совершился переход к полевому галопу, к втягиванию конского состава, к полю, к новым разреженным строям» [9, с. 20].

Как писал бывший военный министр В.А. Сухомлинов: «...За казаками признавалась способность к самостоятельному действию одиночных всадников и ценился их навык к разведке, распознаванию следов... В то же время считали, что казацки сотни не имеют той ударной силы, которая свойственна сомкнутым, стройным эскадронам регулярной кавалерии». С этим расчетом в русской армии были созданы кавалерийские дивизии с 4-м казацким полком. Регулярные кавалеристы должны были научиться у казаков, «усовершенствуются в сторожевой, разведывательной службе, партизанских действиях и вообще предприятиях так называемой малой войны».

С другой стороны, ожидалось, что казаки приобретут навык к сомкнутым атакам, развивая для этого надлежашую силу удара, необходимую при встрече стройных неприятельских атак» [11, с. 128-129].

При всех попытках унификации казаки все равно отличались от регулярной кавалерии более высокой «проходимостью» и способностью действовать самостоятельно. Именно это отличало казаков в ходе рейдов времен Первой мировой войны.

Непреодолим оказался боевой опыт казаков и кавалеристов, сложившийся в течение столетий. Генерал И.Т. Беляев так прокомментировал жалобу П.Н. Врангеля, что казаки не поддержали его в атаке: «Каждое оружие годится для присущего ему употребления. Казаки не пошли бы за ним в лоб на батарею, как его эскадрон под Каушеном. После двух-трех подобных атак кавалерийский полк уже сходит со сцены, а казаки призывали воевать без смены, долгие годы».

Нельзя требовать одинаковой стойкости от казака, кавалериста и пехотинца» [2, с. 390].

Сохранились сведения, как готовили подчиненные им кавалерийские части к предстоящей войне лучшие русские кавалерийские начальники.

Великий князь Николай Николаевич пытался на усовершенствование вооружений ответить совершенствованием конницы как подвижного рода войск. «На новую тактику пехоты ответить новой тактикой конницы. Если совершенствовалось оружие пехоты - надо совершенствовать оружие конницы. Новому оружию противопоставить новую лошадь».

На дальность огня ответить дальностью и быстротой атаки.

На силу и меткость огня – редкими строями.

На искусство огня – искусством маневра.

Вот те простые и смелые принципы, что положил Великий Князь в основании воспитания и обучения Высочайше вверенной ему коннице» [7, с. 20].

Для стремительности передвижений был избран единственно возможный аллюр – «полевой галоп: конница должна пожирать пространство». И в атаку Великий князь предполагал бросать конницу с расстояния в 2 километра (в XVIII русская кавалерия в атаку ходила с 500-600 шагов и переходила на полную скорость с 80-100 шагов – «шагах же в 80 или 100 от места, где врубиться должно, приказать шефу трубить фанфар и командовать марш-марш, тогда, подняв шпагу, скакать во всю конскую прыть и напасть возможно сильнее») [1, с. 47].

Практически Николай Николаевич пытался привить кавалерии именно казачьи свойства – сыгранность, стремительность, высокую «проходимость». Система обучения, внедряемая Николаем Николаевичем, давала свои плоды – русская кавалерия умела атаковать в сомкнутом и разомкнутом строю как крупными кавалерийскими соединениями, так и отдельными взводами.

Немецкая кавалерия, готовившаяся к «прошлой войне» и ценившая способность драться в сомкнутом строю, не оценила изменений в боевой подготовке русской конницы. Немецкий документ 1913 гласил: «Боевая пригодность казаков по сравнению с прошлыми временами значительно уменьшилась. Казаки позволяют государству создать дешевую крупную массу конницы, воинские качества которой, однако, отстают от качеств регулярной кавалерии; в особенности казаки малопригодны для боя сомкнутыми соединениями». » [12, с. 14].

Вернемся же непосредственно к боевым действиям 6-й Донской дивизии в 1916 году. В ходе начавшегося весной 1916 года наступления 7-я и 9-я армии генералов Д.Г. Щербачева и П.А. Лечицкого выполняли задачу по овладению рубежом Галич-Станислав.

6-я Донская казачья дивизия под командованием генерал-лейтенанта Пономарева. Действовала на направлении главного удара 7-й армии. Дивизия была сформирована перед наступлением - 6 (19) апреля 1916 г. В состав дивизии входили 7-й Донской казачий Войскового Атамана Денисова полк (кадровый первоочередной полк, попавший на фронт только в 1915 году), 40-й, 49-й и 53-й Донские казачьи полки. Эти полки состояли из казаков третьей очереди. Следует отметить 53-й Донской полк, который был сформирован из лучших офицеров и казаков и изначально предназначался для отправки во Францию. Кроме того, в дивизию входил 7-й Донской артиллерийский дивизион (14-я и 15-я Донские казачьи батареи).

Сильного сопротивления к началу наступления не ожидалось. Один из участков против 7-й армии занимала 36-я австрийская дивизия, состоявшая на 80% из славян [8, с. 392].

Казаки 6-й Донской дивизии в пешем строю участвовали в прорыве неприятельского фронта. Перед наступлением 6 сотен 53-го Донского

казачьего полка, имевшие налицо 355 казаков при 4 пулеметах, сменили в окопах пехоту, разведали подступы к укреплениям противника и разрежали в ряде мест колючую проволоку. 23 мая 1916 г. после 45-часовой артиллерийской подготовки казаки 53-го Донского полка пошли в атаку вместе с другими частями армии [10, с. 186].

После прорыва австрийского фронта, 25 мая 1916 г. 7-й Донской казачий полк в конном строю устремился к переправам через реку Стрыпа и в тылу противника успел захватить 8 мостов. В результате часть неприятельской пехоты оказалась в окружении.

49-й Донской казачий полк, приданный 43-й пехотной дивизии, тоже действовал в пешем строю, наступая на деревни Жиброды и Дулибы.

Таким образом, 7-я русская армия прорвала фронт противника, и с утра 26 мая 1916 г. в прорыв был брошен II конный корпус, включавший в свой состав 6-ю Донскую казачью дивизию и 9-ю кавалерийскую дивизию.

Как видим, казаки и прорывали австрийские позиции в пешем строю, и были посланы в образовавшийся прорыв в качестве конницы.

Австрийцы стали перебрасывать к месту прорыва свою кавалерию, та спешилась и стала окапываться.

6-я Донская казачья дивизия, преследуя отступающего противника, столкнулась с новым готовым к обороне противником. 31 мая 1916 г. части 6-й Донской дивизии преодолели и вели разведку

Командир 53-го Донского полка рапортовал: «1-го июня полк в составе 4 сотен (3, 4, 5 и 6) при 4 пулеметах и 1 сотни 49 полка, переправившись накануне вечером в брод р.Стрыпу и Днестр и подойдя к д.Семянювка, был обстрелян сильным артиллерийским огнем, который продолжался во все время продвижения полка до д. Воронув, занятой противником силою не менее 2-х батальонов. Подойдя в конном строю к д. Воронув под действительным и убийственным ружейным огнем, были спешены сотни 6-я 49 полка и 3 сотни 53 полка под общей командой есаула Кучерова. Благодаря особой энергии и находчивости последнего, ему удалось, выиграв левый фланг противника, решительно двинуться на него в атаку, доведя сотни до штыкового удара, многих австрийцев переколот и оставшихся в живых взял в плен. Взято есаулом Кучеровым 102 человека при офицере. Для дальнейшего развития начатого успеха распоряжением Генерал-Майора Попова (командир 2 бригады) была выдвинута одна сотня 31 полка в конном строю, вслед за ней были также двинуты в атаку в конном строю остальные три сотни того же полка и 5 сотня 53 полка под командой Есаула Безмолитвенного. Получив приказание атаковать правый фланг противника, [есаул Безмолитвенный] с неудержимой силой двинулся с сотней вперед, ворвался в окопы, занятые противником силою не менее роты с пулеметом, оборонявшихся перерубил, захватил действующий пулемет, а обратившихся в бегство взял в плен (2 офицера и 82 нижних чина). Видя, что из д. Чарговец уже подходит поддержка противнику не менее роты, смял его и

остатки обратил в бегство. Конная атака есаула Безмолитвенного блестяще решила общую задачу к д. Воронув. В этом бою контужен войсковой старшина Зазерский, убито 14 казаков, ранено 22, контужено 3 и без вести пропал 1; ранено и убито 19 лошадей. За 1-е июня полком взято: 3 офицера, 184 нижних чина, 1 действующий пулемет, с двумя полными ящиками патронов на выючном приспособлении и лошадь и 2 телефонных аппарата» [6, с.351]. «К несчастью за совершенною усталостью лошадей и переутомлением людей, все время работавших под убийственным артиллерийским огнем и ведших бой то в пешем, то в конном строю, дальнейшее преследование отступающего противника было прекращено. В 17 час. сотни окопались на высотах западнее д. Воронув» [6, с. 355].

После боя казаки 53-го Донского полка стали наступать южнее, «подрезая» австрийский фронт. Всего 1 и 2 июня 1916 г. они взяли в плен 19 офицеров, 617 солдат, захватили 1 пулемет, 1 бомбомет, много винтовок, 150 ручных бомб и другое военное имущество [10, с. 188].

Здесь со 2 по 9 июня 1916 г. казаки 53-го и 49-го полков заняли и удерживали выгодную для будущего наступления позицию, пока их не сменили части 9-й русской армии.

12 июня 1916 г. 6-я Донская казачья дивизия получила новую задачу – вместе с полками 3-й Заамурской дивизии наступать на деревню Исакув. Казакам предстояло атаковать закрепившиеся здесь австро-венгерские войска во фланг и тыл. Казачьи сотни 7-го и 40-го Донских полков начали переправу обратно на правый берег, чтобы выйти к Исакуву с севера. Казаки отбили австрийские контратаки, заняли деревню Пиотрув и взяли в плен до 150 солдат противника.

13-го июня поздно вечером Днестр перешли 49-й и 53-й Донские полки и сменили на занятой позиции казаков 7-го Донского и 40-го полков. На позиции встали 5 сотен 53-го Донского полка и 2 сотни 49-го. Фланговые сотни оставались в конном строю, остальные спешились.

Командир 53-го Донского полка рапортовал: «Такое положение полк занимал до 16 июня, ведя все время разведку. Противник занимал д. Исакув и окопы северо-восточнее деревни по высоте 345; окопы противника были полной профили, хорошо оборудованы и с несколькими рядами проволочных заграждений. Пятнадцатого, для точного выяснения позиции противника, в течение целых суток производилась усиленная разведка. К утру 16 числа выяснилось, что противник постепенно начинает очищать свои окопы с вост. стороны в. 345, а также и д. Исакув, упорно только задерживаясь на самом фланге у Днестра на командующих высотах, где было до 10 пулеметов» [6, с. 356].

Заметив, что противник начал отступление, командование приказало казакам наступать на Исакув и занять окопы противника по высоте 345. Первой двинулась конная сотня 49-го Донского полка, за ней пошли пешие цепи казаков 53-го полка. Наступление развивалось под артилле-

рийским огнем противника, однако потерь было мало (в 53-м Донском полку погибли 3 казака и получили ранения 8). В 11 часов окопы на высоте 345 были заняты, но в некоторых, прилежавших к Днестру, оставались пулеметные расчеты противника. Чтобы окончательно выбить противника с высоты 345, в атаку в конном строю была брошена 4-я сотня 49-го Донского полка. Казаки нарвались на несколько рядов колючей проволоки и откатились назад. «Надо было удивляться героизму этой сотни, шедшей по настойчивому приказанию бригадного командира на верную гибель», – отмечал командир 53-го Донского полка в рапорте [6, с. 356].

Видя неудачную атаку 4-й сотни 49-го Донского полка, командир бригады хотел послать в атаку конную сотню 53-го полка, но эта сотня увязла в бою в деревне Исакув и весь день вела там перестрелку с противником.

К утру 17 июня противник полностью оставил позиции у Исакува. Казаки, преследуя противника, заняли узел дорог в селении Олеша около города Глумач.

19 июня 1916 г. австрийцы перешли в контрнаступление и подошли к позициям донских казаков, охватывая их и тесня на Исакув, там, где течение Днестра образует петлю. Казакам грозило оказаться отрезанными от своих главных сил и быть зажатыми меж берегами Днестра.

Спешившись, 53-й Донской полк, на которого направлялся главный удар, имел в цепи всего 300 стрелков. Тем не менее, командир бригады решил удержать ее за собой деревню Исакув и окопы на высоте 345.

Противник начал обход левого фланга донцов, загоня их в «петлю», образованную Днестром. 7-й Донской артиллерийский дивизион израсходовал свой боезапас и отступление казаков прикрыть не мог. «Между тем 6-я сотня 49 полка и находившаяся с ней рядом наша 5-я сотня завязали уже бой с противником и видно было как противник с неимоверной быстротой начал охватывать фланг 6-й сотни», – рапортовал командир 53-го Донского полка [6, с. 357].

Все же казаки смогли сманеврировать. 1-я сотня 53-го полка с 2-мя пулеметами вышла на фланг противника и ударила продольным огнем по австрийским цепям, это дало возможность спешенным казачьим сотням отойти на новую позицию.

«Когда наша 1-я сотня с пулеметами начала поражать противника, были брошены в атаку в конном строю две сотни 49 полка, которые должны были расстроить противника, но на деле вышло иначе, – рапортовал впоследствии командир 53-го полка: – сотни эти, разомкнувшись, начали волноваться и, не выждав расстройств противника от огня нашей сотни и пулеметов, ринулись в атаку с расстояния не менее 3-х верст на широком аллюре. Результатом, конечно, можно ожидать только неудачу, что в действительности и вышло; противник стойко встретил конную атаку, расстроил сотни ружейным и пулеметным огнем, и сотни, понеся значительные потери, отошли назад» [6, с. 357].

Как видим, прикрывая отход бригады, две сотни 49-го Донского казачьего полка атаковали противника в конном строю с расстояния в три версты, т.е. продемонстрировали то, чему учили русскую кавалерию перед войной.

Пока внимание противника было отвлечено конной атакой, остальные сотни отошли на прежнюю позицию и вскоре были поддержаны подошедшей пехотой. Сменившая казаков пехота закопала 21 июня свыше 350 неприятельских трупов, найденных около высоты, где дралась и обстреливала противника во фланг из пулеметов 1-я сотня 53-го Донского полка [6, с. 357].

Исакув донцам все же пришлось оставить, но они удержали за собой небольшой плацдарм на берегу Днестра у селения Пиотрув [10, с. 190].

22 июня 1916 г. при помощи подошедшей пехоты (2-я Заамурская пехотная дивизия) 6-я Донская казачья дивизия вновь заняла селение. Наступление велось в пешем и конном строю, в бою отличился 7-й Донской казачий полк.

Как видим, описанные две конные атаки – 16 июня на колючую проволоку и 19-го июня на наступающую пехоту противника – в сознании и памяти очевидцев сохранились, как одна атака в один день, 17 июня. «В анналах» запечатлелась гибельная атака всей 6-й Донской дивизии, хотя, как свидетельствуют документы, в конных атаках приняли участие всего три сотни 49-го Донского полка. Таким образом, мы убираем еще один миф о событиях Первой мировой войны.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Байов. Курс истории военного искусства. Вып. У1. Эпоха императора Павла I. СПб. 1910.
2. Беляев И.Т. Где вера и любовь не продаются. Мемуары генерала Беляева. СПб. Питер. 2015.
3. Венков А.В. Тихий Дон: источниковая база и проблема авторства. М, 2010.
4. Гроза 1914. Великая война в воспоминаниях очевидцев. М., 2014.
5. Керсновский А.А. История русской армии. Том 4-й 1915–1917. М, 1994.
6. Корягин С.В. Ермоловы и другие. Генеалогия и семейная история Донского казачества. Вып. 103. М., 2012.
7. Краснов П.Н. Любите Россию. Ростов н/Д., 1999.
8. Нокс А. Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917. М., 2014.
9. Оськин М.В. Крах конного блицкрига. Кавалерия в Первой мировой войне. М., 2009.
10. Рыжкова Н.В. Донские казаки в войнах России начала XX века. Ростов н/Д., 2003.
11. Сухомлинов В.А. Воспоминания. СПб., 2015.
12. Drang nach Osten. Из секретной докладной записки Германского Большого Генерального штаба 1913 год // Родина, 1993, № 8-9.

О.М. Морозова (Ростов-на-Дону)

БЫВШИЕ ФРОНТОВИКИ В ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ САМООПРЕДЕЛЕНИИ 1918-ГО ГОДА¹

Советские историки вслед за Л.Д. Троцким называли фронтовиков проводниками большевистского влияния в тылу [1], связывая это с опытом работы в солдатских советах, где влияние большевиков после корниловского мятежа было доминирующим. Исследования последних десятилетий показывают отличающуюся разнообразием картину российских регионов, где на позиционирования групп населения оказывали различные комбинации факторов. Типичной по стране в целом была популярность всех леворадикальных партий – большевиков, левых эсеров и анархистов-коммунистов. Надпартийная по сути революционность в провинции первое время преимущественно именовала себя эсеровской. Это было настолько массовым явлением, что и после процесса над эсерами бывшие члены этой партии, к тому времени ставшие большевиками, не скрывали своего эсеровского прошлого, указывая на это в анкетах.

В губерниях, не знавших в прошлом крепостного права (речь идет о Пермской, Вятской, Уфимской губ.), фронтовики показали себя сторонниками эсеров с непримиримой антибольшевистской окраской, что связывается с силой и влиянием деятельного местного земства, имевшего выраженный «мужицкий» характер. Земства, кооперативы, организационные импровизации 1914–1917 гг. (хозяйственные советы, комитеты и т.п.) были активными во всех названных губерниях. Земская инфраструктура и организационные навыки в годы Гражданской войны претворились в них в успешную военную самодеятельность населения [2].

Но в Архангельской губернии между сельской интеллигенцией, имевшей эсеровские настроения и активно занимавшейся в 1917 г. строительством новых земских учреждений (введенных постановлениями Временного правительства), встретило вернувших с фронта враждебно как дезертиров, продавших страну немцам. Слишком патриотичная позиция представителей сельского истеблишмента оттолкнула архангельских фронтовиков, определив развитие симпатий к большевикам. Именно так объяснял расстановку сил в губернии местный партийный работник [3, с. 65–66].

На позицию фронтовиков-иностранцев в казачьих областях повлияли советские декреты, уравнивавшие их в правах с казачьим населением. Но линия поведения терских казаков сильно зависела от близости горских

---

¹ Доклад подготовлен в рамках исследования, поддержанного грантом Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-09-00115\19.

районов. Острота национального вопроса оказала влияние и на позицию солдат, возвращавшихся в Россию с фронта через Терек. Те, кто оказывался на территории терских казаков, попадал в атмосферу конфликта с горцами и принимал сторону терцев. Их товарищи, чьи эшелоны двигались через Кубань и Дон, стали союзниками большевиков [4, с. 69].

Но стоит учитывать в этом вопросе и фактор приобретения на фронте представителями крестьянства, мещанства и других сугубо гражданских сословий военного опыта. Их возвращение домой совпало с распадом государственного организма. Они как «специалисты военного дела» привлекались односельчанами к руководству местными отрядами самообороны. Здесь, на Юге, подобные отряды, нуждающиеся в командирах, были крестьянскими, и создавались они из страха перед соседями-казаками. Войсковая структура казаков была сохранена, и в приглашении командиров необходимости не было. Признание в новом статусе дорогого стоило, и фронтовики с воодушевлением стремились его подтвердить, используя приобретенные навыки. Весной 1918 г. боец отряда кубанского села Николаевское А. Асеев в одном из первых же боев с покровцами вместе с еще несколькими фронтовиками повернул казачью кавалерию вспять. Конную атаку они встретили прицельным огнем, внося неразбериху в ряды казаков, при этом необстрелянные на фронте односельчане запаниковали и бросились бежать. Свой рассказ Асеев завершает так: «В этом бою я еще раз убедился в несокрушимой силе пехоты перед кавалерией, если пехота создает крепкий, монолитный кулак. Урок, преподанный в сентябре 1915 года подпоручиком Москоленко недалеко от Шауляя для меня пригодился здесь, у хутора Фельдфебельского» [5, л. 38].

Присутствие фронтовиков вносило элементы профессионализма в военную деятельность обеих армий. В ветеранских воспоминаниях особенно много сюжетов, связанных с артиллерией. Гаврила Яковенко, с чувством гордости вспоминал, как во время боев в Дагестане он выиграл дуэль с пушкой противника. Обслуга одного из горных орудий разбежалась, а он, «будучи предан делу артиллерии», стал сам заряжать, наводить и стрелять, чем заставил вражескую пушку замолчать [6, л. 3-6].

Когда при создании поезда-броневика офицер-артиллерист говорил, что установить шестидюймовую мортиру на платформу невозможно из-за силы отката при выстреле, матрос палубной артиллерии Ефимов приладил к орудию особую пружину, и все получилось [7, л. 22].

В период оборонительных боев лета 1918 г. артиллеристы Орловско-Мартыновского красногвардейского отряда ночью установили орудие в мелкой балке, а землю обильно полили водой из реки, чтобы замаскировать место нахождения пушки, потому что в летнюю сушь при стрельбе вокруг орудия непременно поднялась бы пыль [8, л. 7об.].

В этом можно обнаружить ставшую легендарной солдатскую смекалку, а в самих меморатных текстах влияние народной устной традиции,

склонной к наделению персонажей удивительными качествами. При этом в текстах известных военных руководителей и безвестных рядовых участников можно найти похожие сюжеты.

В своих «Записках белого партизана» А.Г. Шкуро раскрыл некоторые из своих военные хитростей, давая прочувствовать читателю, сколь высок был уровень его военного мастерства. В рассказе о начальном периоде Гражданской войны, когда он только-только проявил свою политическую ориентацию, Шкуро показал, как ему удалось навести страх на местных жителей, которые, как он опасался, могли исполнить распоряжение Кисловодского совдепа о его задержании: «Мы двинулись, применяя обычные наши фокусы, для того чтобы убедить население в нашей многочисленности. Кроме того, применили новый трюк: проезжали по одному и тому же месту несколько раз, обходом возвращались обратно. Наполненные оружием, открытым теперь из наших потайных складов, следовавшие на рысках телеги напоминали артиллерию своим грохотом» [9, с. 100].

Не вошедший в историю Н. Волченский, отступивший с Дона вместе с украинскими отрядами к Царицыну, оказался тактиком ничем не хуже прославленного белого партизана. В январе 1919 г. он был назначен военным инструктором в калмыцкий полк, формируемый для 10-й армии. Военком Щаденко, получив сообщение о прорыве белых под Сарептой, приказал Волченскому: покажи казакам, что мы тоже не без войска. А в распоряжении того было только 770 чел. и все, кроме комсостава (150 чел.), были безоружными. Волченский послал вооруженных людей спуститься с бугра и образовать фронт. Остальных он пустил по кругу – они сходили с бугра, а потом, глубоким оврагом обогнув его, скрытно поднимались и опять на виду у противника спускались, как бы собираясь занять позиции на линии огня. Далее Волченский объяснил, что год назад этот маневр он видел в исполнении казаков-каледицев под станицей Каменской: они поднимались на бугор, а потом, спустившись в глубокий овраг, опять забирались на него. Как опытный кавалерист Волченский разглядел их уловку и понял, что казаков всего две сотни. Но он учел их просчет: для этого приказал калмыкам поднять ногами пылевую завесу [10, л. 12–13, 32]. В итоге казаки бежали в панике, за что Волченский с комсоставом был награжден «костумами», а ему лично была подарена шашка за то, что «сумел невооруженными бойцами сбить вооруженных казаков». Остается только добавить, что январь 1919 г. был очень теплым, и под Царицыным еще не образовался снежный покров.

Автобиография Д.П. Жлобы, составленная в 1921 г., упоминает случай введения в заблуждение противника с помощью телефонной связи. В июне 1919 г. после сдачи Царицына в Красном Яру он узнал обстоятельства на фронте в ходе телефонного разговора с генералом В.Л. Покровским, который принял его за А.В. Голубинцева. Так он узнал и намерения противника [11, л. 11об.]. В это время связи со штабом 10-й Крас-

ной армии не было. Сам Голубинцев в своих мемуарах «Русская Вандея» описывал, как в феврале 1918 г. он отслеживал телефонные и телеграфные переговоры своих противников – Блинова, Миронова и других менее известных фигур из числа красных казаков. С.М. Буденный упоминал в «Пройденном пути», что тоже случалось говорить по телефону или телеграфу, выдавая себя за кого-то из белых.

Весь этот фактический материал дает объяснение того, что может произойти, если военные знания перестанут быть монополией касты военных, а уйдут в массы: внутренний конфликт будет иметь быстрое расширение и глубину. Для сравнения можно рассмотреть регион, в котором военная культура в массах практически полностью отсутствовала – Архангельскую губернию. Охотники-промысловики до конца XIX века добывали пушнину с помощью силков и ловушек, а на медведя ходили с рогатиной. Огнестрельное оружие было большой редкостью из-за его дороговизны. И лишь тогда, когда губернское общество любителей охоты стало по крайне низкой цене продавать с армейских складов устаревшие образцы стрелкового оружия – берданки, ружья попали в руки архангельских крестьян [12, с. 5-15; 13]. То, что крестьяне вообще пошли на то, чтобы взять в руки ружья, связано с тем, что после перехода к всеобщей воинской повинности их стали призывать на действительную службу, хотя и в меньшей в сравнении с другими губерниями Российской империи доле.

В итоге, Гражданская война на Русском Севере разгоралась крайне медленно. Для местных жителей было характерно встраивание локальных противоречий (например, соперничества за покосы) в глобальный контекст событий, но поведение в конфликтах напоминало деревенскую ссору – драки, поножовщина, перестрелки с помощью берданок. Ее стимулировали внешние факторы: 1) поставки оружия англичанами и Северным правительством из Архангельска и большевистским командованием из Вологды; 2) пришлый элемент, имевший военные навыки – авантюристы всех мастей типа капитана Дайера, бывшего австрийского военнопленного Мандельбаума, осетина Хаджи-Мурата Дзарахохова.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Троцкий Л.Д. История русской революции: В 2 т. Т. 2. М., 1997.
2. Посадский А.В. Уральское и прикамское беженство в 1919 году // Гражданская война на Востоке России. Всерос. научно-практ. конф., ноябрь. 2008 г. URL: <http://www.politarchive.perm.ru/publikatsii/konferentsii/grazhdanskaya-vojna-na-vostoke-rossii/a-v-posadskij-uralskoe-i-prikamskoe-bezhenstvo-v-1919-godu.html>
3. Ветошкин М. Революция и гражданская война на Севере. Очерки по истории борьбы за власть, организации советской власти и коммунистической партии на Севере. Вологда, 1927.

4. Янчевский Н. Гражданская борьба на Северном Кавказе. В 2-х т. Ростов н/Д., 1927. Т. 1.
5. Хранилище новейшей истории Национального архива Республики Адыгея (далее – ХНИНАРА). Ф. 1123. Оп. 2. Д. 44.
6. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-2993. Оп. 1. Д. 2.
7. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 2830. Оп. 1. Д. 235.
8. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 72.
9. Шкуро А.Г. Записки белого партизана. Буэнос-Айрес, 1961.
10. ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 218.
11. ЦДНИРО. Ф. Р-912. Оп. 1. Д. 2.
12. Давыдов Р.А. Общие сведения об охоте в Архангельской губернии в конце XIX века // ГАОиОХ, 2019, № 4 (16).
13. Трошина Т.И. «Наш губернатор, отдыхая, любил медведя завалить...» (Архангельское общество любителей охоты) // Архангельск. 1995. 29 сент.

М.А. Исакова (Донецк, РФ)

«ЛЕДЯНОЙ» ПОХОД В ВОСПОМИНАНИЯХ УЧАСТНИКОВ

Первый Кубанский поход начался 9 февраля 1918 года в результате череды трагических событий, которые произошли на Дону. Гибель атамана А.М. Каледина произвела тяжелейшее впечатление на казачество. И этот поход стал попыткой спасения Добровольческой армии. Первый Кубанский поход возглавил Лавр Георгиевич Корнилов. Оставив Ростов, армия пошла на Екатеринодар, имея целью соединиться с кубанскими белыми частями.

«В море кровавого разгула большевистской революции каждый доброволец из этой трехтысячной стаи мужественных русских людей двигался в неизвестность. Все они потеряли надежду на поддержку не только своего народа, но и казаков; каждый из них стремился пробиться на юг в Закавказье и дальше за границы России или, по крайней мере, дорого продать красным врагам свою жизнь» [3, с. 264].

А.И. Деникин так описывал отступление из Ростова: «Мы начинали поход в условиях необычайных: кучка людей, затерянных в широкой донской степи, посреди бушующего моря, затопившего родную землю; среди них два верховных главнокомандующих русской армией, главнокомандующий фронтом, начальники высоких штабов, корпусные командиры,

старые полковники. С винтовкой, с вещевым мешком через плечо, заключающим скудные пожитки, шли они в длинной колонне, утопая в глубоком снегу. За синей птицей. Пока есть жизнь, пока есть силы, не все потеряно. Увидят «светоч», слабо мерцающий, услышат голос, зовущий к борьбе, - те, кто пока еще не проснулись... В этом был весь глубокий смысл Первого Кубанского похода. По вольным степям Дона и Кубани ходила Добровольческая армия – малая числом, оборванная, затравленная, окруженная – как символ гонимой России и русской государственности» [2, с.267].

В станице Ольгинской Корнилов приступил к реорганизации Добровольческой армии, насчитывавшей всего около 4 тысяч бойцов, путем сведения многих мелких частей.

Состав армии получился следующий:

1-й офицерский полк, под командой генерала Маркова – из трех офицерских батальонов, Кавказского дивизиона и морской роты; Юнкерский батальон, под командой генерала Боровского – из прежнего юнкерского батальона и Ростовского полка; Корниловский ударный полк, под командой полковника Неженцева. В полк влиты части бывшего Георгиевского полка и партизанского отряда полковника Симановского; Партизанский полк, под командой генерала А.Богаевского – из пеших донских партизанских отрядов; Артиллерийский дивизион, под командой полковника Икишева – из четырех батарей по два орудия. Командиры: Миончинский, Шмидт, Ерогин, Третьяков; Чехословацкий инженерный батальон, под «управлением» штатского инженера Краля и под командой капитана Неметчика; Конные отряды (донские партизанские отряды Краснянского, Бокова, Лазарева и другие присоединились в нам в Ольгинской): а) полковника Глазенапа – из донских партизанских отрядов; б) полковника Гершельмана – регулярный; в) подполковника Корнилова – из бывших частей Чернецова [2, с. 270].

В Ольгинской встал вопрос о дальнейшем пути армии. Корнилов склонен был двигаться в район зимовников (зимовник-усадебка, становище донских табунов), в Сальский округ Донской области. Некоторые предварительные распоряжения были уже сделаны.

На военном совете, собранном в тот же вечер, мнения разделились. Одни настаивали на движение к Екатеринодару, другие, в том числе Корнилов, склонялись к походу в зимовники.

Принято было решение идти на Кубань. Однако на другой день вечером обстановка изменилась. К командующему приехал походный атаман генерал Попов и его начальник штаба полковник Сидорин. Они убедили Корнилова идти в зимовники. Конный авангард, стоящий у Кагальницкой, получил распоряжение свернуть на восток... [2, с. 274].

К середине февраля в Мечетинской были получены более подробные сведения о районе зимовников, выяснившие бедность района средствами и жилыми помещениями. Это заставило Корнилова окончательно решиться на движение на Кубань. Походный атаман генерал Попов отка-

зался присоединиться к Добровольческой армии, что произвело тяжелое впечатление на добровольцев.

Командир Партизанского полка А.П. Богаевский отмечал, что первый более или менее серьезный бой с большевиками добровольцы выдержали в пределах Ставропольской губернии, в Лежанке, 21 февраля. «Этот первый в походе правильный бой, окончившийся полной нашей победой, имел для Добровольческой армии огромное нравственное значение. Но уже в этом бою ярко сказался недостаток у нас конницы: ни хорошей разведки, ни энергичного преследования не было. И в других боях мы постоянно это чувствовали». [1, с. 631].

В это время кубанские правительственные войска находились в тяжелейших условиях. Защитники Екатеринодара не в силах были больше сдерживать натиск большевиков. Однако 25 февраля обстановка в корне изменилась. В этот день прибыл из Екатеринодара посланный штабом Добровольческой армии и пробравшийся чудом сквозь большевистский район офицер. Он настойчиво и тщетно убеждал кубанские власти повременить с уходом, ввиду того, что корниловская армия идет к Екатеринодару и теперь уже должна быть недалеко. Ему не поверили или не хотели поверить: держали его под негласным надзором [2, с. 316].

В ночь на 1 марта кубанские правительственные войска оставили Екатеринодар, который был занят большевиками. Л.В. Половцов – член Государственной Думы, который занимал пост начальника инженерной части в Добровольческой армии, в своих воспоминаниях так описывал реакцию на уход армии генерала Покровского из Екатеринодара: «Быть почти у цели своего похода, в каких-нибудь 80 верстах от Екатеринодара, и увидеть всю бесплодность перенесенных жертв и лишений?» [6, с. 185].

1 марта Добровольческая армия подошла к станице Березанской. У Березанской их впервые встретили с оружием в руках кубанские казаки. Вечером состоялся станичный сбор, на котором старики выпороли за большевизм нескольких молодых казаков и баб.

А.П. Богаевский вспоминал: «За весь 2 ½ – месячный «Ледяной поход» среди полсотни боев, которые нам пришлось вынести, бой за Выселки рано утром 3 марта оставил в моей памяти самые тяжкие воспоминания... Селение мы взяли, но ценой каких отчаянных усилий и жертв!» [1, с. 638]. В этом бою был смертельно ранен сбоку в грудь полковник Краснянский.

«Перед заходом солнца хоронили мы наших павших героев. Мой полк в этом несчастном бою понес огромные потери: больше 80 человек выбыло из строя, среди них убитых было почти половина. Для меня это была пиррова победа...» [1, с. 640].

К станице Кореновской большевики стянули до 10 000 человек с двумя бронепоездами и многочисленной артиллерией. Во главе красных войск стоял бывший фельдшер кубанский казак Сорокин. Добровольцев было вчетверо меньше.

14 марта состоялась встреча Корнилова с Покровским в ауле Шенджий. Корнилов поставил условие с исчерпывающей ясностью: полное подчинение командующему и вливание кубанских войск в состав Добровольческой армии. Покровский предлагал сохранение самостоятельного Кубанского отряда и оперативное подчинение его генералу Корнилову. Этот вопрос остался открытым, т.к. кубанцы настаивали на своей независимости. Было решено объединить свои силы и двинуться к станице Ново-Дмитровской.

Переход из аула Шенджий к станице Ново-Дмитровской оставил неизгладимый след в памяти его участников. «В этот день погода с необыкновенной быстротой совершенно менялась четыре раза: ясное солнечное утро ранней весны; проливной дождь; снег, ветер и мороз, перешедший в снежную ледяную вьюгу. Последняя впоследствии и дала нашему «Анабазису» название «Ледяной поход», закрепившееся больше, чем все другие названия: 1-й Кубанский, Корниловский, Добровольческий» [1, с.653].

Станица была взята, и 17 марта в ней, под артиллерийским обстрелом отошедших красных, состоялась совещание и соглашение командования Добровольческой армии с Кубанским правительством. Части Кубанского отряда и Добровольческой армии были реформированы и слиты вместе в две бригады.

Добровольческая армия получила следующую организацию: 1-я бригада, генерал Марков; Офицерский полк; 1-й кубанский стрелковый полк; 1-я инженерная рота; 1-я и 4-я батареи; 2-я бригада, генерал Богаевский; Корниловский ударный полк; Партизанский полк; Пластунский батальон; 2-я инженерная рота; 2-я, 3-я и 5-я батареи; Конная бригада, генерал Эрдели; 1-й конный полк; Кубанский полк (вначале дивизион); Черкесский полк; Конная батарея.

Общая численность армии возросла до 6 тысяч бойцов. Вместе с тем почти удвоился обоз. [2, с. 326]

Вскоре армия двинулась на станицу Георгие-Афипскую. Афипская была взята ценой значительных потерь. Отсюда генерал Корнилов выслал отряд, неожиданно захвативший переправу через реку Кубань у аула Панахес, где при помощи парома армия стала переходить в станицу Елизаветинскую, где добровольцев встретили приветливо, выставив даже сотню казаков-добровольцев.

Настала полная весна с разливом горных рек и даже жаркими днями. Начался бой под Екатеринодаром, длившийся с 27-го по 31 марта. Наши части наткнулись на упорное сопротивление. Позже было документально установлено, что против 5000 добровольцев большевики стянули к городу до 50 000 бойцов. Добровольческая армия в это время уже истекала кровью в неравном бою. Был убит командир Корниловского полка полковник Неженцев, ранены генерал Казанович, полковники Писарев и Улагай. Части потеряли до 50 процентов [5, с. 731-732].

Хорунжий Добровольческой армии И.И. Какурин подробно описывает самый трагический день «Ледяного» похода: «31 марта. А вот и последний день боя под Екатеринодаром. День теплый, весенний, солнечный, но солнца не видно – сплошное облако пыли, песка, густого черного дыма висит над добровольцами. Лица черные, закопченные, на зубах песок; шум, грохот, звенит в ушах. Человеческого голоса не слышно в двух шагах. Поляна кипит взрывами снарядов. Штаб армии во все дни штурма находился на ферме в трех верстах от окраины города и все время был под артиллерийским обстрелом. С раннего утра, как обычно, начался артиллерийский обстрел фермы. Генерала Корнилова просили переменить место расположения штаба, но он ответил: «Теперь уже не стоит, завтра – штурм» – и остался в домике. Около семи с половиной часов утра несколько снарядов разорвались над фермой; один из них целиком влетел в комнату, где сидел генерал Корнилов. Раздался страшный грохот и удар точно молнии, от которого задрожал весь дом. Когда бросились туда, то нашли генерала Корнилова лежащим на полу с закрытыми глазами. Кровь сочилась из небольшой ранки в виске и текла из пробитого осколком правого бедра. Он еще дышал. Его положили на носилки и вынесли на берег Кубани. На его лице застыло выражение боли. Прошло несколько томительных минут. Генерал Корнилов скончался [4, с. 73-74].

Эта смерть произвела на всех ужасное действие. Многие считали, что со смертью вождя армия погибла. В колонии Гначбау ночью похоронили тело павшего вождя в саду одного из колонистов. Но тайну его погребения сохранить не удалось, и вскоре красные откопали дорогую могилу. После издевательств на улицах Екатеринодара тело Лавра Георгиевича было сожжено, и прах развеян по ветру... [5, с. 732].

В командование остатками армии в этот тяжелый момент вступил генерал Деникин. «При том тяжком нравственном и физическом состоянии, в коем находилась армия после пятидневных тяжких боев и смерти генерала Корнилова, продолжать атаку Екатеринодара с нашими ничтожными силами было невозможно, и генерал Деникин решил, ради спасения армии, с наступлением темноты снять осаду города и большими форсированными переходами вывести из-под удара екатеринодарской группы красных войск Сорокина» [4, с. 77].

В колонии выяснилось следующее: Партизанский полк, начав штурм Екатеринодара в составе 800 штыков, к концу боя имел 300; в Корниловском полку осталось едва 100 штыков; Офицерский полк в боях под Екатеринодаром в составе 800 штыков, к концу боя имел 300; в Корниловском полку осталось едва 100 штыков; Офицерский полк в боях под Екатеринодаром и во время отхода от него потерял 50 процентов своего состава, то есть 350 бойцов, из которых около 80 человек было убито и до 50 пропало без вести. В полку оставалось не больше 400 штыков. Вся армия, начав бой под Екатеринодаром в составе до 6 тыс. бойцов, в колонии имела не менее 3 тысяч бойцов и более 1500 раненых. Каковы были силы

противника, стало известно позднее: от 40 до 50 тысяч. Известной стала и цифра его потерь – до 10 тысяч одними ранеными [4, с. 78].

Поползли слухи о необходимости расплыться. Некоторые малодушные срезали погоны и другие знаки Добровольческой армии. Потихоньку ушли из наших рядов многие молодые кубанские казаки и возвратились в свои станицы.

Генерал Деникин решил двинуться на север, на станицу Медведовскую, а затем повернуть на восток, чтобы вырваться из густой сети железных дорог, идущих на Екатеринодар, Кавказ и Ростов. Бой у Медведовской является одной из самых ярких страниц истории Первого Кубанского похода. В Успенской добровольцы узнали о начавшемся восстании на Дону.

16 апреля вновь вступили в Ставропольскую губернию. Армию встретили огнем. Особенно упорной оказалась та же Лежанка, которую снова пришлось брать с большими потерями для врага [5, с. 733].

30 апреля 1918 г. закончился Первый Кубанский поход боем у разъезда Прощального. Армия стала на занятом ею плацдарме в Мечетинской, а обоз с ранеными ушел в Новочеркасск.

«Каковы же итоги содеянного? 81 день похода, из них 45 дней в боях. 1050 верст пути. Выступили в количестве 3000, вернулись, пополненные кубанцами, в количестве 5000, оставив в степях могилы 400 убитых и вывезя 1500 раненых. С нами шли два Верховных Главнокомандующих, главнокомандующий фронтом, начальники высоких штабов, командиры корпусов, председатель и члены Государственной Думы, видные общественные деятели и журналисты» [5, с. 733].

В память Первого Кубанского похода был установлен знак первопроходника – меч в терновом венце на георгиевской орденской колодке. В общей сложности им было награждено около 5 тыс. чел.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Богаевский А.П. Первый Кубанский поход // Первый кубанский («Ледяной») поход / под ред. д.и.н. С.В. Волкова. М., 2001.
2. Деникин А.И. Очерки русской смуты: Борьба генерала Корнилова. Август 1917 – апрель 1918. Минск, 2002.
3. Казачий словарь-справочник: [В 3 т.] / Сост. Г. В. Губарев ; Ред.-изд. А. И. Скрылов. [Репринт. воспроизведение]. Т. 2: Ибн Батута - Пятый Дон. каз. полк. М., 1992.
4. Какурин И.И. Первый Кубанский генерала Корнилова поход // Первый кубанский («Ледяной») поход / под ред. д.и.н. С.В. Волкова. М., 2001.
5. Николаев К.Н. Первый Кубанский поход // Первый кубанский («Ледяной») поход // под ред. д.и.н. С.В. Волкова. М., 2001.
6. Половцов Л. Рыцари тернового венца // Первый кубанский («Ледяной») поход // под ред. д.и.н. С.В. Волкова. М., 2001.

Р.Ш. Хакимов (Челябинск)

УРОКИ ПЕРВОЙ ЧЕЧЕНСКОЙ ВОЙНЫ(1994-1996 ГГ.): БЕЗВОЗВРАТНЫЕ БОЕВЫЕ ПОТЕРИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ВОЙСК

Вооруженные конфликты на территории СССР, а затем и Российской Федерации в конце XX – начале XXI века, к сожалению, стали суровой реальностью. И они требуют своего научного осмысления, глубокого исследования как любой исторический факт и явление, а также с тем, чтобы они никогда уже не повторялись. Одним из самых ожесточенных и длительных был вооруженный конфликт на Юге России, в Чеченской республике. Он делится на несколько периодов. Одним из них является первая чеченская война 1994-1996 гг., начавшаяся 25 лет назад. Целью нашей статьи является рассмотрение некоторых сторон этой войны через призму анализа безвозвратных боевых потерь российской армии в ходе этой войны. Для этого были использованы официальные данные министерства обороны РФ.

Статистические данные для нашего исследования были взяты из официального издания – «Книга Памяти погибших в ходе вооруженного конфликта на территории Чеченской Республики (декабрь 1994 – декабрь 1996 гг.)», подготовленного министерством обороны РФ, Главным организационно-мобилизационным управлением Генерального Штаба ВС РФ. Книгу к изданию подготовил научный коллектив во главе с заместителем начальника Генштаба ВС РФ, начальником Главного организационно-мобилизационного управления, генерал-полковником, доктором военных наук В.В. Смирновым. В книге даны фотографии и короткие данные на более чем 3,5 тысячи военнослужащих погибших, умерших от ран, пропавших без вести в первой чеченской войне. Нам в ходе исследования был использован метод статистического анализа. Для анализа была взята генеральная совокупность (ГС) – объект исследования в целом – общее количество военнослужащих погибших, умерших от ран, пропавших без вести в первой чеченской войне и указанных в книге. Выборочную совокупность (ВС) или выборку – составила часть объекта исследования, избранная для исследования. Она была случайным выбором военнослужащих по фамилиям на букву «А» и «П». Всего получилось на букву «А» – 254, на букву «П» – 170 военнослужащих, общее количество составило 424, или 12,1 % от общего количества безвозвратных потерь военнослужащих в первой чеченской войне 1994-1996 гг. – 3500 человек, приведенных в книге. Данная выборка является случайной и репрезентативной по всем основаниям. И полученные данные по ВС вполне корре-

лируются с данными по ГС. На основе выборки для анализа были составлены **Таблицы 1–4** по ряду характеристик.

Таблица 1.

Состав погибших, умерших, пропавших без вести по дате смерти или объявления пропавшим без вести

Дата	Количество	В %
декабрь 1994	26	6,0
январь 1995	144	33,8
февраль 1995	24	6,0
март 1995	18	4,0
апрель 1995	10	2,0
май 1995	16	3,8
июнь 1995	14	3,0
июль 1995	6	1,0
август 1995	2	0,4
сентябрь 1995	5	1,0
октябрь 1995	4	0,8
ноябрь 1995	3	0,8
декабрь 1995	12	2,8
январь 1996	9	2,0
февраль 1996	13	3,0
март 1996	23	6,0
апрель 1996	26	6,0
май 1996	3	0,6
июнь 1996	7	1,6
июль 1996	8	1,7
август 1996	49	12,0
сентябрь 1996	3	0,6
октябрь 1996	2	0,3
ноябрь 1996	–	–
декабрь 1996	1	0,1

Как видно из анализа **Табл. 1**, наибольшие потери среди военнослужащих 33,8 % или одна треть выпадают на январь 1995 г. Был проведен дополнительный анализ потерь за каждый день января. Наибольшие потери были 1 января 1995 г., по нашей выборке 46 человека, это составило 30,6 % всех потерь за январь. Новогодняя ночь и первый день 1995 года стали поистине трагическими для российских военнослужащих. Затем следует август 1996 г. – 12 % всех потерь, и по 6 процентов потерь приходится на декабрь 1994 года, март и апрель 1996 г. Процентное соотношение применимо в целом при анализе общих потерь группировки россий-

ской армии по каждому месяцу. Периоды наибольших потерь совпадают с периодами наиболее ожесточенных боев.

Таблица 2.

Состав погибших, умерших, пропавших без вести по возрасту

Возраст, лет	<20	> 20 > 30	> 30 >40	>40>50	50>
Количество	237	144	33	9	1
В %	55,9	33,9	7,9	2,1	0,2

Из анализа **Табл.2** следует, что 55,9 % потерь приходится на военнослужащих в возрасте до 20 лет. Это объясняется преобладающим участием в боевых действиях военнослужащих срочной службы, и малым боевым опытом данных военнослужащих. Часто в бой бросали необстрелянных, неподготовленных солдат. Так, например, рядовой А.В. Петров, 27.03.1976 г. рождения, в Вооруженных Силах находился с 14.06.1994 года, в Чечню попал в декабре 1994 г., погиб 30.12.1994 г. Рядовой А.М. Петров, 19.04.1976 г. рождения, также был призван в июне 1994 г., в декабре 1994 г. уже находился в Чечне, погиб 30.12.1994 г. [3, с.238].

Военкоматы по указанию министерства обороны РФ и Генерально-го штаба проводили компанию по набору контрактников с тем, чтобы восполнить боевые потери. Среди контрактников, в основном, были люди от 20 и до 40 лет. Выделяется рядовой-контрактник, стрелок В.И. Перепелицын, 25.11.1943 г. рождения, в Вооруженных Силах находился с 06.02.1996 г. Погиб 29.03.1996 г., награжден орденом Мужества [3, с.236]. Однако и солдаты-контрактники, проходившие службу еще в Советской Армии, за исключением тех, кто принимал участие в боевых действиях в Республике Афганистан, где боевые и природные условия были близкими и схожими с Чечней, не всегда были готовы профессионально действовать в условиях специфичной чеченской войны.

Так, Обрященко В.П., 1959 г. рождения, работал пчеловодом. В Вооруженных Силах с 19.02.1996 г. принимал участие в боевых действиях с 24.02.1996 г., а погиб 29.03.1996 г. [3,с.225]. Солдат провоевал чуть больше месяца, а было ему 37 лет.

Таблица 3.

Состав погибших, умерших, пропавших без вести по воинским званиям

Состав	рядовые	сержанты, старшины, прапорщики	младшие офицеры	старшие офицеры	без воинского звания
Количество	209	154	38	22	1
В %	49,3	36,3	9,0	5,0	0,4

Анализ потерь среди военнослужащих по воинским званиям (См. Табл.3) показывает, что 49,3 % потерь приходится на рядовых. Но данное соотношение в целом отражает существующее соотношение по воинским званиям в российской армии и здесь нельзя отметить преобладания какой-то группы. В условиях боевых действий в городе опасность была равной для всех военнослужащих, независимо от звания и одинаково гибли как рядовые, так и офицеры. Так, погиб 01.01.1995 г. командир батальона, подполковник Э.В. Перепелкин [3, с.236]. Как отмечали сами участники чеченской войны – командующие группировкой российских войск, чеченская война разительно отличалась от предыдущих вооруженных конфликтов, где участвовала российская армия. Части федеральных войск не были готовы к отчаянному сопротивлению незаконных вооруженных формирований (НВФ) Д.Дудаева. Как признает генерал Г.Трошев: «...то, что операция действительно готовилась наспех, без реальной оценки сил и средств противника, – это факт. ...Фактически планирование операции осуществлялось вслепую» [5].

Боевики использовали методы партизанской войны: небольшие группы с очень высокой мобильностью, устройство засад, способность просачиваться мелкими группами. Использовались методы прикрытия районов обороны мирными жителями, школами, мечетями, использовали подростков для прикрытия отхода боевиков, тактику «мирных переговоров» со старейшинами в целях выигрыша во времени для перегруппировки», тактику «растворения» среди мирного населения, маскировку под военнослужащих РФ, дезинформацию по радиоканалам РФ. Принятая тактика отрядов НВФ, характеризовалась принципом «Наскок – Отход», что позволяло использовать преимущество внезапности [1, с.16]. И такая тактика маневренной войны фактически размывала понятия «линия фронта», «тыл», подвергала одинаковой опасности, как солдат, так и старших офицеров.

Так, 12.12.1994 г. одним из первых в начавшейся первой чеченской войне погиб полковник, старший офицер направления Е.П. Алексеев [3, с.13]. 28.05.1995 года погиб подполковник, офицер Генерального штаба А.В. Печников [3, с.240]. Гибель офицеров высокого ранга – старшего офицера направления и офицера Генштаба указывает на отсутствие глубокой разведки и должной координации действий частей, фактическую неподготовленность воинских частей и их командиров к действиям в специфических условиях горной местности и города, полупартизанской войны, враждебности значительной части местного населения.

Таблица 4.

Безвозвратные боевые потери (по виду)

Тип потерь	убито в бою	пропали без вести	умерли от ран	погибли в плену
Количество	385	24	15	–
В %	90,8	5,6	3,6	–

Безвозвратные потери по видам свидетельствуют об особой жесточности боевых действий, жестокости участников чеченских НВФ. Фактически никаких пленных брать не предполагалось, и их и не брали. Пропавшие без вести, в большинстве своем, это погибшие военнослужащие без установленного места захоронения (сгоревшие в танке, погребенные под зданиями, или тайно похороненные местными жителями).

Полковник А.В. Ударцев вместе с женой поехал в Чечню, чтобы найти тело своего сына, лейтенанта С.А. Ударцева, который числился неизвестно пропавшим. И ему, кадровому военному многое рассказали офицеры и солдаты – участники боев в декабре 1994 г: «Офицеры, воюющие в Чечне, просили Ударцевых рассказать на «большой земле», что не получали ни одного письменного приказа – *только по телефону*. Это значит, что в случае чего, виновных никто не найдет. По состоянию на 1 января 1995 г. в 129-ом полку было убито 63 человека, – вспоминает Наталья Павловна, – из них 21 – в бою, а остальные при бомбежках своих же самолетов. В батальоне, где служил сын, сгорел лишь один танк, а подбили его ... свои артиллеристы» [1, с.243.] Из воспоминаний полковника А.В. Ударцева: «Входили войска в Грозный без разведки. В первые дни наши больше страдали от своих же. Одну бедную пехоту толкали вперед, а внутренние войска работали безо всякого взаимодействия с армией. Пока был в Грозном, сам обнаружил несколько огневых точек и передал их координаты артиллеристам. Обнаружить их было несложно, однако никто разведкой не занимался. Почему никто не занимался поиском раненых, убитых? Я нашел своего сына, я сделал бы это во что бы то ни стало, но... одна беженка говорила, что похоронила в своем дворе в братской могиле 24 человека, другая в своем палисаднике – четырех». Лейтенант С.А. Ударцев погиб 31 декабря 1994 г. при штурме в Грозном. Танковая рота, в которой служил командиром взвода лейтенант Ударцев, в Ленинградском военном округе была спешно укомплектована людьми, не служившими до этого вместе, как и весь батальон. 16 декабря толком не сформированные, не прошедшие боевого слаживания подразделения были отправлены эшелонами на юг России. 20 декабря танковый батальон разгрузился в Моздоке, в ночь с 22 на 23 декабря маршем дошли до Ханкалы и с ходу заняли ее. А 31 декабря получили приказ наступать на Грозный [1, с.242].

Вот другой пример. «Командир части не написал матери, что еще в октябре этот полк (*в котором воевал и 31 декабря 1994 г. был ранен, а затем 5 января умер от ран рядовой Сергей Леканов – авт.*) проходил необычные учения по программе боевой подготовки. Учения показали, что полк к действиям по локализации бандформирований не готов, и, тем не менее, его бросили в самые тяжелые бои. В ту ночь (*с 31 декабря 1994 г. на 1 января 1995 г. – авт.*) в Грозном было подбито и сожжено 120 танков, БМП и БТР» [1, с.161]. У многих погибших в первой чеченской войне дата смерти: 31 декабря 1994 г. или 1 января 1995 г. – рядовой А. Букач, майор О. Бородай, рядо-

вой Е. Артемьев, рядовой Г. Волошин, рядовой О. Ворошилов, младший сержант Дмитрий Лебедев [1, с.85, 102, 106, 115, 117, 159]. Часто бывало так, что нарушалась или полностью терялось управление подразделениями. Так, капитан, командир роты В.И. Апасов пропал без вести 1.01.1995 г. [3,с.18]. По нашей ВС 1 января 1995 г. погибло и пропало без вести всего 46 военнослужащих, если данное процентное соотношение экстраполировать на ГС, то получим цифру – 382 военнослужащих, именно столько солдат и офицеров, по нашим подсчетам, погибло в страшную новогоднюю ночь. Но по другим данным, потери были значительно выше [1, с. 4].

Солдаты и офицеры получали страшные по тяжести ранения. Так, рядовой Д. Дьяков 4 января 1995 года «при выполнении боевого задания погиб от взрывной травмы с полным разрушением черепа» [1, с.138]. Серьезной ошибкой командования было решение о применении танков в условиях города. Рядовой А. Дмитриев «во время штурма г.Грозный погиб в бою, сгорев полностью в подбитом боевиками танке» [1, с.131]. Такой же была смерть и майора О. Бородая – «полностью сгорев в огне подбитой и горящей бронетехники» [1, с.102]. Немало было тех, кто не был найден и похоронен, они числились в числе пропавших без вести. Рядовой Д. Лебедев 31 декабря 1994 г. пропал без вести во время штурма Грозного, решением Копейского городского суда Челябинской области от 6 мая 1998 г. младший сержант Д.Г.Лебедев признан погибшим при ведении боевых действий на территории Чеченской Республики [1, с.159]. 1 января 1995 г. пропал без вести рядовой Д. Воробьев, уроженец г.Чапаевска Куйбышевской области. Решением Нефтегорского районного суда Самарской области он был объявлен умершим. Рядовой Д. Вольсков пропал без вести также 1 января 1995 г. Решением Курганского городского суда Курганской области был объявлен умершим [3, с.60]. Прапорщик Александр Вячеславов пропал без вести в январе 1996 г. Решением Тарногского районного суда Вологодской области объявлен умершим [3, с.63]. Рядовой А. Гаврик пропал без вести 1 января 1995 года, решением суда Пролетарского района Ростовской области объявлен умершим [3, с.64].

Нехватка подготовленных солдат приводила к тому, что командование воинских частей внутренних военных округов, чтобы выполнить приказ по направлению в Чеченскую Республику, часто солдат в Чечню направляли так, как направили А. Атесова. Из письма его родителей: «4 июня 1994 г. был призван в армию. С нетерпением ждали первой встречи, хотелось, чтобы служил сынок где-нибудь поближе, но служба забросила его в Красноярский край, в небольшой сибирский город Канск, в ракетные войска стратегического назначения... В начале апреля, как снег на голову, пришло письмо с обратным адресом: Москва-400. Алеша писал, что увезли *обманом*. Отобрали на медкомиссии самых здоровых, сильных парней, якобы для «учебки». А потом выстроили и сказали все как есть. Что везут их в Чечню для пополнения частей, понесших боевые потери, но если кто

отказывается, тот должен сделать шаг вперед и написать рапорт. Алексей нам написал в своем письме «...стою я и думаю, ведь я вам обещал, как я вам объясню?». В общем сыграли на психике наших мальчишек. Никто не сделал шаг вперед. Наверное, таких посчитали бы трусами» [1, с.88]. Рядовой Алексей Атесов с марта находился в Чечне, погиб 12 июня 1995 г. в бою под Ведено от пули снайпера.

Немало было тех, кто ехал в Чечню если не добровольно, но вполне осознанно, понимая свой воинский долг и выполняя приказ, как человек с погонами. У значительной части участников чеченской войны проявлялось стремление защитить интересы России. Лейтенант И. Григорашенко, командир разведывательного взвода, выпускник Челябинского высшего танкового училища так высказался за что, он здесь воюет: «За ребят... За Россию. То, что мы здесь, – это наша земля. Я потомственный казак. Наша земля... Этот город основали казаки, мои предки. И я здесь, если надо, положу свою голову... Это наша земля, Россия. Отдадим Чечню – распадется Россия...» [1, с.125].

Лейтенант И. Григорашенко скончался в госпитале 8 января 1995 г. после тяжелого ранения, полученного в бою. За мужество и отвагу, проявленные при выполнении специальных заданий командования, старший лейтенант И.А. Григорашенко Указом Президента РФ №491 от 15 мая 1997 года был награжден орденом Мужества №4379 (посмертно). В соответствии с Постановлением Совета атаманов Оренбургского казачьего войска от 4 февраля 1995 года есаул И.А. Григорашенко был награжден серебряным крестом №114 «За возрождение Оренбургского казачества» (посмертно). Немало было случаев подвига, воинского самопожертвования военнослужащими Российской армии. Так, старший прапорщик В.А. Пономарев, 27.02.1961 г. рождения, погиб 20.12 1994 г. при отражении атаки противника, закрыв собой командира соединения. Посмертно был удостоен звания Героя РФ [3, с.247].

Были и те, кто ехал добровольно. Сержант Д. Абдуллин 18 марта 1996 г. написал письмо домой: «Я живой и здоровый. Жаль, что вы все-таки узнали, где я нахожусь – в спецкомандировке в Чечне. Туда я уехал 20 ноября *добровольно*. Не потому, что хотел воевать, а просто потому, что *это мой долг...*» [1, с.78]. Сержант Д. Абдуллин погиб 10 июня 1996 г. при обстреле блокпоста. Солдаты уже тогда понимали, что здесь идет самая настоящая война, «всерьез и надолго». Из письма Д.Абдуллина родителям: «В Чечне мы зависли надолго. Это точно. Каждый месяц обещают вывести отсюда, но все откладывают. Скучать здесь не приходится, как и спать не приходится. Постоянно где-нибудь, что-нибудь отстреливают...» [1, с.78].

Нами был сделан подсчет посмертных награждений погибших военнослужащих. Большинство из них 328 человек или 77,6 % были награждены орденом Мужества, 7 человек или 1,6 % – медалями, остальные 20,8 % не награждались.

Среди участников войны были и женщины. Прапорщик, начальник медицинского пункта Ю. Колташева, 1976 г. рождения, погибла 11 августа 1996 г. [3, с.151]. Ефрейтор Дюжева А.Ю., радиотелеграфист, 1968 г. рождения, погибла 6 ноября 1995 г. [3, с.97]. Старший прапорщик, фельдшер Овчинникова Ю., 1963 г. рождения, погибла 3 октября 1996 г. [3, с.226]. Все они были награждены орденом Мужества посмертно.

Руководство министерства обороны РФ, неправильно оценив военно-стратегическую ситуацию и силу чеченских незаконных вооруженных формирований, допустило крупные просчеты в планировании и проведении войсковой операции. А в ходе операции не нашло в себе силы реально оценить ситуацию. Так, министр обороны РФ П.Грачев на пресс-конференции в Моздоке 22 января 1995 г. во время ожесточенных боев за Грозный сказал: «Восемнадцатилетние юноши за Россию умирали. И умирали с улыбкой» [4].

Первая чеченская война принесла большие потери, как среди российских военнослужащих, так и участников НВФ, огромные жертвы и лишения выпали на долю мирного населения. Половина российских военнослужащих погибла в первые три месяца, и более половины погибших были военнослужащие до 20 лет, призванные на срочную службу. Такие потери были вызваны ожесточенностью сопротивления участников НВФ, ошибками командования и неподготовленностью войск к проведению операции.

31 августа 1996 г. было подписано Хасавюртовское соглашение.

Федеральные войска, овладевшие Грозным и частью Чечни в ходе первой чеченской войны, после подписания соглашения были выведены, то есть фактически был признан факт поражения. Территория Чечни осталась под контролем сепаратистов. Только трезвый анализ событий первой чеченской войны, учет ее трагических уроков позволили затем новому политическому руководству страны в лице президента В.В.Путина найти путь к урегулированию длительного и ожесточенного конфликта в Чеченской Республике. Это позволило сохранить, а затем и интегрировать ее в состав РФ.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Вспомним всех поименно. Книга Памяти. Т. II. (Чечня 1994–1996, Таджикистан, Абхазия, Грузия, Северная Осетия, Приднестровье, Египет, Эфиопия) Челябинск, 1999.
2. Вспомним всех поименно: Книга Памяти. Том III. (Северный Кавказ. 1999–2012). Челябинск, 2013.
3. «Книга Памяти» погибших в ходе вооруженного конфликта на территории Чеченской Республики (декабрь 1994 – декабрь 1996 гг.). М., 2010.
4. Комсомольская правда, 1995 год, 22 января.
5. Трошев Г. Моя война. (Записки окопного генерала). М., 2001 [Электронный ресурс] URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/troshev/01.html> (дата обращения: 14.10.2018).

**РАЗДЕЛ IV.
ВОЙНЫ В ПРОСТРАНСТВЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ**

А.А. Егоров (Ростов-на-Дону)

**ГРАФ ФИЛИПП-ПОЛЬ ДЕ СЕГЮР, КАК СВИДЕТЕЛЬ
СВОЕЙ ЭПОХИ (НАПОЛЕОНОВСКИЕ ВОЙНЫ В
ВОСПОМИНАНИЯХ ОДНОГО ИЗ ИХ УЧАСТНИКОВ)**

Известно, что захватив власть во Франции после государственного переворота 18 брюмера, Наполеон четко сформулировал основной тезис своей внутренней политики: «Ни красных колпаков, ни красных каблуков» [1, с.126]. Этим Первый Консул, заявил о себе, как о главе государства равно удаленного и от эксцессов Революции и от пороков «старого порядка». Однако, со временем в политике Наполеона, сначала как Первого Консула, а затем как Императора французов стала все более и более проявляться его тяга к восстановлению многого из того (хотя, разумеется, в новом, преобразованном виде), что существовало во Франции до революционных потрясений 1789–1799 гг. Это учреждение в 1802 г. ордена Почетного Легиона (некоего аналога старорежимного ордена Св. Людовика), это и провозглашение Империи 18 мая 1804 г. и восстановление уже на следующий день после, этого звания маршала Франции. Таким образом, можно сказать, что «красные каблуки», в конце концов одержали победу. В этом контексте чрезвычайно интересна и показательна судьба графа Филиппа-Поля де Сегюра, одного из самых известных мемуаристов Наполеоновской эпохи.

Граф Филипп-Поль де Сегюр, ставший впоследствии дивизионным генералом, пэром Франции и академиком родился в 1780 г. в «семье старинного служилого дворянства» [2; с. 67]. Он был третьим и младшим ребенком в семье. Его дед, Луи де Сегюр, маршал Франции некоторое время занимал пост военного министра в царствование Людовика XVI, а его отец Луи-Филипп де Сегюр, с 1784 по 1789 гг. был посланником при Санкт-Петербургском дворе, восхищая своим остроумием и элегантностью столичную российскую аристократию и саму Екатерину Великую. Через девять лет после появления на свет Филиппа де Сегюра «старый порядок» во Франции рухнул и, как он написал в своих «Мемуарах», – «наступила ужасная эпоха» [3, р.VI]. Она самым непосредственным образом сказалась на семье юного аристократа. Его дед был брошен в тюрьму Лафорс и только чудом избежал гильотины. Отец Филиппа, потерявший почти все свое состояние, дважды находившийся на волосок от ареста, укрылся в деревенском домике в Шатенуа, зарабатывая на жизнь литературным трудом, воспитавшая своих трех сыновей среди лишений и в

страхе перед завтрашним днем. Учитывая все эти обстоятельства, не удивительно, что Филипп-Поль вырос исполненным, по его собственным словам «ненависти к Революции, которая разорила и сделала нас несчастными и которая, более того, поставила нас вне закона» [3, р. XX]. Много лет спустя, с негодованием и горечью он будет вспоминать «революционные экецессы», «зверства 2 и 3 сентября», «царство террора, залившее кровью и обесчестившее Францию». Для него, рожденная в горниле Революции система навсегда останется системой «самых отвратительных преступлений», а ее деятели, вроде Дантона – «чудовищами» [3, р. VIII]. Вспоминая годы своей юности, Филипп-Поль писал: «Я отказался принимать что-либо от настоящего, я был слепо привержен к прошлому, по-мальчишески демонстрируя на улицах черный воротничок вандейцев и именуя героя Италии месье Бонапартом» [3, р. XX]. Таким образом, слова Сегюра о том, что он принадлежал к «исключительно аристократическому и контр-революционному обществу» [3, р.2-3] безусловно справедливы. Подобно своему отцу, Филипп-Поль занялся литературным творчеством. Писал стихи, пытался сочинять водевили. И то, и другое, правда, без какого-либо успеха, ибо, как он честно признался впоследствии, «мои писания были слишком плохи». «Я хотел писать книги,- не без иронии заметил он, – прежде, чем достаточно их прочитал...» [3, р.1].

Перелом в его судьбе, по собственным словам мемуариста, произошёл в ноябре 1799 г., когда он увидел полк драгун, направлявшийся в Сен-Клу, во всем его воинском блеске. Кстати, это был первый день государственного переворота 18 брюмера.

«Я понял мое призвание, – вспоминал Филипп-Поль, – с этого момента я стал солдатом, я мечтал о битвах и презирал любую другую карьеру» [3, р.2]. Он «начал службу в феврале 1800 г. «гусаром Бонапарта», в мае того же года стал суб-лейтенантом (т.е. подпоручиком). С 1800 г. он – адъютант генерала Э.Макдональда. 12.04.1802 г. получил чин лейтенанта, 24.09.1803 г. – капитана [2, с. 67]. Этим перечень военных чинов и должностей Сегюра, конечно, не ограничивается. В последующие пять лет он получает звание командира эскадрона конно-егерского полка, майора гусарского полка, старшего штабного офицера, полковника шеволежер Национальной гвардии, графа Французской империи и, наконец, в канун похода на Москву, бригадного генерала [2, с.67]. Закономерен вопрос: какова же была причина столь стремительной и успешной военной карьеры Филиппа де Сегюра? Думается, что во многом это было следствием политики Наполеона, направленной на консолидацию французского общества, в том числе путем амальгамы представителей новой французской элиты с представителями старинного служилого дворянства, бесспорным отпрыском которого как раз и был граф де Сегюр. Определенную роль в успехах сына, вероятно, сыграл и его отец, чья карьера, правда, на государственной службе, развивалась почти столь же стремительно и параллельно воинской карьере Сегюра-младшего. Депутат Законода-

тельного корпуса, государственный советник, главный церемониймейстер, граф Империи, сенатор и пэр Франции, многоопытный и умный старый Луи-Филипп де Сегюр, проявив похвальную прозорливость, еще в июле 1802 г. голосовал за представлени Бонапарту звания пожизненного Консула [4, р.750]. Наполеон, разумеется, не забыл об казанной ему услуге. При случае, обладая несомненными талантами царедворца, Луи-Филипп умело льстил властелину. Так, например, объясняя причину по которой он немного опоздал на одно из обязательных для него мероприятий, он сказал Наполеону, что по пути во дворец «попал в дорожную пробку, устроенную королями». В Париже в это время действительно находились шесть иностранных королей.

В должности генерал-квартирмейстера при Императорской Главной квартире, Ф.-П. де Сегюр участвовал в походе на Москву, что дало повод другому участнику войны 1812 г., генералу, барону Гурго, зло обозвать его «придворным офицером» [5, р.218, 230 и др.].

После Русского похода, в 1813–1814 гг. Сегюр «храбро воевал, был дважды ранен штыком и пулей». Потом, как выразился современный российский историк С.А.Исаев, он ухитрился служить при Первой Реставрации Людовику XVIII, во время Ста дней – Наполеону, затем, в эпоху Второй Реставрации – снова Бурбонам, после Июльской революции 1830 г. – «королю-гражданину» Луи-Филиппу и окончательно в отставку умел лишь 12 апреля 1848 г. уже при Второй республике [6, с. 311].

После окончания Наполеоновских войн Филипп де Сегюр взялся за перо, опубликовав в декабре 1824 г. «свое знаменитое описание кампании в России, о которой заговорили во всей Европе» [3, р. I]. Сегюровская «История Наполеона и Великой Армии в 1812 году» стала «одной из самых ранних работ по истории Отечественной войны 1812 года» [6, с. 310]. Как верно отметил С.А. Исаев, это сочинение Сегюра – прежде всего его личные впечатления, разнообразные сведения иного происхождения, которые он уточнял по газетным публикациям, опубликованным материалам и сведениям, полученным от участников событий [3, р.1]. По словам виконта Мельхиора де Вогюэ (написавшего предисловие к этой книге Сегюра) она имела огромный успех [7, с. 8]. Впрочем, у нее нашлись и крайне суровые критики. Первое место среди них, разумеется, принадлежит упомянутому выше генералу Гаспару Гурго молниеностно (уже в 1825 году) опубликовавшему критическое исследование работы графа Филиппа де Сегюра [5, р. XI]. Гурго весьма невысоко оценил труд де Сегюра, назвав его «собранием письменных сплетен из главной квартиры» [5, р. XI]. По мнению Гурго в своем сочинении Сегюр представил «Великую Армию, как орду грабителей», а Императора, как «безумца, слепо стремящегося к своему собственному краху» [5, р. XII]. Главным недостатком «Истории Наполеона», Гурго считал отсутствие в ней «исторической правды», равно, впрочем, как и подробного рассказа о военных действиях, которым автор предпочитает описания, которые он, вероятнее всего позаимствовал у русских или же извлек из своего собственного воображения ...»

[5, р. 260]. Обвиняя Сегюра в отсутствии патриотизма, Гурго называет его «апологетом г-на Ростопчина». При этом, в постраничном примечании, указано, что племянник Филиппа де Сегюра был женат на одной из дочерей московского градоначальника [5, р. 263].

Наряду с этим, приводя цитаты из сочинения де Сегюра, Гурго, подчас, сопровождает их весьма язвительными комментариями. Так, например, там где мемуарист описывает «старую, поврежденную непогодой, грязную деревянную хату, разделенную на две комнаты каким-то тряпьем», Гурго ехидно замечает: «Самое точное, что мы можем обнаружить в Истории Великой Армии это детали, касающиеся внутреннего убранство бивуаков, которые занимал Император» [5, р. 289].

Делая общий вывод, Гурго замечает: «Историк этой великой эпохи (Сегюр – А.Е.), не справился с задачей, которую он возложил на себя. Он явился никем иным, как самопровозглашенным певцом наших бедствий и несчастий, но никак не подвигов, ознаменовавших эту памятную экспедицию» [5, р. 421]. Погромная критика Гурго даже привела к дуэли (15 июля 1825 г.), на которой сошлись критик и критикуемый. Впрочем, о ней мало что известно, кроме того, что оба соперника ранили друг друга, а дуэль была прервана появлением полиции [6, с. 312].

Кроме «Истории Наполеона и Великой Армии в 1812 г.» Филипп де Сегюр написал еще большой труд в семи томах, который озаглавил следующим образом «История, мемуары и избранное», опубликованный уже после его смерти, в 1873: году. Он охватывает всю историю Наполеона и включает личные воспоминания автора [3, р. XX]. «Если бы все исторические труды о Наполеоне и его времени нужно было бы уничтожить, оставив только один, – писал о сочинениях Сегюра виконт де Вогюз, – то я не колеблясь указал бы на капитальный труд Сегюра как на самый поучительный и лучше всего передающий чувства и настроения той эпохи и саму личность Наполеона» [7, с. 8].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Туган-Барановский Д.М. Наполеон и власть. Балашов, 1993.
2. Вовси Э., Кузьмин А. Французские генералы – участники похода на Россию в 1812 г. М., 2012.
3. An aide – de – camp of Napoleon. Memoires of general count de Segur 1800–1812. N.Y., 1895.
4. Dictionnaire Napoleon/ Sous la direction de Jean Tulard. T.II. Paris, 1999.
5. Gourgaud G. Napoleon and the Great Army in Russia, or a critical examination of the work of the Count Ph. De Segur. L., 1825
6. Исаев С.А. Взгляд из лагеря Наполеона во время русского похода 1812 г. // ПИЖ, 2016, № 1.
7. Сегюр Ф-П де История похода в Россию. Мемуары генерал-адъютанта. М., 2014.

О.А. Ковалева (Ростов-на-Дону)

РУССКО-АНГЛИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНЦЕ XVIII–НАЧАЛЕ XIX ВВ.

Англо-русские отношения в конце XVIII – начале XIX вв. были весьма непростыми. С одной стороны, оба государства проявляли заинтересованность в развитии торговых отношений, с другой – участие России в Лиге нейтральных и протекционистская политика, проводимая российской императрицей Екатериной II, вызывали недовольство со стороны английских промышленников и британского парламента. Все это, в конечном итоге, приводит к тому, что попытки заключения двустороннего торгового соглашения между Россией и Англией в 1786 г. оказались безрезультатными. Причины столь «неспешного», по выражению А.А. Егорова [1, с. 345] сближения между двумя странами российский посол в Лондоне, граф С.Р. Воронцов связывал исключительно с тем, что «Сия земля (Англия – О.К.) так привыкла делать торговые условия с прочими народами в единственную свою пользу, без взаимности, что, будучи избалована незнанием их дел торговых, она неохотно на взаимные выгоды решится» [2, л. 23].

Дальнейшие попытки ведения переговоров по поводу заключения торгового трактата между двумя странами, предпринимаемые в конце 1780-х гг. были столь же безуспешными, как и все предшествующие. Отказ России выйти из «Лиги нейтральных», а также нежелание Англии снизить торговые пошлины для ввозимых из России товаров окончательно похоронили надежду на расширение англо-русских торговых контактов. Более того, антирусская политика британского кабинета Уильяма Питта Младшего также способствовала ухудшению двухсторонних дипломатических отношений. После начала русско-турецкой войны 1787–1788 гг. правительство Питта Младшего вводит запрет на перевозку английских товаров на российских судах.

В начале 1790-х гг. «обозначившаяся в конце 1780-х гг. враждебная по отношению к России тенденция во внешней политике питтовской администрации дала о себе знать в очередной раз» [2; с.147]. Опасаясь усиления русского влияния в бассейне Средиземного и Черного морей, а также в Польше Уильям Питт Младший настаивал на подписании русско-турецкого мирного договора на «английских условиях», добиваясь отказа России от всех завоеванных турецких территорий и возвращения туркам захваченной русскими войсками крепости Очаков. Окончательного разрыва англо-русских отношений удалось избежать лишь благодаря решительному сопротивлению британского парламента и крупных промышленников и финансистов, по мнению английского исследователя А. Розбери, «делавших золотые дела в торговле с Россией» [3, р. 106].

В то же время создание анти-французской коалиции в 1793 г. и начало войны европейских держав против революционной Франции способствовало нормализации англо-российских отношений. 25 марта 1793 г. между Россией и Англией был подписан союзный договор, направленный против Франции. Вместе с тем, во время правления российской императрицы Екатерины II Россия не принимала активного участия в военных кампаниях, организованных Англией на европейском континенте. Первые попытки англичан вовлечь в антифранцузский союз преемника Екатерины II императора Павла I также не увенчались успехом [1, с. с. 238]. Однако уже в марте 1798 г. (т.е. менее чем через два года после восшествия на престол) российский император через канцлера А.А. Безбородко передает в Лондон письмо следующего содержания: «Мы совершенно согласны с Лондонским двором в том, что надобно, да и время, положить преграду дальнейшим французским замыслам» [2. л. 1-2]. Основная причина отказа Павла I от политики «нейтралитета» в отношении Франции заключалась, в первую очередь, в стремлении французов к укреплению влияния в бассейне Средиземного моря и зоне Черноморских проливов, что создавало непосредственную угрозу для России. В связи с этим, союз с Англией оказался единственной возможностью противодействовать французским планам. Таким образом, Россия стала одним из главных участников Второй анти-французской коалиции, сформированной в начале 1799 г. 11 июня 1799 г. между Россией и Англией была подписана военная конвенция, в которой прописывались условия участия России в совместных с англичанами военных операциях в Голландии. Так, согласно условиям подписанного соглашения, за участие русских войск в голландской экспедиции Англия обязана была выплатить российскому императору значительные денежные суммы. Отказ британского правительства от своих финансовых обязательств, а также неудача англо-русской экспедиции в Голландии вновь способствовали ухудшению отношений между Россией и Англией. Павел I предпринимает ряд мер, направленных на возрождение Лиги нейтральных государств образца 1780 г. Успех переговоров между крупными европейскими державами по поводу создания Лиги мог бы существенным образом ослабить международное положение Англии. Однако смерть Павла I 11 марта 1801 г. положила конец этим консультациям. С 1804 по 1805 гг. Англия вновь делает ставку на Россию, как основного союзника в борьбе с Наполеоном Бонапартом, при этом такая позиция британского кабинета «укреплялась всеобщим осознанием ненадежности Пруссии и слабости Австрии» [1, с. с. 389]. Таким образом, в силу определенных конъюнктурных обстоятельств, русско-английские отношения в конце XVIII– начале XIX вв. были весьма противоречивы и менялись в зависимости от приоритетов английских премьеров и российских императоров в области международной политики.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Егоров А.А. Уильям Питт Младший 1784-1806: решающие годы. Ростов н/Д.-Таганрог, 2017.
2. Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Фонд Сношения России с Англией. Оп. 35/6. Д.72.
3. Rosbery A.R. Lord. Pitt. L., 1891.

В.П. Подольников (Ростов-на-Дону)

ВЛАСТЬ, НАРОД И АРМИЯ ВТОРОЙ ИМПЕРИИ ВО ВРЕМЯ ФРАНКО–ПРУССКОЙ ВОЙНЫ (1870–1871 ГГ.) (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ УЧАСТНИКОВ СОБЫТИЙ)

В ходе франко-прусской войны российские газеты весьма оперативно публиковали текущую телеграфную информацию о политической ситуации в воюющих странах и драматических событиях на полях сражения. Тогда же появились первые, частично или полностью переведенные на русский язык, публикации воспоминаний французских и немецких участников или очевидцев этих событий [6-7, 9-10]. Продолжились они и в послевоенный период [3, 8, 11-13]. Всех интересовали причины быстрого и сокрушительного поражения Франции в войне. Ведущая европейская держава, поставленная на колени за считанные месяцы молодым, еще не сформировавшимся окончательно немецким государством, вынуждена была принять от него унижительные условия мирного договора. Почему это произошло?

Ответ на этот вопрос помогает найти историческая информация, содержащаяся в мемуарной литературе. Успех любой войны во многом зависит от осознания большинством населения воюющих сторон тех национальных интересов, которые она должна отстаивать. Из воспоминаний современников следовало, что большая часть французов их не понимала. «У меня, – писал один из них, – не было причин ненавидеть пруссаков; я даже уважал их пиво и поэзию..., но ведь не необходимо ненавидеть народ, чтобы вести с ним войну... Вся Франция разделяло мое мнение» [13, с. 166]. Вместе с тем уже тогда прослеживалась очевидная династическая заинтересованность переживающего кризис режима Второй империи в победоносной войне.

Отсутствие ясной и понятной мотивировки войны французское правительство пыталось компенсировать заверениями общества в полной готовности к ней и в возможности одержать над врагом легкую победу. И в начале ему это в полной мере удалось. Поэтому, по словам того же очевидца, война «вызвала настоящий взрыв энтузиазма», и «уверенный, что война ограничится одним сражением, после коего король Вильгельм попорится испросить мира, я рвался в Страсбург» [13, с. 166, 275].

Официальные круги искусственно раздували ура-патриотические и шапкозакидательские настроения воинственной толпы. «На бульварах и улицах, - свидетельствовал другой участник событий, - только и раздавались восклицания: «Наша непобедимая армия!», «Наши храбрые солдаты!», «Наши африканские генералы!» Не было ни одного мирного буржуа, которому не чудился бы запах пороха, и многие заблаговременно запасались уже планками и флагами» [9, с. 459]. Современник войны, Э Золя, позже подытожит эти настроения словами: «Все считали, что пруссаков шапками закидают» [5, с. 579].

Поддавшись на провокацию Бисмарка с Эмской депешей, Франция фактически выступила инициатором войны. В то же время бывший император Наполеон III, пытаясь скрыть династическую подоплеку войны и снять с себя ответственность за ее развязывание, утверждал, что начиная войну, он «послушался лишь сильно возбужденного общественного мнения» [6, с. 4]. Вопрос о том, кто его «возбуждал» император оставлял открытым.

Позиция немецкой стороны сводилась к тому, что вина за начало конфликта полностью возлагалась на французов. «Война, - писал прусский офицер, - была объявлена Германии быстро; только уверенность французского правительства в успехе объясняет нам, почему оно не считало нужным быть особенно разборчивым в приискании предлога: взяли первое, что попало под руку» [7, с. 864].

После первых военных неудач в августе 1870 г. настроение во Франции резко переменялось. Патриотический энтузиазм и вера в быструю победу сменились упадком боевого духа и пораженчеством. Окружение Рейнской армии при Меце и поражение при Гравелотте привели к тому, что «большинство французов, начиная с высших сфер и кончая просто-народьем, - по словам российского военного историка тех лет Л. Байкова, - потеряли... надежду на успешное продолжение борьбы. Иначе и быть не могло: реакция, происшедшая вследствие перехода от иллюзий к действительности, была слишком сильна. Войска, от их начальников до последних солдат, пали духом; население потеряло доверие к силе, как своей армии, так и своего правительства: трескучим телеграммам, объявляемым последним об одерживаемых победах, никто уже не хотел верить» [2, с. 251].

Все это в конечном итоге предопределило исход франко-прусской войны. Правда, существовало и другое мнение о причинах поражения в войне, высказанное свергнутому с престола французским императором. Сравнив Францию с Германией и признав превосходство сил последней, а также лучшую организацию ее армии, Наполеон, вместе с тем, пришел к выводу, что «успехи пруссаков должны быть приписаны... сильно утвердившемуся в Германии принципу власти... Действительную силу государства, - заключил он, - составляют: уважение к правительству, повиновение законам и дух патриотизма и воинственности, превышающий все частные различия во взглядах» [6, с. 4].

Между тем, уважение к правительству резко упало, благодаря действиям самого же правительства, о чем также свидетельствуют воспоминания современников. Австрийский корреспондент Абани, находившийся при ставке принца Наполеона, описал, как на фоне голодной и беспорядочно отступающей французской армии «откормленные придворные лакеи стали таскать сундуки, дорожную посуду и всякую дрянь и нагружать ими стоящие дорожные повозки» [3, с. 115]. Еще большее раздражение вызывала официальная пресса, которая, по словам другого очевидца, «точно сговорилась лгать и льстить национальному тщеславию... О наших поражениях говорили, что они славнее побед, а о сражении при Верте отзывались как о торжествующей неудаче. Отступление наших войск превозносили со славой и восторгались героизмом солдат, совершавших эти отступления» [9, с. 459–460].

Поскольку разгром французской армии, считавшейся до начала войны одной из лучших в Европе, стал для многих неожиданно быстрым и шокирующим, авторы воспоминаний уделяли большое внимание чисто военным аспектам кампании (вооружению, снабжению и организации, тактике ведения боевых действий). Особую актуальность эти вопросы приобрели для России в связи с проводившейся в стране военной реформой. Они стали предметом тщательного анализа еще задолго до франко-прусской войны [4]. Теперь же появился новый материал, требующий дальнейшего осмысления военными специалистами.

Характеризуя военную силу противника, премьер-министр Франции Оливье заявил: «Что такое прусская армия!... Нам стоит только дунуть на нее!» [1, с. 19]. В действительности все обстояло далеко не так.

Немецкий офицер, участник войны, сравнивая стрелковое оружие двух армий, отмечал, что французское ружье системы Шаспо, хоть и стреляло дальше, и заряжалось быстрее, чем немецкое игольчатое ружье, все же уступало тому в точности прицеливания. Новое французское оружие – митральеза, по его мнению, было легко уязвимо, требовало подходящего местоположения и прикрытия. Наполеон, продолжал он, излишне «понадеялся на чудодейственную силу митральезы, пренебрег остальными артиллерийскими орудиями. Поэтому немецкая артиллерия везде, где ей приходилось действовать настоящим образом, имела перевес; огонь ее был так жесток, что даже самые лучшие неприятельские полки не в силах были его выдерживать, и в трудные моменты она решала дело» [7, с. 881–882].

Другой немецкий военный, флигель-адъютант барон Зеддлер, указал на решающую роль германской артиллерии в победе над французами в сражениях при Марс-ла-Туре, Гравелотте, Седане. Решение прусского принца под Седаном «выслать вперед артиллерию... на несколько верст под прикрытием незначительного числа эскадронов..., – по мнению барона, – побудило генерала Вимпфена (командующего французской армией - В.П.) отказаться от сделанного ему предложения прорыва на север» [12, с. 61].

Именно умелые действия немецкой артиллерии, признает Наполеон III, заставили французских генералов согласиться на позорную капитуляцию под Седаном. «Седан..., – писал он позже, – превратился в настоящую бойню: огонь неприятельской артиллерии производил ужасающее действие среди скученной толпы бегущих с поля сражения солдат разных частей войск и среди жителей Седана и даже раненных, которых не спасал белый флаг с красным крестом» [6, с.4].

Разительный контраст, по воспоминаниям современников, представляла организация руководства французской и немецкой армий. С нескрываемым превосходством германские офицеры писали об умело и быстро проведенной мобилизации немецкой армии, которая «оправдала все надежды»; об удачно выбранном моменте для наступления; о прекрасно организованной перевозке войск по железным дорогам, обеспечившей неожиданную для противника мобильность передвижения воинских соединений [7, с. 882, 883]. Осознавая особую важность последнего фактора, германское командование сделало одновременно все возможное, чтобы затруднить переброску французских армий, разрушив, во словам Наполеона III, тоннели и парализовав тем самым работу железных дорог [8, с.1].

Однако и без вмешательства немцев передвижение французской армии не отличалось мобильностью и организованностью. Как позже вспоминал изгнанный император, «начальники корпусов пускали свои дивизии вразброд..., офицеры и солдаты, следуя дурной привычке, принятой ими в Африке, набирали с собой слишком много багажа, что еще более замедляло движение войск и без того медленное по причине дурной погоды» [8, с. 1].

Что же касается руководства французской армии, то здесь царили неразбериха и сумятица. Будучи верховным главнокомандующим, Наполеон, по его собственному признанию, «силою обстоятельств» «перестал быть не только главою армии, но и главою правительства», «был осужден на бездействие, между тем как мои армии и мое правительство стремились в глазах моих в бездну погибели» [6, с. 4; 8, с. 1].

С позиций безучастного статиста рассказал экс-император о седанской катастрофе, назвав одной из ее причиной противоречия в военном руководстве. «Два главнокомандующих, – писал он, – сменившихся один вслед за другим, – генерал Дюкро и Вимпфен – задавались каждый особой целью...» [6, с. 4]. Со своей стороны оба генерала, отметив чехарду смены за два дня четырех командующих (Мак-Магон, Дюкро, Дуэ, Вимпфен), обвиняли в поражении друг друга. Вечером 1 сентября, когда седанская битва фактически закончилась, генерал Вимпфен заявил императору: «Если я проиграл сражение, государь, если я побежден, то обязан этим неисполнением моих приказаний, неповиновению ваших генералов» [10, с. 1]. Присутствовавший здесь же генерал Дюкро бурно отреагировал на это заявление следующей страстной тирадой: « Кто отказывал вам в неповиновении? На кого вы намекаете? Не на меня ли? А я скажу вам, что, к несчастью,

приказания ваши были слишком хорошо исполнены. Если мы потерпели страшное поражение, превосходящее все, чего можно было ожидать, то мы обязаны им вашей безумной самоуверенности! На вас одних падает ответственность... На вас одних должен пасть позор капитуляции» [10, с. 1].

Не лучше обстояло дело с интендантской службой французской армии и обучением новобранцев, о чем также свидетельствовали мемуарные источники. Солдаты, вспоминал участник событий, были обуты в ботинки, которые хороши были лишь для того, «чтобы танцевать кадрили и щеголять ногою», а не для длительных военных переходов; ноги у всех были разбиты в кровь, и «эти бедные резервисты, такие же плохие ходоки, как и я, издали походили гораздо более на свадебное шествие, хорошо пообедавшее, чем на военный отряд, делающий переход» [13, с. 331]. Чтобы облегчить свое передвижение, они выбрасывали из ранцев накануне осеннего похолодания теплые вещи, рассуждая следующим образом: «На что мне нужна куртка из толстого сукна при температуре в тридцать градусов выше нуля? Ведь война не продлится до осени!» [13, с. 331]. В связи с плохой организацией питания солдаты, по словам того же мемуариста, воровали кур у местного населения [13, с. 332]. «Армию нечем было кормить», – признался позже свергнутый с престола император [6, с.4].

Обучение резервистов, которых насчитывалось в каждом французском полку по 200 -300 человек, было также поставлено из рук вон плохо. «Солдату нет надобности знать что-либо», – говорил им фельдфебель [13, с. 456]. Их даже не научили ставить палатки, выдав кусок холста и несколько деревянных брусков без объяснения, «как их употреблять», в результате чего спать приходилось под открытым небом, в грязи [13, с. 275].

Что же касается обучения тактике ведения боя, то оно хорошо проиллюстрировано словами инструктирующего новобранцев майора: «Когда вы увидите, что другие идут направо, и вы идите направо; когда они возьмут влево, и вы делайте полуоборот налево – вот вам и все движения. На поле сражения стреляйте не торопясь, цельтесь всегда в кого-нибудь... Если пойдут в тылки, бегите прямо вперед, не спотыкаясь» [13, с. 275].

Известно, что перед войной во французской армии имелись фиктивные части. Однако все эти факты не помешали ее руководству, переводя стрелки на противника, утверждать, что прусская армия «великолепно организована на бумаге» [1, с. 22].

Отвечая на это необоснованное заявление, немецкий офицер, сравнив обе армии, и, опираясь на имеющийся уже опыт первых боевых сражений, констатировал следующее: «Одно из великих преимуществ нашей военной организации заключается в том, что в управлении ею господствует правда и честность. У нас не бывает, чтобы что-нибудь существовало только на бумаге» [7, с. 883].

Таким образом, материалы, содержащиеся в воспоминаниях очевидцев и участников франко-прусской войны, дают возможность осветить

важные политические и военные аспекты этого рубежного события европейской истории второй половины XIX века.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Антюхина-Московченко В.И. Третья республика во Франции. 1870–1918. М., 1986.
2. Байков Л. Франко-прусская война 1870-1871 гг. Седанская операция // ВС. 1876. Т. 111. № 10-12.
3. Воспоминания австрийского корреспондента Абани о франко-прусской войне // ВС. 1872. Т. 85. № 6.
4. Драгомиров М.И. Австро-прусская война в 1866 году. СПб., 1867.
5. Золя Э. Три войны. Собр. Соч.: В 26 т. М., 1964. Т. 23.
6. Пересказ брошюры Наполеона III «Причины Седанской катастрофы» // РИ. 1871. № 31.
7. Письма о войне 1870 г. // ВЕ. 1870. Т. 5.
8. Посмертные сочинения и неизданные автографы Наполеона III в изгнании // СО. 1873. № 98.
9. Рецензия на книгу Франциска Сарсэ «Осада Парижа 1870-1871 гг. Впечатления и воспоминания». СПб., 1871 // ВЕ. 1871. Т. 4.
10. Седанская капитуляция (Извлечение из книги генерала Дюкро) // СПбВ. 1871. № 269.
11. Седанский погром по сказаниям генералов Вимпфена и Дюкро // ВС. 1872. Т. 85. № 6.
12. Три беседы флигель-адъютанта барона Зедлера в академии Генерального штаба «Пехота, артиллерия и кавалерия в бою и вне боя в германо-французской войне 1870-1871 гг.» // ВС. 1872. Т. 85. № 7.
13. Шуточный солдат. Воспоминания о франко-прусской войне // Гражданин. 1876. № 6.

В.Ю. Щербаков (Ростов-на-Дону)

БУНДЕСВЕР В ПОЛИТИКЕ ПАРТИЙ ФРГ «СПРАВА ОТ ЦЕНТРА»

Для одних немцев Бундесвер – это неотъемлемая часть западного мира, верный член НАТО и союзник США, защитник свободы и демократических ценностей не имеющий связей с прошлым страны до 1949 г. Для других – это историческое продолжение вековых немецких армейских традиций верности, доблести и самопожертвования, стоящих на страже Германии и нации. Ни одна немецкая партия не обходит проблему Бундесвера. ХДС, ХСС, СвПД и «зелёные» выступают за постепенное сокращение ар-

мии с сохранением и усилением её боеспособности за счёт постоянной модернизации и повышения мотивации военнослужащих. Всего этого предлагают добиваться ростом престижа военной службы, прежде всего, увеличения социальных льгот, зарплаты, постоянного повышения квалификации и профессионализма. Партии, которые находятся на правом фланге политического спектра страны и часто считающиеся «праворадикальными», в целом, согласны с основными направлениями развития Бундесвера, предлагаемыми этаблированными политиками. Однако, при этом они считают, что немецкая армия должна стоять прежде всего, на страже немецких национальных интересов. Наиболее влиятельными современными партиями «справа от центра» несомненно являются самая старая праворадикальная структура страны – «Национал-демократическая партия Германии» (НДПГ), никогда, впрочем, не поднимавшаяся выше уровня земельных парламентов и довольно молодая – «Альтернатива для Германии» (АдГ) в 2017 г. триумфально вошедшая в Бундестаг с 12,6% голосов. НДПГ основали выходцы из НДСАП, поэтому у неё имидж если не неонацистской, то откровенно праворадикальной структуры. В Германии её часто даже называют «правоэкстремистской», но, не смотря на многочисленные попытки, признать её антиконституционной так и не удалось. АдГ изначально намеренно создавалась как партия, не имеющая ничего общего ни с НДСАП, ни с НДПГ. Ни один политик, ранее отметившийся в организациях, признанных «праворадикальными» не имеет в АдГ никаких шансов на руководящие должности. Не поддерживает АдГ и контактов с НДПГ, по крайней мере, на уровне руководства. Тем не менее, среди этаблированных партий от ХСС до «Левых», «Альтернатива для Германии» является своеобразным политическим изгоем, иметь любые отношения с которым недопустимо. Основные линии разграничения между партиями «справа от центра» и их политическими противниками проходят по проблемам, связанным с миграцией и европейской интеграцией. АдГ и НДПГ считают необходимым ограничить иммиграционные потоки и избавиться и от иностранцев, незаконно проживающих на территории стран, и особенно тех, кто продолжает нарушать законы. Что касается европейской интеграции, то её представители «крайне правых» предлагают ограничить, избавившись от стран, «паразитирующих» на Германии. Общим требованием для всех партий «справа от центра» является отказ от единой европейской валюты.

Армия и военная служба являются важными составляющими идеологии партий и движений «справа от центра». Обе крупнейшие праворадикальные партии считают необходимым численное и качественное усиление Бундесвера. Впрочем, из этого не следует, что отношение к армии у всех партий, считающихся праворадикальными совершенно одинаково. Так, АдГ уверена, что Германия и дальше должна быть членом НАТО, отвергая, впрочем, создание общеевропейских военных структур. «Будущее Европы не в ЕС в его нынешнем состоянии», утверждает в про-

грамме АдГ, поэтому «создание европейской (ЕС) армии, или использование немецких вооружённых сил в чужих интересах АдГ отвергает» [6, с. 26]. АдГ признаёт США «важнейшим союзником Германии», но при этом «требует укрепления европейского направления НАТО, для повышения роли в нём Германии». «Альтернатива для Германии» призывает к восстановлению всеобщей воинской обязанности, которая, во-первых, верно служила Германии на протяжении пятидесяти лет, а во-вторых «сплачивает армию и общество» [6, с. 27].

В программе НДПГ отмечается: «Каждый народ имеет право на самозащиту. Чтобы защитить жизненные интересы и существование народа, нужны хорошо обученные и современные вооружённые силы» [1, с. 47]. Военная служба для немцев, по мнению национальных демократов, традиционно была почётной. Именно поэтому партия призывает к введению всеобщей воинской обязанности. При этом, как считают представители НДПГ, армия в Германии должна выполнять задачу «школы нации». Что касается традиционной основы и образца подражания для Бундесвера, то это должно быть уважение к доблестному отношению к службе и долгу немецких солдат всех времён, включая, разумеется и период Второй мировой войны. Укрепить Бундесвер, сделать его по-настоящему привлекательным для молодёжи, а службу в немецкой армии – предметом гордости, можно, по мнению национал-демократов в том случае, если избавиться от навязанного немцам по итогам Второй мировой войны «национального культа вины». Как считают представители НДПГ, «немцы не являются нацией преступников», а поощрение немцев ненависти к себе, особенно среди молодёжи служит прежде всего, «чужим финансовым интересам» [1, с. 34]. «Наших отцов предали и выставили преступниками, но всё-таки они были лучшими солдатами, лучшими солдатами в мире» – поёт видный деятель партии, кандидат на выборах президента Германии в 2009 и 2010 гг. известный немецкий лидермахер Франк Реннике [2]. Он обращает внимание на то, что в современном Бундесвере отчётливо прослеживается линия на искоренение старых армейских традиций. Так, под «прицел» попал и без того «приглаженный» официальный песенник Бундесвера. Сомнения у «борцов с нацизмом» вызывают даже такие безобидные, часто исполняемые детскими коллективами песни, как «Лесной орех». Поскольку НДПГ часто называют наследницей НСДАП, то немецкая армия, точнее, её руководство, старается избавиться от любых контактов с этой партией. Лидер национал-демократов Удо Фойгт двенадцать лет служил в Бундесвере и в 1984 г. вышел в отставку в звании капитана. В значительной степени увольнение было связано с его активной партийной деятельностью [3]. Более 30 лет Фойгт, как офицер запаса состоял членом «Объединения Бундесвер», что вызывало раздражение и многочисленные протесты общественности. В мае 2009 г. совет объединения принял единогласное решение об исключении председателя НДПГ из организации. Поводом послужило решение районного суда в Тиргартене (Берлин) об осуждении Фойгта на семь ме-

сцев условно по обвинению в создании футболок к чемпионату мира с расистской, по мнению суда, надписью: «Белый. Не только цвет майки. За настоящую НАЦИОНАЛЬНУЮ команду!» [6].

По мнению национал-демократов, Германия не может считаться настоящим независимым государством, так как состоит в целом ряде международных организаций, одной из которых является Североатлантический альянс. Именно в НАТО происходит процесс планирования стратегии Бундесвера, значительная часть сухопутных сил, авиации и флота Германии руководятся натовским командованием, страна обязана содержать десятки тысяч иностранных солдат, находящихся на её территории. Поскольку вооруженные силы Германии не должны быть средствами международной политики великой державы, считают национал-демократы, членство ФРГ в НАТО, где доминируют Соединенные Штаты, необходимо прекратить [1, с. 48]. НДПГ призывает к выводу всех иностранных военных формирований с территории Германии, ликвидации иностранной военной инфраструктуры. Целью реформы Бундесвера, по мнению НДПГ, должно быть создание европейской системы безопасности, в случае необходимости, с участием России. Как и АдГ, НДПГ считает, что улучшение отношений с нашей страной необходимо, поскольку «снижение напряжённости в отношениях с Россией для является условием длительного мира в Европе» [1, с. 48].

В последнее время средства массовой информации Германии бьют тревогу: в социальных сетях многие немецкие солдаты открыто демонстрируют свой правый радикализм. Это и картинки в Инстаграм, изображающие солдат вермахта и высказывания в Фейсбук, в которых сомнению подвергается легитимность современного немецкого государства. Интернет наполнен высказываниями и шутками праворадикального толка бывших и действующих военнослужащих бундесвера. «Точной информации о том, сколько правых радикалов служат в армии нет» – отмечает телевизионный канал «Тагесшау» [6]. Что касается статистики случаев, связанных с проявлением антисемитизма, правого экстремизма, или ксенофобии, то их количество на протяжении последних десяти лет находится примерно на одном уровне – 3,1 – 3,5 случаев на десять тысяч солдат. По данным министерства обороны в период с 2012 по 2016 год 18 военнослужащих были «досрочно уволены из Бундесвера из-за правового радикализма» [8, с. 48]. Союзы резервистов пытаются выявить и исключить членов и сочувствующих НДПГ, но сделать это по словам руководства союзов, очень сложно [4, с. 48].

Армия – это особая социальная структура, далёкая от полноценной демократии независимо от страны, которой она принадлежит. Здесь всегда идеалом будет сила, мужество, воинская доблесть, базирующиеся на особой мифологии, и вековых традициях, остающихся неизменными вне зависимости от политического строя. Этим пользуются немецкие правые радикалы, позиционирующие себя в качестве традиционалистов и защитников немецкой армии, стоящей на службе немецкого народа.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. ARBEIT. FAMILIE. VATERLAND. Das Parteiprogramm der Nationaldemokratischen Partei Deutschlands (NPD) Beschlossen auf dem Bundesparteitag am 4./5.6.2010 in Bamberg 2. Auflage, März 2013. [Электронный ресурс]. URL: https://npd.de/Parteiprogramm_NPD.pdf (дата обращения: 3.05.2019)
2. Die Posse um das Bundeswehr-Liederbuch – Video DS-TV 12-17 mit Frank Rennicke [Электронный ресурс]. URL: <http://rennicke.de/die-posse-um-das-bundeswehr-liederbuch-video-ds-tv-12-17-mit-frank-rennicke/> (дата обращения: 3.05.2019).
3. Biografie. Udo Voigt für Deutschland in Europa! [Электронный ресурс]. URL: https://udovoigt.de/?page_id=827/ (дата обращения: 5.05.2019)
4. «Mitglieder der NPD haben bei uns nichts verloren» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article13758875> (дата обращения: 10.05.2019).
5. Nach Urteil gegen NPD-Chef. Bundeswehr schmeißt Voigt raus [Электронный ресурс]. URL: <https://www.n-tv.de/politik/Bundeswehr-schmeisst-Voigt-raus-article290163.htm> (дата обращения: 5.05.2019)
6. PROGRAMM FÜR DEUTSCHLAND. Wahlprogramm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum Deutschen Bundestag am 24. September 2017 Beschlossen auf dem Bundesparteitag in Köln am 22./23. April 2017. [Электронный ресурс]. URL: content/uploads/sites/111/2017/08/AfD_Wahlprogramm_2017_A5-hoch.pdf (дата обращения: 5.05.2019)
7. Wie groß ist das Problem mit den Rechten? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tagesschau.de/investigativ/bundeswehr-rechte-101.html> (дата обращения: 5.05.2019).
8. Wie rechts ist die Bundeswehr? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/bundeswehr-und-der-fall-franco-a-wie-rechts-ist-die-truppe-a-1145722.html> (дата обращения: 10.05.2019).

РАЗДЕЛ V.
ВОЙНЫ В ИСТОРИИ ЮГА РОССИИ

Ильюков Л.С. (Ростов-на-Дону)

К ВОПРОСУ О ВОИНСТВЕННЫХ РОКСОЛАНАХ

На рубеже II – I вв. до н.э. в исторических источниках по Северному Причерноморью появляется племя загадочных роксолан. Плиний среди народов европейской Сарматии называет разные племена: «аорсы, аланы, гамаксобии, танаиты, роксоланы» (Плиний. III, 5). В этом списке, наряду с аланами присутствуют роксоланы, между ними гамаксобии. Птолемей уточняет «амаксобии» («гамаксобии») – это «живущие на повозках» (Птолемей, III, 5,17) и добавляет «амаксобии» («гамаксобии») – это второе название аорсов, входящих в состав сармат, или по-гречески «савромат» (Плиний. IV, 80). По-видимому, в тексте Плиния переписчик допустил повторение, назвав поразному – аорсов! Тогда как по Птолемию, аорсы и амаксобии – это разные народы (Птолемей, III, 5,10). В тексте Плиния упомянуты аланы, а вслед за гамаксобиями и танаитами - роксоланы. У более позднего автора Аммиана Марцеллина было отмечено, что, «пройдя через землю аланов, ... разделенных на множество племен, ... которые граничат с гревтунгами, обычно называемым танаитами, ... присоединили их к себе» (Аммиан Марцеллин. XXXI, 2,7; 3,1). С.И. Безуглов, выделяя группу древностей позднеримских памятников в Нижнем Подонье второй половины III в. – первой половины IV в., связал их с аланами-танаитами античных источников [1, с.81, 82]. По Страбону, существуют «амаксобии» («гамаксобии»), которые питаются домашним скотом, молоком и сыром (Страбон. VII, 3,7). По Страбону, роксоланы «носят шлемы и панцири их сырой воловьей кожи и сплетенных их прутьев щиты, а наступательным оружием им служат копья, лук и меч» (Страбон. VII, 3, 17). Аналогичное описание алан мы находим при описании алан у более позднего автора (Аммиан Марцеллин, XXXI, 2, 13-25). У Геродота, скифы «будучи конными стрелками, возят за собой свои дома, получая пропитание от разведения домашнего скота; жилища у них на повозках» (Геродот. IV,46, 3). «Племя аланов есть часть скифов, живущих вокруг Танаиса и Меотийского озера (Флавий. О войне иудейской. VII, 7, 4). По мнению Д.А. Мачинского, «амаксобии» – это общее название кочевников. Страбон помещает их там же, где находились роксоланы [2, с. 131]. «Вечно воинственными», «пылькими» представлялись аланы античным авторам (Лукан. О гражданской войне. VIII, 212-225; Флакк. VI, 40). Вероятно, у Плиния в списке кочевых народов переписчиками текста были допущены повторы: аорсы повторно названы гамаксобиями, а аланы – роксоланами или танаитами, «присоединенными» к аланам!

Некоторые исследователи допускают, что время появления алан в античных источниках «опережали» археологические реалии [3, с. 228]. Такая осведомленность античных авторов о роксоланах II в. до н.э. требует дополнительного разъяснения.

Сведения о кочевниках причерноморских степей крайне скудны. В переводе В.И. Абаева «Роксоланы» – это «светлые аланы» Общеизвестной является версия В.И. Абаева, что термин «алан» является производным от иранского «агуа» [4, с. 47,48] или от древнеиранского «елен» – «олень» (Г.В. Вернадский). По Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванову первоначальное значение слова «алан» это «хозяин», «гость», [5, с. 755].

У сарматов волосы, согласно Овидию, были белокурыми (Овидий. IV, 2, 37), а у алан, по сообщению Аммиана Марцеллина – «умеренно белокурыми» (Аммиана Марцеллина, XXXI, 2, 21). Такой сравнительный ряд был составлен А.К.Нефедкиным [6, с.74]. Судя по цвету волос, кочевники слабо различались. Они были белокурыми и носили защитные доспехи из воловьих кож, плетеные из прутьев щиты и копья, лук и меч. На этом исчерпываются сведения о светловолосых роксоланах. Их кочевой быт в описаниях античных авторов, отличен от быта оседлого населения. Но в чем же различались между собой кочевники, – не ясно. Источники молчат!

По Птолемию, «**между аланами и гамаксобиями** — карионы и саргати, у поворота реки Танаиса – офлоны и танаиты, за ними – осилы до роксолан; **между гамаксобиями и роксоланами – ревканалы** (выделено нами, – *Л.И.*). Между бастернами и роксоланами живут хуны» (Птолемей, III, 5,10). По-видимому, при копировании этого текста кем-то был допущен повтор. То есть **между аланами**, то есть живущими на повозках, **гамаксобиями** следуют кариона и сарпии, а ниже отмечено, что между живущими на повозках, **гамаксобиями и роксоланами** следуют **ревканалы**. И далее следует что, между бастернами и **роксоланами** живут **хуны**. Другими словами, за роксоланами живут хуны. Видимо, вставка о ревканалах, обитавших в стороне от роксолан, не позволяет объединять их в один кочевой народ. По мнению Птолемию, это разные племена!

Один эпизод из жизни «роксоланов» заслуживает внимания. Это их военное противостояние римлянам. Согласно Страбону, который опирался на сочинение Артемидора Эфесского, роксоланы занимали «равнины между Танаисом и Борисфеном». Они воевали под предводительством Тасия с полководцем Митридата Евпатора Диофантом, который защищал город Херсонес от скифов, под руководством Палака, сына Скилура. Пятьдесят тысяч роксолан не смогли противостоять шеститысячной римской армии под началом полководца Диофанта. Римляне одержали победу над варварами. «Из пехоты вражеской никто не спасая, из конницы же немногие спаслись бегством» (Страбон. VIII, 3, 17).

Успехи полководца Диофанта были отмечены жителями Херсонеса в декрете 110–109 гг. до н.э. [7, с. 214, 218]. В тексте, составленном в Хер-

сонесе, указано, что скифский царь Палак для вооруженного противостояния с жителями Херсонеса «привлек на свою сторону ревксиналов». Некоторые считают, что «роксоланы» из текста Страбона и «ревскиналы» из херсонесского декрета – это «одно и то же» [8, с. 58, прим. 20]. Тем не менее, декрет в честь Диофанта был более приближен к событию, нежели пересказ Страбоном сведения, которое он получил из письменного источника, составленного Артемидором Эфесским. По мнению К.Ф.Смирнова, в результате соединения Птолемеем различной информации между гемаксобиями и роксоланами появились ревканалы [9, с. 120]. Однако, это предположениемне находит единодушия. Несомненно, ревканалы не являлись вторым названием роксолан [10, с. 21–22].

К IV веку роксоланы исчезают из текстов античных авторов [11, с. 43]. Ранее была высказана точка зрения о том, что они являлись одним из первых воинственных отрядов алан, появившихся в европейских степях из-за Танаиса. Это был авангардом новой миграционной волны докатившейся до Восточной Европы [12, с. 213]. Появление алан в Восточной Европы фиксируют письменные источники с серединой I века н.э. [13, с. 43].

По мнению Д.А. Мачинского роксоланы были родственны аланам и отличны от сарматов. В сарматах он видит языгов и аорсов [14, Симоненко, с.110]. Сарматские памятники Таврии II–I вв. до н.э. с ориентацией с северный полукруг, вероятно, могут быть связаны с роксоланами [15, с. 110].

Можно ли соотнести исторических роксолан с археологическими источниками? Споры не утихают. Первую попытку связать археологические памятники с историческим народом предпринял К.Ф. Смирнов, который в 1948 г. опубликовал статью «О погребениях роксолан». Он попытался связать с роксоланами диагональные среднесарматские погребения. Форма широкой могильной ямы и необычное положение умершего в ней по диагонали ямы, ориентированных в южном направлении, оппоненты К.Ф. Смирнова сочли не достаточными, чтобы придать археологическим источникам этническую окраску [16, с. 123; 17, с. 456, 458]. Под давлением артефактов, К.Ф. Смирнов отказался от гипотезы о роксоланской принадлежности диагональных захоронений. На ее смену была выдвинута версия о принадлежности аланам больших среднесарматских подквадратных могил, в которых умершие сопровождалась престижным погребальным инвентарем. Их появление совпало с становлением среднесарматской культуры и утверждением аланов в Восточной Европе [18].

Б.А. Раев и С.А. Яценко уверенно связывают богатые подкурганые захоронения в широких могилах под индивидуальными насыпями, относящиеся к I веку нашей эры, с аланам письменных источников [19; 20, с.127-129]. В.П. Шилов считает, что аналогичные среднесарматские погребения были оставлены знатью аорсов [21, с.44]. Обратившись к Аммиану Мирцеллину, С.И. Бузуглов связал позднесарматские нижнедонские погребения с аланами, известными как аланы-танаиты [22].

В.Ю. Малашев и Т.А. Габуев, анализируя катакомбные могильники ранний алан в Осетии, привлекли ряд катакомбных могильников из Нижнего Подонья. Они убедительно показали связь донского материал позднесарматского времени с раннеаланской культурой [23, с. 160].

В 1980-е гг. В.П.Глебов, изучая памятники сарматской культуры Нижнего Дона, выделил группу североориентированных захоронений раннесарматской культуры. Но он не поставил вопрос об их этнической принадлежности, он воздержался от их этнокультурной атрибуции [24].

В начале 1990-х гг. А.В.Симоненко предположил, что погребения в простых ямах или в могилах с подбоем, обычно впущенных в более ранние курганные насыпи, были оставлены племенами роксоланв [25], известным по письменным источникам.

В своей работе о сарматах Верхнего Подонья А.П. Медведев опустил культурную атрибуцию этих памятников [26, с. 20–21]. Проблему о роксоланах античных источников затронул Л.С. Ильюков [27, с. 21–23], но и он не связывал их с североориентированным сарматским погребением. Находя раннесарматские североориентированные погребения в Поволжье, И.В. Сергацков и О.А. Шинкарь «усомнились в их однозначной интерпретации». В тоже время, они отметили, что для Северного Причерноморья, роксоланская атрибуция группы североориентированным сарматских погребений возможна, но аргументов не привели [28]. И наконец, появилась диссертационная работа А.В. Деревянко [29]. Поведя интересный источниковедческий экскурс о роксоланах, он выделил «лоскутки памятников» с североориентированным сарматским погребением на территории Восточной Европы. А.В. Деревянко справедливо подчеркнул, что ориентировка позволяет «установить» местоположение мира предков, в которые наплавливались души усопших. Можно ли североориентированных погребенных рассматривать, как роксолан? А.В. Деревянко поддержал гипотезу А.В. Симоненко о принадлежности североориентированных погребенных роксоланам, но каких-либо новых аргументов в их пользу не привел. Роксоланам отводит особое место в своем исследовании Е.В. Вдовченко [30]. Он согласен с подходом А.В. Симоненко к оценке ориентировки погребенных при этнической оценке. Ориентировка в северный сектор указывает на роксолан, а в южный – на языгов. И только! У североориентированных керамика расположена в головах погребенного, у южноориентированных – в ногах погребенного. И добавляет, другим путем не выделить роксолан, потому что до середины I в н.э. в Северо-Западном Причерноморье преобладали раннесарматские южноориентированные комплексы, а с середины I в н.э. их заменяют раннесарматские комплексы по культурной принадлежности, но с северной ориентировкой. [30, с. 63].

Чем объяснить существование в погребальном обряде двух противоположных ориентировок – на юг и на север, которые являлись ориентирами для умерших, при их отправлении в мир мертвых. Усматривать в этом признаке этнический индикатор, – сомнительно! Оснований для такого предположе-

ния, – нет! По мнению М.Г. Мошковой, катакомбная форма была присуща аланскому миру. В недрах погребального сарматского обряда шло формирование ранних аланских черт. Какие погребальные сооружения II–I вв. до н.э. можно было, уверенно связывать с аланским этносом, и противопоставить сарматам, – не известно. Как объяснить, что вместе с сарматами в войске кочевников были, не только скифы, но и роксоланы. Судя по тексту диктета в честь Диофанта, в союзе со скифами выступали ревканалы, а не роксоланы. По-видимому, в текст Страбона вкралась ошибка и вместо ревканалов появились роксоланы, которая по созвучию слова напоминала алан, уже заявивших о себе ко времени написания текста.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Безуглов С.И. Аланы – танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии // Историко – археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1989 г.. Вып.9. Азов, 1990.
2. Мачинский Д.А. Некоторые проблемы этногеографии восточноевропейских степей во II в. до н.э. - I в. н.э. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 16. Л., 1974.
3. Гутнов Ф.Х. Ранние аланы. Проблемы этносоциальной истории. Владикавказ, 2001.
4. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. М.-Л., 1958.
5. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. II. Тбилиси, 1984.
6. Нефедкин А. Сарматы. Первая тяжелая конница степей. М, 2018.
7. Саприкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический М., 1986.
8. Соломоник Э.И. Сравнительный анализ свидетельства Страбона и декрета в честь Диофанта о скифских царях // ВДИ. 1977. № 3.
9. Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.
10. Ильюков Л.С., Власкин М.В. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов н/Д., 1992.
11. Нефедкин А. Сарматы. Первая тяжелая конница степей. М, 2018.
12. Смирнов К.Ф. О погребениях роксолан // ВДИ.1948. № 1.
13. Нефедкин А. Сарматы. Первая тяжелая конница степей. М, 2018.
14. Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
15. Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
16. Засецкая И.П. «ДиAGONАЛЬНЫЕ» погребения Нижнего Поволжья и проблема определения их этнической принадлежности // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. № 16, Л., 1974.
17. Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // МИА. Вып.60. М., 1959.

18. Туаллагов А.А. К вопросу о появлении ранних алан в Восточной Европе // Античная цивилизация и Вагварский мир (Материалы 7-го археологического семинара. Краснодар, 8-11 июня 1999 г.). Краснодар, 2000.
19. Раев Б.А. Римские импортные изделия в погребениях кочевнической знати I – III вв. н.э. на Нижнем Дону // Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Л., 1979.
20. Скупкин А.С. Азиатская Сарматия: проблемы истории и культуры // Проблемы сарматской археологии и истории (Тезисы докладов конференции). Азов, 1988.
21. Шилов В.П. Запорожский курган (к вопросу о погребениях аорской знати) // СА. 1983. № 1.
22. Безуглов С.И. Аланы – танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии // Историко – археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1989 г.. Вып.9. Азов, 1990.
23. Малашев В.Ю., Габуев Т.А. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М., 2009.
24. Глебов В.П. Сарматские погребения с северной ориентировкой III – I вв. до н.э. на Нижнем Дону // Проблемы охраны и использования памятников археологии в Донбассе. Донецк, 1989.
25. Симоненко А.В. Сарматы Таврии. К., 1993.
26. Медведев А.П. Сарматы верховьях Танаиса. М., 2008.
27. Ильюков Л.С., Власкин М.В. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов н/Д., 1992.
28. Сергацков И.В., Шинкарь О.А. Раннесарматские погребения с северной ориентировкой в бассейне Иловли // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 6. Волгоград, 2003.
29. Деревянко А.В. Роксоланская проблема в Российской и Украинской археологии // Автореферат дис... канд. ист. наук. Воронеж. 2018.
30. Вдовченко Е.В. Социальная история сарматов Нижнего Дона. Ростов н/Д., 2018.

Д.С. Сидоров (Ростов-на-Дону)

**ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ ДРЕВНОСТИ КАК ФАКТОР
ОГРАБЛЕНИЯ НЕКРОПОЛЕЙ (НА МАТЕРИАЛАХ
НЕКРОПОЛЕЙ НИЖНЕ-ДОНСКИХ ГОРОДИЩ I–III ВВ. Н. Э.)**

В современной науке мало внимания уделяется проблеме грабежа древних некрополей. Исследования показывают, что большая часть захоронений подвергалась грабежам во времена существования кладбищ [7, с.63]. Чаще всего ограбления совершали люди имеющие отношение к поселению, рядом с которым располагался некрополь. Об этом свидетельствуют ситуа-

ции, которые фиксируют археологи. Проникновения совершались точно. В те места, где концентрация ценных вещей была наибольшей – голова, грудь, руки. Однако мы имеем свидетельства и о более поздних ограблениях могильников «черными копателями» в близкое к нам время [2, с.44–45]. А так же о случайных разрушениях античных некрополей более поздним строительством. Так, в г.Азове и г.Ростове-на-Дону, под застройку попали Крепостное, Ростовское, Темерницкое и другие городища.

Среди причин ограблений древности называют:

- плохую охрану некрополей,
- безразличие местного населения к происходящему,
- отсутствие правовой базы наказаний,
- периоды упадка поселений вследствие войн [4, с. 161].

В данном случае мы рассмотрим вопрос о влиянии военного фактора. Практически любой военный конфликт древности был направлен не только для завоевания новых территорий или достижения политических ценностей, но и на то, чтобы эффективно грабить.

Косвенные упоминания о том, что могилы являлись целью захватчиков можно найти у Геродота [3, с.218–219]. Когда персидское войско выступило в поход в скифские земли, скифский царь Иданфирс обратился к ним со словами «У нас ведь нет ни городов, ни обработанной земли. Мы не боимся их разорения и опустошения и поэтому не вступили в бой с вами немедленно. Если же вы желаете во что бы то ни стало сражаться с нами, то вот у нас есть отеческие могилы. Найдите их и попробуйте разрушить, и тогда узнаете, станем ли мы сражаться за эти могилы или нет». Применительно к городищам Нижнего Дона мы знаем о нескольких военных конфликтах и периодах упадка: 1) Поход Боспорского царя Полемона на рубеже эр; 2) Экспансия со стороны степи в середине II в.н.э.; 3) Разрушение, предположительно племенами готов середине III в.н.э [4, с. 158].

При захвате города сначала грабились сами поселения и отбирались те вещи, которые были на виду. Но многие ценности были скрыты в земле. На некрополях меотских поселениях I–III вв.н.э. по сей день находят изделия из драгоценных металлов и камней, которые привлекают захватчиков.

Однозначно говорить о разграблении некрополей захватчиками нельзя. Однако ряд археологических признаков указывает именно на это. Во-первых, сам по себе массовый характер грабежей. На меотских поселениях ограблению подвергались более 50% погребений [6, с. 238], в Танаисе и вовсе порядка 80%. Более высокий процент на некрополе Танаиса связан большей концентрацией богатых захоронений. Сложно предположить, что сотни захоронений были вскрыты одними только местными жителями. Во-вторых, способы грабежа, применяемые местным и пришлым населением, отличались. В случае осуществления грабежей жителями округа, воронки и лазы рылись в нужные части могильной ямы. Такие грабители имели представление о расположении костяка погребения, погребальных камер, если речь идет о ката-

комбных и подбойных захоронениях, и ценности инвентаря. Иная ситуация связана с пришлыми грабителями. Представления о вещах в захоронениях и ориентировке погребений они не имели, поэтому значительная часть комплексов была ограблена полной раскопкой простых и заплечиковых ям, или лазом через колодец подбойных и катакомбных конструкций, что было обусловлено поиском камер захоронений [6, с. 236]. Подобные случаи встречаются, как на территории некрополя Танаиса, так и на меотских поселениях округи. Более того, для Танаиса характерно ограбление целых связок разновременных погребений [1, с. 187, 192]. Такие способы грабежей возможны только при наличии большого количества времени для вскрытия достаточно глубоких захоронений, а так же значительных людских ресурсов. Последним фактом, говорящим о грабежах в период военных экспансий служит планиграфия ограбленных погребений. При не знании месторасположения богатых комплексов, могилы вскрывались без разбора. На некрополе Танаиса подобная ситуация очевидна. Редкое погребение, вскрываемое археологами, оказывается не потревоженным. Подобные участки встречаются и на меотских некрополях, в частности на некрополе Кобякова городища [5, с. 286–287].

Таким образом, фактор военных конфликтов является одним из ключевых в разработке проблемы ограблений древних некрополей. Несмотря на отсутствие письменных памятников об осквернении могил в это время, археологические данные – способы грабежа, планиграфия и их массовый характер, являются одним из ключевых источников.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Беспалый Г.Е. Отчет о проведении археологических раскопок на участках строительства музейного здания, объектов инфраструктуры и экспозиционного показа в границах объекта культурного наследия федерального значения «Археологический музей-заповедник «Танаис» в х. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области в 2012 году, Т.1 Ростов-на-Дону, 2016
2. Бойко А.Л., Толочко И.В. Криминальный антикварный рынок на юге России в конце XIX – начале XX вв.: «agente recitatore» Ф.С.Романович и «tombarolo» А.А.Смычков // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования / Ред. – сост. Зинько В.Н., Зинько Е.А. Керчь, 2016.
3. Геродот. История (в девяти книгах). Пер. и прим. Г.А.Стратановского. Л., 1972.
4. Ильяшенко С.М., Вдовченков Е.В. Древние ограбления некрополя Танаиса. К постановке проблемы // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. СПб., 2016.

5. Ларенок В.А. Меотские древности. Каталог погребальных комплексов Кобякова городища из раскопок 1999-2000 гг. Ч.1. Р н/Д., 2013.
6. Сидоров Д.С. Ограбление грунтовых некрополей на примере Нижне-Донских городищ I-III вв.н.э // Неделя науки 2018. Р н/Д–Таганрог, 2018.
7. Сидоров Д.С. Осуществление грабежей и постпогребальных ритуалов на некрополях Нижне-Донских меотских городищ // Манускрипт. Т.12. Вып.4. Тамбов, 2019.

Ю.В. Зеленский (Краснодар)

ПОХОДЫ ДОНСКИХ ПОЛОВЦЕВ ПРОТИВ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ

В середине XI – конце XII вв. половцы совершали походы против русских земель. Эти походы совершались днепровскими и донскими половцами. В настоящей статье будут рассмотрены походы, которые были совершены донскими половцами.

Впервые донские половцы подошли к границам Руси в 1055 г. Это был, скорее всего, разведывательный поход. Закончился он тем, что хан Блуш заключил мир с переяславским князем Всеволодом Ярославичем. Возможно, половцы подошли к русским границам именно для заключения мирного договора. В 1061 г. состоялся уже полновесный набег. Он также был направлен против переяславской земли, возглавил его хан Искал [2, с. 152].

Следующий довольно мощный половецкий набег состоялся в 1068 г. Он вновь был организован донскими половцами, возглавлял его хан Шарукан. Дружины киевского князя Изяслава Ярославича, черниговского князя Святослава Ярославича и переяславского князя Всеволода Ярославича были разгромлены половцами на р. Альта. Однако затем половцы были разгромлены черниговским князем Святославом Ярославичем на р. Сновь.

В своём «Поучении детям» Владимир Всеволодович (Мономах), который в это время княжил в Переяславле, писал, что в феврале 1080 г. он отразил набег половцев, которые захватили г. Стародуб. Однако об этом половецком походе ничего не сообщалось в летописных сводах. Также в летописи ничего не сообщается о походе половцев 1084 г., о котором также сообщалось в «Поучении» Владимира Мономаха.

Я не рассматриваю в данной статье участие донских половцев в междоусобных войнах русских князей в 1078 и 1079 гг. В данном случае это нельзя трактовать как самостоятельные походы. То же самое можно сказать об участии половцев в междоусобной войне тмутороканского князя Олега Святославича против Владимира Мономаха в 1094 г.

В 1106 и 1107 гг. донские половцы совершают набеги совместно с днепровскими. В 1106 г. их возглавлял Шарукан, а в 1107 г. Шарукан и

Сугр. Оба эти набега были отражены русскими князьями [2, с. 258]. Именно эти походы вызвали грандиозный поход русских князей против донских половцев в 1111 г.

В 1113 г. умер Святополк Изяславич и князем в Киеве стал Владимир Всеволодович Мономах. Узнав об этом, донские половцы подошли к Переяславлю с требованием даров. Но против них выступили Владимир Мономах, черниговский князь Давыд Святославич и новгород-северский князь Олег Святославич. Половцы были разгромлены у г. Выря и отступили в степь.

То же самое произошло после смерти Владимира Мономаха в 1125 г. Узнав о смерти князя, донские половцы попытались вторгнуться в Переяславскую землю. Но они были разгромлены переяславским князем Ярополком Владимировичем [3, с. 61].

В 1030-е гг. донские половцы регулярно участвовали в междоусобицах русских князей. Они выступали на стороне черниговских князей Ольговичей. Эти их действия нельзя считать самостоятельными походами. Следует отметить, что во время этих междоусобных войн половцы разоряли территорию Переяславского княжества и несколько раз доходили до Киева. Та же картина наблюдается в 1140-х и в начале 1150-х гг. Как и прежде половцы не играют самостоятельной роли выступая как наёмники. Чаще всего они были союзниками суздальского князя Юрия Владимировича (Долгорукого). В летописных сводах упоминаются половцы, входившие в Донское объединение, а также так называемые «дикие» половцы, которые кочевали в бассейне Дона.

В 1155 г. донские половцы совершили самостоятельный набег и разорили окрестности Переяславля. Набег был повторён в 1167 г. В середине XII в. половцы постоянно совершали грабительские набеги, препятствуя движению купеческих караванов. Это вызвало несколько походов русских князей.

Во второй половине XII в. произошло усиление Донского объединения половцев. Во главе его находился хан Кончак. Так же как и раньше донские половцы иногда действовали в союзе с днепровскими. Так в 1173 или 1174 гг. донские половцы во главе с Кончаком и днепровские половцы во главе с Кобяком вторглись в пределы Переяславского княжества и разграбили окрестности г. Баруча и г. Серебряного. Однако они были разгромлены новгород-северским князем Игорем Святославичем.

В августе 1179 г. донские половцы во главе с Кончаком вторглись в пределы Переяславского княжества, разорили окрестности Переяславля и сожгли несколько сёл. Но увидев на берегу р. Сулы русские дружины половцы отступили в степь.

В 1183 г. Кончак в союзе с ханом Глебом Тирпиевичем намеревался вторгнуться в пределы Переяславского княжества. Но узнав, что против него идут русские князья отступил в степь. Иногда утверждают, что степняки были разгромлены на р. Хырьи новгород-северским князем Игорем Святосла-

вичем, курским князем Всеволодом Святославичем, волынским князем Романом Мстиславичем и «чёрными клобуками» [1, с. 120].

В феврале 1184 или в марте 1185 г. донские половцы во главе с Кончаком совершили масштабный поход против русских княжеств желая «сжечь русские города огнём». Однако против них выступили киевские князья-соправители Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславич, смоленский князь Роман Мстиславич и переяславский князь Владимир Глебович. Половцы потерпели поражение, но остались кочевать на границе с Переяславским княжеством.

После неудачного похода русских князей во главе с новгород-северским князем Игорем Святославичем в 1185 г. донские половцы во главе с Кончаком и Гзаком совершили ответный поход. Кончак совершил набег на Киев, осаждал Переяславль и захватил г. Римов. Гзак сжёг острог Путивля.

В 1187 г. донские половцы во главе с Кончаком совершили поход в Поросье и грабили территорию Черниговского княжества. Это был последний зафиксированный поход донских половцев против русских княжеств.

Рассматривая походы донских половцев против русских земель, мы видим, что достаточно частыми эти походы были в середине – конце XI в. В первой половине XII в. половцы не совершали самостоятельных походов и участвовали в междоусобных войнах русских князей. Вновь ими были предприняты походы против русских земель в 1170-х – 1180-х гг.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Голубовский П.В. Печенеги, торки и половцы. Русь и степь до нашествия татар. М., 2011.
2. Ипатьевская летопись (Полное собрание русских летописей. Том второй). М., 2001.
3. Каргалов В.В. Русь и кочевники. М., 2004.

Г.Г. Чепига (Донецк, ДНР)

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ НА ЮЖНОМ ПОГРАНИЧЬЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В XVI – XVII ВВ. ДОНЕЦКИЙ АСПЕКТ

Территориальные рамки современного Донбасса в Раннее Новое время относились к стране, по образному выражению В.Д. Сухорукова, «именуемой в летописях Поле». Крайними областями, где находилось оседлое население, были Рязань и Северская земля и «эти области отделялись от обиталища татар пустою, пространною степью, которая шла от южных берегов Волги через Дон почти до Днепра» [13, с. 1]. Северную

часть Донбасса (Среднее Подонцовье) уже к началу XVII в. можно отнести к полевой окраине Российского государства.

Предметом рассмотрения в статье является процесс распространения южнороссийской колонизации на территорию Поля, к которой в XVI – XVII вв. принадлежал современный Донбасс, а также местные особенности пребывания населения на пограничье Российского государства в Среднем Подонцовье.

С присоединением Северной земли влияние Российского государства распространилось на среднее течение Северского Донца. В начале XVI ст. через эти земли проезжал австрийский дипломат С. Герберштейн, который зафиксировал наличие русской сторожевой службы в районе Святых Гор [2, с. 103]. В течение века имеются эпизодические упоминания о сторожах в Среднем Подонцовье. К последней трети века была создана постоянная система сторож, охватывавшая весь край.

Потому появление первого русского города в среднем течении Северского Донца – Царёва-Борисова не случайно. Несмотря на кратковременность существования (1599 – ок.1612 гг.), удалённость от русских городов на Поле и период Смуты, когда освоение южных окраин Россией было приостановлено, он стал базой для распространения южнорусской колонизации непосредственно на территорию современного Донбасса.

Так, уже с 1620 г. в непосредственной близости от Царёв-Борисовского городища фиксируется община пещерного Святогорского монастыря, состоящая на жалованье у российского монарха [3, с. 89].

Почти одновременно, в 1619 г. появляются сообщения о сезонном пребывании русских людей окраин в крае для выварки соли в междуречье Северского Донца и Тора на Торских озёрах [11, с. 22; 12, с. 313]. В 1625 г. об этих же местах писал государю бывший житель Царёва-Борисова, валуйчанин Поминко Котельников с предложением начать казённую выварку соли и построить на озёрах острог [5, с. 6]. Таким образом, южнорусское население в некоторой степени было инициатором правительственной колонизации освоения Донецкого края. Из-за военно-политической обстановки эта идея была реализована только во второй половине XVII в., когда были построены первые города Донецкого края: Маяцкий, Тор, Райгородок. Таким образом, заселение Донбасса оседлым населением происходило путём строительства городов.

Начальной формой заселения Донецкого края были юрты. Первые упоминания о донецких юртах связаны со строительством Царёва-Борисова. В «Наказе воеводам Богд. Бельскому и Сем. Алфёрову о постройке города Царёвоборисова», опубликованном Д.И. Багалеем, говорилось, что после устройства города необходимо послать людей на Донец и Оскол, велеть атаманам прибыть со всех рек, записать, кто в каком юрте атаман и где есть юрты, и кто в них хозяин. Предлагалось также сообщить держателям юртов, что царь пожаловал владеть ими [1, с. 10].

Юртами владели белгородские служилые люди в незаселённой, южной части Белгородского уезда. Юртовая часть Белгородского уезда именовалась Донецкой волостью и доходила до впадения р.Оскол [4, с. 46]. В самой южной её части и располагался Царёв-Борисов. После переписи донецких юртов очевидно, что белгородские юрты «приросли» территорией Поля далее на юг – ухажьями до района р. Бахмут по правому берегу Северского Донца и по р. Чёрный Жеребец по левому берегу реки. Это предположение подтверждается тем, что несколькими годами позднее эти юрты уже были на законных основаниях во владении святогорских старцев, а с постройкой городов Царёва-Борисова второго заселения, Змиева, Маяцкого часть огромной территории ухажьев, принадлежавшая ранее Святогорскому монастырю, была отмежевана в пользу жителей новых городов [16, с. 40]. Таким образом, новые территории Поля в Донецком регионе входили в сферу влияния Российского государства в форме юртов, которые в Раннее Новое время являлись «пограничной» экономической и административной единицей.

С постройки Царёва-Борисова началось экономическое и административное включение территории современного Донбасса в сферу российской государственности. Белгородская черта и Белгородский разряд, защитившие российское пограничье к середине XVII в. находились севернее междуречья Северского Донца и Тора, где были построены первые Донецкие города, однако ускорили процесс освоения края южнорусским населением. Город Маяцкий сперва не был включен в Белгородский полк. Он находился за чертой (Белгородской). Но по росписи 1677/78 гг. в Белгородский разряд входил 61 город, в т.ч. Маяцкий [6, с. 8].

Юртовое владение в XVII в. сосуществовало с городами [15]. Города стали центрами как сторожевой службы в регионе, так и защитой для промысловиков. Оба этих занятия местное население часто сочетало. Важнейшим промыслом жителей края была выварка соли. Кроме того, возник такой вид дополнительного заработка как доставка дров на промыслы. Официальные функции первых городов Донбасса – содержание таможни и моста, сбор пошлины и охрана солепромысла, отправка соли в Белгород, сторожевая служба и защита самих городков, участие в военных действиях.

Как и на остальной территории Белгородского разряда, население донецких городов пополнялось черкасскими мигрантами. На левой стороне Северского Донца имели юрты как маячане, так и донские казаки. К этому времени на территории этих юртов появляются городки донских казаков.

Драматизм жизни на полевых окраинах заключался в соседстве с кочевыми народами. К примеру, татары нападали на Маяцкий в 1678 г.; 1679 год известен тем, что в ноябре город две недели был в осаде, в том же 1679 году нападения произошли 4 раза. В феврале 1681 г. татары 2 раза были под Маяцким. С самого начала 1682 г. в январе отряды татар два раза нападали

на Маяцк, и многих взяли в плен. В этом же году татары снова под Маяцким разгромили дровяной табор и взяли в плен жителей разных городов человек 30. В 1683 г. на Торских озерах воинские люди из куреней многих людей в полон поймали и под Маяцким городом взяли табор. В 1690 г. из Маяцкого доносили: *«января 20 татарове выше Маяцкого броду, в урочище на р.Нетриус, на городовых проезжих людей били и в полон побрали; а сколько тех проезжих людей побрали, того не ведомо»* [14, с. 341]. В этом же году Кубанская орда сожгла посад у г.Тора, разгромила табор - 400 чел. торских и маяцких казаков, забрала их в неволю. Это краткая иллюстрация событий из истории только Маяцкого городка (ныне село Маяки Славянского р-на оккупированной территории ДНР) [9, с. 336–338].

Тем не менее, основное содержание жизни людей определялось их хозяйственной деятельностью. В конце XVII в. начала формироваться материальная культура местного населения, черты которой явственно прослеживаются в XVIII в.

Имеющиеся данные по археологическим исследованиям поселений Среднего Подонцовья данного периода обобщил ст. н. с. ГУК «Донецкий Республиканский краеведческий музей» Э.Е. Кравченко в материалах, предоставленных на международную научную конференцию «История Донбасса: анализ и перспективы», которая проходила в Донецком национальном университете в 25 – 26 апреля 2019 года. Отдельные аспекты этой темы были им исследованы в ряде более ранних статей автора [7–8, 10 и др.].

Основная часть крепостных, жилых и хозяйственных сооружений в среднем течении Северского Донца, до середины XVIII в., строилась из дерева. Кирпич в рассматриваемом регионе длительное время имел ограниченную сферу использования.

Основное количество находок на поселениях Донецкого края, представлено керамикой. Русская белоглиняная посуда немногочисленна и в основном встречается на памятниках, существовавших в начальный период заселения края. К концу XVII в. белоглиняные горшки постепенно вытесняются посудой, изготовленной на быстро вращающемся гончарном круге. Посуда этого типа характеризуется малым весом, высоким качеством обжига, тонкими стенками и представлена на территории от Поднепровья до Дона. Данный феномен объясняется тем, что данная посуда, была продуктом товарного гончарного производства.

Изразцы широко представлены на поселениях среднего течения Северского Донца. Судя по огромному количеству находок, видно, что кафельная печь пользовалась большой популярностью у населения и не считалась роскошью.

Многочисленны изделия из стекла. Большая часть стеклянных изделий изготавливалась на территории края. По набору форм изделия из стекла чрезвычайно разнообразны. Частой находкой являются обломки от

оконных стекол. Также не редки находки, связанные с рыбным промыслом и военной службой.

Абсолютное большинство населения, проживавшего в донецких городках, было христианами. Только на Казачьей Пристани было обнаружено около двух десятков разнообразных нательных крестов, повторяющих образцы, распространённые на территории Русского государства. Особый интерес представляют бронзовые иконки с изображением Св. Николая Можайского, найденные на городке Казачья Пристань. Находки иконок с его изображением на беспокойном степном пограничье вполне объяснимы.

Население, проживавшее в среднем течении Северского Донца, было подвержено различным этническим и культурным влияниям, что сказалось на денежном обращении этой территории. Во второй половине XVII в. здесь использовались серебряные монеты разных государств: России, Речи Посполитой, Швеции, Пруссии, Прибалтийских государств. Коренной перелом наступил в начале XVIII в., после денежной реформы Петра I, когда русская монета постепенно начинает доминировать, и уже к середине правления Петра I полностью вытесняет из обращения европейские деньги.

Таким образом, территория Среднего Подонковья, являющаяся северной частью современного Донбасса, вошла в сферу политического влияния Русского государства в начале XVI ст. К концу XVI ст. прослеживается включение её в экономико-административную систему России. С середины XVII ст. произошло официальное закрепление территории междуречья Северского Донца и Тора за Российским государством с помощью постройки городов-острогов и оборонительных линий. Сложные этнические процессы, происходившие на этих землях со второй половины XVII в., положили начало формированию населения этих территорий, потомки которого проживают здесь в настоящее время.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Багaley Д. И. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства в XVI–XVIII ст. Т.1. Харьков, 1886.
2. Герберштейн С. Записки о Московии. СПб., 1866.
3. Дедов В.Н. Святые горы. Иллюстрированная история. Донецк, 2014.
4. Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969.
5. История Донецкого края в документах и материалах. XVII–начало XX века: материалы для учителей истории. Донецк, 1995.
6. Комолов Н.А. Азовская губерния (1709–1725 гг.): территория и высшие администраторы. Ростов н/Д., 2009.
7. Кравченко Э.Е. Бытовой комплекс Святогорского монастыря XVII–начала XVIII вв. // Материалы исследований, реставрации и использования памятников истории и культуры. Славянгорск, 1995.

8. Кравченко Э.Е. Клад серебряных монет XVII в. из Казачьей Пристани (северо-западный Донбасс) //ЛД, 2001, № 9.
9. Кравченко Э.Е., Кузин В.И., Ляшенко В.Г., Чепига Г.Г. Очерки истории Донецкого края (с древнейших времён до 1917 года) // МВР. 2017. № 1.
10. Кравченко Э.Е., Мирошниченко В.В. Материальная культура населения среднего течения Северского Донца на рубеже XVII–XVIII вв. (по материалам раскопок поселения Казачья Пристань) // Святогірський альманах 2007. Донецьк, 2007.
11. Пірко В. О. Оборонні споруди в межиріччі Дніпра і Сіверського Дінця (історичний нарис з уривками джерел і планами споруд за другу половину XVII–XVIII ст.). Донецьк, 2007.
12. Слюсарский А. Г. Социально-экономическое развитие Слобожанщины. XVII-XVIII вв. Харьков, 1964.
13. Сухоруков В. Д. Историческое описание земли Войска Донского. Новочеркасск, 1903.
14. Филарет (Гумилевский Д.Г.) Историко-статистическое описание Харьковской епархии: В 3 т. Т.2. Харьков, 2005.
15. Чепига Г.Г. Юрты как первая форма освоения Среднего Подоцовья. // Святогірський альманах. Харків, 2017.
16. Царская грамота 1679 г. и выпись из межевых книг 1666 г. // Святогорская общежительная Успенская пустынь. М., 1868.

Н.Н. Кравченко (Ростов-на-Дону)

РЫБОЛОВНЫЙ ПРОМЫСЕЛ, КАК ОСНОВА ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ХУТОРОВ НИЖНЕГО ДОНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

Изучение социально-экономической жизни, хозяйственной деятельности, как больших слоев населения, так и отдельных социальных или этнических групп всегда помогает как можно шире изучиться само развитиекакой-то части населения, его динамику, вектор, направленность. Изучение этих аспектов приносит немалый вклад в реконструкцию и исследование повседневной жизни человека, ведь основную часть своего времени, особенно это характерно для XX века с возникновением колхозной системы, он, как правило, проводил на рабочем месте, производстве и это прямым образом отражалось на его образе жизни и формировало его повседневность.

Хозяйственная специализация так же, с одной стороны могла являться неотъемлемой частью этнической культуры какой-то группы населения, с другой, сама могла влиять на формирование егокультурных осо-

бенностей. Последняя тенденция, по нашему мнению, проявилась среди жителей изучаемого нами региона, а именно на Нижнем Дону, который представлен территориями низовых станиц и хуторов Ростовской области, в частности современного Азовского района, в число которого входят станица Елизаветинская (бывшая юртовая станица Ростовского округа на 1917 год), хутора Донской, Рогожино, Дугино, Обуховка, Казачий Ерик, Курганы, Шмат, Колузаево. Здесь на протяжении длительного исторического периода доминировала и была, пожалуй, единственной, хозяйственная специализация в виде рыболовства.

Стоит отметить, что вообще изучение подобной проблематики нашло свое отражение в трудах многих отечественных исследований, например Садового А.Н., Ратушняк В.Н., [6–7] которые анализировали специфику хозяйственно-экономической деятельности в отдельных регионах или этнических группах. Что касается нашего исследуемого региона, то, стоит сказать, что его изучению уделяется не так много внимания, однако очень ценными представляется коллективная монография под авторством Матишова Г.Г., Власкиной Т.Ю., Венкова А.В., Власкиной Н.А. [4], посвященные истории низового хутора Донского, в которых так же подробно, с этнографическими элементами, освещается и тематика рыболовного промысла в дельте Дона.

Говоря о рыболовстве в этих краях, стоит упомянуть, что этот промысел ведет свою историю чуть ли не с момента поселения человека в этом регионе. Федотова Т.А. в своей работе «Самая низовая на Дону», отмечает, что жизнь здесь наблюдалась с V в. по сер. III в. до н.э., с приходом скифов, а с появлением греков в дельтовой части реки появляются поселения и стоянки тех, кто ловил и заготавливал рыбу, «...вышесказанное подтверждается многочисленными находками на бывшем Елизаветинском поселении каменных грузил от больших сетей и неводов» [9, с. 1]. Не изменилась хозяйственная деятельность и с обоснованием Османской империи в этих местах, из Турецкой перепись сер. XVI в. известно о 104 семействах рыбаков, проживавших в Топрак-Кале...ниже Азака, [5] который в свою очередь именовался «султанским рыбным двором» [9, с. 2].

Из сборника экономического обследования Области Войска Донского за 1906 год в станице Елизаветинской так же отмечается, что «...рыболовство составляет главное занятие граждан станицы от самого основания ея. Из всех граждан станицы не занимается совсем рыболовством только 3 %, а остальные без исключения занимаются все; поэтому постоянных рыбаков здесь 97% всех домохозяев» [8, с. 7]. При этом все это подавляющее большинство являлись казаками, которые сосредотачивали весь промысел в своих руках, иногородним доставалось участие в рыбной ловле лишь с третьей части всего улова.

С приходом советской власти основное занятие станицы и ее хуторов осталось прежним. Однако если раньше казаки сами распоряжались

количеством улова, разделом рыбных тоней (места базирования рыболовных снастей, рыболовецких бригад и мест улова рыбы) между станичными и хуторянами, а самое главное присваивали рыбные запасы себе, то при большевиках уже в начале 1920-х годов эта система изменилась. Отныне водные территории переходили в ведение новой власти, а выловленная рыба предназначалась на нужды фронта и государства. А уже в 1930-е годы в период колхозного строительства весь этот промысел был заключен в рамки колхозов (с приставкой – «рыб.» – от «рыболовецкий») и полностью становился государственной собственностью. В этот период активно используется такая терминология, как браконьер и браконьерничество, которое расценивалось как хищение социалистической собственности. Так как помимо работы в рыбколхозах, многие местные жители продолжали иметь свои собственные снасти и суда, и осуществляли улов рыбы для собственного потребления.

В начале 1960-х произошла реорганизация созданных ранее колхозов, которые рассредоточились в каждом из хуторов. Так в х. Донском и с. Кагальник действовал рыбколхоз им. Ильича, в х. Рогожино – «Тихий Дон», в хуторах Дутино и Обуховка – «им. Чкалова», в х. Курганы – «им. Ленина». В каждом из рыбколхозов существовали рыболовецкие бригады, собранные из числа местных жителей, владеющих умениями и навыками рыбной ловли. Важно отметить, что все мужское население в хуторах с малых лет перенимали способы и хитрости рыбной ловли, изготовления и ремонта снастей, по сути, это были профессионалы своего дела и непосвященный человек просто напросто не смог бы участвовать в процессе вылова рыбы. Для всех видов судов, сетей и других снастей существовала своя терминология и лексика, которой зачастую владели только мужчины, так как женщины в подавляющем большинстве в рыболовстве не участвовали, у них были свои функции – переработка и сбыт рыбы, в особенности в советское время.

Рыболовецкие бригады имели свою определенную структуру и управление. Так, в среднем в колхозе было около 4-5 бригад численностью около 40 человек каждая. Во главе стоял *бригадир*, который ведал всеми финансово-организационными делами и был подотчетен правлению колхоза, далее *заводчик* – заместитель бригадира, который руководил самим процессом ловли (выбор невода, место и способ его установки) и распределения паев, *каючник* – контролировал невод при его поднятии, *каменщик* – выбрасывал и контролировал каменные грузила невода при «сыпке» (погрузении) невода, *сдатчик* – управлял и распределял норму сдачи рыбы государству и ее транспортировку до пунктов приема. Остальные члены бригады были просто рыбаками, подчиняющиеся вышеперечисленным. Учитывался коэффициент тяжести работы, самый высокий был у каменщика, от этого зависело начисление и размер зарплаты, которую выплачивали как в денежном эквиваленте, так и натурально – в виде рыбы. Интересно, что существовали разные ухищрения среди рыбаков, чтобы принести со смены

как можно больше рыбы, так например, к защитному костюму (винцерада) пришивался внутренний большой потайной карман, куда могли складывать рыбу и незаметно ее транспортировать [3].

Рыба становилась основным источником семейного дохода. Добытую рыбу легальным или не очень способом обрабатывали (солили, вялили, делали балыки) часто и свежую продавали на рынках ближайших городов, Азова и Ростова-на-Дону. Эти функции выполняли исключительно женщины, при этом такой труд был весьма тяжел и рискован, две сумки по 20 килограмм в каждой руке и риск быть задержанной стражами порядка. Часто сбыт рыбы осуществлялся на дому, когда в хутора приезжали специальные люди и закупали у местного населения рыбные деликатесы. Подобный «бизнес» был сопряжен с большим риском оказаться замеченным правоохранительными органами, нередки случаи которые попадали на страницы газет о выявлении браконьерства среди местных рыбаков и публичного их порицания [1, с. 4], обыски завершались изъятием всех рыбных запасов, а иногда и уголовной статьей.

Важно пояснить, что сами коренные жители не воспринимали себя как расхитители и браконьеры, рыбная ловля для собственного потребления, воспринималась как часть жизни, как традиционное занятие передававшееся из поколения в поколение. Дон воспринимался, как экономический ресурс общего равного пользования, принадлежавшего всем жителям хуторов и станиц.

Тем не менее, возможность такого заработка обеспечивало основной массе населения хуторов большой достаток и более высокий уровень жизни, в сравнении к примеру с другими селами того же Азовского района. Накопленные средства позволяли приобрести квартиру в Азове или Ростове-на-Дону, появившуюся с 1970-х бытовую технику и электронику, перестройку жилья, этот процесс очень активно наблюдался в 1960-70-е годы. Ярким показателем является то, что после распада СССР в связи с возникшим финансовым кризисом, многие хуторяне расставались с целыми мешками обесцененных денег [2].

Интересно так же упомянуть, что рыба являлась основой рациона. Это позволило сформировать уникальную традиционную кухню, которая является и сегодня неотъемлемой частью казачьей культуры. Нередко от хозяек-станичниц можно было услышать горделивые и хвастливые речи об их исключительном умении готовить из рыбы и нередко пренебрежительное отношение к блюдам других, проживающих в соседних селах, основная порция критики доставалась не коренным жительницам хуторов. Интересным еще является и отношение к некоторым рыбным деликатесам, рыбы было настолько много, что ее просто не воспринимали как ценность, мелкую всегда выпускали в Дон, в ход шли только метровая красная и многокилограммовые сазаны и судаки. Редкая и дорогая черная икра была обыденным явлением на повседневном столе, порой как вспо-

минают местные жители, если икру с хлебом, а не хлеб с искрой, и того порой не было [2]. В то время как в соседнем Ростове суммы за граммы икры были баснословные.

Таким образом, проанализировав историческое развитие рыболовного промысла в хуторах и станицах Нижнего Дона, выявив отдельные его аспекты, можно с уверенностью сказать, что именно рыбная ловля являлась основой экономического развития и хозяйственной специализации этого микрорегиона. Это занятие главным образом повлияло на формирование образа жизни населения. С ликвидацией казачества как военно-служилой группы населения и утратой воинской культуры и функций, принадлежность к традиционному рыбному промыслу стало, пожалуй, единственной идентификацией этнической идентичности и приверженности к казачьей традиционной культуре. Рыбный промысел во многом заложил основы и сформировал самобытные черты, присущие населению только Нижнего Дона, тем самым отличая его от других микро- и макрорегионов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Когда браконьеры вздыхают // Красное Приазовье. 1975. 28 февраля. № 34 (9615).
2. Личный архив. Материалы исторического интервью № 7. Инф. Кравченко Николай Александрович. 1961 г.р. Дата интервью 10.05.2019.
3. Личный архив. Материалы исторического интервью № 1. Инф. Назаренко Наталья Тихоновна. 1941 г.р. Дата интервью 27.04.2018.
4. Матишов Г.Г., Власкина Т.Ю., Венков А.В., Власкина Н.А. Социально-экономический портрет дельты Дона: казачий хутор Донской. Ростов н/Д.:, 2012.
5. Бурлака В.О. Азов – северный порт Османской империи. Конец XV–XVI вв. // Очерки истории Азова. Вып. 6. Азов. 2001.
6. Ратушняк В.Н. Социально-экономическое развитие кубанского казачества в 1900–1913 гг. // ИиСОМ 2011. № 5 (10).
7. Садовой А.Н. Народы Южной Сибири в XIX–XX вв.: Этносоциальные аспекты патернализма // Дисс. на соиск. уч. степени. Санкт-Петербург. 1999.
8. Сулин И. Материалы по заселению Черкасского округа // СОВДСК. Вып. 8. Новочеркасск. 1908.
9. Федотова Т.А. Самая низовая на Дону // Историко-культурные и природные исследования на территории Раздорского этнографического музея-заповедника. Вып.3. Ростов н/Д., 2007.

**РАЗДЕЛ VI.
ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И ЭТНИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ НА ЮГЕ РОССИИ**

М.С. Уланов (Элиста)

**ПРОБЛЕМА ВОЙНЫ И МИРА В БУДДИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ:
ТРАДИЦИОННЫЙ ВЗГЛЯД И СОВРЕМЕННЫЕ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ¹**

Актуальность данной проблемы в современном мире нельзя поставить под сомнение. Несмотря на окончание Холодной войны и биполярного противостояния двух сверхдержав, опасность нового глобального конфликта не ушла в прошлое. Согласно таким ученым, как С. Хантингтон, соперничество между сверхдержавами сегодня сменилось столкновением локальных цивилизаций. По их мнению, в современном мире наиболее существенные, масштабные и серьезные конфликты происходят, и будут происходить между странами и народами, представляющими разные религии и цивилизации. Это не отрицает межэтнических войн и конфликтов внутри цивилизаций, которые также будут случаться. При этом наибольшую опасность для мира будут иметь те конфликты, которые проходят между разными цивилизациями, вдоль их границ. Несмотря на многочисленную критику данной концепции, нельзя не учитывать тот факт, что Запад, пренебрегая интересами России, фактически противопоставляет ее собственной цивилизации, что превращает две державы в геополитических оппонентов. Одновременно, другие цивилизационные акторы на международной «шахматной доске» (Китай, Индия и арабо-мусульманский мир) быстро набирают силу и стремятся играть ключевую роль в мировой политике и экономике, что неизбежно приведет к столкновению их интересов. Продолжает лихорадить Ближний Восток, где война с террористами в Сирии и Ираке так и не завершена полностью. Кроме того, продолжают сохраняться различного рода очаги тлеющих конфликтов в других регионах мира.

Следует отметить, что проблемы войны и мира волновали философское мышление с древнейших времен. Так, например, Томас Гоббс полагал, что рассмотрение данных феноменов входит в число ключевых задач философского осмысления. В связи с этим важным представляется обращение к опыту мировой философско-религиозной мысли, в частности, к древней буддийской традиции.

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта №18-011-00128 «Женщина в буддийской культуре: традиции и современность».

В современной литературе распространено мнение, что буддисты принципиально против любой войны, в том числе и оборонительной. При этом часто ссылаются на концепцию ахимсы, заключающуюся в том, что здесь отрицается всякое насилие, которое не только не уничтожает зло, а наоборот лишь умножает его. Принцип ахимсы относится ко всем живым существам, включая животных и людей, насекомых и т.п. Практика ахимсы в буддизме связана с одним из учеников Будды, архатом Ахимсака, который до прихода в Сангху был известен под другим именем, как Ангулимала. Из этого утверждения проистекают далеко идущие выводы о том, что истинный буддист ни при каких обстоятельствах не должен участвовать в войне.

Авторитетный буддийский текст «Дхаммапада» также отражает идею ненасилия и содержит следующие пацифистские строфы:

«Ибо никогда в этом мире ненависть не прекращается ненавистью, но отсутствием ненависти прекращается она. Вот извечная дхамма» [6, с.59].

«Если бы кто-нибудь в битве тысячекратно победил тысячу людей, а другой победил бы себя одного, то именно этот другой — величайший победитель в битве».

«Поистине, победа над собой человека, живущего в постоянном самоограничении, смирившего себя, лучше, чем победа над другими людьми» [6, с.76].

«Победа порождает ненависть; побежденный живет в печали. В счастье живет спокойный, отказывающийся от победы и поражения» [6, с.93].

Некоторые буддисты утверждают, что «Йодхаджива сутта» исключает любую военную службу. В данном тексте военачальник Йодхаджива спрашивает Будду, правда ли, что мужественные солдаты, убитые в бою перерождаются среди божеств. Будда неохотно отвечает, что, если воин убит в бою, а его ум захвачен с намерением убить («Пусть эти существа будут убиты, повержены, уничтожены, ликвидированы, истреблены»), ему предстоит обрести рождение в аду воинов [7].

В то же время, в «Чаккаватти-сиханада сутте» («Львиный рык миродержца») Будда говорит о том, что правитель государства должен иметь армию, обеспечивающую защиту и безопасность для народа страны от внутренней и внешней угрозы. В сутте Будда, объясняя обязанности благородного государя, указывает на необходимость обеспечения защиты подданных. Он говорит, что полагаясь на буддийское Учение - Дхамму, царь должен обеспечить защиту, охрану и безопасность в своих владениях: «Устрой себе по дхарме защиту, охрану и оборону своих людей, военной силы, кшатриев, князей, брахманов и домовладык, горожан и селян, шаманов и брахманов, зверей и птиц» [12].

В «Сутре о военачальнике Синхе» говорится о том, как военачальник по имени Синха пришел к Будде с просьбой развеять его сомнения касающиеся вопроса ведения войны: Будда ответил, что признает справедливую войну с определенными оговорками: «Татхагата учит, что лю-

бая война, в которой человек стремится убить своего брата, ничтожна, но он не учит, что тот, кто идет на войну, исчерпав все средства к сохранению мира, заслуживает порицания. Порицаемым должен быть тот, кто вызвал войну. Татхагата учит полному отказу от себя, но не учит отказу от чего бы то ни было в пользу сил представляющих зло – будь то люди, боги или стихии природы. Борьба должна быть, ибо вся жизнь – борьба. Но тот, кто борется, должен следить за тем, чтобы не сражаться ради своих интересов, против истины и справедливости. Борющийся ради своих интересов, сколько бы он не был велик, или силен, или знаменит, не получит воздаяние, но тот кто борется за справедливость и истину, обретет великое воздаяние ибо даже его поражение будет победой» [9].

При этом Будда отмечает, что воин должен помнить о непрочности всего земного: «Его успех может быть велик, Но, сколько бы велик он ни был, колесо судьбы может опять повернуться и низвергнуть победителя в прах. Но если он обуздает себя, угасив всю ненависть в своем сердце, подымет повергнутого противника и скажет ему: «Теперь приди и заключим мир и станем братьями,» — он одержит победу, которая не есть приходящий успех, ибо плоды его пребудут вечно. Велик воин, увенчанный успехом, о Синха, но еще больший победитель тот, кто покорил самого себя... Поэтому сражайся мужественно, о военачальник, и веди свои битвы со всей мощью, но будь воином истины — и Татхагата благословит тебя» [9]. Таким образом, здесь Будда не советует Синхе оставить армию или сложить полномочия командующего армией, наоборот, он говорил о надлежащем и праведном исполнении воинского долга. Справедливости ради, следует отметить, что некоторые буддисты считают данный отрывок более поздней вставкой.

В буддизме служба в армии не включена в перечень из пяти неблаговидных средств заработка к существованию. Воины назывались раджабхата. Будда не разрешал раджабхатам становится монахами до тех пор, пока не истек срок их службы. Данное положение связано с тем, что однажды, отец Будды, царь Шуддходана, обратился к нему с жалобой на то, что его солдаты покидают армию, и присоединяются к монахам. Царь указал, что солдаты считают, что став монахами, они даром будут получать пищу, одежду, кров над головой и всеобщее уважение. После этого разговора Будда внес в Свод правил и распорядка буддийской монашеской общины положение о том, что ни один солдат не может стать монахом до тех пор, пока он находится на военной службе. Данное правило действительно и сегодня. В настоящее время в буддийских странах до тех пор, пока солдат не завершил срок службы и официально не демобилизован из рядов вооруженных сил, он не может принять монашество и считаться членом монашеской общины. Данное правило исключает возможность дезертирства с целью вступления в монашескую общину [3].

На основании всего вышесказанного, в противовес популярному мнению, Будда не отрицал или запрещал воинскую службу как профессию

или род занятий, в т.ч. и право правителя или правительства на содержание армии для защиты государства и его граждан. Напротив, Будда признавал необходимость армии, а защиту государства и его подданных Буда считал приоритетной задачей правителя государства. При этом важно понимать, что в буддизме проводится достаточно отчетливая граница между мирянами и монахами. Так, для монаха убийство человека ни в каком виде не допустимо. Поэтому монах не должен служить в армии и участвовать в войнах, в то время как мирянин может нести воинскую службу.

Конечно, согласно буддийскому учению, воин, как и другие люди, подчиняется закону кармы и не сможет избежать кармических последствий, связанных с лишением жизни существ. Но, наряду с этим, воинская служба предоставляет много возможностей для накопления благих заслуг для добросовестного и честного воина, имеющего сострадательную мотивацию. Доблестный воин, сражаясь с врагом, следует лучшим воинским традициям и правилам. Он оказывает раненому врагу, попавшему в плен, медицинскую помощь. Воин-буддист никогда не убивает беззащитных, т.е. военнопленных, детей, женщин и стариков. Он вступает в битву только тогда, когда существует угроза для его жизни или жизни его товарищей.

Идея справедливой войны присутствует и в тантрической традиции «северного» буддизма. В Калачакре-тантре есть даже описание осадных машин и способов ведения войны для защиты страны Шамбалы («Чистой земли») от варваров. Священная война, по Калачакре, представляет собой сугубо оборонительные действия в отношении внешних агрессоров, а не наступательные походы с целью обратить их в буддизм. Такая война обладает внутренним духовным уровнем, поскольку борьба одновременно ведётся с негативными мыслями и эмоциями. Предсказание Калачара-тантры состоит в том, что в далеком будущем на Шамбалу нападут внешние агрессоры, враждебно настроенные к буддизму. Если мирные методы потерпят неудачу, необходимо будет сражаться в священной войне. При этом войны Шамбалы в своих действиях будут основываться на буддийских принципах мудрости, любви и сострадания [2]. Существует известная книга тибетского мастера Чогьям Трунгпа «Шамбала: священный путь воина», в которой рассматривается буддийский принцип воина [11].

В Тибете и у монгольских народов существует культ царя Гэсэра, покровителя воинов. Многие тибетцы убеждены, что великий царь-воин Гэсэр из Линга был вдохновлен и руководим мудростью Шамбалы. Для тибетцев Гэсэр является не только воином-полководцем, но и духовным воителем. Здесь не имеется в виду навыки, необходимые для того, чтобы сражаться и воевать в буквальном смысле слова. Под искусством воина в данном случае понимается познание силы, достоинства и пробужденности, которые неотъемлемо присущи каждому человеку. Это пробуждение уверенности, помогающей развить силу духа и способность видения, достичь успеха во всех делах.

Следует вспомнить тесную связь дзэн-буддизма и пути меча в Японии. Дзэн-буддизм стал важной составляющей не только обучения, но и всей жизни японского сословия самураев в средние века. Самураи в личном аспекте руководствовались идеями и практиками буддизма, привнесшими в культуру самураев, с одной стороны, аскетизм и умеренность, с другой – помогавший на фоне постоянных опасностей ценить мимолетную прелесть жизни, замечая все ее оттенки. При этом дзэн пользовался расположением не только власть имущих, но и рядовых воинов-самураев. Так, один из них следующим образом поучал своего сына: «Долг воина сродни долгу монаха: он состоит в том, чтобы подчиняться приказаниям... Воин не может считать жизнь принадлежащей ему самому». Действительно, самураи до такой степени близко восприняли дзэн как «свой» буддизм, что уже в период Камакура пословицей стали следующие слова: «Тэндай — для императорского двора, Сингон — для знати, дзэн — для военного сословия, Чистая Земля — для народа» [5]. В то же время дзэнское понимание пути было направленно не на убийство как таковое, а на совершенствование себя с помощью воинской практики [См. подр.10].

Помимо самураев, в Японии существовал еще один класс воинов. Они назывались сохэй и служили крупным храмам, которым принадлежали обширные земли. Упрощенно их иногда именуют «монахами-воинами», однако этот европейский термин не отражает сущности сохэй, которые были преимущественно храмовыми служками или безработными, нашедшими убежище в храме. Сохэй, вооруженные нагинатами (длинными копьями), а также мечами и луками, участвовали во многих конфликтах X-XIV вв., смещая с трона императоров и не уступая самураям в бою. По-японски, воинствующих монахов называют словом «сохей». Это слово состоит из двух иероглифов: первый - «со» имеет значение «буддистский монах или священник», а второй - «хэй» - «воин или солдат». Таким образом, сохеи может означать не только «воинствующий монах», но и «священник-солдат».

В России представителями буддийской религии являются калмыки, которые традиционно отличались своими воинскими богатыми традициями. Мелкие стычки, набеги, схватки за лучшие пастбища и источники воды были повседневными, совершенно заурядным явлением кочевой жизни. Большие военные походы происходили также достаточно часто. Поэтому каждый калмыцкий воин должен был быть физически сильным и выносливым, иметь хорошую индивидуальную подготовку, отличаться хладнокровием, решительностью, смелостью, готовностью пожертвовать собой во имя победы. Прикочевав в Россию из Джунгарии, калмыки заселили и защищали ее южные территории, еще мало освоенные, но очень важные для государства. Известно, что калмыки, начиная с XVII века, принимали участие почти во всех войнах Российского государства. Калмыки отметились в русско-турецких кампаниях, в Полтавской битве, в Отечественной войне 1812 года и т.д.

В современном мире буддизм позиционируется как миролюбивая религия. Терпимость к чужим культурным и религиозным ценностям, отсутствие претензий на исключительность, открытость широкому межконфессиональному диалогу привлекали и продолжают привлекать к буддизму общественный интерес во всем мире. Широко известно высказывание Джавахарлал Неру о том, что, в конце концов, человечество должно сделать выбор между учением Будды и водородной бомбой [1].

Следует отметить миротворческую деятельность некоторых буддийских организаций, которые принимают активное участие в борьбе за установление мира на земле, формирование новой политической сознательности. Прежде всего, следует выделить Азиатскую Буддийскую Конференцию за Мир (АБКМ). История возникновения АБКМ тесно связана с первыми выступлениями миролюбивых буддистов против агрессии США во Вьетнаме. Со дня основания эта организация считает своей главной задачей достижение всеобщего мира на земле. Общие цели и задачи АБКМ определены в ее уставе, где говорится о необходимости борьбы за ликвидацию военной угрозы во всех ее проявлениях, прежде всего против ядерной войны, против социальной и экономической несправедливости [8].

Активной миротворческой деятельностью также занимается и международная буддийская женская организация «Сакьядхита», одной из основных целей которой является поддержка мир во всем мире через учение Будды. Таким образом, современные женщины, исповедующие буддизм, пытаются не только решить сугубо гендерные или религиозные проблемы, но и берут на себя ответственность за судьбу мирового сообщества. Примером миротворческой деятельности российских буддисток является строительство ступы «Мир». Данное традиционное культовое сооружение воздвигнуто на берегу озера Байкал усилиями единственного в России женского буддийского храма, как ответ на террористические акты в США и вандализм талибов в Афганистане.

Активную антивоенную позицию сегодня занимает духовный лидер буддистов Его Святейшество Далай-лама XIV. «Всем известно, - говорит он, - что войны и крупные военные структуры – это основной источник насилия в мире. Вне зависимости от того, с какой целью они созданы, наступательной или оборонительной, задача у этих могущественных организаций одна – убивать людей... В войне нет абсолютно ничего захватывающего и увлекательного. Война чудовищна и по самой своей природе является трагедией и источником страданий» [4].

В тоже время, духовный лидер буддистов поясняет, что он не высказывается однозначно за политику умиротворения агрессора. «Зачастую необходимо занять решительную позицию против агрессии, - отмечает Его Святейшество. Например, очевидно, что Вторая мировая война была полностью оправдана. Она спасла цивилизацию от тирании нацистской Германии, как точно подметил Уинстон Черчилль... Тем не менее, очень

сложно дать сколько-нибудь точную оценку подобных вопросов. Война это насилие, а насилие непредсказуемо. А потому войн необходимо по возможности избегать, и никогда нельзя полагать, будто мы можем заранее предсказать, принесет ли конкретная война пользу и какую» [4].

В заключении следует отметить, что в современном общественном мнении социальные идеи миролюбия и ненасилия устойчиво ассоциируются с буддизмом. Принцип ненасилия, связанный с буддизмом, в XX веке стал основой сатьяграхи как нового метода политической борьбы, который предложил Махатма Ганди. Благодаря деятельности Ганди буддийский термин «ахимса» как синоним ненасилия твердо закрепился в культуре современного мира. Последователем Ганди в современном мире является духовный лидер буддистов Далай-лама XIV, который называет Ганди своим Учителем, а себя «скромным его последователем».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.В. В поисках счастья. Религиозно-этические учения древности. М, 2005.
2. Берзин А. Священные войны в буддизме и исламе: миф о Шамбале [Электронный ресурс]. URL: http://www.berzinarchives.com/web/ru/archives/study/islam/kalachakra_islam/holy_wars_buddhism_islam_myth_shamb/holy_war_buddhism_islam_shambhala_long.html
3. Верасекепа А. Буддизм и воинский долг [Электронный ресурс]. URL: <http://dharma.ru/lib/authors/misc/soldier.html>
4. Далай-лама о всеобщей ответственности [Электронный ресурс]. URL: <http://savetibet.ru/2011/10/23/dalai-lama.html>
5. Дзэн и путь меча [Электронный ресурс]. URL: <http://www.onegaonline.ru/html/ost/see.asp?kod=dzen>
6. Дхаммапада. М., 1960.
7. Йодхаджива сутта: Йодхаджива [Электронный ресурс]. URL: http://www.theravada.ru/Teaching/Canon/Suttanta/Texts/sn42_3-yodhajiva-sutta-sv.htm
8. История России. Новый взгляд [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/history/20060613/49365111.html#ixzz3V7eOGkLG>
9. Сутра, дарованная военачальнику Синхе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theosophy.ru/sutra/sinhasut.htm>
10. Тернбул С. Путь самурая. Война и религия. М., 2010.
11. Трунпа Ч. Шамбхала: священный путь воина. М., 2006.
12. Чаккаватти Сиханада сутта Львиный рык миродержца [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dharma.ru/canon/dn/dn26.htm>

Д.В. Филипчук (Ханты-Мансийск)

КУЛЬТУРА РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА: СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИЙ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ

«Долгое время у иностранцев и даже в среде русских существовали крайне односторонние и донельзя преувеличенные представления о казаках. Понятие о казачестве соединялось с понятием о грабеже; казак считался разбойником и затем невежественным представителем рода человеческого; казаку отводилось в истории культуры место чуть ли не дикаря; в нём видели разрушителя основных начал цивилизации и по меньшей мере «злого татарина»; казак, по этим рассказам, жил и кормился исключительно разбоем, он косил своею шашкою направо и налево головы мирных граждан просто из любви к искусству, не признавал ничего святого – ни семейных уз, ни требований религии, ни велений долга, всюду сеял вражду и разрушение; одним словом, всему казачеству приписывалось то, что можно было бы сказать об отдельных его личностях; по отрывочным, частным и наиболее печальным эпизодам судили о целой истории казаков, и часто факты, оторванные от отдалённого прошлого, отождествлялись с последующей жизнью казачества» [6, с. 6-7].

Приведённые выше строки написаны человеком, верой и правдой служившим делу сохранения и преумножения историко-культурного наследия кубанского казачества, почётному члену Кубанского Областного Статистического комитета Ф. А. Щербине. Написаны в конце XIX века, но не потеряли свою злободневность и в наши дни. В последние годы о казачестве написано и сказано много, но споры не утихают. Сложился целый пласт обывательской мифологии, опирающийся на некие «исторические источники», свидетельствующие о древности некоего особого «казачьего» народа (этнуса), ничего не имеющего общего ни с русским, ни с украинским народами. И на фоне этого мифа о казачьей исключительности – декларация о казаках как о «верных слугах Царя и Отечества».

Подлинная история казачества представляет собой многоэтапный процесс его «огосударствления», перехода от «дикой вольницы» к сильной и организованной общности, стоящей на страже государственной безопасности России. К сожалению, для современного неискущённого обывателя образ казака до сих пор «втиснут» в рамки дикого состояния первоначальной казачьей истории.

Этот самый неискущённый обыватель, старательно поддерживаемый разного рода противниками идеи возрождения казачества, по незнанию, а чаще всего умышленно игнорирует тот факт, что Россия как государство в его границах изначально сформировалось благодаря усилиям нескольких

поколений казаков. Уместившийся в несколько десятилетий XVII века «бросок» на восток, обернувшийся присоединением огромных территорий от Уральских гор до Тихого океана, – дело, прежде всего, казачьих отрядов.

Разные цели вели этих людей в поход. Одних соблазнили сибирские пушные богатства, других влекла свободная жизнь без дворян и бояр. Третьим вообще негде было приклонить голову на родной Руси, где их ждала виселица.

Вслед за Ермаком вместе с казаками шли в сибирский поход литовцы, поляки, немцы, для которых через Сибирь шел путь на родину из русского плена. Ратными подвигами они надеялись заслужить право возвратиться в свое Отечество. Казаки внесли весомый вклад в присоединение Кавказа, Средней Азии, строили крепости, ставшие впоследствии русскими городами на присоединённых территориях. Соседство с инородцами, часто враждебными по отношению к казакам, требовало от них помимо военных и хозяйственных дипломатических умений.

Постепенно сибирское казачество становится разноэтнической массой: в одном строю с великороссами и малороссами ратную славу стяжало огромное количество мордвы, татар, ногайцев, башкир, калмыков, народов Сибири и Дальнего Востока.

Триада «гражданин, хозяин, воин» имеет для определения менталитета российского казачества определяющее значение. Во-первых, казачество осознанно и добровольно принимало на себя обязательства по несению государственной службы. Это было современное для своего времени, хорошо обученное и образцово оснащённое подразделение вооружённых сил. В военное время казачество показывало пример героизма и доблести, а в мирное – способствовало укреплению оборонного потенциала нашей страны, стояло на страже границ и отдалённых рубежей Российского государства. Во-вторых, оно создало уникальную экономическую модель, являясь эффективным собственником и управленцем, мудрым и рачительным хозяином.

Российское казачество дало миру богатую самобытную культуру. По мере формирования казачества как неотъемлемой части российского народа его культура – музыкальный и прикладной фольклор, устное народное творчество, традиционный уклад быта, взаимоотношения в казачьей семье и общине – стала неотъемлемой частью общенациональной культуры, которую невозможно рассматривать вне контекста общекультурных процессов.

Осваивая новые территории, казаки сохраняли свой традиционный уклад жизни, характер человеческих отношений, в то же время перенимая полезные, на их взгляд, традиции и обычаи соседей-инородцев. Соседи тоже пристально наблюдали за образом жизни казаков. Взаимопроникновение культур охватывало все стороны жизни: от обустройства жилья до ведения хозяйства. Так, жилища казаков Северного Кавказа как дань памяти о Запорожском казачестве в первоначальном варианте напоминали украинские хаты, обмазанные глиной и покрытые камышом [4, с. 106].

Примером взаимопроникновения культур может служить наличие в домах северокавказской знати русской мебели – столов, стульев, а в казачьих – обилие ковров, оружия и доспехов на стенах, металлической (медной и серебряной) посуды [4, с. 107].

В суровых условиях сибирского климата получил распространение тип русской старожильческой рубленой избы, ставший популярным и среди части оседлого коренного населения [2, с. 10-28].

Повсеместно обеими сторонами перенимались элементы одежды, способы ведения хозяйства, песни и танцы.

Уклад жизни казаков патриархален. Основу в формировании морально-нравственных устоев казачьих обществ составили десять Христовых заповедей. Приучая детей к соблюдению заповедей Господних, родители по народному их восприятию поучали: не убивай, не кради, не блуди, трудись по совести, не завидуй другому и прощай обидчиков, заботься о детях своих и родителей, дорожи девичьим целомудрием и женской честью, помогай бедным, не обижай сирот и вдовиц, защищай от врагов Отечество [1].

Чрезвычайно строго в казачьей среде, наряду с заповедями Господними, соблюдались традиции, обычаи, поверья, которые являлись жизненно-бытовой необходимостью каждой казачьей семьи. Несоблюдение или нарушение их осуждалось всеми жителями хутора или станицы, поселка.

Однако ошибочным будет утверждение о том, что такое положение было всегда. Потребовались столетия, чтобы на смену дикой казачьей вольнице пришло общество с общепринятыми устоями. Обычаев, традиций было много: одни появлялись, другие исчезали под воздействием изменений, происходивших в повседневной жизни. Остались те, что наиболее отражают бытовые и культурные особенности казаков, что сохраняются в памяти народа от далекой старины: уважительное отношение к старшим; безмерное почитание гостя; уважение к женщине.

Старшинство являлось жизненным укладом казачьей семьи и естественной необходимостью повседневного быта, что скрепляло семейные и родственные узы и помогало в формировании характера, которого требовали условия казачьей жизни.

Авторитет отца с матерью был не просто непререкаем, а настолько почитаем, что без благословения родителей не начинали никакую работу, не принимали решения по наиболее важным делам.

Почитание родителей, а также крестного отца и крестной матери, было не просто обычаем, а внутренней потребностью заботы о них сына и дочери. Сыновний и дочерний долг перед родителями считался исполненным после того, когда будут справлены поминки сорокового дня, после ухода их в мир иной.

Отношение к женщине и семейной жизни в разные периоды казачьей истории было разным. На заре казачества женщина рассматривалась не иначе как добыча, товар, вещь. Привязанность казака к женщине вызывала неодобрение и порицание, а часто и насмешки со стороны других казаков. По их

мнению, семья мешала, «губила» в казаке воинский дух. Иное дело – наложницы, привезённые в качестве трофеев из многочисленных походов. Участь большинства их была незавидной. Наложницу можно убить, продать, проиграть. Известный сюжет о персидской княжне, брошенной Степаном Разиным за борт ладьи, вполне мог иметь место в реальной жизни. Равно как и сюжет, описанный П.Н. Красновым в его рассказе «Не любя!» [5, с. 209-228]. Героиня рассказа оказывается проигранной на майдане своим мужем. Казак, «спустив» в игре всю добычу, привезённую из очередного похода, и не желая быть опозоренным, решает оплатить женой свои долги.

Лишь с переходом казачества на оседлый образ жизни женщина как мать и хранительница дома в отсутствие мужчины занимает уважительное положение в обществе. Уважительное отношение к женщине – матери, жене, сестре обуславливало понятие чести казачки, честь дочери, сестры, жены – по чести и поведению женщины мерилось достоинство мужчины.

В семейном быту взаимоотношения между мужем и женой определялось согласно христианского учения. «Не муж для жены, а жена для мужа». «Да убойтся жена мужа». При этом придерживались вековых устоев: мужчина не должен вмешиваться в женские дела, женщина – в мужские. Обязанности были строго регламентированы самой жизнью. Кто и что в семье должен делать – четко разделено. Считалось за позор, если мужчина занимался женскими делами. Строго придерживались правила: никто не имеет права вмешиваться в семейные дела.

Кто бы ни была женщина, к ней надо было относиться уважительно и защищать ее, ибо женщина – будущее твоего народа.

Ведение домашнего хозяйства лежало на матери-казачке. Казак большую часть жизни проводил на службе, в боях, походах, на кордоне и пребывание его в семье, станице было кратковременным. Однако, главенствующая роль как в семье, так и в казачьем обществе принадлежало мужчине, на котором лежала главная обязанность материального обеспечения семьи и поддержания в семье строгого порядка казачьего быта.

В более поздний период среди казаков наступает переоценка семейной жизни: к женатым начинают относиться с большим уважением. Жён старались брать «со стороны»: кого-то привозили из походов, кого-то сватали в соседних станицах. Практиковалось и «умыкание» невесты из родительского дома. В данном случае, мы видим прямое заимствование из традиций горцев. Справедливым следует отметить распространённые случаи «умыкания» по «сговору» с родителями невесты. Тоже дань традиции.

Подобное встречалось очень часто и в Сибири, когда девушку-аборигенку родители отдавали замуж за казака, чтобы «освежить кровь» рода.

Развратников холостые казаки в своей среде не терпели, наказывались развратники смертью. Рожденного младенца холостые казаки (принявшие обет безбрачия) нянчили все, и, когда у него появлялся первый зубок, все непременно приходили смотреть его.

За опороченье девицы, если урегулирование конфликта не заканчивалось созданием семьи, виновника ожидала месть родных, двоюродных и троюродных братьев опороченной (нередко приводящая к кровопролитию).

Казачьи семьи были большими, иметь семь-восемь детей считалось вполне нормально. И рождение сына праздновалось как рождение воина. Его никогда не называли «мальчиком», а только казаком, казачонком [7].

Девочек готовили с малолетства к роли хозяйки. Они учились стряпать, печь хлеб, шить, стирать, нянчить младших братьев и сестер, одновременно вырабатывая в себе такие черты характера, как особое достоинство, гордость, хозяйственность [3].

Отличительной чертой патриархальных обществ является беспрекословное подчинение младших воле старших. Уважение к старшему прививалось в казачьей семье с ранних лет. Дети знали, кто из них в отношении кого старше. Особенно почиталась старшая сестра, которую до седых волос младшие братья и сестры величали няней, нянькой, так как она заменяла им занятую домашней работой мать.

Заботу о воспитании подрастающего поколения проявляли не только родители, но все взрослое население хутора, станицы. За непристойное поведение подростка взрослый не только мог сделать замечание, но наказать сорванца. Детям до совершеннолетия, не разрешалось быть за столом во время гуляния, приема гостей и вообще в присутствии посторонних. И не просто запрещалось сидеть за столом, но и находиться в комнате, где идет застолье или разговор старших.

Самым отвратительным пороком в человеке считали обман не только делом, но и словом. Казак, не выполнивший данного им слова или забывший о нем, лишал себя доверия.

Распространённым и растиражированным посредством массовой культуры является миф о пристрастии казаков к спиртному. На деле же и эта сторона повседневной жизни казака была строго регламентирована. Любили казаки застолье, общение, любили и выпить, но не напиться, а попеть песни, повеселиться, поплясать. За столом у казаков горилку не разливали, а подносили на разносе и, если кто уже перехватил «лишку», то его просто обносили, а то и отправляли проспать.

Пьяниц как и в любом народе не переносили и презирали. Умершего от перепоя (алкоголя) хоронили на отдельном кладбище вместе с самоубийцами и вместо креста на могилу забивали осиновый кол.

Структурный кризис конца XIX – начала XX века затронул эту сторону жизни казачьего общества. Увлечение спиртным приняло невиданные доселе размеры и поставило под угрозу весь патриархальный ход жизни казачества.

«Пограничное» существование казачества, соседство с народами – носителями иной культуры привело к появлению такого явления, как куначество, связывающее людей взаимной дружбой и помощью. Куначество на Северном Кавказе приняло столь большие размеры, что дало повод

центральной власти не единожды поднимать вопрос о его запрете и наказании неподчиняющихся [4; 109].

Таковы далеко не все традиции и обычаи, соблюдаемые в былые времена в среде казаков. Проблема их сохранения и использования в нравственном, гражданском, патриотическом воспитании относится к числу тех, что принято в науке называть вечными. Казачьи традиции обогатили многие страницы духовной жизни народов России. Казачья культура постепенно стала межэтнической, «впитавшей» в себя многое от культуры тех народов, с которыми приходилось казакам соприкасаться.

Обращение к духовному наследию казачества возможно и должно осуществляться с учётом исторической достоверности своеобразного облика казаков, где патриархальность и семейственность подкреплялась хозяйственной жилкой труженика, прочно стоящего на ногах.

Только такое наличие традиционных качеств, как патриархальность, дисциплина, иерархия, семейственность и приверженность народной культуре, может послужить созданию, возрождению и поддержанию имиджа и авторитета современного казачества.

Обращение к истокам традиционной культуры на современном этапе является закономерным шагом, поскольку возрастает значимость для общества национальной и гражданской составляющей личности, проблем ее этнической и гражданской идентичности, развития культуры межнациональных и межконфессиональных отношений. Казачество, опирающееся на традиционное понимание нравственных ценностей, гражданской позиции и созидательной любви к Отечеству, в современном мире является одной из сил, способных обеспечить порядок и стабильность, стать звеном в системе противовесов в полиэтничных и многоконфессиональных регионах Российского государства.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Боднева Н. А. Становление и развитие системы семейного воспитания в терском казачестве (вторая половина XIX – начало XXI в.): дис. ... канд. пед. наук. 13.00.01. Белгород, 2008.
2. Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: Усадьба заполярного города. Нефтеюганск – Екатеринбург, 2017.
3. Гончарова О. В., Шапарь М. Г. Организация процесса поликультурного воспитания дошкольников в дошкольном образовательном учреждении // Концепт. 2013. № S8. С. 6–10. URL: <http://e-koncept.ru/2013/13571.htm> (дата обращения – 24.08.2019).
4. Заседателева Л. Вдоль по Тереку-реке. Культура и быт северокавказского казачества // Родина. №5. 2004.
5. Краснов П.Н. – Не любя! // Краснов П.Н. ПСС. Т. 1. Повести и рассказы. Под ред. В.П. Мелихова, сост. Марченко Д.Б. Подольск, 2018.

6. Краткий исторический очерк Кубанского казачьего войска // Фелицын Е.Д., Щербина Ф.А. Кубанское казачье войско. Краснодар. 1996.
7. Мозговая-Гирянская Н. Н. Семейные традиции и обычаи у казаков и адыгов и их влияние на воспитание подрастающего поколения // Вопросы казачьей истории и культуры. Вып. 7.2011.

Л.А. Скворцова (Макеевка, ДНР)

ДОНСКИЕ И ЗАПОРОЖСКИЕ КАЗАКИ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

В XVI–XVII вв., со времени позднего средневековья, Российское государство существенно расширило свои пределы и, превратившись в европейско-азиатскую державу, стало объединять разные этносы со своими существенными особенностями культуры. Вместе с тем степень внутренней целостности России, как и всякого средневекового государства, была весьма относительной.

Существенно отличались по своему состоянию от всех других слоев населения России казаки и оказывали значительное воздействие на внутреннее и международное положение страны. Перефразируя В. Г. Белинского, можно сказать, что история казачества – «побочная река, впадающая в большую реку русской истории» [1, с. 60]. Однако, по мнению писателя графа Льва Николаевича Толстого, роль самих казаков незаслуженно принижена и забыта. Но именно казаки пятьсот лет охраняли рубежи России и часто становились заслоном на пути вторжения ее врагов. Казаки-первопроходцы осваивали и завоевывали новые земли вплоть до Аляски и Кушки. Во времена крупных войн, которые Россия вела постоянно, казаки составляли наиболее мобильные и боеспособные войска, им доставались самые трудные и ответственные участки в боях и сражениях. Следовательно, сама история Российского государства была бы неполной без всестороннего учета того большого вклада, который внесло в нее донское казачество.

Наиболее интересным моментом в изучении казачества являются их «разновидности», в частности сравнительная характеристика донских и запорожских казаков. Исследование данной темы заслуживает особого внимания потому, что запорожцы и донцы создали самые оригинальные формы казачьей жизни и быта. Цель работы – глубже разобраться в сущности происходивших в то время процессов, уяснить характер и, главное, понять такое специфическое явление, как донское и запорожское казачество.

Первое упоминание о донских казаках было в сохранившейся «Гребенской летописи» от 1471 года, которую написали в Москве: «...Там, в верховьях Дона, народ христианский воинского чина зовомии казацы, в радости срастающе его (великого князя Дмитрия Донского) со

святыми иконами и со кресты поздравляюще ему о избавлении своем от супостатов и, приносящее ему дары от своих сокровищ...». Первое упоминание о запорожских казачьих отрядах, укрепившихся в низовье реки Днепр, упоминается в летописях от 1489 году [3].

Территориально казаки стали различаться с самого начала – донские облюбовали для своего убежища низовья реки Дон, а запорожские считали своей родной рекой Днепр. Вокруг этих рек стали стихийно образовываться казачьи поселения, административное устройство которых также различилось и в большей мере имело лишь один общий посыл – быть готовым в любой момент вскочить в седло и отразить нападение лютого врага.

Отличие между донскими и запорожскими (черкасами) казаками заметно и по антропологическим признакам. По В.В. Бунаку, для донских казаков характерны следующие особенности: прямые или слегка волнистые волосы, густая борода, прямой нос, широкий разрез глаз, крупный рот, русые или светло-русые волосы, серые, голубые или смешанные (с зеленым) глаза, относительно высокий рост и относительно широкое лицо. По этим характеристикам донцы входят в круг морфологической изменчивости у русских и отличаются от украинцев [2, с. 144-145].

При этом антропология запорожских казаков (черкасов) связано сильным влиянием черкасов-адыгов (носители как тюркского монголоидного элемента, так и пантийского, и так же кавказского варианта переднеазиатского влияния). «Характерно, что по ряду признаков (профилировка лица, поперечный профиль спинки носа, выступание крыльев носа, положение ноздрей, развитие складки верхнего века) население этой области (Среднего Поднепровья, Левобережья) несомненно европеоидное, имеет незначительный процент примеси, связанной с ассимиляцией степных тюркских групп с определенным монголоидным элементом...» (речь идет о современном населении, оценка второй половины XX в.) [4, с. 72]. Со временем эти разделительные национальные черты стали проявляться острее.

Много отличий наблюдается и во внешнем виде казаков. На голове у донского казака была папаха, одет он был в шаровары с лампасами, сапоги, обязателен был капюшон-башлык, сверху надевался полукафтан – бешмет, а сабля была главным оружием. А запорожские казаки были одеты в широкие шаровары, расшитые украинским узором просторные рубашки, кафтан, остроконечная меховая шапка, мушкет, два пистоля, сабля – вот небольшой перечень походной одежды и оружия запорожца.

Запорожцы носили, как правило, длинные усы, которые свисали им чуть ли не до плеч и такой же висячий «ус» они оставляли на выбритой полностью голове. Совершенно другим было отношение к прическе у донских казаков: волосы с головы они стригли очень коротко и никаких экзотических прядей не оставляли, считая, что это может помешать в бою.

Серебряная серьга – еще один элемент мужского украшения также встречалась как у запорожцев, так и у донских казаков. У последних серьга

прочно вошла в моду и сохранилась до наших дней, тогда как у украинцев подобное украшение не прижилось. А еще украинцы примерно с 1640 года стали носить карманные часы, что считалось признаком богатства.

Стоит отметить, что для своих поселений как донские, так и запорожские казаки выбирали выгодные в стратегическом отношении места: крутые берега рек, возвышенные участки, защищенные оврагами и болотами. Селения окружались глубоким рвом и земляным валом. Нередки были случаи смены места поселения.

Основными типами таких поселений были станицы, крепости, форпосты, реданки и пикеты (небольшие сторожевые посты) у донских казаков и хутора, зимовья, коши и выселки у запорожских казаков, в которых казаки содержали скот, позже рядом с ними располагались посевы.

Подобно Сечевой организации, устройство внутреннего быта и отношений у донских казаков отличалось оригинальным, чисто народным складом, в духе Древней Руси. Как и у запорожцев, самоуправление сложилось у донцов из войсковых сходов и выборной старшины. Войсковой сход или «круг», как называли его донцы, напоминал собой запорожскую раду и древнеславянское вече. В войсковом кругу (раде – у запорожцев) каждый казак имел право голоса наравне со всеми другими, не исключая и старшины. Кругу или раде принадлежала административная, законодательная и судебная власть; они назначали походы и поиски неприятеля; на них производилось размежевание земельных и др. угодий; им подлежали утверждения судебных приговоров и смертной казни; в войсковом кругу (раде), наконец, выбирались казачьи начальники. Главным исполнителем решений войскового круга (рады) был войсковой атаман (гетман), избиравшийся казаками ежегодно; в помощники атаману (гетману) давались два, также выборных, есаула; письменные дела лежали на войсковом писаре или «дьяке». Кроме войскового круга и атамана, в казачьих городках или станицах были свои станичные круги и атаманы. Лица, стоявшие во главе войскового управления и сложившие свои полномочия, образовали собою «войсковую старшину», звание, ставшее впоследствии жалованным и приравненное к чинам регулярной армии [3].

Гастрономические интересы у запорожцев и донцов также были разные: запорожский казак – ярый поклонник национальных блюд, он предпочитал кулеш, тетерю (из жидкой муки готовили суп), вареники [4, с.72], а на Дону большой популярностью пользовались наваристая уха, хлеб, пироги, каши, квас, вишневый морс и щи [3].

Помимо военно-пограничной службы важнейшей отраслью хозяйства как запорожского, так и донского казачества было скотоводство. Бесспорно, что всего больше казаки разводили коней; таково уж было занятие казака: он только тогда и был казаком, когда имел коня. Конь назывался верным другом, неразлучным товарищем, милым братом казака. В такой же мере казаки занимались и разведением в своих степях рогатого скота: скотоводство составляло одну из главных статей доходов войска.

У запорожских казаков в одинаковой мере с коневодством и скотоводством развито было и овцеводство [6].

Рыболовство было развито и на Дону, и в Запорожье в самых широких размерах. Для рыболовного промысла в разных местах запорожских вольностей устроены были особые заводы и при них курени для житья в зимнее время и покрытые камышом шалаши для житья в летнее время, 16–20 человек и с ранней весны до поздней осени занимались рыболовным промыслом [7, с. 168].

На Дону же казаки пользовались, главным образом, неводами, причем из описания видно, что, в основном, применялись отцеживающие и стационарные орудия лова, согласно их классификации по принципу действия и способу применения.

Огородничество сравнительно в меньшей мере было развито у запорожских казаков, чем перечисленные отрасли хозяйства, а на Дону был издан указ от 1690 г., запрещающий заниматься земледелием — им было нельзя привязываться к земле, обрабатывать корнями. Считалось, что занятие земледелием отвлечет его от главной и основной обязанности — воина [5].

Важной статьёй дохода донских казаков было виноградарство, заниматься которым начали в конце XVII в., тогда как у запорожских казаков особой хозяйственно-промышленной являлось отраслью пчеловодство. Мёд и воск были среди главных статей запорожской торговли. Некоторые казаки владели значительными пасеками.

Торговля у запорожских казаков развита была на очень широких началах, чему способствовало как самое положение их вольностей, так и естественные пути сообщения: запорожцы жили на перепутье между Украиной, Литвой, Польшей и Россией с одной стороны, Крымом и Турцией с другой.

Издrevле занимались торговлей, которая приносила им немалый доход, и донские казаки. Довольно тесные торговые связи, о чем свидетельствуют документы 1592 г., поддерживались у донцов с Азовом, несмотря на частые кровавые столкновения. Оживленная торговля пленниками, лошадьми и скотом велась с ногайцами. Но наиболее важной и интенсивной была торговля с московскими «торговыми гостями» [6].

Что касается наличия семей у казаков, то на первых порах существования большинство донских казаков, подобно запорожцам, вело безбрачную жизнь, и только впоследствии, по мере развития и умножения войска, постепенно увеличивалось количество семейных казаков. У казаков существовали большие неразделенные семьи, состоявшие из трех-четырех поколенных семьи, численность которых доходила до 25–30 человек [6]. Запорожье же всегда носило черты древнего мужского союза: появление женщин здесь было категорически запрещено [7, с. 174].

Таким образом, культура казачества — составная часть как общерусской, так и украинской культуры, на которую оказывали известное влияние соседние тюркские народы. Вся культура казачества проникнута воинским духом, нашедшим свое яркое проявление в его фольклоре, в письменной

литературной традиции и в развитии разнообразных знаний. В этническом отношении разные группы казачества не были идентичными. Сходство определялось общностью происхождения, социального положения и бытового уклада; локальное своеобразие – конкретными историческими, географическими и этническими факторами. Донских и запорожских казаков будут сравнивать и анализировать хотя бы потому, что, имея общий корень – казак – они, как бы это ни было парадоксально, совершенно разные по своей природе, происхождению и своей культуре. Со временем эти раздельные национальные черты стали проявляться еще острее.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Белинский В.Г. История Малороссии Николая Маркевича // Белинский В.Г. ПСС. Т.VII. М., 1955.
2. Бунак В.В. Происхождение и этническая история русского народа. М., 1922.
3. Главные отличия украинских казаков от русских [Электронный ресурс] // URL: Русская семерка – Режим доступа: <http://russian7.ru/post/glavnye-otlichiya-ukrainskikh-kazakov-o>
4. Дьяченко В.Д. Антропологический состав украинского народа. М., 1964.
5. Земледелие донских и запорожских казаков [Электронный ресурс] // URL: Славянская антропология – Режим доступа: <http://slavanthro.mybb3.ru/viewtopic.php?t=10890>
6. Казачий Дон (очерки истории) / Науч. ред. Скорик А.П. Ростов н/Д., 1995. Ч. II. [Электронный ресурс] // URL: Режим доступа: <http://rostov-region.ru/books/item/f00/s00/z0000035/st003.shtml>
7. Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Быт запорожской общины. Т.1. М., 2017.

С.В. Черницын (Ростов-на-Дону)

ДИНАМИКА ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ И ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

В донской историографии недостаточно изученными являются проблемы этнической истории. Несмотря на то, в последние два десятилетия появилось немало публикаций по этнонациональной тематике и вопросам межнациональных отношений, обобщающих работ по этнической истории Дона и донского казачества нет, а многие аспекты этнической истории остаются неизученными.

Уточним некоторые понятия. Под этнической историей в данной статье подразумевается совокупность этнокультурных процессов, которые имеют место по завершении этногенеза, что близко к позиции В.И. Васильева и Н.Г. Волковой [10, с. 8–10]. А сами они разделяются на этноэво-

люционные, протекающие внутри культуры и не связанные с утратой этнического самосознания (идентичности); и этнотрансформационные, которые, наоборот, приводят к их утрате и смене [4, с. 54-56]. Среди последних основными считаются процессы этнической ассимиляции и консолидации (внутри- и межэтнической).

Хронологические рамки работы охватывают временной отрезок с кон. XVI–XVII и до нач. XX вв. А его можно разделить на периоды с кон. XVI–XVII до нач. XVIII вв. – ранний, связанный с пограничным положением, формированием казачества и его культуры; и с кон. XVI–XVII до до нач. XX вв. – сословный, имперский. Обоснование этой периодизации и характеристика периодов уже приводилась в отдельных работах. Основным содержанием рассматриваемого отрезка истории Дона являются процессы постепенной политической, экономической и культурной интеграции региона в состав Российского государства, результатом которых стало изменение демографии и этнического состава населения. В частности – сформировалось преобладающее восточнославянское население, ядром которого и наиболее статусной группой стало донское казачество.

Следует отметить, что этническую историю можно рассматривать на разных уровнях. Во-первых, как развитие всего населения определенного региона (в данном случае – территорию Нижнего Дона – Приазовья). Примером такого подхода могут быть работы по этнической истории населения Северного Кавказа (Н.Г. Волкова, А.В. Гадло) [1, 2].

Во-вторых, как развитие отдельных этносов, населяющих регион: например – некоторые работы (Л.Б. Заседателева, Л.Н. Чижикина) о русском и украинском населении на Северном Кавказе [3, 16].

В-третьих, речь может идти о внутриэтнических образованиях – субэтносах. Последний вариант непосредственно связан с нашей темой.

На наш взгляд, процесс формирования подобных образований внутри этноса можно обозначить термином «субэтногенез»: например, субэтногенез донских (терских, уральских и др.) казаков. Терминологическое разделение процессов образования этноса (т.е. – этногенеза) и – последующего этнического развития сложившейся общности (этническая история) в случае с субэтносами представляется нам излишним. Здесь субъектами развития, по крайней мере формирующими этническую основу (субстрат), являются уже сложившиеся этносы. Для донских казаков к XVII в. это – русские (великорусы) и украинцы (малорусы). Библиография работ по вопросам формирования и развития субэтносов (т.е. – субэтногенезу) невелика, особенно, если сравнивать с исследованиями по этногенезу. Данная публикация является продолжением исследований автора по этнической проблематике Дона.

Если рассмотреть этнический состав служилого сословия Области Войска Донского к началу XX в., то можно выделить три группы. Во-первых, это – восточнославянская или русская, в которой этническим субстратом к XVII в. были русские (великорусы), выходцы из Московского

государства. Именно ее следует обозначать термином «донские казаки». Группа, преобладавая численно и политически, определяла культурный и ментальный образ всего донского казачества.

Во-вторых, – вторая по численности группа донских калмыков-бузавов, сохранявших культурную и религиозную обособленность (главные – ламаизм и кочевое скотоводство). Эти казаки имели с кон. XIX в. свою территорию (Калмыцкое войсковое кочевье, Калмыцкий, а затем – Сальский округ), входившей в административную структуру Области Войска Донского.

В-третьих, может быть названа группа казаков-мусульман, сложившаяся уже ко 2-й четв. XVII в, известная под названием «донские, базовые», реже – «юртовые» татары. Эти казаки, исповедуя ислам, также сохраняли культурно-бытовые особенности и проживали в станице Татарской, преобразованной в 1860 г. в одноименный хутор.

Названные группы, различаясь по численности, культуре и политическому статусу могут быть названы основными этническими компонентами служилого сословия Области войска Донского [13, с.129–131]. Они сложились как результат развития комплекса этнокультурных процессов, составивших этническую историю Дона. Поэтому целесообразно в научных построениях разграничивать термин «донское казачество», используя его для обозначения всего служилого населения, включая все названные группы; и – «донские казаки» применительно к его преобладающей восточнославянской (русской) группе.

Можно выделить следующие факторы, определяющие динамику и характер этнокультурных процессов.

1. Фактор степного мира. Донское казачество формировалось на пограничной территории, имея на первом этапе своей истории контакты преимущественно с тюркоязычными, скотоводческими коллективами. Они обозначаются названиями производными от этнонимов «татарь», «ногаи». В статье В.Л. Куца (2006 г.) показаны связи казаков с татарами в XVII в., в том числе – проживание последних в городках помимо войскового центра – Черкаска [5].

Преобладание в этот период контактов с носителями скотоводческих традиций характерно для всех казачьих сообществ, сформировавшихся в степной зоне Восточной Европы. Это объясняется тем, что в Подонье-Приазовье и далее – а пределах Великой Степи с древних времен проживали и взаимодействовали представители земледельческих, оседлых и скотоводческих, кочевых и полукочевых культур. Можно допустить, что контакты донских казаков с татарами и ногайцами в XVII в. были более частыми, что объясняется численным преобладанием последних над калмыками, появившимися на Дону только в 1630-х – 40-х гг., и только со следующего столетия начавших «заменять» татар в политической и культурной жизни региона. Но на раннем этапе, в XVI–XVII вв. период пограничья (фронтира) вследствие большего присутствия на Дону татары и ногайцы чаще пополняют ряды казачества, а наблюдатели даже в

XVIII– нач. XIX вв. (А.И. Ригельман, В.Д. Сухоруков и др.) выделяют именно татарские черты (использование языка, названия, заимствования в одежде, пище и др.) в казачьей культуре [7–9].

2. Военная деятельность: войны, набеги и походы, а с XVIII в. – обязательная военная служба – также можно назвать фактором, оказавшим влияние не только на культуру и менталитет казаков, но также на систему культурных коммуникаций и связанных с ними этнокультурных процессов. Благодаря военным действиям в казачьи общины попадали пленные и перебежчики; репутация казаков как вольных и бесстрашных воинов привлекала в Войско представителей неславянских, порой враждебных народов; практика захватывать женщин во время набегов как добычу, а позднее – привозить жен из походов не только стала одним из источников формирования семей, но нашла отражение в казачьем фольклоре, превратившись в символ казачьего самосознания [11, с. 120-123; 12, с. 76-80]. Сложившийся особый воинский уклад, формировал казачью идентичность, способствуя консолидации войскового сообщества.

3. Донское казачество сформировалось как военное сословие. Следует признать влияние сословного фактора на процессы этнокультурного развития, то есть – на этническую историю. И не отрицая негативных последствий сословной принадлежности, хотелось бы выделить ее позитивные аспекты.

Так, сословные рамки постепенно ограничили контакты казаков с родственным восточнославянским населением. Эти процессы были антигуманными, но сословность предотвратила опасность «растворения» донцов среди не казаков. Уже со 2-й пол. XVIII в. войсковая администрация и правительство стремятся контролировать зачисление в состав казачества людей «разного звания» и происхождения. Эта практика окончательно утверждается в XIX столетии, а после принятия Положения 1835 г. устанавливается фактический запрет на межсословные браки [14, с.119–129]. Семейно-родственные связи, как показывают документы о приеме в число граждан станиц, были важной предпосылкой «внешнего» пополнения казачества. Эта устойчивая традиция была подорвана ко 2-й пол. XIX в. [15, с. 203–209]. И хотя сословные границы не были непроницаемыми (зачисления продолжались и в нач. XX в), они сыграли роль в консолидации донских казаков и их отдалении от русских и украинцев (малороссиян). Внутри служилого сословия Области Войска Донского сложились культурные и ментальные признаки, которые сами казаки воспринимали как особенности «своей» общности, отличающие их от «иногородних», «хохлов».

Формирование восточнославянской группы (т.е. – собственно донских казаков) к XVII в. связано преимущественно с процессами внутри – и межэтнической консолидации. В первом случае в рамках казачьих общин «сливались» в одну общность великорусы из Московского государства, преимущественно из южнорусских территорий, а во втором, уже на уровне межэтнических контактов, в них включались малорусы, преимущественно выходцы из

Левобережной и Слободской Украины, а также – территорий южнорусских районов, составлявших русско-украинского пограничье [6, с. 50–54].

На раннем этапе, в условиях пограничных контактов, набегов и открытости казачьих общин были распространены процессы ассимиляции, которая охватывала неславянские группы (ногайцев, турок, татар, калмыков) и в меньшей степени вовлекала уступавших им по численности на Дону, греков, поляков, уроженцев Кавказа. С XVIII в. возрастает прием в казаки наряду с поляками, немцев, шведов и др. выходцев из Европы.

Процессы межэтнической консолидации охватывали родственные группы (великорусы и малорусы): близкие по языку, культуре, менталитету, более того – связанные с Православием и зачастую с принадлежностью к Российскому государству. Ассимиляции способствовало то, что зачисленный в казаки, либо – его потомки, принимали христианство (дети крестились при рождении). В XVIII – нач. XX вв. в приеме в состав казачества большую роль играли браки с казаками.

Процессы консолидации в этническом развитии донских казаков начинают преобладать с XVIII в. и уже к началу революционных трансформаций 1917 г. роль ассимиляции незначительна. Это можно объяснить превращением казачьего Дона во внутреннюю территорию империи, заселением прилегающих территорий русскими и украинцами и, главное – быстрый рост этого населения в пределах Области Войска Донского. Чаще всего в XIX в. не казаки, принимаемые в ряды войскового сословия и вступившие в браки с казаками были уроженцами Дона либо долгое время жили здесь [14–15].

Ситуация связанная с этническим развитием казаков-калмыков была проще. Общность формировалась в основном благодаря процессам внутриаэтнической консолидации, охватывающей калмыков, в разное время причислявшихся к Войску. Донских калмыков (бузавов) можно рассматривать как субэтническую группу калмыцкого этноса, сформировавшуюся в составе донского казачества.

Сведения о донских татарах (казаках-мусульманах) ограничены. Можно предположить, что ее основой были ногайцы, также она пополнялась за счет этнических татар (крымских и нижневожских). Здесь главную роль играли процессы консолидации. С XIX в. часты упоминания о зачислении в состав группы горцев, преимущественно адыгов. Поэтому можно допустить развитие здесь процессов ассимиляции. Ислам, принадлежность к донскому казачеству и, возможно, ногайский язык стали факторами формирования и этнического развития этой группы. Пример калмыков и татар показывает, что крещение не было обязательным условием приема в казаки, но сохраняя вероисповедание, представители неславянских этносов могли входить в «свои» общности, становясь казаками.

Подобные группы к нач. XX в. были во всех казачьих войсках России. Сама этническая история казачеств (не только донского) включает все виды этнокультурных процессов, изучение которых позволит не толь-

ко понять происхождение этого феномена отечественной истории, но также – его развитие в советский период и в современном мире.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – нач. XIX в. М., 1974.
2. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа в IV–X вв. Л., 1978.
3. Заседателева Л.Б. Культура и быт русского и украинского населения Северного Кавказа в кон. XVI – XIX вв. // КЭС. Вып. VIII. М., 1984.
4. Козлов В.И. Этнические процессы // СЭПТ. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М., 1988.
5. Куц О.Ю. Татары на казачьем Дону (по материалам 1630–60-х гг.) // Исследования по истории средневековой Руси. Сб. статей, посв. 80-летию Ю.Г. Алексеева. М.-СПб., 2006.
6. Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII в. Ростов н/Д., 1961.
7. Ригельман А. История или повествование о донских казаках. М., 1864.
8. Сухоруков В.Д. Краткое известие о бывшем на Дону городе Черкасске // Северный архив, 1823. Ч. 28.
9. Сухоруков В.Д. Общежитие донских казаков в XVII–XVIII вв. Новочеркасск, 1838.
10. Томилов Н.А. Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири). Томск, 1993.
11. Тумилевич Т.И. Донские предания о Ермаке // Русская народная проза. Русский фольклор. Л., 1972.
12. Черницын С.В. Основные пути формирования семейно-брачных отношений на Дону в XVI–XVII вв. // ДД. Азов, 1992. Вып. 1.
13. Черницын С.В. Донское казачество: этнокультурная характеристика воинского сословия // Мир Шолохова: история и культура. Тезисы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.А. Шолохова. 12–14 мая 2005 года. Ростов-на-Дону; Азов, 2005.
14. Черницын С.В. Тенденции межсословных браков в Войске Донском в 1-й пол. XIX в. // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнической культуры казачьих групп России за 2011–2012 гг. Матлы Всерос. науч. конф. Дикаревские чтения (17). Краснодар, 2014.
15. Черницын С.В. Тенденции «внешнего» пополнения донского казачества: зачисления в казачье сословие во второй половине XIX–нач. XX в. // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России. VII Токаревские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону 11-12 мая 2018 г. Ростов н/Д., 2018.
16. Чижикова Л.Н. Заселение Кубани и современные этнические процессы // СЭ. 1963. № 6.

Р.Г. Тикиджьян (Ростов-на-Дону)

КАЗАКИ-КАЛМЫКИ В ВОЙСКЕ ДОНСКОМ: СТАНОВЛЕНИЕ ТРАДИЦИЙ И ТРАНСФОРМАЦИИ ВОЕННОЙ И СУБЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ В КОНЦЕ XVII–НАЧАЛЕ XX ВВ.

Проблемы взаимоотношений калмыков Степи и Российского государства, включения различных групп калмыков в состав казачьих войск, в том числе Войска Донского, имеет уже обширную и весьма серьёзную историографию. Эти значимые исторические и военные сюжеты раскрыты в современной постсоветской историографии в работах историков и этнографов: Г.О. Авляева, Э.П. Бакаевой, А.В. Захаревича, У.Э. Эрдниева, К.П. Шовунова [6], С.В. Черницына, Р.Г. Тикиджьяна [4] и других авторов. После образования Южного научного центра РАН в 2005 г., работа активизировалась, появились новые обобщающие исторические и краеведческие исследования. Особое место здесь занимает капитальный труд «История Калмыкии с древнейших времён до наших дней» (коллективная монография в 3-х томах, изданная в г. Элиста, в 2009 г.), где особо выделены главы и разделы по истории донских калмыков–казаков. Среди последних специальных исследований посвящённых данной проблематике, отличаются своей основательностью и новизной работы: Л.П. Александровской [1], К.Н. Максимова [3], Г.Е. Цапник [5]. Российские и калмыцкие исследователи данной проблематики на основе различных групп сохранившихся источников определили, что ещё в начале–середине XVII в. часть дербетских, торгоутских и хошоутских нойонов предпочла организованную миграцию из Джунгарии на северо-запад, в пределы России. Впервые представитель торгоутского тайши Урлюка вошел в контакт с российской администрацией в Таре в 1606 г. Становление официальных вассально-служебных отношений с Российским государством и военной службы калмыков достаточно чётко зафиксировано в грамотах и договорах (шертях) калмыцких тайшей с царём Михаилом Фёдоровичем Романовым в 1618, 1623, 1630–1632 гг. Именно в 1640-60-х годах XVII столетия из монгольских степей в Поволжье и на левобережье степей Задонья перекочевала основная часть племён ойратов (монголов, не принявших ислам, а исповедовавших разновидность буддизма – ламаизм), получившие название – «калмыков». Юридическое оформление процесса добровольного вхождения калмыков в состав России завершилось в 1655–1661 гг. Шёртными грамотами 1655, 1657 и 1661 гг. были определены зоны калмыцких кочевий (по Яику, по левому берегу Волги – степи от Астрахани до Самары, по правому берегу – до Царицына на севере с включением придонских степей на западе). В обмен на это, и на право беспошлинной торговли на российских рынках калмыцкие правители

приняли обязательство военной службы как обязательной повинности, согласились с формулой: «быть в вечном подданстве и послушанье», формально отказались от проведения сепаратистской внешней политики. С 1658–1659 гг. калмыцкая кавалерия регулярно участвовала на стороне России практически во всех военных действиях против Турции и вассального ей Крымского ханства. Однако первоначально они часто вступали в столкновения с ногайцами и донскими казаками из-за территории и скота, затем стали налаживать связи и дипломатические контакты. В 1648 г. между калмыками и казаками был заключен оборонительный и наступательный союз против крымских татар. Уже в 1651 г. отряд калмыков переправился через Дон, двинувшись в набег на владения крымского хана, упредив готовившийся татарами поход против донцов. В феврале 1661 г. в донскую столицу Черкасск с дипломатической миссией от предводителя калмыков Дайчин-Тайши прибыл посол Баатыр Янгильдеев. Обменявшись подарками с войсковым атаманом Корнилой Яковлевым, послы провели переговоры по поводу совместных действий против крымских татар и ногайцев. Весной того же года с ответным визитом в кочевья Дайчин-Тайши отправилось донское посольство во главе с Федором Буданом и Степаном Разиным. Заключенный ими договор был выгоден не только донским казакам, но Российскому государству, ибо отныне калмыки из силы враждебной превращались в союзников России. Царь Алексей Михайлович в 1663 г. одобрил союз донцов с калмыками, разрешив последним кочевать в юго-восточных пределах казачьей земли: по рекам Маныч, Сал, Иловля, Бузулук и Хопер. Для дипломатических приемов калмыков правительство вместе с казачьим жалованьем стало ежегодно присылать по двести ведер водки. Зимой 1663 г. соединенный отряд донских казаков и калмыков совершил поход против татар, к Крымскому перешейку. Донских казаков возглавлял молодой Степан Разин, а калмыков – Шогаша Мерген и Шербет Бакши. В сражении у Молочных Вод они нанесли поражение сильному татарскому отряду во главе с Сафар Казы-агой.

Окончание юридического оформления вхождения калмыков в состав России считается одновременно и началом истории т.н. – Калмыцкого ханства, просуществовавшего более века и сыгравшего главную роль в этнической консолидации калмыцкого народа. Несмотря на то, что калмыки (в отличие от казаков), в большинстве своём не являлись православными, а исповедовали ламаизм, разновидность буддизма (это учение проповедовало терпимость к другим религиям), они довольно быстро вписались в культурную донскую среду, став союзниками донских казаков в борьбе против Блистательной Порты и Крымского ханства. После смерти Аюки-хана в 1722 г., среди калмыцких вождей началась борьба за власть, на вершину которой поочередно входили Церен-Дондук, а затем Дондук-Омбо. С последним успешные дипломатические переговоры провел войсковой атаман Данила Ефремов. Это было время, когда Российская

империя готовилась к решающим схваткам с Турцией и Крымом, когда фельдмаршал Миних сконцентрировал на Дону армию для похода под Азов, а затем и в Крым. Русскому правительству необходимо было знать, чью сторону примет в предстоящей войне калмыцкий правитель Дондук-Омбо, несколько десятков тысяч конницы которого являлись грозной по тем временам силой. Проявив незаурядные дипломатические способности, Данила Ефремов сумел склонить калмыцкого правителя к союзу с Россией. За успешно проведенную миссию Данила Ефремов, указом императрицы Анны Иоанновны от 17 марта 1738 г. был назначен Донским Войсковым атаманом. И в последующее время дальновидный Ефремов поддерживал добрые отношения с калмыками, принимая их вождей-тайш у себя в Черкасском городке и в загородной даче на хуторе Красном. После смерти Дондук-Омбо, его внук, Цэбэк-Дорджи, откочевал с 33.000 дымовых отверстий (юрт-кибиток) народа из России в Китай. В октябре 1771 г. Указом Екатерины II, т.н. Калмыцкое ханство было упразднено, часть современных историков считают этот дипломатический акт серьезным просчетом внешней политики. Оставшиеся улусы управлялись самостоятельно наследственными нойонами под контролем астраханского губернатора и русских приставов. В 1742–1758 г. часть калмыков по особому распоряжению вошла в состав Войска Донского. Оставшиеся в России калмыки, ввиду своей немногочисленности и слабости, подвергавшиеся нападениям воинственных соседей (киргизов, горских и других народов), обратились к имперскому правительству и донским казакам с просьбой о причислении их к казачьему сословию. В 1794 г. на это было получено высочайшее разрешение, и оставшиеся кочевые калмыки поселились между Доном, Донцом и под Черкасском. Обладая всеми казачьими правами, они имели так же право свободно исповедовать буддизм — традиционную религию своих предков. Из сильных, годных к военной службе калмыков, формировались сотни-аймаки, включаемые в состав донских полков. За службу калмыки получали хлебное и денежное жалованье. Калмыки, по физическим данным годные к военной службе, но желавшие работать скотоводами и табунщиками, могли откупиться от военной службы, внося определенную сумму в Войсковое правление для снаряжения вместо них на службу казаков.

Отдельные представители донских калмыков (а также татар) служили даже ординарцами у наследника престола, великого князя Павла Петровича, будущего императора Павла I. В 1798 г. калмыки были подчинены Войсковому гражданскому правительству, а с 1803 г. ими управляли специальные «приставы над калмыками», обязательно имевшие офицерские чины. Для большего контроля над особым, иногда не спокойным калмыцким воинством в начале правления атамана М.Платова, их переселили на левобережье Дона, предписав «весной кочевать от реки Кагальника до Сала, летом по обеим Куберле и Гашуну, осенью в окрестностях Маныч-

ских соленых озер, а зимой по самой Манычи». Калмыки-казаки участвовали во всех войнах, которые вела Россия, в конце XVIII–XIX вв. В период военно-административных реформ Александра I в 1802–1806 гг., все калмыцкие кочевья были разделены окончательно на 3 (три) основных улуса: Верхний, Средний и Нижний, управлявшихся начальником-зайсангом, часто совмещавшим светскую и духовную власть. Калмыки Верхнего улуса – кочевали по реке Сал и левым его притокам, границы Среднего улуса лежали по обеим сторонам Маныча, а Нижнего — по рекам Эльбузд (Ельбузд), Ея, и Кугей Ея. Началось официальное определение за ними прав и обязанностей казачества и условий службы. Улусы, в свою очередь, делились на 13 сотен-аймаков. Сотни же делились на хотоны. Всё же при этом, не согласные с решениями имперского правительства, в начале века большая часть дербентовских калмыков откочевала в астраханские степи. В Войске Донском остались только калмыки Нижнего улуса. В 1801 г. их насчитывалось 2262 души мужского пола. В 1803 г. к ним присоединились около 400 чугуевских и доломановских калмыков, переселившихся в область Войска Донского. В итоге в 1806 г. в ходе реформ был образован Калмыцкий округ (кочевье) из кочевавших в Задонских степях калмыков. Земельная площадь, определенная под их станицы, была окружена с севера и запада казачьими и крестьянскими землями 1 и 2 Донских округов; с юга – землей, отведенной для частного конезаводства; с востока – землями калмыков Астраханской губернии. В этом же году им были дарованы все права и привилегии казачьего войскового сословия. Данные акты, по утверждению известного историка–казаковеда К.П. Шовунова, оценку которых сегодня поддерживают многие историки, сами донские калмыки определили самоназванием – «бузаав». В переводе и по смыслу – «вручили ружьё» (оружие). Это было осмысление и обретение нового почётного, сословно-правового, имперского статуса казачества – «бузаав» (т.е. определили на государственную, военную службу). Донские калмыки-бузаавы (в последствии т.н. – «белые» калмыки) принимали активное участие в составе сотен-аймаков и казачьих полков в Отечественной войне 1812 г. В авангарде казачьих полков под командованием М.И. Платова в марте 1814 г., они вошли в Париж, поразив французов своим экзотическим обликом. Отбывая за пределами Донского края нелегкую службу наравне с казаками, донские калмыки сложили об этом цикл народных песен. Об эпохальных событиях борьбы с Наполеоном у калмыков, так же сохранилось несколько патриотических песен, известных до сего дня. По «Положению об управлении Войском Донским» 1835 г., официально подтверждалось, что калмыки, наравне с казаками, теперь несли воинскую повинность. На этом основании было создано специальное Калмыцкое правление, которое просуществовало с 1836 по 1884 гг. Были введены должности судьи и урядника в Калмыцком правлении. В декабре 1846 г. в ст. Великокняжеской открылось Калмыцкое окружное училище. В Государственном архиве Ростовской области, имеется соответствующий

Фонд №309, ещё не достаточно исследованный историками, где сохранилось небольшое, но весьма интересное по содержанию количество описей и дел раскрывающих целый ряд проблем и направлений работы этой новой управленческой структуры [2]. В декабре 1859 г. в Калмыцком кочевье, насчитывалось уже 21090 душ обоего пола. Великие реформы Александра II лишь частично коснулись Калмыцкого кочевья, больше вопросов было решено в контексте проведения военной реформы и обновления службы казаков, коснувшихся и калмыков в 1875–1879 гг. Всё же по оценке учёных с 1862 по 1884 гг., началось и постепенное, но основательное унификация калмыков с казаками, с 1859–1862 гг., в Сальских степях создаётся Калмыцкий округ, (его основа территориально формируется уже с 1806 г.), вводилось станично-аймачное управление в 13 станицах-аймаках, а затем начался и перевод на осёдлый образ жизни и частично ведения хозяйства. В 1882 г. общее число калмыков, по отчёту органов внутренних дел Области Войска Донского, достигло уже 28659 человек. Трансформации пореформенного периода коснулись калмыцких кочевий и в период правления императора Александра III. Донские калмыки, после создания особого административно-территориального образования – Сальского округа, (отчасти 1 и 2-го Донского округа), и официального перевода их на осёдлый образ ведения хозяйства и быта в 1884–1886 гг., создали и проживали теперь компактно в 13-и станицах и 9-и хуторах. Особую роль с 1846 г по 1914 гг. калмыки по-прежнему занимали в системе казачьих конных заводов-зимовников, как частных, так и госзаказа. Калмыки-табунщики оставались востребованной частью сообщества.

По мнению большинства историков и этнологов. Социологов донские казаки – калмыки (бузаавы) с конца XVIII до начала XX вв. трансформировались в субэтническую группу, став важной частью казачьего военно-служилого сословия, с особенностями культурного и хозяйственного уклада. Отличились донские калмыки (бузаавы) в войнах, которые вела Российская империя в XIX – начале XX веков (до 1917 года). Перед революцией 1917 года на территории Области войска Донского проживало уже 30200 душ калмыков. Донские казаки-калмыки приняли активное участие в событиях Российской революции и гражданской войны 1917–1920 гг. В основном калмыцкие полки и сотни служили в составе контрреволюционной Донской армии, а так же в отдельных карательных подразделениях. Именно поэтому большая часть казаков–калмыков и членов их семей (до 32 тыс.) стремилась эмигрировать из Крыма вместе с бело-казаками в 1920 году. Интересна, бесспорно и перспектива дальнейшего изучения калмыцкой казачьей диаспоры её роли и места в казачьей эмиграции XX века. Таким образом, проблемы трансформаций казачьего субэтноса-сословия, группы донских калмыков XIX–XX вв. и феномена казачьего возрождения начала XXI в. следует сегодня продолжать на стыке междисциплинарных исследований.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Александровская Л.П. Судьбою связаны одной... История Сальского округа. Элиста, 2009.
2. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО), Ф.309. Оп.1.
3. Максимов К.Н. Калмыки в составе Донского казачества (XVIII–сер. XX вв.). Ростов н/Д., 2016.
4. Тикиджян Р.Г. История и культура народов Донского края и казачества // Калмыки на Донской земле с XVII до начала XX вв. Ростов н/Д., 2010. С. 298-307.
5. Цапник Г.Е. Становление и развитие калмыцких казачьих поселений на Дону: XVII–XIX вв. Автореферат канд. ист. наук, Астрахань, 2006.
6. Шовунов К.П. Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.). Элиста, 1992.

Е.В. Стегленко (Ростов-на-Дону)

ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДОНСКИХ КАЗАКОВ В ПУБЛИЦИСТИКЕ Е.П. САВЕЛЬЕВА

Интерес к древней истории донского казачества прежде всего связан с вопросом о его происхождении. Несмотря на обширные труды профессиональных историков, вопрос о том, кем же являются донские казаки – народом или служилым сословием – остается дискуссионным и не теряет свою злободневность. Прежде всего, это связано с актуальными сегодня поисками идентичности на фоне явно возросшего интереса к казачьей культуре. Расширяются формы и способы мемориализации казачьей истории и культуры, инициированной, как сверху (памятники, объекты инфраструктуры, культурно-этнографические казачьи комплексы), так и снизу – интерес к культуре, кухне и быту донского казачества среди населения, выраженной в проведении культурно-массовых мероприятий, связанных с казачьей тематикой. Активно ведется обсуждение в интернет-сообществах, где наряду с современными профессиональными оценками все большую популярность приобретают работы так называемых «забытых авторов», основной пик творчества которых приходится на конец XIX – начало XX века. К таким недостаточно известным исследователям региональной истории можно отнести и создателя трудов по истории казачества Евграфа Петровича Савельева.

Е.П. Савельев, прежде всего, известен как автор «Истории Дона и донского казачества», вышедшей в Новочеркасске в трех частях в 1918 году. Задуманная автором в 4 частях (последняя не увидела свет), она стала обобщением исторических работ Е.П. Савельева, вышедших в 1915–1916 гг. в трех частях и шести выпусках в Новочеркасске, в типографии «Донской Печатник», посвященных истории казачества с древнейших

времен до конца XVIII в. [3]. С 2002 года указанные труды Е.П. Савельева неоднократно переиздавались в издательстве «Вече».

Первым критиком труда Е.П. Савельева был его современник донской историк П.П. Сахаров. Он отмечал, что исследования Е.П. Савельева «исчерпываются известным количеством лингвистическо-исторических домыслов весьма фантастического содержания ... неимоверно много кривотолков, прямых отсебятин и явных исторических нелепостей» [17].

Критическое отношение к труду Е.П. Савельева высказывали советские историки. Выдающийся исследователь истории Дона А.П. Пронштейн в своем фундаментальном труде «Земля Донская в XVIII веке» сделал несколько ссылок на труд Е.П. Савельева. А.П. Пронштейн допускал, что в нем могли содержаться вполне достоверные конкретные сведения по истории Дона XVII–XVIII вв., взятые из источников, удовлетворительная их трактовка и вполне адекватная оценка. Но относительно выводов о характере социального строя донских казаков, Е.П. Савельев отвечал распространенным среди донских авторов начала XX века «уропатриотическим» взглядам и настроениям [7, с. 13].

В послесловии к ростовскому репринтному изданию 1990 г. труда Е.П. Савельева «Древняя история казачества» известным историком Н.А. Мининковым дана критическая оценка положений и выводов Е.П. Савельева, относящихся к происхождению казачества, и методологии, на основе которой они были сделаны [6, с. 306]. Как подчеркивал Н.А. Мининков, при этом Е.П. Савельев широко пользовался символической этимологией, при которой на основании сходства или мнимого сходства в звучании отдельных лексем делаются далеко идущие выводы.

Крупный специалист по истории донского казачества советского и постсоветского времени А.И. Козлов также обращался к работам Е.П. Савельева, в части вопросов, затрагивающих происхождение казачества, отметив, что автор особо подчеркивал роль тюркского элемента [4, с. 65]. Своей оценки этой точке зрения А.И. Козлов не давал, но, совершенно очевидно, что он не разделял ее.

А.И. Агафонов обратил внимание на исследование Е.П. Савельева о войсковом казачьем круге на Дону. Он правомерно принял вывод автора исследования о существовании весьма глубоких и уходящих в далекое прошлое демократических традиций казачества, проявлявшихся при проведении кругов как органов власти в войске Донском [1, с. 67].

О труде Е.П. Савельева писали другие донские историки и краеведы – М.П. Астапенко, Г.Д. Астапенко и Е.М. Астапенко. Говоря о концепции истории казачества, которую он разрабатывал, авторы отмечали: «Рассматривая казачество как отдельный народ, он неправоммерно выводил его корни из глубины веков: от этрусков, скифов, сарматов». По мнению авторов, Е.П. Савельев играл «заметную роль в культурной жизни дореволюционного Дона» [2, с. 281].

Значительное внимание историческому труду Е.П. Савельева и содержащейся в нем концепции истории казачества уделяет Б.С. Корниенко, который относит его труд «к мифотворчеству». Вместе с тем отмечает, что он «является ценнейшим источником для изучения казачьего национализма начала XX в.» [5, с. 145].

Несомненно, для написания своего обширного труда «История Дона и донского казачества». Е.П. Савельев проделал большую работу по поиску и сбору материала, тем более интересным представляется сам факт возникновения подобной работы в семье типичного представителя казачьей интеллигенции начала XX века. Евграф Петрович Савельев – уроженец станицы Константиновской. Он родился в 1860 году, воспитывался в казачьей среде, получил образование в Константиновском приходском окружном училище с 1872 по 1877 гг., а свою специальность – в Новочеркасской учительской семинарии. По окончании обучения в семинарии Савельев пошел преподавать, и уже в четырнадцать лет «служил учителем во Втором и Первом Донских округах». Примерно с этого времени он начал публиковать свои статьи. Первые его произведения были изданы в 1882–1884 гг. в новочеркасской газете «Донской голос». Следует отметить, что со студенческой поры Савельев писал стихи, пьесы, рассказы, басни, которые публиковал в донской периодической печати под псевдонимом «Евграф», а уже с 1909–1912 гг. «соиздастествовал» в выпуске стихов I и II «Донского литературного сборника», выходившего в Новочеркасске. С 1895 г. Евграф Петрович бросил преподавание и начал службу делопроизводителем в Областном правлении Войска Донского. С этого момента активизировалась его писательская деятельность, которая теперь не ограничивалась изданием стихов и пьес. Его литературное творчество развивалось в контексте общего интереса казачьей элиты к собственной истории. В этот период, благодаря работе Донского статистического комитета, собран огромный материал по социально-экономическому развитию донской земли, ее географии, топографии, истории, культуре и этнографии. Активно развивается донская периодическая печать, в которой размещают свои работы донские историки и краеведы. В своей публицистике Е.П. Савельев затрагивал экономические и социально-политические проблемы развития донского региона, а также уделял внимание значительным историческим личностям, легендарным атаманам. С 1904 он публиковался в «Донских областных ведомостях», «Голосе казачества», где появились его произведения: «Очерки по истории торговли на Дону. Общество Донских торговых казаков» [14], «Ермак и завоевательное движение казаков» [11, с.3], «Атаман М.И. Платов и основание города Новочеркаска» [8], «Типы донских казаков и особенности их говора» [13], «Войсковой круг на Дону, как народоправление» [9], «Исторический очерк о жизни и деятельности Донского общества сельского хозяйства за 25 лет» [10].

Достаточно активно Е.П. Савельев публиковался и на страницах «Донских областных ведомостей» в 1911–1913 годах. Среди других иссле-

дований о происхождении донского казачества известна его статья «К истории казачества» с комментарием «Как нужно писать историю», размещенная в № 65 за 22 марта 1911 г. [12, с. 3]. В ней Е.П. Савельев в свойственной ему стилистике справедливо указывал, что «История казачества, в том числе и донского, еще мало разработана, а потому казачье население в массе своей о великих делах предков своих знает очень немного, о первоначальном происхождении этого народа не имеет ни малейшего представления, если не считать ни на чем необоснованных легенд, дошедших до нас устным преданием, или записанных и необдуманно принятых за достоверные факты некоторыми легковверными историками» [12, с. 3].

Комментарий «как нужно писать историю», по всей видимости, может относиться к полемике, происходившей в течение нескольких лет между Е.П. Савельевым и его современником, профессиональным историком Павлом Петровичем Сахаровым, который годом ранее опубликовал в «Донских областных ведомостях» статью о происхождении донского казачества [16]. В своей публикации Е.П. Савельев поставил проблему острой необходимости создания работ по истории Дона, одновременно указывая на малочисленность существовавших исследований и недостаточность материалов и источников, которые бы помогли историкам исправить это положение. «Казачье население в массе своей о великих делах предков своих знает очень немного, о первоначальном происхождении этого народа не имеет ни малейшего представления... <...>. Письменных памятников о древностях казачества очень немного, да и те разбросаны по разным русским и иностранным, мало изученным архивам и библиотекам; русские же, доступные изучению, летописные сказания говорят о казачестве весьма сбивчиво, а в большинстве случаев почти совсем о том замалчивают. Донской архив, в котором, надо полагать, было немало ценного материала по данному вопросу, сгорел дотла в г. Черкасске в 1744 г.» [12, с. 3]. Отмечая важность исторической литературы для характеристики «умственного и нравственного состояния самого народа», Е.П. Савельев говорит о ее недостаточности: «К сожалению, у нас, на Дону, такой литературы, в полном смысле этого слова, слишком мало, хотя уже достаточно собрано материала для истории этого войска.» [12, с. 3]. По мнению Е.П. Савельева, донские казаки в большинстве не знают, кто были их предки, откуда они пришли и почему называются казаками, и что познания о собственной истории сводятся к истории службы Российским государям, за которую они получили льготы, привилегии и жалованные грамоты на владение земельными угодьями. Достаточно критически автор характеризует состояние современной ему донской историографии: «Вообще у нас, на Дону, не говоря уже о массе казачества, малограмотной и даже неграмотной, и в интеллигентной среде историей интересуются мало и книги по историческим вопросам расходятся слабо. А вопрос об истории казачества поднимался некоторыми истинно любящими свою родину не раз,

даже были и попытки к составлению истории, но труды эти вообще страдали недостаточною разработанностью исторического материала, и неудачными заимствованиями и подражанием другим историкам, мнения и выводы которых, иногда заведомо неверные, принимались как положительные данные и целиком вносились в эти труды» [12, с. 3].

Что касается «подражания другим историкам», то здесь Е.П. Савельев, очевидно, имеет ввиду таких исследователей, как Н.М. Карамзин, Д.И. Иловайский, чьи выводы об истоках казачества шли вразрез с его собственными, о чем он указывал в статье: «Поднимался вопрос и о происхождении казачества, но дальше предположительных выводов не шел, а выводы эти были: “Донское казачество, по всей вероятности, происхождения неблагородного, – оно образовалось из беглецов разных областей Московского государства” и т.д. (Карамзин); или “в Придонских степях собирается (в XV в.) вольница из русских беглецов-разбойников” (Иловайский)» [12, с. 3]. Данные выводы не могли устраивать типичного представителя казачьей интеллигенции, к которой относился Е.П. Савельев. Анализируя подобные работы, Савельев делал неутешительные выводы: «Местные историки упускали из вида, что история целого государства не есть история его окраин. У историков государства задачи были совсем другие, чем у историков, пишущих историю какого-либо народа, вошедшего в состав этого государства. Там история окраин приносилась в жертву центра; выдающиеся события и стремления окраин замалчивались или объяснялись с точки зрения центра, даже иногда порицались, как сепаратные» [12, с. 3]. Обобщая характеристику Е.П. Савельевым известных ему трудов, в которых затрагивались вопросы происхождения казачества, можно отметить, что автор, явно критикуя историков государственной школы, так же выражал недовольство работами местных историков, к которым он относил молодого исследователя, выпускника историко-филологического факультета Харьковского университета П.П. Сахарова: «Труды наших донских историков, обнаруживают и еще один общий недостаток – это недостаток критических приемов исторических исследований, или слишком легкое отношение к такому труду» [12, с. 3]. И далее следует довольно острая критика П.П. Сахарова, в которой автор статьи, используя ранее опубликованные работы своего оппонента, указывал на неточности и слабость его методологии: «В последнее время на столбцах “Донск. Обл. Вед.” печатаются “Критическо-исторические наброски” г. Сахарова, отличающиеся самоуверенным тоном осуждения большинства русских историков и местных исследователей за их взгляды на происхождение донского казачества. Так, г. Сахаров, ничтоже сумняшеся, одним почерком пера все труды, как донских, так и российских историков за истекшее столетие окрестил довольно грубыми эпитетами, как-то: недомыслием, нелепостями, анахронизмами и т.п. и, не сказав пока своего последнего слова, хотя и обстоятельно процитировал все, что было у него под рукою, с умилением обратился за разрешением

вопроса о происхождении казачества “к устам глубокоуважаемого и глубокопочтительного (им – *Е.П. Савельев*) В.О. Ключевского”, через которые, т.е. уста, русская историческая наука высказала, наконец, такое же “близкое к истине мнение”...<...>... по вопросу о происхождении донского казачества из глубин народной массы (как будто бы казачество путем естественного подбора выродилось из степных зверей - *Е.П. Савельев*) и дополнил прежние взгляды (опять – чьи? - *Е.П. Савельев*) своими частными мнениями и предположениями о пространстве ближайшей прародины донцов и о промысловых занятиях русских нетяглых казаков до их отслоения от Украины в Поле и Подонье” и т.д.» [12, с. 3]. Чтобы «развенчать» логические построения П.П. Сахарова, Е.П. Савельев ссылался на другого авторитетного историка С.М. Соловьева, мысли которого он привел в этой же статье: «казачество составляло слой русского общества, некогда распространенный по всей Руси» [12, с. 3], однозначно указывая на обширную географию предков казачества. И в продолжение полемики Е.П. Савельев отмечал: «Почему же г. Сахаров не называет Соловьева, как и Ключевского, «высокопочтимым»? Да и причем тут эти авторитеты, когда они основываются только на своих частных мнениях и предположениях, не приводя в доказательство своих предположений ни одного исторического акта» [12, с. 3]. По мнению Е.П. Савельева, «господин Сахаров и не подозревает, да, видимо, это и не подозревали и сами названные историки, что, высказывая свои мнения и предположения, они принимали следствие за причину, почему и не могли добраться до истины, а она от них была очень недалеко» [12, с. 3]. Развивая критику в оценке современных ему историков, Е.П. Савельев шел дальше, приводя в пример апологета государственной исторической школы и основоположника историко-археологического направления в российской исторической науке: «Такой же авторитетный историк, как Соловьев и Ключевский, Карамзин (т. V, гл. IV) высказал еще в начале прошлого столетия мнение, что казачество древнее Батыева нашествия. К такому же выводу пришел впоследствии, и известный историк-археолог И.Е. Забелин. Почему же г. Ключевский и другие новейшие историки не воспользовались приведенными мнениями Карамзина и Забелина и не разработали в этом направлении вопрос о происхождении казачества, а стали строить свои теории о происхождении казаков из русских «гулящих» людей, вытолкнутых на южные окраины каким-то «общественно-хозяйственным кризисом». Почему не постарались изучить быт, нравы, верования и военное устройство древнего казачества и убедиться, что из русского «гулящего» люда не так-то легко выработается лихой наездник, сабельник и копейник. Да все потому, что они приняли следствие за причину» [12, с. 3]. Пожалуй, здесь главным аргументом Е.П. Савельева в доказательстве древнего и благородного происхождения казачества, становился известный образ донского казака – рыцаря, на службе русского царя, защитника православной веры на южной окраине государства. Эти доказательства выглядят достаточно беспомощ-

ными, даже с точки зрения методологии исторической науки начала XX века. Но, по мнению Е.П. Савельева, перспективным было комплексное изучение традиций и культуры донского казачества, а также народов исторически его окружавших [12, с. 3].

Критические оценки П.П. Сахарова не остались тем незамеченными. В «Донских областных ведомостях» была помещена статья П.П. Сахарова «Заметка по поводу исторической неверности» в которой он выявил ошибки, допущенные Е.П. Савельевым в его отчете о командировке в Донецкий округ для осмотра и обследования исторических местностей в юрте Луганской станицы, в качестве действительного члена Донского областного статистического комитета и комиссии по устройству Донского музея [15, с. 2]. Гораздо позже, в 1957 г., на исходе жизни, в рукописи, посвященной историографии происхождения донского казачества, он очень резко высказывался об исторических трудах Е.П. Савельева: «Древности – хоть отбавляй; хватит и мистики ... а в итоге – наглая мистификация читателей – донцов... “Исторические исследования” Е[вграф] П[етрович] [Савельева] исчерпываются известным количеством лингвистическо-исторических домыслов весьма фантастического содержания ... неимоверно много кривотолков, прямых отсебятин и явных исторических нелепостей» [16].

Разворачивавшаяся в периодической печати со стороны историков – профессионалов критика исследовательской методологии Е.П. Савельева не помешала ему в дальнейшем опубликовать свою работу по истории донского казачества, и издать ее в период с 1915 по 1918 гг. несколькими тиражами. Здесь выразилось общее направление в донской литературе того времени, соответствующей общественным настроениям, когда поиск древнейших корней своего народа, наделение его особым статусом, обусловленным историческим «служением царю и Отечеству», должен был остановить процессы культурного «размывания», исправить последствия социально-экономического кризиса первого десятилетия XX века.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Агафонов А.И. История Донского края (XVI – первая половина XIX в. Исторические источники и их изучение). Ростов н/Д., 2001.
2. Астапенко М.П., Астапенко Г.Д., Астапенко Е.М. Казачья доля – Дон, степь да воля. Ростов н/Д., [Б.и.], 2014.
3. Е. П. Савельев. История казачества (историческое исследование). Ре-принт: Ростов н/Д., 1990.
4. Е.П. Савельев. «Ермак и завоевательное движение казаков»// ДОВ. 1913. № 279.
5. Е.П. Савельев. К истории казачества. (Как нужно писать историю)// ДОВ. 1911. № 217.
6. Козлов А.И. Возрождение казачества: история и современность (эволюция, политика, теория). Ростов н/Д., 1995.
7. Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909

- 1914). СПб., 2013.
8. Мининков Н.А. Альтернативный взгляд советского историка // Савельев Е.П. Средняя история казачества. Новочеркасск, 1916. (Ре-принт: Ростов н/Д., 1990).
  9. Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д., 1961.
  10. Савельев Е.П. Атаман М.И. Платов и основание г. Новочеркаска (в 1805 г.). Новочеркасск, 1906.
  11. Савельев Е.П. Войсковой круг на Дону, как народоправление. Ново-черкасск, Области войска Донского типография, 1917.
  12. Савельев Е.П. Типы донских казаков и особенности их говора. Ново-черкасск, 1908.
  13. Савельев. Е.П. Очерки по истории торговли на Дону. Общество Дон-ских торговых казаков. Новочеркасск, 1904.
  14. Сахаров П.П. Заметка по поводу исторической неверности // ДОВ. 1910. № 217.
  15. Сахаров П.П. К вопросу о происхождении донского казачества и о первых подвигах донцов в защиту родины и веры на службе у первого русского царя Ивана Васильевича Грозного // ДОВ. 1910. № 164, 167, 170, 173, 174, 177, 181, 183, 186, 192, 195, 200, 202, 204, 206, 214, 217, 223, 225; 1911. № 6, 8, 134, 137, 142, 150, 156, 162, 164, 184, 192, 198; 1912. № 59, 62, 66.
  16. Сахаров П.П. Развитие историографии вольного русского казачества (Критико-библиографический очерк) // РОМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1/15.

А.В. Аверьянов (Ростов-на-Дону)

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЙ НА ДОНУ В 1920-Е ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ ДОНСКОГО ОКРУГА)

Начало НЭПа стало отправной точкой в развитии различных форм общественной и хозяйственной жизни многочисленных этнических сообществ, проживавших в Донском регионе. Среди них особое место занимали немецкие колонии, которые играли заметную роль в развитии местного хозяйства. Традиционно они воспринимались как наиболее развитые и образцовые хозяйства в регионе. Опыт их интеграции в советское общество является объектом пристального изучения современных историков. В работах Бугая Н.Ф. [1], Игнатовой М.Е. [6], Терещенко А.Г. [9], Сокольского Э.А. [8], Ерохиной Е.В. [5], Малышкиной Е.В. [7] исследуются особенности зарождения и развития немецких поселений на Юге России, в том числе на Дону, как в дореволюционный, так и в советский период.

В рамках актуального на современном этапе развития исторической науки микроисторического подхода представляется целесообразным проанализировать ключевые аспекты социально-экономической и политиче-

ской жизни отдельных немецких колоний в Северо-Кавказском крае. Это позволит получить более наглядное представление об особенностях социально-политической и хозяйственной организации немецких колоний с учётом региональной специфики.

Общая численность немецкого населения Края согласно переписи 1926 года составляла около 93 тыс. человек. Отличительной особенностью немецких колоний была их относительная немногочисленность и территориальная разбросанность. Так, в одном из наиболее многонаселённых округов Северо-Кавказского края – Донском округе – проживало 8,2 тыс. немцев. Большая часть из них традиционно занималась сельским хозяйством – 5,8 тыс. человек [2]. Наиболее крупной локацией немецких колонистов была территория Ейского, Староминского и Кущёвского районов, входивших в тот период в Донской округ. Здесь располагались такие немецкие колонии как Александровка, Воронцовка, Ново-Ильевка, Руэнталь, Ольгенфельд, Эйгенфельд, Мариенталь. Крупнейшая Воронцовская колония была основана в 1860-х гг. выходцами из Воронежской губернии.

В 1925 году краевыми властями было инициировано масштабное изучение социального и хозяйственного уклада жизни немецких колонистов. Ценность результатов исследования немецких колоний Донского округа обуславливалось тем, что они давались в разрезе аналогичных исследований армянских сёл Аксайского района, сведённых спустя год в Мясниковский национальный район. И те и другие считались старожильческими и вполне зажиточными. Сравнительный аспект изучения национальных меньшинств позволяет лучше понять специфику хозяйственной и социально-культурной жизни немецких колонистов (См. **Таблицу 1**).

Отличительными особенностями немецких колоний было их многоземелье (по сравнению с окружающим населением), что обуславливало экстенсивный характер их хозяйств. «Экстенсивностью своего хозяйства немцы очень сильно напоминают армян, вся разница только в том, что армяне до сего времени не отказались от волов, немцы же исключительно пользуются лошадиной тягой». Помимо обеспеченности живым инвентарём у колонистов отмечалось наличие богатого мёртвого инвентаря (молотилки, веялки, сноповязки, лобогрейки и др.), поскольку в довоенное время немцы дополнительно арендовали большие площади земель: «одних молотилок у них имеется 36, тогда, например, во всем Аксайском районе их насчитывается лишь 28». В колонии Мариенталь имелся также трактор «Фордзон» [3, л. 160 об].

К особенностям ведения сельского хозяйства немцами относился их довольно крупный размер, товарный характер, наличие большого количества наёмных работников, особенно в период посевных работ и сбора урожая. Отмечалось, что практически в каждом немецком хозяйстве используется наёмная рабочая сила. Например, в Александровке в группе зажиточных хозяйств немецкие хозяйства составляли более 50%, в середняцких и бедняцких несколько меньше половины, а в батрацких только ¼ часть [3, л. 94].

Таблица 1.

Данные по некоторым немецким колониям в Донском округе (1925 год)[3, л.125-131об]

Колонии	I	II	III	IV	V	VI
Александровка	60	360	926	2,6	2 (120)	146
Воронцовка	83	1050	5113	5	5 (450)	277, в т.ч. 177 кор.пл.
Эйгенфельд	30	228	1093	4,9	2,7 (82)	85
Ольгенфельд	61	456	2700	6	2,1 (127)	176, в т.ч. 150 кор.пл.
Руэнталь	38	290	1303	4,5	2 (92)	97
Ново-Ильевка	80	621	1700	2,7	1,1 (89)	63 пл.+25 непл.
Мариенталь	80	637	2000	3,7	2 (140+18 волов)	138
Итого:	432	3642	14835	4,2	2,5 (1100+18)	2,3 (1007)

Текстовые обозначения столбцов: **I.** Количество дворов; **II.** Количество едоков; **III.** Земельная площадь (десятин); **IV.** Земли на едока (десятин); **V.** Количество лошадей на двор (всего); **VI.** Молочное стадо (племенных коров).

Примечание: несмотря на многоземелье, жители Руэнталья арендовали ещё 200 десятин земли.

В силу географической и климатической специфики немецкие и армянские хозяйства занимались выращиванием зерновых культур (пшеницы). Однако в отличие от армянских хозяйств, которые специализировались исключительно на производстве гарновки, у немцев значительную долю составляла озимка. В крупнейших немецких колониях – Александровке и Воронцовке, под озимые отводилось 50% и 52% посевных площадей [3, л. 94].

Отличительной особенностью немецких хозяйств помимо выращивания зерновых культур было наличие большого количества крупного рогатого скота. В отчёте отмечалось, что «Ейский, Кушевский и Старо-Минской районы являются главными рассадниками племенного красно-немецкого скота для Донского округа и в обследованных немецких колониях имеется 775 дойных племенных коров, а также значительное количество молодняка» [3, л. 160 об]. В планах краевого руководства отмечалась необходимость сделать немецкие хозяйства центром разведения племенного скота всего Края.

Таким образом, несмотря на свою малочисленность, немецкие колонии в Донском округе играли ведущую роль в развитии регионального хозяйства. В планах окружного и краевого руководства значилась интенсификация немецких хозяйств. Основным средством для этого было развитие кооперации.

Кооперативное движение в национальной среде подразделялось на два

основных направления – сельскохозяйственное (производственное) и потребительское (торговое). При чрезвычайно важности последнего приоритет отдавался производственной кооперации. В резолюции по докладу подотдела нацмен при Крайкоме РКП(б) в 1925 году постановлялось необходимым «считать производственные задачи с.х. кооперации преваляющими над всеми другими функциями, в том числе торговли, каковы должны играть лишь вспомогательную, дополняющую подчинённую роль» [10, л.25]. Именно производственная кооперация способствовала социальной дифференциации в национальной среде, росту классово сознательности бедняков нацмен.

При обследовании немецких 7 колоний Донского округа было отмечено, что производственная кооперация затронула исключительно бедняцкие слои населения. Так, в колонии Мариенталь Ейского района Донского округа в 1924 году были организованы трудовые земельные кооперативные товарищества по совместной обработке земли «Утренняя заря» (7 хозяйств при 38 едоках) и «Путь к социализму» (14 семейств при 57 едоках). Товарищества организовывались «из самых бедняцких крестьян-батраков, которые даже не имели своего домика. При создании товарищества не было ни тягловой силы, ни коров, ни машин». [3, л. 109] В соседней колонии «Александровское» в 1925 году было организовано Трудовое Земледельческое Кооперативное Товарищество по совместной обработке земли им. Либкнехт. В него также вошли беднейшие немцы-крестьяне – 5 домохозяев [3, л. 99].

Однако указанные хозяйства были крайне незначительными по своему масштабу и не оказывали значительного влияния на экономическое и социальное развитие района. Кроме того, часть бедняцко-батрацкой части немецкого населения донских колоний вовсе не участвовали в кооперативном движении или состояла там формально.

Средняцкая масса, чей поддержкой стремилась заручиться региональная власть, демонстрировала практически полное безразличие к производственной кооперации. Единственный КОВ, куда по спискам входило 143 человека, числился в колонии Александровское Ейского района. Однако его работа оценивалась как малоудовлетворительная.

По итогам исследования местные власти констатировали «как печальный факт, что в немецких колониях Донокруга КОВы совершенно не привились: из семи обследованных немецких пунктов (причём в двух имеются свои сельсоветы), КОВ имеется только в одном, в Александровке, да и то положение этого КОВа крайне тяжелое, неопределённое без особых утешительных перспектив. По всему видно, что немецкое население, как это ни досадно, крепко держится за старое правило: каждый сам за себя, а Бог за всех» [3, л. 100].

Одной из причин отсталости немцев в отношении с.х. кооперации считалась «обеспеченность немцев инвентарём, лошадьми и скотом и вообще их зажиточность (почти в каждом дворе 1-3 батрака)», а также неудовлетворительная деятельность Крайнемсельхозсоюза [3, л. 89]. Объективной причиной, препятствующей развитию кооперации среди немецко-

го населения, была крайняя малочисленность немецких колоний, а также их широкая территориальная разбросанность.

Попытки создания немецких сельскохозяйственных товариществ представителям сразу нескольких колоний также приводили к неутешительным последствиям. Созданное крестьянами Александровки и Воронцовки Ейское с.х. товарищество (167 членов) считалось убыточным. Задолженность кредиторам оценивалась в 62 тыс. рублей. Главная работа товарищества заключалась в торговле мануфактурой. Средств на обеспечение своих членов сельхозмашинами и другим инвентарём не было. Одной из причин называлась крайне низка степень поддержки со стороны Крайнемсельсоюза, который местные крестьяне называли «Крахнемсельсоюз» [3, л. 154-155].

В сложившейся ситуации немецким колонистам было разрешено вступать в кооперативные организации в соседних русских населённых пунктах. По замыслу властей, последние должны были показать немцам преимущество кооперативных хозяйств над индивидуальными. Однако должного эффекта данная мера не принесла.

С аналогичными сложностями, вызванными малочисленностью и разбросанностью немецких колоний, немцы Донского округа столкнулись в рамках потребительской кооперации. В крупнейшей немецкой колонии округа – Александровке, по этой причине не имелось потребкооператива, все крестьяне состояли членами Ейского ЕПО. Немецкие колонисты, как правило, состояли членами соседних русских потребительских и сельскохозяйственных кооперативов. Так, жители колонии Ольгенфельд входили в состав Староминского потребкооператива и кредитного сельхозтоварищества, Елизаветинского кредитного сельхозобщества [3, л. 117 об]. На фоне немецкой кооперации армянские кооперативные общества, особенно потребительские (например, в Чалтыре), находились в более выигрышном положении: они были более устойчивы и многочисленны. Всё это давало основания крайним властям утверждать, что в области кооперации армянские поселения превзошли немецкие колонии.

Как было отмечено выше, важнейшей задачей кооперативного движения помимо хозяйственных нужд, было достижение социальной дифференциации населения по имущественному и классовому признакам. Политической формой организации бедноты и середнячества, за симпатии которого активно боролась советская власть, были советские органы власти. Организация национальных сельсоветов считалась приоритетным направлением национальной политики.

В семи исследуемых колониях Донского округа было создано два сельсовета – Александровский и Воронцовский. Остальные немецкие колонии входили в состав «русских» сельсоветов (См. **Таблицу 2**).

В целом деятельность немецких сельсоветов оценивалась достаточно успешно. Для обеспечения чистоты классового состава сельсоветов ряд наиболее зажиточных семейств были лишены избирательных прав. В Алек-

сандровском сельсовете в категории лишенцев попали 13 человек (3 семьи) как «эксплуатирующие чужой труд в течение целого года» [3, л. 94 об].

Таблица №2.

**Александровский сельсовет Ейского района Донского округа
(1925 год) [4, л. 43]**

	I	II	III	IV	V	VI	VII
Всего населения	716	383	434	6	1	1	1
Членов Сельсовета	8	4	3			1	
Членов Президиума	3	1	1			1	

Текстовые обозначения столбцов: **I.** Всего; **II.** Русских; **III.** Немцев; **IV.** Болгар; **V.** Поляков; **VI.** Чехословаков; **VII.** Эстонцев.

Примечание: В состав Александровского сельсовета помимо собственно Александровки входили еще три хутора, населённые русскими крестьянами.

Таблица №3.

**Воронцовский сельсовет Ейского района Донского округа
(1925 год)[4, л. 43]**

	Всего	Русских	Немцев	Армян	Поляков
Всего населения	1092	87	1003	1	1
Членов Сельсовета	10	1	1		
Членов Президиума	3	1	2		

Большим достижением считалось избрание в ходе перевыборов 1925 года в состав сельсоветов женщин, что было достаточно показательным явлением для консервативной национальной среды, несмотря на то, что немецкие женщины в колониях были «поголовно грамотны». Обеспечили своё присутствие в сельсовете также представители РКП(б) и РЛКСМ. Примечательно, что председателем Воронцовского сельсовета был русский по национальности. Пленумы сельсоветов собирались регулярно, круг рассматриваемых вопросов был достаточно широк: от хозяйственных до культурно-просветительских. Среди положительных моментов отмечался растущий интерес немецких крестьян к деятельности сельсовета, работоспособность его секций и комиссий, аккуратное делопроизводство. К негативным сторонам деятельности сельсовета относился низкий уровень вовлечения в свою работу беспартийного актива, сохранявшаяся конкуренция сельсовету со стороны общегражданских собраний, на которых большую роль играли классово чуждые элементы, низкие темпы перевода делопроизводства на немецкий язык [3, л. 86].

В целях роста политической сознательности бедняцко-средняцкой части колонистов большая роль отводилась образовательному и просветительскому процессу, прежде всего в среде молодёжи и женщин. Влияние духовенства на простые массы колонистов было по-прежнему традиционно велико. Уровень религиозности среди немецкого населения был высоким. Отмечался низкий уровень квалификации немецких учителей, не хватало учебников на немецком языке, имевшиеся учебники были изданы ещё до революции; учебный процесс вёлся на русском языке. В колониях отсутствовало пионерское движение [3, л. 145-149].

В создавшейся ситуации краевые власти стремились ограничить влияние духовенства на массы рядового немецкого крестьянства. В колониях регулярно выписывались советские газеты, проводился учёт детей, которые охватывались начальным школьным образованием, с 1925-1926 учебного года в колонии стали поступать новые учебники. Важнейшей задачей КрайОНО провозглашалась необходимость обеспечения школьных библиотек литературой на немецком языке, организации курсов по переподготовке немецких учителей, перевода процесса обучения на родной язык, организации Красных уголков и т.д. [3, л. 150-150 об.].

Таким образом, немецкие колонии на Дону имели большое хозяйственное и социально-политическое значение. Это были наиболее развитые хозяйства в регионе, которые, как и в дореволюционный период, воспринимались как образцовые. Они развивали наиболее передовые отрасли сельского хозяйства, в том числе семеноводство и племенное скотоводство, что позволило им занять уникальную нишу не только в экономике Донского округа, но и всего Северо-Кавказского края. Всё это вынуждало региональные власти проводить довольно корректную политику в отношении донских немецких колоний, в том числе в политико-идеологической сфере, что длительное время позволяло немецким колонистам сохранять свой привычный жизненный уклад и культурную самобытность.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бугай Н.Ф. Немцы в Южном регионе России: восприятие и доверие // ИиСОМ. 2016. Том 8 №3/1.
2. Всесоюзная перепись населения 1926 года // http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=843 (дата обращения: 01.07.2019)
3. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф.-Р.1798. Оп.1. Д. 491.
4. ГАРО. Ф.Р.- 1798. Оп.1. Д. 968.
5. Ерохина Е.В. Немецкое предпринимательство в хозяйственном комплексе юга России: 1868-1934 гг.: дис. ... докт. ист. наук. Воронеж, 2011.
6. Игнатова М.Е. Греческий и немецкий (Ванновский) национальные районы Краснодарского края в 20 - 40-е гг. XX века: дис. ... канд. ист.

наук. Краснодар, 2005.

7. Малышкина Е.В. Исторические этапы распространения и особенности развития немецких колоний на Юге России в XIX – начале XX веков.: дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2011.
8. Сокольский Э.А. Путешествие в Ольгенфельд // URL http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m1/1/art.aspx?art_id=425 (дата обращения: 01.07.2019)
9. Терещенко А.Г. Немецкие колонисты на землях Войска Донского // URL http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m2/2/art.aspx?art_id=83 (дата обращения: 01.07.2019)
10. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф.7. Оп.1. Д.161.

Т.Ю. Айдунова (Ростов-на-Дону)

ПРАЗДНОВАНИЕ ПЕТРОВСКИХ ЮБИЛЕЕВ В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

На пореформенный период и на начало XX в. пришлось несколько юбилейных дат, связанных с двухсотлетием событий, относившихся к Петру I. Это, прежде всего, двухсотлетие со дня рождения самодержца, которое отмечалось в 1872 г., а также взятия русскими войсками Азова в 1696 г., битвы при Лесной в 1908 г. и Полтавской в 1909 г.

Празднование двухсотлетия появления на свет первого императора России должно было проходить с большим размахом. В начале 1872 г. была создана императорская комиссия по подготовке празднования юбилея. Организация празднования возлагалась на несколько министерств – внутренних дел, военного, морского, императорского двора. В комиссию вошли не только представители этих министерств, но и депутаты городской думы, а председателем комиссии был назначен член Государственного Совета граф П.Н. Игнатьев. Подробный сценарий проведения праздника был разработан церемониальной частью министерства императорского двора. Предусматривался вынос «петровских достопамятностей» – мундира, шпаги и шляпы Петра I и знаков ордена Андрея Первозванного, проведение богослужений, военного парада, оружейные салюты с Петропавловской крепости и судов. В церемонии участвовала императорская фамилия, высшие военные и гражданские чины, представители дипломатического корпуса иностранных государств. Весь ход церемонии расписывался подробно и в деталях. Мероприятия, связанные с участием народа, должны были проводиться на Царицыном лугу. На этом же лугу комиссия приняла решение о помещении картин, относящихся к разным эпизодам из жизни монарха. Предполагалась иллюминация города и судов [1, л. 1-13 об]. Судя по фотографиям из аль-

бома, сделанным П.Н. Петровым и С.Н. Шубинским, мероприятия происходили в разных городах империи, прежде всего в местах, так или иначе связанных с жизнью и деятельностью Петра I. Первоначально предполагалось проведение этнографической процессии в Санкт-Петербурге и в Москве наподобие той, которая была при Петре I по случаю заключения Ништадтского мира. Также предполагалась иллюминация с транспарантами, напоминавшими «главнейшие деяния Петра». Заключался договор с яхт-клубом, чтобы провести на Неве «эволюцию», напоминавшую «эволюцию» петровского флота, причем в этом шествии должен был занимать особое место «дедушка русского флота» – известный петровский «ботик» [2, с.280-281]. Все эти мероприятия, как предполагалось, должны были проходить при большом скоплении народа.

Проведение праздника описывались в печати. Судя по этим описаниям, торжества в обеих столицах империи, в разных городах, особенно связанных с деятельностью Петра I, прошли с большим размахом. Состоялся крестный ход, а икону, взятую в петровском домике, торжественно внесли в Петропавловский собор, к месту захоронения российских монархов начиная с Петра Великого. В соборе совершилась торжественная панихида в присутствии императора Александра II. Еще один молебен был проведен около памятника Петру I на Сенатской площади – Медного Всадника. После молебна был проведен военный парад. Народные гуляния с разнообразными развлечениями для публики проходили до глубокой ночи. На эти гуляния вышло множество народу. Как отмечал корреспондент «Санкт-Петербургских ведомостей», «от Невы до Исаакиевского собора возвышались эстрады, залитые народом». Публика была даже «на крыше Исаакиевского собора, на Адмиралтействе, на всех домах Петровской и Адмиралтейской площадей, и на здании главного штаба» [3]. На фоне этих развлечений народу внушалась мысль о подвигах и величии Петра I, а по существу имела место ненавязчивая монархическая пропаганда. Не случайно во время народных гуляний на Царицыном лугу в Санкт-Петербурге «раздавали книжки, знакомившие народ с его (Петра I – *Т.А.*) деятельностью, и описания событий, представляемых картинами. Все это видимо интересовало народ, толпившийся перед ними и внимательно слушавший, как грамотные читали вслух подписи под картинками» [3].

В ходе празднования петровского юбилея в Москве важнейшая роль отводилась ботику Петра I, или «дедушке русского флота», который должен был напоинать о роли царя как создателя флота и о его военно-морских победах. «Московские ведомости» описывали торжественную встречу ботика на Курском вокзале Москвы, куда он был привезен из Санкт-Петербурга по Николаевской железной дороге. Несмотря на прибытие поезда поздним вечером, его встречали «толпы народа», присутствовали на встрече командующий Московским военным округом, московский оберполицеймейстер и другие представители военных и гражданских властей города [4]. Торжественные мероприятия происходили в дру-

гих городах империи – в Архангельске, Воронеже, Дербенте, Новочеркасск. Мероприятия были в станице Старочеркасской Области войска Донского [2, с. 286], где в главном городе донского казачества бывал царь во время Азовских походов и после подавления Булавинского восстания. Все эти мероприятия с подробностями освещались в местной печати.

Празднованию двухсотлетия со дня рождения Петра Великого была посвящена серия гравюр с изображениями праздничных мероприятий. На гравюре, изображающей народное гуляние в Санкт-Петербурге 30 мая 1872 г., судя по одежде присутствовавших, выходили люди самого разного социального положения. Бросается, однако, в глаза преобладание чисто народных образов, одетых в рубахи с веревочным поясом, в шаровары и сапоги. Хорошо заметны на переднем плане купцы с бородами, в головных уборах, несколько напоминающих армейские фуражки. Также заметно присутствие большого количества офицеров. Изображено типичное народное развлечение – влезание на гладкий столб с закрепленным на верхушке призом для того, кто сумел залезть. На втором плане гравюры изображены два шатра, в которых давались театральные представления. На заднем плане видно другое народное развлечение, которое могло привлечь публику – канатоходцы с шестами [2, с. 253]. Другая гравюра изображает празднование в Москве. По реке Москве на фоне кремлевской стены проплывает петровский ботик – «дедушка русского флота» в сопровождении лодок под Андреевскими флагами. На переднем плане с крыши дома на левом берегу реки на прохождение ботика и лодок смотрит народ. Видно также, что вдоль левого берега реки в шеренгу стоят солдаты с оружием [2, с. 237].

Совершенно иная картина на гравюре с изображением панихиды в Петропавловском соборе. У гроба Петра Великого с возложенной на этот гроб императорской короной находится высшее духовенство в торжественном облачении. За духовенством – царь, рядом с которым стояли высшие военные и гражданские чины в парадных мундирах, с головными уборами в руках. Александр II хорошо заметен, но все-таки он не на переднем плане гравюры. Ряд гравюр изображают другой молебен, около памятника на Сенатской площади. Одна из них дает общий план с видом на Неву, при этом бросается в глаза, что на площади при памятнике строем стоят солдаты. По Неве видно движение судов, украшенных флагами. Две гравюры дают более близкие планы. Заметно, однако, что народа на этих гравюрах также не так много, преобладают войска, выстроенные в колонны и шеренги. Явно не соответствует духу празднования и его общему торжественному тону гравюра с изображением заднего плана Медного Всадника. Сам памятник отгорожен забором. На переднем плане, перед памятником и забором – две толпы, которые явно бегут друг на друга. Похоже, что изображена сцена известного народного развлечения, когда в борьбе, напоминающей драку, стороны шли друг на друга стенка на стенку. Показаны люди, размахивающие руками и сбитые от ударов на землю. Двое полицейских явно неудачно пытаются как-то остановить одну из толп. Совер-

шенно при этом не понятно, как такое народное развлечение, известное по самым разным местностям России, было связано с общей идеей торжественного празднования петровского юбилея. Кроме того, на гравюре хорошо заметны монархические знамена, причем даже на черно-белой гравюре довольно неплохо видно, что они бело-желто-черного цвета [2, с. 254].

Таким же порядком, с литургией в Архангельском соборе Кремля, с крестным ходом, с встречей петровского ботика – «дедушки русского флота» и с народными гуляниями юбилейные мероприятия проходили в Москве. На одной из гравюр изображена сцена юбилейного заседания 30 мая в актовом зале Московского университета [2, с. 269]. По одной гравюре относится к изображению праздничных мероприятий в других городах. В Архангельске изображен молебен перед Троицким собором. На заднем плане гравюры видна полоса Северной Двины с проходящим по ней парусником [2, с. 189]. Имеется гравюра картины, выставленной в здании городской думы Воронежа с рисунком судов петровского времени и с датами на нижней части гравюры [2, с. 261]. Это были 1696 и 1709 гг., когда Петр I посещал Воронеж. Празднование 30 мая в городе Петровске на Каспийском море, где начинался Персидский поход Петра I, показано на гравюре, на которой виден морской причал и большие корабли с флагами [2, с. 277].

В заключительной части роскошно изданной книги-альбома П.Н. Петрова и С.Н. Шубинского с гравюрами четко выражена основная идея данного издания. «Покорное орудие его (Петра Великого – *Т.А.*) могучей воли, – народ, – за которой не щадил жизни своей вечный труженик, – понял наконец цель его стремлений и забот». Поэтому сам народ «продолжает идти к развитию, на которое за полтора века назад указывал направление хода, в такой форме и размерах, может быть и не рассчитывал сам Петр Великий» [2, с.291], – писали авторы. Это краткое заключение альбома содержит две мысли. Одна из них заключается в том, что предначертания преобразователя России нашли свое осуществление, причем благодаря воле и активности самого народа, который принял самое решительное участие в преобразовании своей жизни. Другая мысль – в том, что все эти успехи в развитии и народном просвещении могут быть достигнуты только на базе прочного и неразрывного единения народа и монархической власти.

Формой празднования была чеканка юбилейной медали в честь двухсотлетия Петра Великого. В книге-альбоме приведено ее изображение. На аверсе медали отчеканен профиль императора, с лавровым венком на голове, что восходило к римской традиции чествования победителей. На реверсе была сделана надпись о двухсотлети со дня рождения царя, даты рождения Петра I и празднования двухсотлетнего юбилея с этого дня, и указывалось, что медаль была сделана в царствование императора Александра II [2, с.277]. Были сделаны и другие медали. Сведения о медалях, чеканившихся «в воспоминание двухсотлетия (так – *Т.А.*) со дня рождения Преобразователя России» приводятся в издании Юлия Иверсона и членов Императорского русского археологиче-

ского общества, Одесского общества истории и древностей и Общества истории и древностей Прибалтийского края [5, с. XXV, 65, XII].

Впрочем, имелись также отклики на юбилей императора с хорошо заметным критическим и даже сатирическим подтекстом. Это с особой наглядностью проявилось в стихотворении поэта А.Н. Апухтина, который в юбилейном 1872 г. находился на лечении в Карлсбаде – известном европейском курорте, где в 1711–1712 гг. на водах бывал Петр I. Это давало поэту повод для создания стихотворения по случаю царского юбилея. Идея произведения – торжественное празднование юбилея и участие в нем народа происходило вне учета того, что петровское царствование ознаменовалось не только введением просвещения, но и кровавыми методами этого введения. «С треском бороды летят... Пытки, казни... Все в смятеньи!.. Так вводилось просвещение... Двести лет тому назад», - писал Апухтин. Но через двести лет все эти ужасы, поразившие многих современников и дававшие им основание для появления теории царя-антихриста, стерлись из народной памяти. И поэтому «сегодня в храм святой, Незлопамятны, смиренны, Валят русские толпой... И, коленопреклоненны, Все в слезах благодарят Вседержателя благого, Что послал царя такого... Двести лет тому назад» [6, с. 467]. В коротком, но очень сильном в идейном отношении и по уровню поэзии стихотворении хорошо заметна сатира. Но направлена она не в столько в адрес царя-юбиляра, который ушел в историю, сколько русского общества, готового забыть кровавое прошлое и умиляться величию самодержца и проводившимся им преобразованиям.

Заметно скромнее проходило празднование в 1896 г. двухсотлетие взятия русскими войсками во главе с Петром I Азова. Такая скромность могла объясняться тем, что было хорошо известно об утрате Россией Азова после неудачного Прутского похода 1711 г. Несомненно, что более широко праздник проходил в самом Азове, имевшего в то время статус посада Ростовского округа Области войска Донского. Газета «Приазовский край» сообщала о заседании по вопросу празднования Азовской городской думы. На заседании было принято постановление о сооружении в Азове памятника царю за счет городских сумм и частных пожертвований. Также было принято решение о ходатайстве присвоения азовской мужской прогимназии наименования «Петровской». В зале городской думы 19 июля был проведен торжественный обед в честь двухсотлетия азовского присоединения. «Приазовский край» приводит сведения о меню этого обеда. Это был «перечень следующих яств: водка – а-ля флот, закуска – Петровские крендели, щи – Преображенские, каша – Семеновская, суп а-ля Полтавский бой, осетрина – Корабельная, соус – Маршальский, птица и дичь – Азовские, десерт – Царская забава, кофе – а-ля Нева» [7]. Такая прямая связь между названиями блюд и юбилеем свидетельствует о мещанских вкусах организаторов из городской думы.

На 28 сентября 1908 г. предусматривалось празднование двухсотлетия победы корволанта Петра I над корпусом генерала Левенгаупта у деревни Лесная. Свои проекты празднования, с выездом на место события выдвинули

Русское Императорское военно-историческое общество и штаб Виленского военного округа. В проекте округа говорилось о проведении торжественного богослужения и парада, а также о краткой лекции о сражении, с указанием событий на местности [8, л. 14]. В проекте Военно-исторического общества говорилось, кроме того, об освещении братской могилы. На этом освещении, помимо военного начальства, должно было присутствовать местное земское и уездное начальство, включая станowego пристава Евневича, который обнаружил эту могилу, а также местные жители [8, л. 11].

Для празднования двухсотлетия Полтавской битвы была образована межведомственная комиссия под председательством генерала от кавалерии барона Бильдерлинга, в состав которой вошли представители духовенства, министерств императорского двора, военного, морского, внутренних дел, народного просвещения, петербургский градоначальник и петербургский городской голова [9, л.11-11об.]. Подготовкой сценария праздника занималась церемониальная часть министерства императорского двора. В отличие от подготовки празднования петровского юбилея 1872 г., в проекте празднования юбилея Полтавской битвы 1909 г. была заложена смета расходов. Но если комиссия запросила на празднование 416580 рублей, то эти расходы были сокращены до 240000 рублей [9, л.15]. Вообще в документах о подготовке полтавского юбилея финансовый вопрос иногда возникает, причем указывается на нехватку отпускаемых средств. Так, по докладной записке временного комитета о праздновании двухсотлетия сампсониевского храма, заложенного Петром I в год полтавской победы, указывалось на значительный дефицит средств на приготовление к празднованию храма, который составлял от 10 до 20 тысяч рублей [9, л. 36-36об.].

Свой проект празднования полтавского юбилея предложило Военно-историческое общество. По своей направленности он не отличается от проекта министерства императорского двора. Несколько более в проекте исторического общества усилена мысль о необходимости того, чтобы в мероприятиях приняли как можно более широкое участие «высшие государственные установления и высшие чины Империи». И тогда «ближе подойдет это празднование к обычаям Петровского царствования и к мыслям ПЕТРА, конечно никогда не забывавшего отметить день Полтавы особым торжеством» [10, л.3-3об.].

Порядок празднования полтавского юбилея в Одессе был тщательно расписан в проекте одесского городского отдела Военно-исторического общества [11, л.83-84], по образцу росписи юбилейных церемоний.

Об организации лекционных чтений для народа к Военно-историческому обществу обращалось отделение Союза русского народа на Петроградской стороне, и договор о чтении лекций был заключен [10, л.71-72об.]. Для пропаганды знаний о Полтавской битве и о деятельности Петра I Военно-историческое общество объявило конкурс на подготовку популярной брошюры. Предусматривалось издание брошюры, победившей на конкурсе, с уплатой гонорара автору в 300 рублей [12, л.1]. Юби-

лей вместе с тем дал повод для ходатайства об издании пятого тома труда Н.Г.Устрялова «История царствования Петра Великого», который не был издан. С письмом в Военно-историческое общество об этом издании обратился внук известного историка, В.Ф.Устрялов [10, л.26-27].

По описанию торжеств 1909 г. по случаю двухсотлетия Полтавской победы очень заметна религиозная составляющая празднования, причем в такой степени, которой не было при праздновании двухсотлетия со дня рождения Петра I. «Санкт-Петербургские ведомости» описывают несколько крестных ходов, которые направлялись к часовне Спасителя в домике Петра I, с молебном перед иконой Спаса Нерукотворного, «сопутствовавшего Петру Великому в его походах». Кроме религиозных церемоний, частью праздника стало открытие на берегу Невы против здания главного адмиралтейства нового памятника Петру I. Этот памятник был отлит из бронзы в Париже по модели скульптора Бернштама и изображал царя в драматический момент спасения утопающих, на котором «фигура Царя дышит мощью и безграничной отвагой» [13]. Между тем, этот памятник как бы отсылал к традиции двухсотлетнего прошлого. «После Полтавы изобразительное искусство открыто характеризовало Петра как императора и бога» [14, с.77], – вполне справедливо замечал Ричард С. Уортман. Несомненно, что черты Петра Великого как божества, спасающего людей от гибели в водяной пучине присутствует в памятнике.

С двухсотлетием битвы под Полтавой было связано посещение Николаем II Полтавы и Киева. В газетном описании этих посещений двухсотлетие битвы как повод было упомянуто только один раз – при описании торжественной встречи царя с волостными старшинами Полтавской губернии и с представителями мещанства. Что же касается посещения царем Киева, то в газетном сообщении о Полтавской битве, юбилей которой был вообще-то поводом для поездки царя в Полтаву и Киев, не упоминалось вообще. Все внимание было привлечено к торжественной встрече императора, к народным гуляниям и к выражению народом своих монархических чувств [15].

Особенностью юбилейных газетных материалов о датах, связанных с Петром I, было сочетание сообщений о празднованиях в стиле репортажа с материалом, который должен был оказаться интересным для серьезного читателя. Большой материал такого рода был помещен в «Санкт-Петербургских ведомостях» без авторской подписи, и которая может считаться поэтому редакционной. В ней подчеркивается, что и при жизни «у Петра было больше врагов, чем друзей», «сознательных и бессознательных», в том числе в «народе», когда «одни называли его антихристом, другие – не настоящим, подменным царем». Как своего рода особый исторический феномен подается факт, что в условиях «полу-восточного московского трона рождается лицо, с ранних лет обреченное гибели своею роднею». Но среди всей своей родни он занимал совершенно особое место, «в этом юноше горит искра высокого призвания», И в результате юноша-царь «вырастает в гиганта; гигант берет на свои здоровые плечи целое царство и разом выносит его на свет Божий, на свет европеизма». «Гений взял свое над

предубеждениями темной массы», – подчеркивал автор. Но он ведет полемику с современными критиками Петра I, обвинявшими царя в самых ужасных поступках вроде того, который привел к гибели царевича Алексея, причем, как признает автор, обвинявших справедливо. Однако он подчеркивал, что говорить «об историческом лице, забывая ужасающие нас теперь нравы и другие условия эпохи, в которую он жил, – едва ли позволительно не только историку, но и всякому, кто желает получить или передать другим ясное и правдивое представление об этом историческом лице». Главное, по мнению автора, что оставил Петр I в качестве завещания, было то, что следует продолжать идти по пути «великого прогрессивного движения, во главе которого стоял Петр» [3], и это по существу была защита дела Петра I от консервативной критики. Более определенно о развитии просвещения и образования в стране как о важнейшей стороне заветов Петра I говорится в редакционной статье без подписи в «Московских ведомостях». «Русская школа, устроенная по европейски, должна трудиться в Петровском духе, чтобы выдвинуть наконец наш народ в Европу как члена во всех отношениях полноправного» [4], – подчеркивал автор. Изложение речи новочеркаской гимназии Н.А. Норова на праздновании двухсотлетия со дня рождения Петра I приводит газета «Донские войсковые ведомости». Норов подчеркивал, что «Петр Великий с одной стороны заканчивает старую Россию, а с другой – начинает новую», и народ «после восьмивекового движения на восток, круто начал поворачивать на запад». По его словам, реформы Петра I относились не только ко времени его царствования. Россия «обязана ему и современным нынешним своим состоянием. Современная нам действительность – великое наследие Великого Петра» [16], – делал он общий вывод. Этот вывод также представлял собой ответ консервативным критикам петровских реформ и, возможно, апологетам донской казачьей допетровской вольной старины.

Говоря о восприятии русским обществом смерти Александра I, Р.С. Уортман справедливо отмечает: «"Культ памяти" усопшего монарха становится неотъемлемой частью сценариев русской монархии в XIX столетии» [14, с. 361]. Но эта мысль может быть дополнена тем, что подобный культ распространялся не только на память об императорах этого столетия, но и на память о Петре Великом.

Таким образом, празднование во второй половине XIX – начале XX вв. юбилейных дат, связанных с Петром I и его деятельностью, свидетельствует о сохранении и о прочном закреплении в исторической памяти русского общества имени царя и важнейших событий его царствования. В разных слоях общества проявлялось глубоко позитивное отношение к царю. Вместе с тем в посвященных петровским юбилеям статьях имела место скрытая полемика с критиками Петра I, причем не называвшиеся, но подразумевавшиеся современные критики связывались с критиками петровского времени из разных слоев общества, в том числе с теми критиками из народа, кто выдвинул теорию Петра I как царя-антихриста или подмененного царя. Юбилейные даты, имевшие отношение к Петру I, всемерно использовались для укрепления

пропаганды и монархических чувств. Проводилась мысль о том, что нужные для страны преобразования возможны только при единении российской монархии и общества. Образ Петра Великого служил при этом примером того, как под властью самодержавия обеспечиваются условия для развития страны, для вступления ее в ряды ведущих стран Европы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф.473. Оп.1. Д.1468.
2. Петров П. Н., Шубинский С. Н. Альбом 200-летнего юбилея Петра Великого. 1672–1872. СПб., 1872.
3. Санкт-Петербургские ведомости. 1872. № 148 от 1 июня.
4. Московские ведомости. 1872. № 134 от 30 мая.
5. Медали на деяния Императора Петра Великого в воспоминание двухсотлетия со дня рождения преобразователя России, изданные Юлием Иверсеном. СПб., 1872.
6. Апухтин А.Н. По поводу юбилея Петра Первого // Нива. 1918. Э 30.
7. Приазовский край. 1896. № 197 от 25 июля.
8. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее – АВИМАИВиВС). Ф.11. Оп.1. Д.40.
9. РГИА. Ф.473. Оп.2. Д.1378.
10. АВИМАИВиВС. Ф.11. Оп.1. Д.40.
11. АВИМАИВиВС. Ф.11. Оп.1. Д.47.
12. АВИМАИВиВС. Ф.11. Оп.1. Д.22.
13. Санкт-Петербургские ведомости. 1909. № 143 от 28 июня.
14. Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т.1. От Петра Великого до смерти Николая I. Материалы и исследования. М., 2002.
15. Санкт-Петербургские ведомости. 1909. № 144 от 1 июля.
16. Донские войсковые ведомости. 1872. № 21 от 30 мая.

Л. И. Пилипчук (Батайск)

МЕСТО СОВЕТСКИХ МОНУМЕНТОВ В СТРУКТУРЕ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ДОНА В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Социально-культурная жизнь людей немыслима без семейных и календарных обрядовых систем. Свадебная обрядность, как часть семейной обрядности, зачастую выступает в качестве индикатора адаптации этнического сообщества к коренным изменениям в различных сферах человеческой

деятельности. Примером тому могут служить свадебные традиции и инновации, количественное соотношение которых во времени постоянно меняется.

Инновации в свадебной обрядности XX века в нашей стране были связаны с всеобщими изменениями в культурной жизни, идеологических установках, нововведениях в области гражданских санкций брака, влиянием миграционных процессов и урбанизацией. Одним из элементов советской свадебной обрядности стало обязательное посещение молодожёнами памятных мест, возложение цветов к памятнику героям Гражданской и Великой Отечественной войны, фотографирование новобрачных на фоне монументов. Данные свадебные инновации получили распространение на всей территории советского государства, став неотъемлемой частью семейного торжества. Донские свадьбы не стали исключением, подтверждением этому служат многочисленные свадебные фотографии. Однако, при достаточном освещении данной темы в отечественной литературе и историографии, в науке нет региональных исследований [4, 19, 20].

Данная статья – результат полевой работы. Собранный и проанализированный нами материал представляет собой опрос населения западного микрорайона города Батайска (до середины XX века – село Койсуг) Ростовской области, с 2017 г. по 2019 г. Коренное население бывшего села Койсуг – потомки переселенцев XVIII века из Малороссии [12, с. 6-11]. Койсужане говорят на диалекте отличающим их от казачьего населения Дона – «балакают», но считают себя русскими людьми. По методике устного опроса информацию нам предоставили около 20 местных жителей. В основном на контакт шли женщины в возрасте от 20 до 90 лет. Наиболее ранние сведения относятся к 30-м годам XX в., наиболее поздние к 2019 г.

Большая часть полевого материала, по интересующей нас теме, датируется 50–90 гг. XX века. Сохранились редкие свадебные фотографии 50-70 гг. XX века на фоне известного старожилам Койсуга – монумента (братской могилы) погибшим советским воинам, защищавшим село Койсуг в годы Великой Отечественной войны, а так же на фоне памятника Ленину. Памятники находились на территории городской школы № 4 и пришкольного участка [8]. В 70-х годах, после присоединения села Койсуг к городу, в Батайске перезахоронили останки воинов из нескольких могил, расположенных в городской черте, в братскую могилу в городском парке (номер захоронения в ВМЦ 61-101) [12, с. 229-236]. Памятник Ленину был демонтирован в 90-е гг. XX. Чаще всего встречаются снимки койсугских свадеб 70–90 гг. XX века на фоне мемориального комплекса (вид захоронения братская могила. Номер захоронения в ВМЦ 61-18/2014) – «Памятник лётчикам» 762-го авиационного истребительного полка. Памятник установлен в 1969 г. на месте бывшего полевого аэродрома 1941–1942 гг. Расположен мемориал в селе Кулешовка, Азовского района, Ростовской области, в 10 км от города Батайска. Ещё одну многочисленную группу составляют фотографии койсугских свадеб конца XX начала XXI века на фоне монументальной скульптуры «Тачанка», на трассе Ростов-Батайск, посвящён-

ной героям Гражданской войны 1918 г. – легендарной 1-й Конной Армии. Памятник установлен в 1977 г., в 5 км от города Батайска [7, 8].

Объяснить такой выбор памятников для посещения молодожёнами можно тем, что западный микрорайон города Батайска (Койсуг) - это понятие не только географическое, но и историческое [12, с. 37-49]. Будучи частью современного города Батайска, его западный микрорайон имеет свою более древнюю историю и по-прежнему территориально отделён от центральной части Батайска, а коренные койсужане всё ещё противопоставляют себя населению другой части города. Со слов наших респондентов, для возложения цветов, во время свадебных церемоний, койсужанами выбирались памятники не связанные с центром Батайска. *«Цветы к Вечному огню в городском парке возлагали те, кто жил в центре. Наши ездили туда редко, так как добраться туда было неудобно»* (записано со слов Ерошенко Н.А., 1954 г.р., в марте 2017 г., Зап. Батайск). Подтверждением вышесказанному может служить свадебная фотография 80-х гг. XX века на фоне памятника Ленину в центральном городском парке [7]. Офицерская форма лётного состава у новобрачного и почётного свидетеля, говорит о том, что проживают они в Авиагородке – восточной части города Батайска – *«на той стороне»* (записано со слов Ерошенко Н.А., 1954 г.р., в марте 2017 г., Зап. Батайск).

Фотографии койсугских свадеб 70-90 - х гг. XX века – это также фотоснимки на фоне памятников в городе Азове, в 20 км от Койсуга: «Крепостной вал»; памятный знак «Осадному сидению казаков 1637—1642 гг.», установленный в 1991 году и мемориал 1975 года - «Торпедный катер», посвящённый морякам Донского отряда Азовской флотилии 1941-1945 гг. [7]. *«Памятники для фотографирования выбирали подальше, чтобы скоротать время между регистрацией и свадебным застольем. Регистрация обычно проходило днём, а застолье вечером»* (записано со слов Засименко С.И., 1974г.р., в апреле 2018 г., Зап. Батайск). Такие «свадебные катания» действительно вносили разнообразие в церемонию. Однако на наш взгляд - это, скорее утраченная традиция «поезда свадебного», направлявшегося от дома невесты к дому жениха, где давался свадебный пир, чем инновация советской эпохи [13, с. 106-109]. Подтверждением этому служат воспоминаниям одной койсужанки, чьи родители поженились в 1936 году: *«Расписались в сельском совете, Фёдор (отец) был комсомольцем и поэтому в церкви они не венчались. Три раза на санях объехали вокруг церквей, их в селе (Койсуге) было две. Одна церковь Успенская в Слободе и Вознесенская, в Доломановке»* [5, с. 5-6].

Интересно, что у койсужан не встречаются свадебные фотографии на фоне семейных погребальных памятников на кладбище, что может говорить либо о сакральности обрядового действия, либо ставит под сомнение распространённость традиции почитания предков [18]. Со слов наших информаторов, могилы умерших родителей посещались либо накануне свадьбы отдельно женихом и невестой, либо совместно молодожёнами уже

после регистрации брака. Цель посещения - получить благословение. *«После регистрации брака в ЗАГСе мой двоюродный брат с женой поехали на кладбище к его маме за благословением, так как мой брат был сиротой»* (записано со слов Засименко С.И., 1974г.р., в апреле 2018 г., Зап. Батайск); *«Моя дочь и зять ездили на кладбище за благословением, так как его (зятя) мама умерла»* (записано со слов Ерошенко Н.А., 1954 г.р., в марте 2018 г., Зап. Батайск). Традиция приглашения на свадебный пир умерших родственников прослеживалась и на Русском Севере: *«Так в канун свадьбы невеста выходила на крыльцо и пускала зыщен голос, призывала отсутствующую родню. Перед приглашением живых обращались к мертвым: отправлялись на кладбище, причитали по родным, сообщали, кто женится, и дважды приглашали покойника к застолью»* [17, с. 265-269]. Однако сложно определить, насколько архаичной и распространённой можно считать данную традицию, так как в общеславянских свадебных обрядах нет культуры мёртвых [9, с. 227-231]. Одна из наших респондентов вспоминает, что в их большой семье, только младшая сестра в 1975 году перед свадьбой ходила на кладбище к покойному отцу за благословением. *«А я и не помню, ходила ли я перед своей свадьбой на кладбище. Сестре люди сказали, что так надо»* (записано со слов Скиба А.Ф., 1944 г.р., в марте 2019 г., Зап. Батайск).

Предположительно, увековечивание памяти семейного торжества через фотографирование на фоне монументов и памятников - это всё же инновация советской эпохи. Со временем она перешла в традицию и стала повсеместной, о чём говорят свадебные фотографии из разных районов Ростовской области. Опрошенные нами респонденты выдвигали предположения, что данная свадебная инновация появилась как следствие военного лихолетья, когда родители многих новобрачных не вернулись с войны. Место, как и сам факт, их гибели, не всегда были известны. Поэтому молодожёны возлагали цветы к мемориалам и монументам погибших на войнах соотечественников или к памятнику Ленину - вождю коммунизма, выражая, таким образом, почтение к своим предкам. В подтверждение данных выводов надо отметить, что не все памятники стали культовые для советских брачующихся. Ярким примером патриотизма можно назвать свадебную традицию в городе Морозовске Ростовской области [6]. На центральной площади города находится мемориальный комплекс героям Великой Отечественной войны, к которому часто подходили свадебные церемонии, в отличие от обелиска находящегося рядом с ним – воинам-интернационалистам китайского батальона, сражавшегося в рядах Красной Армии в годы Гражданской войны. Памятник установлен в 1958 году на братской могиле красноармейцев из китайского батальона 292 интернационального полка. В России китайские рабочие и специалисты появились в начале первой мировой войны, в то время царское правительство завербовало их на тыловые работы, ремонты разрушенных мостов. После февральской революции 1917 года китайцы вступали в Красную гвардию, потом создали революционные военные отряды. В годы граждан-

ской войны, весной 1918 года был сформирован китайский отряд, названный Первым Владикавказским китайским отрядом, затем он был переименован в батальон 292-го Дербентского полка 33-й Кубанской дивизии. Батальон был сформирован из китайских рабочих и крестьян, покинувших свою страну в поисках лучшей доли и поселившихся в России. Летом 1919 года этот батальон воевал с белогвардейцами на Волге и на Дону. В июне 1919 года Дербентский полк вел бои с врагом в районе станицы Морозовской (ныне город Морозовск). Конница белых наносила удары по китайскому батальону, однако и здесь она не смогла прорвать фронт. Погибших в боях воинов похоронили около железнодорожного разъезда Быстрый в 7 километров от Морозовска. После войны жители города перенесли останки погибших бойцов на центральную площадь в братскую могилу [1; 10, с.35-36].

По нашему мнению, свадебная традиция советской эпохи – посещать молодожёнами монументы и памятники, больше несла политическую нагрузку. Действительно, вопрос как сделать советскую свадьбу торжественным мероприятием поднимался на государственном уровне еще в военное время. Так, в Указе от 8 июля 1944 г. отмечалось: «Поручить Совету Народных Комиссаров СССР утвердить мероприятия по упорядочению дела регистрации актов гражданского состояния (браков, рождений и других актов), предусмотрев введение торжественного порядка проведения регистрации, выделение для этого надлежащих помещений и их оборудование, выдачу на руки гражданам должным образом оформленных документов» [3]. Тем не менее, торжественная регистрация брака тогда не была введена. К этой идее в стране вернулись лишь во второй половине 1950-х гг. С 1957 г. органы ЗАГС были выведены из подчинения МВД и переданы под управление местных советов депутатов трудящихся, что позволило создать подходящие условия для проведения свадеб [16]. Постепенно эта формализованная процедура превратилась в торжество, праздник в честь создания молодой советской семьи. Основы же свадебной обрядности были заложены в стране в 1960-е гг., что совпало с формированием новой общесоюзной праздничной культуры. В ряде правительственных законодательных актов акцентировалось внимание на необходимости внедрения гражданского, красочного, запоминающегося, торжественного свадебного обряда. Так, в постановлении Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 июня 1960 года предписывалось: «повысить культуру в работе по регистрации актов гражданского состояния, обеспечить отделы (бюро) ЗАГС надлежащими помещениями, мебелью и инвентарем, создать необходимые условия и удобства для посетителей, использовать опыт Москвы, Ленинграда и других городов по организации работы ЗАГС [14]. Благодаря этому большое значение стали придавать внешней составляющей процедуры: вводились праздничные ритуалы, возрождались свадебные наряды, обмен обручальными кольцами, подарки и поздравления от родных и близких. Свидетельство о браке вру-

чалось представителем исполкома или в его присутствии заведующим отделом ЗАГС. Неслучайно в 1964 г. был принят очередной закон – Постановление Совета Министров РСФСР «О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов» [15]. С этой же целью к работе по созданию и развитию новых свадебных традиций привлекались представители общественности. Принятый 17 октября 1969 года Кодекс о браке и семье РСФСР содержал положение, согласно которому «заключение брака при желании новобрачных должно было проводиться торжественно, а органы ЗАГС были обязаны обеспечить торжественную обстановку» [2].

Позже, на советских семейных торжествах идёт подражание искусственно созданной в советскую эпоху «модели городской свадьбы». Социокультурные процессы XX в. (миграции, урбанизация) так же способствуют трансформации традиционной свадебной обрядности и формированию нового типа обрядов. Развивается торжественная регистрация брака в духе советской праздничной культуры. В советской литературе можно было встретить рекомендации по проведению советского свадебного обряда. Например: «В гостиной Дворца (бракосочетания) устанавливается чаша для факела, который торжественно зажигается от Вечного огня. В обряде бракосочетания Вечный огонь символизирует преемственность революционных, боевых и трудовых традиций советского народа новыми поколениями» [11, с. 140]; «В последние годы в Москве утвердился новый, впечатляющий элемент обряда. Молодёжь возлагает цветы к Вечному огню у могилы Неизвестного солдата. В других городах новобрачные приходят к монументам славы, на могилы павших борцов, чья жизнь и смерть были великим примером служения Родине» [11, с. 142-143].

Подводя итоги вышеизложенному материалу, можно сделать вывод о том, что в 1950–1960-е гг. советская свадебная обрядность приобрела свои законченные формы. В рамках современного свадебного обряда посещение монументальных мест ещё сохраняется как традиция, но чаще новобрачные фотографируются на фоне ландшафтного дизайна, православных храмов, градообразующих памятников-символов, зачастую не придавая этому серьёзного значения.

ПРИМЕЧАНИЯ

Все тексты, использованные в статье, записаны в Западном Батайске (Койсуге) Ростовской области в 2017-2019 годах. При графической передаче текстов курсивом обозначается речь информаторов, обычным шрифтом – примечания собирателей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Андрианов В.И. Терещенко А.Г. Донские памятники. Ростов н/Д., 1968.
2. Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1969, № 32, ст. 1086.
3. Ведомости Верховного Совета СССР, 1944, № 37.

4. Завьялов М.Г. Традиция как способ самоидентификации общества. Екатеринбург, 1997.
5. Марадудина Е.Ф. Кушнарёва А.В.Бедова Н.В. К 100-летию со дня рождения Ткаченко Феоны Терентьевны. Батайск, 2012.
6. Материалы личного архива семьи Величко (г. Морозовск).
7. Материалы личного архива семьи Дрожденко (г. Батайск).
8. Материалы личного архива семьи Ерошенко (г. Батайск).
9. Мёртвых культ / К. Е. Левкиевская // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1999.
10. Моложавенко В.С. Морозовск. Ростов н/Д., 1981.
11. Наши праздники / Под общ. ред. В.Г.Синицына. М., 1977.
12. Оноколов П. И. Батайск. История. Ростов н/Д., 2004.
13. Поезд свадебный (А.В. Гура) // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под общ. ред.Н.И. Толстого. М., 1999.
14. Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР «О работе органов записи актов гражданского состояния в РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 23. Ст. 352.
15. Постановление Совмина РСФСР от 18.02.1964, № 203 "О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов".
16. Постановлением Совета Министров РСФСР от 8.06.1957, № 524 «Об организации руководства ЗАГСами»
17. Приглашение / И. А. Седакова // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1999.
18. Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. М., 2000.
19. Тимофеева Л. В. Традиции и новации в русском свадебном обряде. Автореф. диссертации канд. Ист. наук: 24.00.01. М., 2004.
20. Шаповалов С.Н. Советские государственные праздники в 1941–1991 гг.: основные тенденции // Актуальные проблемы исторической науки: междунар. сб. науч. тр. молодых ученых. Вып. 6. Пенза, 2009.

Е.В. Годовова, В.Б. Чащин (Оренбург)

РУКОПАШНЫЙ БОЙ КАК ЭЛЕМЕНТ КАЗАЧЬЕГО ВОСПИТАНИЯ В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В условиях дополнительного образования все большую актуальность приобретает военно-патриотическое воспитание учащихся, основанное на традиционной многовековой культуре Российского казачества, в том числе казачества Оренбургского. Формирование патриотизма у подростков и готовности их к защите Отечества возможно через занятия рукопашным боем.

«Рукопашный бой по системе А.А. Кадочникова – Армейский руко-

пашный бой» – является одним из самых сложных видов спортивных единоборств, так как включает в себя технический арсенал практически всех видов единоборств, в которых разрешается применять контролируемые удары, броски, удержания, болевые и удушающие приемы в зависимости от конкретной динамической ситуации поединка [1].

Рукопашный бой – это система самозащиты, направленная на развитие максимальной экономичности, быстроты, ловкости, глубины и своевременности движений. Исходя из этого, выделяется специальная направленность подготовки к рукопашному бою, формирование оптимальных двигательных навыков, системы построения движений, а также специальных психологических качеств, основанных на ресурсах подсознания. Следовательно, рукопашный бой имеет воспитательный эффект, развивает психологические, специальные физические качества, способствует формированию патриотизма. «Рукопашный бой» способствует вовлечению детей в учебно-тренировочный процесс, что в свою очередь, положительно сказывается на физическом состоянии, формирует позитивную психологию общения и коллективного взаимодействия, способствует повышению самооценки. Освоение программы учащимися расширяет их двигательные возможности, компенсирует дефицит двигательной активности.

Применяемая на практике дополнительная общеобразовательная программа «Рукопашный бой» является модифицированной. Она была разработана на основе лучших традиций русского, казачьего боевого искусства и опыте подготовки защитников Отечества. Программа опирается на российский армейский рукопашный бой, систему А.Спиридонова, а также систему А.А. Кадочникова. Отличительными особенностями программы являются то, что данная программа реализуется в Оренбургской области с учетом регионального казачьего компонента и направлена на формирование у учащихся традиционных казачьих ценностей. Программа отвечает потребности общества в формировании компетентной, творческой личности. Она носит сбалансированный характер и направлена на развитие эмоциональной сферы и коммуникативной культуры воспитанников. Личностно-ориентированный характер обучения позволяет учитывать уровень знаний, умений, навыков детей, их мотивацию к занятиям, психофизиологические особенности развития. Последовательно осваивая темы и разделы программы, воспитанник выполняет задания на доступном ему уровне сложности, отдавая предпочтение определённым материалам, техникам, приёмам работы, занимаются в меру свойственной ему работоспособности, усидчивости, индивидуального интереса.

Программа обучения рукопашному бою ориентирована на учащихся 6 – 18 лет. Учащиеся занимаются в группах по 9 – 12 человек. В разновозрастной группе образовательный процесс протекает более благоприятно, поскольку старшие подростки с готовностью выступают в роли наставников. Младшие учащиеся подтягиваются к уровню работ, к стилю поведения

старших. Объем программы составляет 792 часа. Программа рассчитана на 4 года обучения: первый год обучения – 144 часа, второй год обучения – 216 часов, третий год обучения – 216 часов, четвертый год обучения – 216 часов. Режим занятий составляет 4 часа в неделю (2 занятия в неделю по 2 часа) на первом году обучения и 6 часов в неделю (3 занятия в неделю по 2 часа) на втором, третьем и четвертом году обучения.

При работе с обучающимися используются различные формы и методы обучения: групповые учебно-тренировочные и теоретические занятия, участие в различных соревнованиях и учебно-тренировочных сборах, инструкторская и судейская практика.

Формы занятий: по количеству детей, участвующих в занятии – групповые; по особенностям коммуникативного взаимодействия тренера и обучающегося – теоретические занятия, учебно-тренировочные сборы, выступления на соревнованиях различного уровня, участие в спортивно-массовых мероприятиях и спортивных праздниках, конкурсах и т.д.; по дидактической цели – вводное занятие, занятие по совершенствованию теоретической подготовленности, практические занятия, занятия по систематизации и обобщению знаний, по контролю знаний, умений и навыков, комбинированные формы занятий.

В ходе реализации программы учащиеся успешно овладевают знаниями, умениями и навыками, которые позволят создать оптимальные условия для физического и психического развития, самореализации, укрепления здоровья и формирования жизненных ценностей в военно-патриотическом казачьем духе.

Для проведения занятий необходимо помещение с хорошим освещением и вентиляцией. Оборудованная спортивная площадка, с казачьей полосою препятствий. Для занятий используется следующее оборудование: столы, стулья; доска для демонстрации наглядных пособий и иллюстраций, мячи, палки гимнастические, муляжи гранат для метания, прыгалки, защита для армейского рукопашного боя, лапы, макивары, муляжи шашек, гири, гантели.

Информационное обеспечение программы осуществляется посредством использования материалов интернет-ресурсов, презентационных материалов, фото и видео продукции и др. Необходимы стенды для размещения информации о расписании работы объединения, о теме занятия, для текущих объявлений, а также шкафы и полки для хранения оборудования и материалов. Для большей эффективности занятий необходимо использование современных технических средств обучения: компьютера, принтера, проектора.

Занятия по рукопашному бою проводит педагог дополнительного образования, способный реализовывать актуальные задачи воспитания учащихся, развития духовно-нравственной культуры общества; владеющий основными формами и методами этнокультурного образования, этнопедагогике, умеющий создавать благоприятные психолого-педагогические условия для успешного личностного и профессионального становления учащихся; быть

способным осуществлять программное и методическое обеспечение учебного процесса; быть способным планировать и организовывать учебно-воспитательный процесс на основе системного подхода; владеть способами формирования системы контроля качества образования в соответствии с требованиями образовательного процесса; владеть основными подходами к разработке индивидуально-ориентированных стратегий обучения и воспитания; владеющего системой «Рукопашный бой по системе А.А. Кадочникова – Армейский рукопашный бой», «Фланкировка шашкой», «Шермиции».

Основными формами контроля являются опрос, собеседование, сдача нормативов, зачет, участие в муниципальных, региональных, Всероссийских соревнованиях.

В течение обучения среди учащихся проводится промежуточная аттестация в следующих формах: сдача нормативов, зачетов. Важной формой промежуточной аттестации может быть успешное участие в муниципальных, региональных, Всероссийских соревнованиях. Итоговая аттестация проходит в форме участия в муниципальных, региональных, Всероссийских соревнованиях.

Реализация программы «Рукопашный бой» очень важна именно для подросткового возраста, когда происходят большие изменения в развитии нравственной сферы личности. Расширяются и углубляются нравственные представления и чувства, начинают формироваться устойчивые моральные взгляды, суждения и оценки. Подросток начинает задумываться над тем, каков уровень нравственных отношений в его семье, в том коллективе, где он учится. Немалую роль для подростка играет и овладение им нравственным опытом в совместной коллективной деятельности, направленной на достижение цели, имеющей значение для всего коллектива. Учитывая специфику Оренбургского края как казачьего региона, обучение рукопашному бою основывается на лучших традициях русского, казачьего боевого искусства и опыте подготовки защитников Отечества.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Кадочников А.А. Русский рукопашный бой. Научные основы. М., 2003.

В.О. Богдашкин (Новосибирск)

ТРАДИЦИИ БОЕВЫХ СОСТЯЗАНИЙ В ПРАКТИКАХ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ КАЗАЧЕСТВА НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Возрождение российского казачества в начале 90-х годов XX века вызвало повышенный интерес в обществе к казачьим традициям боевых состязаний. В этот период в Новосибирском казачестве начинаются фор-

мироваться школы казачьих боевых искусств [3, с. 5].

Наиболее авторитетными из них стали – созданная в 1991 году Межрегиональная общественная организация «Центр русского боевого искусства «Русский щит» и действующее с 2002 года Частное образовательное учреждение учебно-методический центр славянских традиций «Система».

Межрегиональную общественную организацию «Центр русского боевого искусства «Русский щит» возглавляет заместитель атамана по работе с молодежью Новосибирского отдельского казачьего общества Сибирского войскового казачьего общества Д.Н. Семенов. Данная организация является одним из флагманов военно-патриотического движения в Новосибирской области.

Центр русского боевого искусства «Русский щит» является учебно-методическим центром изучения, преподавания и популяризации в казачьих военно-патриотических клубах казачьих воинских традиций, систематизированных на основе достижений признанных отечественных мастеров боевых искусств – А.А. Кадочникова, князя Б.В. Тимофеева-Голицына, Г.Н. Базлова.

Также центром постоянно проводятся такие крупные региональные мероприятия, как областная профильная смена для казачьих клубов, турнир по рукопашному бою имени князя Б.В. Тимофеева-Голицына, фестиваль традиционной воинской культуры «Где стоишь – там и поле Куликово», народные гуляния «Широкая масленица» и «Красная горка», молодежная спартакиада «Молодецкие игры», в ходе которых широко демонстрируются навыки владения рукопашным боем, холодным оружием и боевым плясом, проводятся традиционные в казачьей воинской культуре стеношные и кулачные бои, казачьи игры и забавы среди молодежи [1, с. 75].

Частное образовательное учреждение учебно-методический центр славянских традиций «Система» является представительством Общероссийской физкультурно-спортивной общественной организации «Единоборства Древней Руси» по Сибири и Дальнему Востоку. Управляет учреждением руководитель ансамбля традиционной казачьей культуры «Майдан», специалист отдела казачьей культуры государственного бюджетного учреждения «Областной центр русского фольклора и этнографии» С.Г. Горбунов.

Вышеуказанная организация на федеральном уровне была создана при поддержке Общероссийской общественной организации «Союз Казаков России». В свою очередь, С.Г. Горбунов входит в состав Новосибирской региональной общественной организации «Союз Казаков Новосибирской области».

Центром проводятся учебные занятия с представителями силовых структур, воспитанниками казачьих военно-патриотических клубов и всеми желающими по рукопашному бою на основе системы М.В. Рябко, оздоровительной физкультуре, выживанию и исполнению казачьей песни [2, с. 7].

Обе школы казачьих боевых искусств активно взаимодействуют с Новосибирской Митрополией Русской Православной Церкви. Руководители школ по религиозной принадлежности считают себя православными.

Другой крупной площадкой для изучения казачьих боевых состязаний в Новосибирском регионе являются образовательные организации с казачьим кадетским компонентом: единственный за Уралом Бердский казачий кадетский корпус имени Героя России Олега Куянова, казачьи кадетские классы в общеобразовательной школе г. Новосибирска № 165 и казачья кадетская группа в Чулымском лицее. В рамках программы дополнительного образования в данных образовательных организациях кадеты тренируются в рубке лозы, стрельбе из лука, джигитовке, фланкировке, рукопашном бое, преодолению казачьей полосы препятствий.

Ежегодно учащиеся казачьих кадетских классов принимают участие в региональных этапах военно-спортивной игры «Казачий сполох», спартакиаде допризывной казачьей молодежи, смотрах-конкурсах на звание «Лучший казачий кадетский класс Сибирского федерального округа» и «Лучший казачий кадетский корпус Российской Федерации», программа которых предусматривает проведение состязаний по казачьим боевым традициям.

Так, в 2018–2019 гг. команда Бердского казачьего кадетского корпуса имени Героя России Олега Куянова дважды занимала I место в общекомандном зачете в ходе смотра-конкурса на звание «Лучший казачий кадетский класс Сибирского федерального округа». В 2018 г. данная команда завоевала IV место по результатам конкурса «Лучший казачий кадетский корпус Российской Федерации».

Сложившаяся в настоящее время в Новосибирском регионе практика использования казачьих традиций боевых состязаний в сферах образования и патриотического воспитания казачества показывает их востребованность в казачьей среде и современном обществе. Казачья воинская культура, как составляющая системы культурных ценностей казачества, является одним из обязательных условий сохранения преемственности казачьих традиций в Новосибирском казачестве.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Горбунов Б.В. Традиционные рукопашные состязания в народной культуре восточных славян XIX – начала XX в. Историко-этнографическое исследование. М., 1997.
2. Серебрянский Ю.А. Русское боевое искусство «Система». М., 2006.
3. Яровой А.В. Казачьи боевые искусства. История, методика обучения, правила соревнований. Учебно-методическое пособие. Зерноград, 2010.

РАЗДЕЛ VII. ВОЙНЫ В ИСТОРИИ ЮГА РОССИИ

А.П. Скорик (Новочеркасск)

ТРАДИЦИИ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПЛАТОВСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СОТНИ ЮРГПУ (НПИ)

Платовская казачья сотня сформирована в 2014 г. как внештатное учебное подразделение в военном институте Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова. Инициатива создания казачьей сотни принадлежала ректору вуза, доктору технических наук, профессору В.Г. Передерию. Наша задача заключалась в разработке идеологии этого нового для университета начинания. Генерализующей идеей Платовской сотни стало патриотическое воспитание студенческой молодежи в рамках прохождения военной подготовки по государственной программе обучения офицеров запаса под эгидой Министерства обороны Российской Федерации. Организаторско-координирующие функции по комплектованию сотни принял на себя и достойно реализовал директор Военного института, доктор экономических наук, кандидат военных наук, профессор, генерал-лейтенант В.М. Московченко. Командование сотней возложили на родового казака, заместителя директора Военного института, полковника В.Е. Корнеева. Его же избрали в апреле 2014 г. атаманом станичного казачьего общества «Платовское», созданного (с учетом традиций существовавшего дореволюционного общества казаков НПИ) на базе ЮРГПУ(НПИ) имени М.И. Платова и вошедшего в окружное казачье общество «Новочеркасский округ» войскового казачьего общества «Всевеликое войско Донское».

В основу формирования Платовской казачьей сотни был положен принцип добровольности, когда решение о вступлении в ее ряды принимает сам студент, принадлежащий к потомкам донских, кубанских и терских казаков. Чтобы принимаемое решение получилось осознанным и чтобы соблюсти казачьи традиции, требуется получить одобрение семьи кандидата на обучение в казачьем подразделении. Семейное благословление на участие в новом деле становится нравственно-психологическим якорем для последующих поступков в рамках индивидуальной траектории военной подготовки, связанной в пребыванием в рядах Платовской казачьей сотни. Семейное благословление оформляется в виде письменного родительского согласия (или законных представителей) на дополнительное обучение. С одной стороны, это формализует отношения студента и формируемого казачьего подразделения, а, с другой стороны, придает этим отношениям казачью артикулированность, когда близкие люди детально обсуждают с мо-

лодым человеком его жизненные перспективы с учетом возможностей трудоустройства и общественной деятельности в казачьих структурах.

Создание Платовской казачьей сотни прорабатывалось совместно с Департаментом по делам казачества и кадетских учебных заведений Ростовской области и сотрудниками государственного казенного учреждения Ростовской области «Казачи Дона». В результате удалось подготовить обоснованное решение войскового атамана войскового казачьего общества «Всеволокое Войско Донское» о возможности вручения выпускникам Платовской казачьей сотни казачьих чинов хорунжих. При этом важная процедура получила должные нормативно-правовые основания: освоение определенной программы военной подготовки и приказ войскового атамана о вручении чинов. Войсковой атаман ВКО ВВД, казачий генерал В.Г. Гончаров поддержал идею подготовки казачьих офицеров в казачьем вузе и одобрил соблюдение процессуальных норм при вручении казачьих офицерских чинов.

Какие же идеи, направленные на патриотическое воспитание студенческой молодежи, заложены в программу подготовки Платовской казачьей сотни?! Она разработана в НИИ истории казачества и развития казачьих регионов ЮРГПУ (НПИ) имени М.И. Платова (профессор А.П. Скорик).

В первую очередь, генерализующей задачей становилось формирование профессиональных компетенций у будущих казачьих лидеров, ведь молодой казачий офицер призван осуществлять управленческую деятельность непосредственно в казачьих обществах (прежде всего, хуторских и станичных), и от его собственной гражданской позиции зависит успех общего дела возрождения казачества, а здесь недостаточно лишь общих слов и патриотических призывов. Молодому казачьему лидеру необходимо понимание правовых основ и ключевых направлений деятельности современных казачьих обществ, чтобы затем использовать эти знания в практической деятельности. Но это не избавляет программу обучения от усвоения теоретических аспектов управления, моделей и алгоритмов решения управленческих задач.

Программа подготовки имеет два направления: военная составляющая и казачья составляющая. Военная составляющая заключается в освоении программ обучения по военно-учетным специальностям в Военном институте ЮРГПУ (НПИ) имени М.И. Платова с целевым предназначением подготовки офицеров запаса. В этом случае реализуются образовательные стандарты Министерства обороны РФ. Казачья составляющая введена исключительно для Платовской казачьей сотни, и она представляет собой инновационный продукт, успешно используемый с 2014 г. и нормативно определяемый как программа дополнительной профессиональной подготовки «Социальное управление в казачьих обществах».

Тематически разработанная нами программа обучения сотни делится на три смысловых блока. Первый блок – историко-культурный. Он предлагает усвоение исторических знаний о службе казачества российскому государ-

ству, о налаживании взаимодействия казачества с государством в очень сложные периоды истории. Безусловно, важно представлять истоки казачьей истории, как исторически появилось казачество, какие этапы в своей истории оно прошло, какие героические и трагические страницы казаки пережили. Для этого используются материалы Платовской казачьей странички [2, с. 135-144]. Отдельный сюжет связан с казачьими обычаями и традициями, ведь современные молодые люди знают далеко не все о том, как обустроивали свою повседневность их деды и прадеды, что именно для наших предков было вполне привычным делом, а главное – какой жизненный опыт следует извлечь и продолжать им пользоваться в быту, какой культурный колорит можно внести в современную жизнь, чтобы порадовать не только себя, свою семью, но и окружающих людей. Это предполагает наличие у казачьих лидеров умений и навыков по организации культурно-досуговых мероприятий. Причем, немаловажное значение имеет соблюдение христианских традиций, поэтому платовцы овладевают основами православной культуры, не только посещая храмы, но и непосредственно общаясь с действующими священнослужителями Русской православной церкви, прежде всего, Новочеркасского благочиния во главе с протоиереем О.Ю. Добринским.

Второй блок – государственная политика в отношении современного российского казачества. Выпускникам Платовской казачьей сотни предстоит жить, работать и взаимодействовать в условиях функционирования современных казачьих обществ, которые отличаются от их аналогов в историческом прошлом. Российское государство с начала 1990-х гг. выработало принципы, цели и задачи своей политики в отношении казачества, ныне понятны направления и условия несения казачеством государственной службы, определен порядок взаимодействия государственных структур и казачьих обществ, установлено место казачьих структур в системе местного самоуправления, сформирована нормативно-правовая база деятельности казачьих обществ. Государственная политика в отношении современного российского казачества учитывает складывающуюся в Южном федеральном округе социально-политическую, экономическую и культурно-религиозную ситуацию. Во всем этом необходимо разбираться молодым людям, претендующим на роль казачьих лидеров.

Третий блок – управленческий. Сегодня сложилась организационная и финансовая база деятельности казачьих обществ и необходимо наращивать усилия по эффективному использованию потенциала казачьих организаций с учетом их специфики как социальной общности и занятия определенного места в региональной экономике. Казачьи общества могут выступать в качестве некоммерческих организаций, но все многообразие форм функционирования казачьих обществ станет доступным только при умелой управленческой практике. Поэтому будущим казачьим лидерам важно освоить теоретические и практические аспекты управленческой деятельности, изучить современные парадигмы, алгоритмы и технологии

управления в малых и больших группах, знать особенности организации казачьего самоуправления, овладеть ситуационно-факторным анализом социальной реальности, научиться разрабатывать целевые программы и осуществлять прогнозирование результатов проводимой работы, а также учитывать психологические и морально-этические аспекты в управлении. Особое внимание требуется уделить «зонам напряженности» в межэтнических и межконфессиональных отношениях в Южном федеральном округе, чем обеспокоены станичные казаки [1, с. 1135-1136].

При обучении студентов в Платовской казачьей сотне используются: лекционные и практические занятия, деловые игры, круглые столы, тематические экскурсии, походы по местам боевой славы, выполнение проектного задания (итоговый экзамен). Все занятия проводятся только в очной, контактной форме. Большое внимание уделяется практико-организующим формам, когда студенты пополняют свой багаж знаний и умений на занятиях в НИИ истории казачества и развития казачьих регионов, во время посещения ряда региональных и федеральных музеев, памятных исторических мест, бесед со священнослужителями, представителями казачьих обществ и др. Многообразие видов занятий позволяет обеспечить высокий качественный уровень усвоения знаний, обучить будущих казачьих лидеров системно-диагностическому анализу ситуации в казачьих обществах, культуре подготовки и принятия управленческих решений, разработке стратегии управленческой деятельности.

Начало обучения в Платовской казачьей сотне знаменует принятие присяги православного донского казака. В качестве места принятия присяги по согласованию с Донской митрополией Русской православной церкви установлен главный храм донского казачества – Вознесенский войсковой патриарший собор. Ежегодно, с 2014 г. каждый новый набор принимает присягу в день Покрова Пресвятой Богородицы (14 октября), считающийся войсковым праздником донского казачества. На принятии присяги присутствуют: представители областных и городских властей, ректор и другие руководители ЮРГПУ(НПИ) имени М.И. Платова, высшие руководители войскового казачьего общества «Всевеликое войско Донское», родные и близкие новобранцев Платовской казачьей сотни. Новые платовцы получают благословение от священнослужителей Новочеркасского благочиния. Текст принимаемой присяги соответствует историческому варианту присяги 1918 г., утвержденной приказом Атамана Всевеликого Войска Донского № 447 от 6 июля 1918 г. на основании решения Донского Войскового Круга.

После завершения церемонии принятия присяги в войсковом собрании платовцы по уже установившейся традиции демонстрируют на соборной площади полученные ими навыки строевого шага и проходят строем перед участниками церемонии, а затем фотографируются на память на фоне главной казачьей святыни.

В военно-организационном отношении Платовская казачья сотня со-

стоит из четырех взводов, и каждый год один взвод выпускается с вручением казачьего офицерского чина хорунжего. Одновременно по линии Министерства обороны РФ после прохождения военных сборов выпускникам присваивается воинское звание лейтенанта запаса. В сотне обучаются представители всех инженерных факультетов университета, где они приобретают высшее образование и получают диплом бакалавра. Тем самым, платовцы имеют возможность сочетать три образовательных траектории, что повышает их личностную конкурентоспособность на региональном рынке труда.

Возрождение воинской традиции подготовки казачьих офицеров в Платовской казачьей сотне связано с продолжением традиций Новочеркасского атаманского военного училища, образованного в 1896 г. Последний выпуск юнкеров-атаманцев состоялся на Соборной площади 21 мая 1919 г., хотя в эмиграции прошли еще три выпуска, а с 1925 г. Донское Атаманское военное училище перестало существовать.

С 25 января 2019 г. сотня именуется Платовской сотней Лейб-гвардии казачьего Его Величества полка в знак признания заслуг новочеркасских политехников по возрождению военно-патриотических традиций и восстановлению выпуска казачьих офицеров. Решение о присвоении ей такого статуса и об использовании копии полкового штандарта Лейб-гвардии казачьего Его Величества полка в качестве знамени сотни принято офицерским собранием полка 24 октября 2018 г. Освящение копии этого «Павловского» штандарта образца 1798 г. с закреплением нового наименования Платовской казачьей сотни состоялось в Новочеркасском Вознесенском войсковом патриаршем соборе, где благодарственный молебен отслужил митрополит Ростовский и Новочеркасский Меркурий. При торжественном вносе знамени присутствовала делегация из Франции во главе с председателем объединения лейб-гвардии В.Н. Грековым. Митрополит Меркурий передал приветствие и благословение Платовской сотне, которое ей адресовал Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.

Каковы же количественные параметры функционирования Платовской казачьей сотни?! Всего за период 2014–2018 гг. выпускниками сотни стали 101 человек, причём в процессе обучения количество студентов значительно превышает численность выпускного взвода. Так, к выпуску в 2019 г. готовятся более 20 человек, но, сколько из них получит заветный чин хорунжего, пока не известно. Даже при выпуске происходит строгий отбор кандидатов, также как при наборе в сотню. В 2019 г. состоялся новый набор в Платовскую казачью сотню. Сформирован взвод в количестве 34 человек с испытательным сроком. Плановый отсев новобранцев на основе конкурсного отбора до 1 сентября составит не менее 10 человек.

Сегодня командиром Платовской казачьей сотни является подъесаул И.А. Ревин. Заместителем командира – ее выпускник, хорунжий И.О. Пасечник. Начальником штаба – А.А. Казаков.

Среди множества выпускников Платовской казачьей сотни следует

отметить хорунжих: С.С. Михайлова, В.С. Попова, А.Н. Макарова, А.С. Лагутина. Все они служат в силовых структурах и ведомствах России.

Часть выпускников Платовской казачьей сотни нашла свое место в казачьих обществах. В частности, станичное казачье общество «Кривянское» выражает благодарность за подготовку ныне работающего в правлении общества хорунжего А.М. Морозова. Студенты, обучающиеся в Платовской казачьей сотне, и выпускники выполняют обязанности государственной службы по охране общественного порядка в составе казачьей дружины Новочеркасского округа. Кроме того, зоной ответственности сотни в рамках СКО «Платовское» является охрана общественного порядка на территории университета, как в учебных корпусах, так и в студенческом городке.

Итак, студенты-платовцы в ЮРГПУ (НПИ) своей учёбой, стремлением познать казачьи традиции и реальными делами доказывают патриотическое отношение к alma mater, своей малой Родине и нашему общему Отечеству.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Скорик А.П. Милютинский казачий юрт: опыт исторической реконструкции. Новочеркасск, 2015.
2. Скорик А.П. Платовская казачья страничка в процессе поиска модели научно-образовательного исторического портала // ГЮР. 2013. № 4.

***О.Г. Брель, Л.В. Гавриловец
(Мозырь, Республика Беларусь)***

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ КАК СРЕДСТВО ВОСПИТАНИЯ ПАТРИОТИЗМА

Воссоздание и передача культуры потомкам лежит в основе процесса усвоения правил и идеалов предыдущих поколений. Как представляется, лучше понять поколение молодых возможно при условии рассмотрения тех объединений, которые существуют в молодежной среде и помогают преодолеть проблемы, найти точки соприкосновения, обеспечивают социализацию и самореализацию молодежи. Ценности, распространенные среди субкультур не означают отрицания от национальной культуры. Субкультуры – объект социального конструирования и, как правило, не выступают в роли оппозиции по отношению к доминантной культуре. Они, напротив, способны дополнять и обогащать национальную культуру. К такой субкультуре, например, возможно отнести субкультуру исторической реконструкции.

К субкультуре исторической реконструкции собственно относятся понятия «историческая реконструкция», а также «экспериментальная ар-

хеология» и «историческое моделирование», при этом, не выделяя среди них различий. В субкультуре реконструкторов значительным является их социальный контекст, который позволяет объединять значительные группы людей на основании их общих интересов – изучение истории, воссоздание исторических технологий.

В качестве главной государственной задачи молодежной политики в Республике Беларусь выделяется дальнейшее развитие таких направлений, как гражданско-патриотическое и военно-патриотическое воспитание молодого поколения. Известные патриоты Беларуси в социальной памяти белорусского народа живы благодаря развитию народной педагогики, искусства и литературы, созданию почетных наград. Именно через субкультурные формы для определенной части молодежи лежит путь к усвоению социальных норм и пониманию сущности патриотизма.

Историческая реконструкция – и субкультура и стиль. Многочисленные положительные качества молодежи воспитываются в процессе игровой исторической реконструкции, которая не имеет ничего общего с придуманным виртуальным миром и, как следствие, неспособностью к осуществлению коллективных действий. Субкультура исторической реконструкции появилась в 80-х гг. XX в., в так называемый период всплеска молодежных течений в СССР. В основу данной субкультуры легла субкультура толкиенистов и ролевиков, что в известной степени считается их эволюционной формой, которая была сформирована на желании воссоздавать реальные события, вещи и взаимоотношения людей из прошлого. С другой стороны, на формирование новой субкультуры оказало влияние историческое фехтование, которое не ставило своей главной задачей воспроизведение конкретных событий, а акцентировало внимание на воссоздании боевых приемов.

Для более глубокого понимания роли молодежи в развитии субкультуры исторической реконструкции необходимо обратить внимание на такие аспекты, как собственно организация исторической реконструкции, живая история, реконструкция и политический активизм. Анализируя деятельность данной субкультуры, было определено, каким образом реконструкторы окунаются в прошлое, как это влияет на их настроение, как они получают определенный аффективный опыт (переживание и перенос в другую эпоху, что является своеобразным аффективным мостиком для связывания прошлого с настоящим). Как правило, в инсценировках участвуют представители разных социальных групп и профессий: студент, водитель автомобиля, директор музея, военный, техник, библиотекарь, социальный работник. Реконструкторы отмечали, что в разное время они достигали своей цели, потеряв традиционное понимание истории, получив взамен определенный аутентичный «инсайт».

Таким образом, влияние этого опыта не только объединяет участников в субкультуру, но и придает им сил, помогая в дальнейшем отстаивать свою гражданскую и политическую позицию. Следовательно, для

некоторых реконструкторов участие в инсценировках – в большей степени досуг, взаимоотношения с друзьями. С другой стороны, реконструкция это вариант семейного досуга. Он связан с приобретением нового опыта. Одновременно с опытом приходит понимание истории, альтернативных точек зрения на исторические события.

Участие в реконструируемых баталиях придает не только новое понимание исторических событий, но и чувство свободы, которое является необходимым для организации отдыха человека. Историческая реконструкция становится для участников значительной частью их жизни, «образом жизни», возможностью самореализации и ухода от повседневной действительности. Еще один значительный аспект реконструкции – исследовательская работа.

Присоединение молодежи к движению исторической реконструкции и их субкультуре должно также отразиться на семейной жизни и профессиональной деятельности. Чаще всего, интерес, проявленный к реконструкции, находит понимание и отклик среди родных, которые оказывают моральную и материальную поддержку начинающим реконструкторам. Рассматривая взаимосвязь участия в движении реконструкторов и их профессиональную деятельность, можно выделить несколько основных аспектов: 1) – профессионализация движения – источник прибыли, дополнительный заработок; 2) основная работа – источник средств, необходимых для участия в реконструкции; 3) участие в реконструкции помогает в основной профессиональной деятельности. Чаще всего это связано с преподаванием, научной деятельностью.

Участие в движении реконструкторов может влиять и на мировоззрение индивида. Реконструкторы подчеркивают, что движение дает им «более осознанное отношение к семье, Родине», «к самой жизни», «понимание истории помогает осмысливать современные события». Также заинтересованность реконструкцией может стать основой для получения профильного образования, как правило, исторического. Таким образом, можно выделить ряд факторов привлекательности занятий исторической реконструкцией для молодежи. Во-первых, это сама атмосфера возобновляемых событий, во-вторых, «дух средневековья», в-третьих, «романтика» [1, с. 34].

Социальная миссия и социальный контекст субкультуры реконструкторов проявляется в том, что с формированием движения произошел и определенный сдвиг в отношениях с обществом. Наблюдается тенденция сближения реконструкторов и разных социальных институтов, органов власти, которые увидели определенные функциональные, позитивные особенности в развитии данного движения. Субкультура реконструкторов создает свой стиль и образность, который проявляется в пределах ограниченного игрового пространства и не притягивает внимание общественности в повседневной жизни. В то же время движение исторической реконструкции формирует чувство патриотизма, оно носит просоциальный характер и на современном этапе обладает тенденцией к институционализа-

ции. Основная работа по формированию патриотизма должна сконцентрироваться в практической сфере, как наиболее перспективной, а это значит использовать реконструкцию.

Развитие движения исторической реконструкции как части работы с молодежью должна включать разработку и реализацию проектов, направленных на популяризацию отечественной культуры, охрану исторического наследия Беларуси, развитие системы гражданского и патриотического воспитания учащейся молодежи. Так, внедрение в учреждениях общего среднего образования курса «Историческая реконструкция» является значительным дополнением школьного курса истории [3]. Предлагаемая для внедрения в учебно-воспитательный процесс программа курса военно-патриотического воспитания учащейся молодежи «Военная справа Беларуси X–XVI стст.» (автор-составитель – О.Г. Брель) может служить основой для разработки программ кружков, факультативов по гражданско-патриотическому воспитанию и в первую очередь предназначается для педагогов-руководителей военно-исторических секций учреждений дополнительного образования и учреждений общего среднего образования. Воспитательный эффект данной программы заключается в том, что учащаяся молодежь, в том числе подростки с девиантным поведением легко усваивают этику спортивного единоборства, нормы взаимопомощи, взаимоуважения и честного соперничества. Другим аспектом программы является повышение уровня допризывной подготовки будущего защитника Отечества, высокие спортивные результаты, формирование волевых и моральных качеств подростков. Учащиеся, которые успешно занимаются исторической реконструкцией, могут быть организаторами как спортивных эстафет и конкурсов, так и проводить экскурсии военно-исторической направленности [2, с. 23].

Историческая реконструкция также является вариантом трудового обучения учащейся молодежи с расширенным военно-патриотическим направлением. Как показывает практика, подобные занятия вызывают живой отклик у учащихся и студентов, не возникает проблем и трудностей с объяснением учебного материала. Во время занятий учащиеся и студенты приобретают универсальные навыки ручной работы, учатся выполнять многочисленные действия с разными материалами и инструментами. У учащейся молодежи также развиваются навыки самостоятельной научно-исследовательской и творческой деятельности, осуществляется систематизация полученных знаний. Состав учебных групп, которые осваивают технику исторической реконструкции, может быть разноплановым, но не должен превышать 16 человек для первого года обучения. Данный норматив связан с формой организации учебного процесса и свидетельствует о том, что увеличение количества обучающихся в группе, как правило, приводит к снижению успеваемости. Наиболее рациональной формой занятий для учащихся является 2-х часовое занятие, для студентов – время занятий может быть увеличено. Формы работы: лекции и семинарские занятия, практические и лабораторные занятия, экскурсии и выездные мероприятия, самостоятельная работа с литературой и другими источниками

информации. Необходимо отметить, что изготовление исторических артефактов осуществляется методом малых групп со специализацией по технологическим операциям, что позволяет значительно ускорить процесс изготовления того или иного изделия [2, с. 24].

Таким образом, основным принципом краеведческой деятельности по гражданско-патриотическому воспитанию молодежи является принцип историзма – принцип познания предметов и явлений в их становлении и развитии, в органической связи с условиями, которые их порождают, что возможно во многом благодаря исторической реконструкции. Данный принцип означает такой подход к историческим явлениям, который включает в себя этапы исследования их происхождения и тенденции дальнейшего развития, рассматривает их в аспекте, как прошлого, так и будущего.

Деятельность реконструкторов также направлена на сохранение культурной идентичности белорусского общества. Соответственно, такие формы работы как историческая реконструкция, экспериментальная археология, историческое моделирование способствуют аналитическому изучению достаточно большого фактологического материала. Проведение же исторических фестивалей направлено не только на глубокое исследование, как отечественной истории, так и всеобщей, но и на воспитание патриотизма, противодействие фальсификации истории и искажению исторических фактов, демонстрирует интерес молодежи к национальным корням и народным традициям.

Историческая реконструкция является достаточно мощным социальным движением и выступает неотъемлемым элементом не только воспроизведения исторической ситуации, но и современной повседневности. Использование в повседневной жизни элементов исторической реконструкции в форме национальных обычаев и традиций создает условия для четкого осмысления собственной национальной, этнической и культурной идентичности. В молодежной среде усиливается интерес к истокам исторической и культурной идентичности, что побуждает молодых людей к выбору определенных форм самовыражения посредством исторической реконструкции, способствуя формированию патриотических чувств.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Брель О.Г. Использование исторической реконструкции в современной школе // «Проблемы и перспективы формирования инновационной системы образования в XXI веке»: Материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. 27 янв. 2017 г. Йошкар-Ола, 2017.
2. Брель А.Г. Ваенная справа Беларусі Х–ХVI ст. – інтэгрэтыўны курс ваенна-патрыятычнага выхавання // 1917–2017 гг.: Православие в истории и культуре Беларуси – опыт столетия: материалы III Туров. епарх. образоват. чтений / УО МГПУ им. И.П. Шамякина. Мозырь, 2017.
3. Ваенная справа Беларусі Х – пер. Пал. ХVI стст.: праграма гуртка для педагогаў устаноў адукацыі / Аўтар-складальнік А.Г. Брель. Мазырь, 2018.

Е.В. Шандулин (Ростов-на-Дону)

ПРОБЛЕМА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ШКОЛЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТРЕБОВАНИЙ ГИА

Современная система подготовки по истории в школе претерпевает достаточно быстрые изменения в связи с постоянно развивающимися требованиями при реализации ВПО, ОГЭ, ЕГЭ. Подготовка учителя к урокам и сформированные профессиональные стандарты меняются не столь быстро и в ряде случаев требования экзаменов отличаются от реально преподаваемого материала на уроках. В последние годы модернизация подготовки по истории, а также переход на линейную систему преподавания истории в школе стала достаточно острой проблемой, при сложившихся трудностях в работе концентрической модели преподавания истории в школе [3]. Современные авторы указывают на наличие целого ряда проблем в реализации современных требований к урокам [1–2].

Частичное решение этой проблемы роста системы преподавания по истории кроется в поиске педагогических подходов, при которых итоговые требования экзаменов становятся очередной самостоятельной точкой опоры учителя в процессе подготовки к уроку, наряду с историко-культурным стандартом с ФГОСами [4]. Это позволит избежать такой нежелательной ситуации, когда дети, которые не готовятся к сдаче ЕГЭ по истории занимаются по-иному, чем дети, которые в своих планах указали желание сдавать историю. Опережение квалификационных требований экзаменов в школе традиционных педагогических технологий подготовки привело к расцвету индивидуальной подготовки с середины 2010-х годов, что не является показателем качества подготовки.

Подготовка школьника по истории предполагает формирование целой группы навыков и определенной системы представлений, которые на разных уровнях и в разной степени интенсивности проверяются на всех этапах подготовки в школе. В своей основе эти навыки и знания опираются на традиционный исторический научный подход и наиболее широко представленные историографические оценки. Тематика Великой Отечественной войны входит в число приоритетных тем по истории в школе. Ей отводятся отдельные обязательные вопросы в ЕГЭ. Элементы исторического наследия этого трагического периода российской истории являются обязательной частью большинства олимпиад по истории.

Тестовая система в некотором смысле диктует учителю свои правила и условия подготовки к уроку. Всё богатство исторического материала при глубоком переживании трагедии страны и героизма народа не помогает в большинстве случаев решать тесты. Тесты включают в себя в целом те эле-

менты исторического полотна, которые удобны для беспристрастной проверки и игнорируют спорные моменты, которые как раз и должны воспитывать в школьнике критическое самостоятельное мышление.

Тестовая система с открытыми и закрытыми ответами, наряду с заданиями с развернутым ответом, формирует базовую квалиметрическую основу проверки знаний, которая на современном этапе уже представляет собой достаточно развитую методологическую систему. Эту группу знаний навыков можно рассматривать как сформированные принципы построения уроков, её составные элементы, без которых эффективность занятия по отношению к итоговому проверочному тестированию будет невысокой. К этим группе навыков и знаний, из которых формируется структура урока, можно отнести следующие элементы: 1) Фактология. Частью урока необходимо делать группу базовых датировок, как хронологических элементов; 2) Личность. Значимые личности в ВОВ являются символическими опорными компонентами; 3) Историческая карта как элемент урока. Визуализация карты по истории войны; 4) Специализированная историческая терминология и понятия; 5) Исторический текст. Текстовый исторический источник; 6) Культурный компонент. Героические, психологические элементы в военной истории, повлиявшие на ход событий, или ставшие символами эпохи.

На основе этого определения стоит отметить, что при проверке по истории ВОВ проверке подлежат в первую очередь ключевые битвы войны, их кодовые названия, а также названия крупнейших сражений. Также важным элементом стали некоторые символические события, такие как первый парад в столице, первый салют, первое использование систем реактивного залпового огня, издание важнейших приказов и т.д. Список этих событий достаточно ограничен, так как места для тестовой проверки в общей системе подготовки для войны отводится достаточно мало. С фактологией связано понимание хронологии войны. В рамках подготовки к тестовой системе из истории войны остаются только важнейшие этапы войны, с указанием переломного момента от сталинградской до курской битвы.

Вторым компонентом знаний, удобным для тестовой системы стали личности. В истории войны тестовое знание ставит на первый план несколько групп личностей: великие полководцы, герои войны, жертвы войны. В большинстве случаев требуется понимание причин, по которым тот или иной человек попал в список личностей, необходимых для тестовой работы, что составляет основу фактологического знания о человеке. Список личностей при стандартной подготовке так же достаточно небольшой, а при олимпиадной подготовке такой список достаточно сложно прогнозируемый в силу специфики подготовки заданий для олимпиад. Эта особенность заставляет использовать для подготовки к тестированию все больше не учебники и дополнительную литературу, а методические наработки в виде таблиц, списков, в которых по одному из критериев про-

верочной системы приводятся основные данные.

Третьим элементом проверочной системы стали визуальные картографические материалы. Изучение карты в проверочной системе стало действительно сложным и занимательным видом работы, которое в рамках стандартного урока в школе в большой аудитории реализовывать сложно. При базовой системе подготовки требуется не только узнавание карты, но и навыки её интерпретации. По истории ВОВ используются карты наиболее важных сражений, закладывая принцип от сложного к простому, когда из сложной и неполной карты школьник должен выйти к известному масштабному событию. Путь формирования таких карт как правило связан с переработкой хорошо известных в науке изображений путем стирания из них части информации, которую школьник должен додумать или, например, как в случае с олимпиадными заданиями, дорисовать самостоятельно. Так же большую роль играет внимание, так как часть вопросов строится просто на умении считать информацию с карты, а не знании исторических фактов. В этих условиях коллективный игровой стиль изучения карты на уроке должен получить новое дыхание.

Четвертым элементом подготовки по истории ВОВ в системе тестирования стали специализированные термины и понятия. В этой роли выступают не только кодовые названия битв, но и устоявшиеся историографические оценки, а также эмоциональные или публицистические определения некоторых событий.

Пятым компонентом выступили части текстов исторических источников, по которым школьники должны идентифицировать событие, человека, или интерпретировать информацию. Выбор документов обширен, но в достаточной степени связан с набором важнейших событий войны. Использование в ЕГЭ в заданиях с развернутым ответом текстов из истории войны ставит перед преподавателем совершенно иную задачу, которую еще десятилетие назад ставили только перед школьниками – «олимпиадниками»: умение самостоятельно писать развернутый текст-эссе. Данный вид работы не является специфическим для военной истории, но достаточно сложен для реализации именно на примере военной тематики. Школьник при работе с текстом вынужден двигаться по «точкам-маркерам» тестовой системы и свое эссе выстраивает аналогичным образом, стараясь использовать в эссе пару фактов, пару личностей, один специализированный термин и т.д.. В результате такой подготовки теряется сложность, проблемность и неоднозначность не только изначального исторического текста, но и текста школьника, превращая его в набор важных дат без глубоко, личного понимания их важности.

Шестым элементом при подготовке стали использоваться культурные явления эпох. Если для эпохи ранней истории Руси в этом качестве выступают крупнейшие храмы или произведения литературы, то для военной истории ситуация значительно сложнее и проверяется реже. За бортом интереса составителей тестов могут оказаться многие явления из

культуры страны. Тем не менее, внимание сосредотачивается на писателях, поэтах, композиторах, сделавших вклад в культуры советской эпохи именно под влиянием войны.

Преподавание войны под влиянием тестирования в разных его формах неизбежно влияет на сами подходы к преподаванию. Опора на историко-культурный стандарт и образовательные стандарты формирует минимум исторического знания по истории для школьника на разных этапах его развития и не гарантирует высокий результат. С другой стороны стоит учесть, что четкая ориентация не тесты приводит к поверхностному восприятию школьниками истории как предмета. Проблемное обучение и технологический тестовый принцип могут оказаться очень разнонаправленными тенденциями в преподавании истории. Одним из выходов становится сочетание этих тенденций.

При подготовке к уроку построение системы обучения может идти поэтапно, с использованием индуктивного, либо дедуктивного принципа. На этапе знакомства с периодом и историческим временем может выстраиваться система уникальных эмоциональных привязок к историческим элементам, когда из одного уникального элемента выделяются черты всей эпохи. Школьники должны привыкнуть к пониманию важной особенности истории, что в ней нет двух одинаковых событий и тем не менее, есть много отчасти похожих. Так же при базовом знакомстве важно выделение проблемных блоков по истории, требующих личного отношения к периоду и исторической ситуации.

На втором этапе необходимо добиться конкретизации полученного проблемного материала, когда в центре внимания уже тестовая система. В данной работе важную роль играет систематизация исторических элементов в формате таблиц и систематизированных списков, схем, изображений. Эту роль выполняют вспомогательные материалы: хронологические таблицы, синхронные таблицы, таблицы личностей, культурных объектов, визуальные ряды, сборники карт и т.д. Второй (дедуктивный) этап работы на уроке будет эффективен именно при наличии четкой эмоциональной привязки исторических элементов к собственным переживаниям школьника. Эмоция была и остается одной из самых эффективных методик работы с памятью, формирующих основной, базовый компонент запоминания – уникальность исторического события. Каждый элемент исторического полотна информационно является частью общей (условной) исторической базы данных, где у каждого элемента есть свое место и своя ячейка знания. Память человека в этом случае учится с помощью исторической логики и эмоциональных реакций определять место и значимость каждого исторического элемента. История войны в этом отношении одна из самых сложных тем, значимость, которой утрачивать нельзя.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулаев Э.Н, Тема Великой Отечественной войны на страницах журнала «преподавание истории в школе» // ПИВШ. 2015, №1. С.169-172.
2. Батретдинова М.М. История отечественный войн России: актуальные аспекты преподавания в школе. // Россия в Отечественных войнах. Четвертые историко-краеведческие чтения памяти проф. П.Е. Матвиевского. Оренбург, 2012. С.21-24.
3. Каца Л.А. Преподавание истории в современной российской средней школе: проблемы и перспективы // ВО. 2005, №2, С.148-163.
4. Федеральные государственные образовательные стандарты [Электронный ресурс] URL: <https://fgos.ru/>

П.А. Мухаметов (Уфа)

УПРАВЛЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЕМ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ И ПАТРИОТИЗМА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ

В Советском Союзе, наряду с жесткой цензурой и идеологизацией всех сфер жизни общества, государство активно участвовало в военно-патриотическом воспитании советских граждан, зачастую подменяя ее милитаризацией общества. Современная геополитическая реальность диктует российскому обществу необходимость консолидации и объединения вокруг новой единой национальной идеи. Сегодня такими идеями, выступают гражданственность и патриотизм, не претендуя при этом на роль государственной идеологии (п. 2 ст. 13 Конституции Российской Федерации).

Большая роль в реализации Программы отводится молодежи, как самой активной части российского общества. Неслучайно, функции координатора по реализации Программы возложены на Федеральное агентство по делам молодежи. Выбирая свой жизненный путь, молодые люди сталкиваются с проблемой выбора будущей профессии. Гражданско-патриотическое воспитание не ограничивается только рамками дошкольного и школьного воспитания, в образовательной системе вуза оно получает новый виток развития, выступая важной и необходимой составляющей профессиональной культуры будущего специалиста во всех сферах.

Внимание исследователей гражданско-патриотического воспитания в образовательной системе высших учебных заведений сконцентрировано на проблемах управления, взаимодействия системных элементов, планировании воспитательной работы. В последнее десятилетие проблемы педагогического управления становлением гражданственности, формирования нравственно-патриотических ценностей в гражданских, военных

высших учебных заведениях и образовательных организациях МВД стали предметом диссертационных исследований И.С. Ереминой [2], М.Н. Гончарова [1], С.И. Фоменко [5], М.А. Мазур [4].

Гражданственность и патриотизм, глубокое и возвышенное чувство любви к Родине, верность Присяге сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, избранной профессии и служебному долгу – являются сегодня основополагающими нравственными ценностями службы в органах внутренних дел, основой морального духа сотрудника полиции. Патриотическое воспитание, формирующее и развивающее у сотрудников личностные качества гражданина-патриота, способного активно участвовать в укреплении и совершенствовании основ общества, высокого патриотического сознания, готовности к выполнению задач, связанных с обеспечением законности, общественного порядка, прав и законных интересов граждан, является приоритетным направлением воспитательной работы сотрудников органов внутренних дел [6, с.4].

Современный кандидат в сотрудники органов внутренних дел, абитуриент образовательной организации МВД России – представитель российской молодежи, равнодушный к судьбе своей страны, решивший связать свою жизнь со службой Родине. Готовность к служению народу и патриотизм определяется исследователями как системные социальные качества личности абитуриента или курсанта образовательных организаций МВД России [3, с.188].

Нормативно-правовой основой деятельности руководителя образовательной организации МВД России, регламентирующей вопросы организации и управления патриотическим воспитанием курсантов и слушателей, является Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 г. устанавливающий воспитание гражданственности и патриотизма как основные принципы государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования.

Особое внимание российского государства к патриотическому воспитанию своих граждан подтверждает утвержденная Постановлением Правительства Российской Федерации № 1493 от 30 декабря 2015 г. государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы» (в четвертый раз, начиная с 2001 года). План мероприятий Министерства внутренних дел Российской Федерации по реализации государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы», утвержденный в июне 2016 г. министром внутренних дел Российской Федерации, генералом полиции Российской Федерации Владимиром Александровичем Колокольцевым предусматривает основные мероприятия в области патриотического воспитания курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России. Руководство по морально-психологическому обеспечению оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Рос-

сийской Федерации, утвержденное Приказом МВД России от 11.02.2010 г. № 80 определяет патриотическое воспитание как одно из приоритетных направлений воспитательной работы, направленное на формирование у сотрудников профессиональных и нравственных качеств, обусловленных потребностями оперативно-служебной деятельности. Так, одним из предметов деятельности, закрепленным в уставе Уфимского юридического института МВД России выступает организация и проведение воспитательной работы с личным составом в духе гражданственности, государственности патриотизма, неукоснительного соблюдения законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, норм морали и профессиональной этики.

Процесс гражданско-патриотического воспитания в образовательных организациях МВД России заключается не только в овладении курсантами и слушателями основами наук, нацеленных на развитие духовно-нравственного, интеллектуального и профессионального потенциала. Большая роль отводится педагогическому управлению и организации воспитательных мероприятий, способствующих формированию позитивного отношения молодежи к службе в правоохранительных органах. Вместе с тем, к функциям руководителя образовательной организацией МВД России относится внедрение современных программ, методических подходов и технологий гражданско-патриотического воспитания личного состава.

Таким образом, управление гражданско-патриотическим воспитанием в образовательной системе вуза МВД России включает в себя решение комплекса образовательных целей и задач, направленных на создание педагогически целесообразных условий, в которых будет осуществляться воспитательная работа. Кроме того, сюда входит достижение главного результата воспитательного процесса – личностное и профессиональное развитие будущих выпускников, сотрудников органов внутренних дел, неукоснительно соблюдающих Конституцию Российской Федерации, патриотов своей Родины, верных долгу, обеспечивающих строгое и точное выполнение служебных обязанностей при любых обстоятельствах.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Гончаров М.Н. Формирование нравственно-патриотических ценностей курсантов на начальном этапе социального становления в военном вузе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Кострома, 2016.
2. Еремина И.С. Педагогическое управление становлением гражданственности будущих специалистов в образовательной системе вуза: дис. ... д-ра. пед. наук. Благовещенск, 2014.
3. Коляго П.В. Служение Отечеству и патриотизм в системе ценностей абитуриентов, поступающих в образовательные организации МВД России [Текст] / П.В. Коляго // ВКУМВДР. 2017. № 3. С. 187-190.

4. Мазур М.А. Формирование патриотической культуры у сотрудников органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2013.
5. Фоменко С.И. Патриотическое воспитание будущих офицеров в образовательном процессе военного вуза на основе системно-деятельностного подхода: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Вел. Новгород, 2016.
6. Щеглов А.В. Организация патриотического воспитания сотрудников органов внутренних дел [Электронный ресурс] : методические рекомендации / А.В. Щеглов, И.А. Кушнаренко, А.С. Эрдниев. М. : Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2014. URL: https://xn--c1abt1a.xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site112/document_file/Patriotizm_-_Metod._rek..pdf (дата обращения 25.03.2019).

А.А. Азизкулов (Самарканд, Республика Узбекистан)

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВОЕННЫХ ПОДВИГОВ МАССАГЕТОВ – КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЗМА У ШКОЛЬНИКОВ

В истории народов Центральной Азии массагеты в исторических источниках особо отмечены как народ, обладающий боевыми талантами. Геродот в своем произведении «История» подробно описал боевую храбрость массагетов проживающих в нижнем течении Амударьи.

Эти народы, проживающие в VIII–VII веках до нашей эры являющиеся предками узбекской нации занимались поливным земледелием, животноводством и ремесленничеством. У них были дружеские торговые отношения с соседними племенами и народами. Наряду с этим как отмечал Геродот, они были опытными воинами.

Внушившие ужас народам Малой и Юго-западной Азии иранские Ахемениды встретили ожесточенное сопротивление массагетов. Даже иранские войска под командованием правителя Кира потерпели поражение в бою с массагетами и погиб сам Кир. Очень редко правители Ахеменидов получали такое позорное поражение. Мужественные и храбрые массагеты давали достойный ответ подлым захватчикам. В отношении массагетов Ахемениды использовали различные интриги, описанные великим Геродотом в первой книге его «Истории». Вначале к царице Томирис посылают посла, но она отказала послам Кира. Потому что она хорошо поняла намерения Кира и это не подходило к традициям и обычаям этого мужественного народа. После этого когда Кир не достиг своего он начал свой захватнический поход. Это Геродот освещает следующим образом: «Тогда Кир, так как ему не удалось хитростью добиться цели, открыто пошел войной на массагетов» [1, с. 116].

Коварный Кир при нападении на массагетов использовал хитрость. Так

как Киру было известно о боевом мужестве массагетов, то малое войско массагетов попало в ловушку Кира. Боящиеся открытой битвы войска ахеменидов таким образом праздновали свои «победы». Получившая такую информацию царица Томирис послала к Киру своих послов. Геродот освещает это так: «А царица Томирис, узнав об участии своего войска и сына, велила отправить вестника к Киру стакими словами «Кровожадный Кир! Не кичись этим своим подвигом. Плодом виноградной лозы, которая и вас также лишает рассудка, когда вино бросается в голову и когда вы, персы, (напившись), начинаете извергать потоки недостойных речей, – вот этим-то зельем ты коварно одолел моего сына, а не силой оружия в честном бою. Так вот, послушайся теперь моего доброго совета: выдай моего сына и уходи по добру и здорову из моей земли, после того как тебя нагло удалось погубить третью часть войска массагетов. Если же ты этого не сделаешь, то клянусь тебя богом солнца, владыкой массагетов, я действительно напою тебя кровью, как бы ты ни был ненасытен» [1, с. 119]. Однако невежественный Кир не послушал царицу Томирис. Кроме этого, когда принц, сын царицы Томирис, пришел в себя и понял ситуацию, в которую попал и, не выдержав позора, покончил с собой. Эту историю Геродот излагает так: «Кир, однако, не обратил никакого внимания на слова глашатая. А сын царицы Томирис Спаргапис, когда хмель вышел у него из головы и он понял свое бедственное положение, попросил Кира освободить его от оков. Лишь тогда царевич был освобожден и мог владеть своими руками, он умертвил себя. Так он скончался» [1, с. 119].

Конечно, эта ситуация делает неотвратимой битву между двумя войсками. Исход битвы известен. Иранские Ахемениды, потрясшие и наводящие ужас, получили такое позорное поражение от массагетов. Этот мужественный и смелый подвиг массагетов на протяжении двух с половиной тысяч лет остается примером мужества и храбрости. Особое внимание уделено боевым способностям массагетов. Молодые ребята с детства изучали секреты военного искусства и обращению с оружием [1, с. 119].

Это мужество и патриотизм массагетов служит высоким примером для современной молодежи [2]. В учебниках средних школ подробно рассказывается о мужестве и отваге массагетов [3. с.99-106]. Для воспитания нашей молодежи в духе патриотизма, формировании у них исторической памяти, также в национальном осознании храбрость массагетов является прекрасным идеалом.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Геродот. История // Историки античности. М., 1989.
2. Миркарим Осим. «Тумарис». Тарихий кисса. Тошкент, 2016.
3. Тарихдан хикоялар. Тошкент, 2015.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВИМАИВВС	Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Санкт-Петербург.
АВПРИ	Архив внешней политики Российской империи. Москва.
АЗ	Археологические записки. Ростов-на-Дону.
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград – Санкт-Петербург.
ВДИ	Вестник древней истории. Москва.
ВЕ	Вестник Европы. Санкт-Петербург.
ВИ	Вопросы истории. Москва.
ВИВ	Военно-исторический вестник. Киев.
ВИЖ	Военно-исторический журнал. Москва.
ВИИАЭ	Вестник института истории, археологии, этнографии. Махачкала.
ВКУ	Вестник Кемеровского государственного университета. Кемерово.
ВКУМВДР	Вестник Краснодарского университета МВД России. Краснодар.
ВЛУ	Вісник Львівського університету. Львов.
ВНМСПВ	Вестник Научно-методического совета по природообустройству и водопользованию. Москва.
ВО	Вопросы образования. Москва.
ВС	Военный сборник. Санкт-Петербург.
ГАКК	Государственный архив Краснодарского края. Краснодар.
ГАОиОХ	Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. Иркутск.
ГАРО	Государственный архив Ростовской области. Ростов-на-Дону.
ГАСК	Государственный архив Ставропольского края. Ставрополь.
ГЮР	Гуманитарий Юга России. Ростов-на-Дону.
ДД	Донские древности. Азов.
ДЕВ	Донские епархиальные ведомости. Новочеркасск.
ДОВ	Донские областные ведомости. Новочеркасск.
ДЦС	Донская церковная старина. Новочеркасск.
ЖР	Живописная Россия. Москва.
ЗИНУ	Записки Императорского Новороссийского университета. Одесса.
ЗООИД	Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ЗРОИДП	Записки Ростовского-на-Дону общества истории, древностей и природы. Ростов-на-Дону.

ЗТОЛКС	Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ.
ИА РАН	Институт археологии Российской академии наук. Москва.
ИВУЗ КРОН	Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Ростов-на-Дону.
ИЗ	Исторические записки. Москва.
ИИМК РАН	Институт истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург.
ИиСОМ	Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар.
ИиСОМ	История и социально-образовательная мысль. Краснодар.
ИО	Историческое оружиеведение. Москва.
ИОАИЭ	Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань.
ИРАО	Известия Русского археологического общества. Санкт-Петербург.
ИСОМ	Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар.
КВВ	Кубанские войсковые ведомости. Екатеринодар.
КС	Киевская старина. Киев.
КС	Кубанский сборник. Краснодар.
КЭС	Кавказский этнографический сборник. Москва.
ЛД	Летопись Донбасу. Донецк, ДНР.
МВР	Музейный вестник Республики. Донецк, ДНР.
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва.
ОЗ	Отечественные записки. Санкт-Петербург.
ПИВШ	Преподавание истории в школе. Москва.
ПИЖ	Петербургский исторический журнал. Санкт-Петербург.
ПСЗРЛ	Полное собрание законов Российской империи
ПСС	Полное собрание сочинений
РА	Российская археология. Москва.
РГ	Российская газета. Москва.
РГАДА	Российский государственный архив древних актов. Москва.
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив. Москва.
РИ	Российская история. Москва.
РИ	Русский инвалид. Санкт-Петербург.
РИБ	Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Санкт-Петербург.
РС	Русская старина. Москва.
СА	Советская археология. Москва.
СО	Сын Отечества. Санкт-Петербург.
СОВДСК	Сборник Области войска Донского статистического комитета. Новочеркасск.

СП6В	Санкт-Петербургские ведомости. Санкт-Петербург.
СРИО	Сборник Русского исторического общества. Москва.
СС	Східний Світ. Киев.
СТТГ	Средневековые тюрко-татарские государства. Казань.
СЭПТ	Свод этнографических понятий и терминов. Москва.
УЗ КГПИ У	ченые записки Курского государственного педагогического института. Курск – Орел.
УЗ МГПИ	Ученые записки Мурманского государственного педагогического института. Мурманск.
УЗ МГУ	Учёные записки Московского государственного университета. Москва.
УТРО	Ушел тропой родного отца
ХНИНАРА	Хранилище новейшей истории Национального архива Республики Адыгея. Майкоп.
ЦДНИКК	Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Краснодар.
ЦДНИРО	Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ростов-на-Дону.
ЭВ	Эхо веков (Гасырлар авазы). Казань.
ЭО	Этнографическое обозрение. Москва.
ESSJ	European Social Science Journal. Москва.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I.

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОСЕДЛЫХ И КОЧЕВЫХ КУЛЬТУР
В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮГА РОССИИ**

- Амирханова А.К.** 5
КОЧЕВЫЕ ТРАДИЦИИ В ИСТОРИИ НОГАЙЦЕВ
(ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)
- Яровой А.В.** 11
«ГЛАВНОЮ ПРУЖИНОЮ ИХ ДЕЯНИЙ СЛУЖАТ БРАННОСТНЫЕ
ВОИНСТВЕННЫЕ УПРАЖНЕНИЯ»: ВОЕННАЯ ИГРА XVIII В. В
ОКРЕСТНОСТЯХ СТАРОЧЕРКАССКА
- Бойко А.Л., Толочко И.В.** 19
К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
НИЖНЕДОНСКИХ КАЗАЧЬИХ ГОРОДКОВ

РАЗДЕЛ II.

**ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО ЮГА РОССИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

- Матвеев О.В.** 43
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОЙ, ГОРСКОЙ И КОЧЕВЫХ КУЛЬТУР
В ИСТОРИИ КУБАНСКО-ЛАБИНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ
(НА МАТЕРИАЛАХ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ)
- Бурлака В.О.** 49
РУССКИЙ ПОСОЛ В АЗОВЕ В 1592 ГОДУ
- Евдокимов Р.Н., Юрченко И.Ю.** 53
СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕРМИНА
«КАЗАКИ» В МОСКОВСКОМ ЦАРСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ИСТОЧНИКОВ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.)
- Козлов С.С.** 58
КАЗАКИ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ
Г. НАХИЧЕВАНИ-НА-ДОНУ
- Андреев А.О.** 64
О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАХОШЕВСКОГО МЕНОВОГО ДВОРА
ГЛАВНОГО ПОПЕЧИТЕЛЯ КАВКАЗСКИХ МЕНОВЫХ СНОШЕНИЙ С
ГОРЦАМИ ЗА 1846–1853 ГГ., ПО ДОКУМЕНТАМ ГАКК (С КРАТКОЙ
АРХЕОГРАФИЕЙ ФОНДА)
- Перетягко А.Ю.** 68
ОСОБЕННОСТИ ДОНСКОЙ СТАТИСТИКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ
- Кальниченко В.Н.** 72
МИССИОНЕРСКАЯ РАБОТА ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ РАСКОЛА НА
ТЕРРИТОРИИ ДОНСКОЙ ЕПАРХИИ В 1890-1900 ГГ.
- Юрченко И.Ю.** 77
ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА КАЗАЧЕСТВА:
ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИИ
В ИСТОРИОГРАФИИ И НАУКАХ О КАЗАЧЕСТВЕ

**РАЗДЕЛ III.
ВОЙНЫ В ИСТОРИИ ЮГА РОССИИ**

- Великанов В.С.** 83
МЕРОПРИЯТИЯ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ
ЮЖНЫХ РУБЕЖЕЙ ОСЕНЬЮ 1674 Г.
- Шейхумеров А.А.** 88
О МАСШТАБАХ МОБИЛИЗАЦИОННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ
В КРЫМСКОМ ХАНСТВЕ
- Торопицын И.В.** 94
НИЗОВАЯ РАТЬ: АСТРАХАНСКИЕ СТРЕЛЬЦЫ И ЮРТОВСКИЕ ТАТАРЫ
В ВОЕННЫХ КАМПАНИЯХ РОССИИ XVII – НАЧАЛА XVIII ВВ.
- Мезенцев В.Е.** 102
ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И БОЕВЫХ ПОХОДОВ
ДОНСКИХ КАЗАКОВ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА
- Воскобойников С.В.** 109
УЧАСТИЕ ДОНСКИХ КАЗАКОВ В СРАЖЕНИИ
У КАЛИПЕТРИ 23 СЕНТЯБРЯ 1809 Г.
- Захаревич А.В.** 112
ПОХОДНЫЙ АТАМАН ДОНСКИХ ПОЛКОВ В ГРУЗИИ
В 1806–1811 ГОДАХ ПОЛКОВНИК ПЕТР ТИМОФЕЕВИЧ ДЕНИСОВ 9-й
- Венков А.В.** 118
КОННЫЕ АТАКИ 6-й ДОНСКОЙ ДИВИЗИИ В 1916 ГОДУ
- Морозова О.М.** 125
БЫВШИЕ ФРОНТОВИКИ В ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ
САМООПРЕДЕЛЕНИИ 1918-ГО ГОДА
- Исакова М.А.** 129
«ЛЕДЯНОЙ» ПОХОД В ВОСПОМИНАНИЯХ УЧАСТНИКОВ
- Хакимов Р.Ш.** 135
УРОКИ ПЕРВОЙ ЧЕЧЕНСКОЙ ВОЙНЫ(1994-1996 ГГ.):
БЕЗВОЗВРАТНЫЕ БОЕВЫЕ ПОТЕРИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ВОЙСК

**РАЗДЕЛ IV.
ВОЙНЫ В ПРОСТРАНСТВЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ**

- Егоров А.А.** 143
ГРАФ ФИЛИПП-ПОЛЬ ДЕ СЕГЮР, КАК СВИДЕТЕЛЬ СВОЕЙ ЭПОХИ
(НАПОЛЕОНОВСКИЕ ВОЙНЫ В ВОСПОМИНАНИЯХ ОДНОГО ИЗ ИХ
УЧАСТНИКОВ)
- Ковалева О.А.** 147
РУССКО-АНГЛИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНЦЕ XVIII-НАЧАЛЕ XIX ВВ.
- Подольников В.П.** 149
ВЛАСТЬ, НАРОД И АРМИЯ ВТОРОЙ ИМПЕРИИ ВО ВРЕМЯ ФРАНКО-
ПРУССКОЙ ВОЙНЫ (1870–1871 ГГ.) (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ
УЧАСТНИКОВ СОБЫТИЙ)
- Щербаков В.Ю.** 154
БУНДЕСВЕР В ПОЛИТИКЕ ПАРТИЙ ФРГ «СПРАВА ОТ ЦЕНТРА»

**РАЗДЕЛ V.
ВОЙНЫ В ИСТОРИИ ЮГА РОССИИ**

- Ильюков Л.С.** 159
К ВОПРОСУ О ВОИНСТВЕННЫХ РОКСОЛАНАХ
- Сидоров Д.С.** 164
ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ ДРЕВНОСТИ КАК ФАКТОР ОГРАБЛЕНИЯ
НЕКРОПОЛЕЙ (НА МАТЕРИАЛАХ НЕКРОПОЛЕЙ НИЖНЕ-ДОНСКИХ
ГОРОДИЩ I–III ВВ.Н. Э.)
- Зеленский Ю.В.** 167
ПОХОДЫ ДОНСКИХ ПОЛОВЦЕВ ПРОТИВ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ
- Чепига Г.Г.** 169
ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ НА ЮЖНОМ ПОГРАНИЧЬЕ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В XVI – XVII ВВ. ДОНЕЦКИЙ АСПЕКТ
- Кравченко Н.Н.** 174
РЫБОЛОВНЫЙ ПРОМЫСЕЛ, КАК ОСНОВА ХОЗЯЙСТВЕННО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ХУТОРОВ
НИЖНЕГО ДОНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

РАЗДЕЛ VI.

**ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА
ЮГЕ РОССИИ**

- Уланов М.С.** 179
ПРОБЛЕМА ВОЙНЫ И МИРА В БУДДИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ:
ТРАДИЦИОННЫЙ ВЗГЛЯД И СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
- Филипчук Д.В.** 186
КУЛЬТУРА РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА: СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИЙ
И МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ
- Скворцова Л.А.** 192
ДОНСКИЕ И ЗАПОРОЖСКИЕ КАЗАКИ:
СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
- Черницын С.В.** 196
ДИНАМИКА ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ И ЭТНИЧЕСКИЙ
СОСТАВ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА
- Тикиджьян Р.Г.** 202
КАЗАКИ-КАЛМЫКИ В ВОЙСКЕ ДОНСКОМ: СТАНОВЛЕНИЕ
ТРАДИЦИЙ И ТРАНСФОРМАЦИИ ВОЕННОЙ И СУБЭТНИЧЕСКОЙ
ГРУППЫ В КОНЦЕ XVII–НАЧАЛЕ XX ВВ.
- Стегленко Е.В.** 207
ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДОНСКИХ КАЗАКОВ
В ПУБЛИЦИСТИКЕ Е.П. САВЕЛЬЕВА
- Аверьянов А.В.** 214
ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЙ НА ДОНУ
В 1920-Е ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ ДОНСКОГО ОКРУГА)
- Айдунова Т.Ю.** 221
ПРАЗДНОВАНИЕ ПЕТРОВСКИХ ЮБИЛЕЕВ
В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

Пилипчук Л.И.	229
МЕСТО СОВЕТСКИХ МОНУМЕНТОВ В СТРУКТУРЕ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ДОНА В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)	
Годова Е.В., Чащин В.Б.	235
РУКОПАШНЫЙ БОЙ КАК ЭЛЕМЕНТ КАЗАЧЬЕГО ВОСПИТАНИЯ В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	
Богдашкин В.О.	238
ТРАДИЦИИ БОЕВЫХ СОСТЯЗАНИЙ В ПРАКТИКАХ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ КАЗАЧЕСТВА НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ	
РАЗДЕЛ VII.	
ВОЙНЫ В ИСТОРИИ ЮГА РОССИИ	
Скорик А.П.	241
ТРАДИЦИИ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПЛАТОВСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СОТНИ ЮРГПУ (НПИ)	
Брель О.Г., Гавриловец Л.В.	246
ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ КАК СРЕДСТВО ВОСПИТАНИЯ ПАТРИОТИЗМА	
Шандулин Е.В.	251
ПРОБЛЕМА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ШКОЛЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТРЕБОВАНИЙ ГИА	
Мухаметов П.А.	255
УПРАВЛЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЕМ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ И ПАТРИОТИЗМА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ	
Азизкулов А.А.	258
ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВОЕННЫХ ПОДВИГОВ МАССАГЕТОВ – КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЗМА У ШКОЛЬНИКОВ	
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	260
СОДЕРЖАНИЕ	263

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ВОЙНА И ВОИНСКИЕ ТРАДИЦИИ
В КУЛЬТУРАХ НАРОДОВ
ЮГА РОССИИ**

VIII ТОКАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы Всероссийской научно-практической конференции

**г. Ростов-на-Дону,
17-18 мая 2019 г.**

Редакторы:

А.Л. Бойко, А.В. Яровой

Верстка А.Л. Бойко

Сдано в набор XX.12.2019. Подписано в печать XX.12.2019.

Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Печать офсетная. Усл. 16 п.л.

Тираж 150 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Альтаир»:

г. Ростов-на-Дону, ул. Вавилова, 55.

Тел. 8 958- 544-59-27, 8 (863) 219-84-25.

E-mail: oooaltair_office@mail.ru.

<http://altair-rostov.ru/>